

**Анатолий ВАСИЛЕНКО
Иван ГРИШИН**

**ГЕНЕРАЛ
ИВАН ТИХОНОВИЧ
ГРИШИН**

Москва
2024

Анатолий ВАСИЛЕНКО, Иван ГРИШИН
ГЕНЕРАЛ ИВАН ТИХОНОВИЧ ГРИШИН

Человек — это микрокосмос, но не в том смысле, что он — часть природы, а в том смысле, что он — часть истории; он — краткое содержание мировой истории.
Бенедетто Кроче

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировые войны XX века подвергли испытанию на прочность отдельного человека и человечество в целом. Боевые действия охватили огромные территории, вовлекли в смертельную схватку народы, вызвали миллионные потери как среди побежденных, так и победителей. Особенно тяжкие испытания выпали на долю советских людей в годы Великой Отечественной войны. Откуда черпали они силы, чтобы победить отлаженную военную машину гитлеровской Германии? Об этом мы узнаем, в том числе, и из истории жизней советских солдат и офицеров — участников Великой Отечественной войны.

Иван Тихонович Гришин встретил вторжение немецко-фашистских войск в нашу страну, будучи командиром дивизии. Он пережил самые страшные и самые радостные моменты в истории Великой Отечественной войны, стал командующим войсками 49 армии славного Второго Белорусского фронта, добивавшего фашизм в его собственном логове. Жизнь Ивана Тихоновича вместила столько личных и общенародных событий, что охватить их все и рассказать о них в облегченной форме нам не представляется возможным. Раскрыть его внутренний мир трудно из-за практически полного отсутствия у нас его личных документов. Он не особенно уважал то, что он иронически называл «словесностью», и не оставил дневников и других письменных свидетельств, раскрывающих его мысли и чувства в разные периоды времени. Лишь в известной степени они просвечивают через официальные тексты его отдельных немногочисленных зафиксированных выступлений и воинских приказов.

Как это не покажется парадоксальным, исторические свершения и характер военачальников Красной Армии нельзя понять, если не вникать в детали происходивших боевых действий. Приходится изучать массу планов оборонительных и наступательных действий наших и противника, военную технику того времени, отчеты о количестве выкопанных траншей и оборудованных огневых точек, документы о работе тыла, приказы и телеграфные переговоры и так далее. И приглашать выборочно проделывать эту же работу читателей. Конечно, это не делает чтение книги легким, но является верным путем к пониманию всей сложности событий Великой Отечественной войны. Мы старались, насколько это возможно в популярном изложении, освещать факты научно, но не привлекая целиком громоздкий аппарат сносок.

В советской литературе некоторые авторы уделяли исключительное внимание отдельным героическим поступкам солдат и офицеров Красной Армии, тем самым фактически сводя воинское дело к героизму. Но побеждали в первую очередь тяжелым воинским трудом, который предполагал учебу и постоянное осмысление боевого опыта. Мы стремились показать, как на протяжении всей войны овладевал всеми сторонами военного дела Иван Тихонович Гришин, с какими проблемами и препятствиями сталкивались наши воины, как они преодолевали их благодаря возрастающему мастерству. Мы не скрывали тех неудач, которые приходилось испытывать нашим войскам и их командирам.

Эта книга написана не только чтобы отдать должное поколению, отстаившему независимость нашей страны в борьбе с иноземными захватчиками. Это еще и осуждение войны как феномена, от которого человечество должно избавиться. Ведь это отрыв человека от производительного труда, разрушения, кровь, страдания, слезы, преждевременные смерти миллионов людей.

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Иван Тихонович Гришин, как и большинство начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, происходил из крестьян. Писатель Василий Немирович-Данченко зафиксировал мнение солдат дореволюционной России о крестьянском происхождении героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов генерала Скобелева. Писатель спросил рядовых солдат, с которыми Михаил Дмитриевич в походе шел пешком, о чем он с ними говорил.

«Орел! – ответил один из них, – Только как это он солдатскую душу понимать может – чудесно... Точно свой брат... У одного спрашивает – когда офицером будешь? Тот, известно, смеется... Николи, ваше-ство, не буду. Ну и плохой солдат, значит... Вот мой дед, точно такой же мужик был, как и ты, как и ты, на сдаточных... Землю пахал, а потом генералом стал!»

Другой солдат добавил:

«Он самого правильного, как есть мужицкого природу!... Из наших, брат, тоже настоящие выходят. За ним – как у Христа за пазухой».

Как увидит читатель, те же мысли, но другими словами, высказывали бойцы Красной Армии, говоря об Иване Тихоновиче Гришине.

Он родился в селе Внуковичи Гореновской волости Смоленской губернии 3 декабря 1901 года по старому стилю. На следующий день священник церкви Рождества Богородицы села Ладьино крестил его и сделал следующую запись в метрической книге:

Имя – Иоанн. Родители: Гореновской волости деревни Внукович крестьянин Тихон Евсигнеев и законная жена его Наталия Кондратова; оба – православного вероисповедания.

Священник имел возможность выбрать имя для новорожденного в святцах в честь трех святых: Преподобного Иоанна молчальника, бывшего епископа Колонийского, память которого отмечается православной церковью 3 декабря по старому стилю или в честь учителя Православия Иоанна Дамаскина и священномученика пресвитера Иоанна, в святцах помещенных на 4 декабря. Однако и в том, и другом случае Иван Тихонович обрел небесного покровителя в лице высокочтимого христианского подвижника.

В церковной метрической записи не указывается фамилия родителей ребенка. Вообще, до реформы 1861 года значительная часть крестьянского сословия в Российской империи не имела фамилий. Только после Указа Сената от 6 сентября 1888 года пошло повсеместное «офамиливание» подданных государства. В Указе, в частности, предписывалось:

«Именоваться определенной фамилией составляет не только право, но и обязанность всякого полноправного лица, и означение фамилий на некоторых документах требуется самим законом».

Тогда в массовом порядке стали превращать в фамилии уличные прозвища, крестильные имена родителей или дедов и даже приписывать бывшим крепостным крестьянам фамилии их бывших помещиков.

Гришин образовано от уменьшительной формы крестильного имени «Григорий». Благодаря тому, что в Смоленском областном архиве сохранились данные ревизских сказок XIX века, метрических книг и сельскохозяйственной переписи 1917 года есть возможность проследить предка Ивана Тихоновича, от которого пошла его фамилия. Отец – Тихон Евсигнеев (родился в 1880–1882 гг.), дед Евсигней Арсентьев (родился 3 августа по старому стилю 1846 г.), прадед Арсений Григорьев (родился в 1820–1821 гг.), наконец, прапрадед Григорий Алексеев (родился в 1790–1792 гг.). Таким образом, по прапрадеду записали официальную фамилию Ивана Тихоновича.

Известная загадка и в том, как определить то, что называлось в Российской империи, «племенным происхождением» жителей Рославльского уезда Смоленской губернии. Вышеупомянутый диакон Иаков Селезнев утверждал:

«Состав населения в приходе исключительно белорусы».

И в «Краткой географии Смоленской губернии, изданной в 1907 году, Иван Иванович Орловский писал:

«...Жители – белорусы».

В сельскохозяйственной переписи 1917 года национальность Евсигнея Арсентьевича определена как «великорус». Иван Тихонович в анкетах писал, что он – «русский». Некоторый свет на эту разногласицу проливают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи конца XIX века. В них дается следующее разъяснение:

«В 60-е годы на Смоленскую губернию смотрели как на белорусскую, определяя количество белорусского населения в 46,6%, тогда как теперь оно достигает только 6,6 % ... Такую большую разницу можно объяснить тем, что народность переписью определялась по родному языку, русский же язык распространяется среди белорусов очень быстро, и хотя произношение большинства населения губернии указывает на принадлежность его к белорусскому племени, но вследствие показания их родным языком – русского, оно было причислено к великоросскому племени».

И в Инструкции по проведению всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года также предписывалось:

«В качестве общего признака, определяющего принадлежность к национальности, принимается родной язык».

Если есть вероятность, что предки Ивана Тихоновича – обрусевшие белорусы, то следует привести описание этой братской народности, жившей на территории Смоленщины, которое дал Иван Иванович Орловский в работе «Краткая биография Смоленской губернии». Оно объясняет, в частности, и причину быстрого перехода белорусов на русский язык:

«Белорусы роста среднего, имеют светлый цвет кожи, преимущественно русый цвет волос и голубые или серые глаза. При кротком взгляде глаз, черты его отличаются мягкостью и тонкостью, особенно у женщин; и это вполне гармонирует с несколько хрупким телосложением белоруса. Вообще, белорусы, по признанию ученых, представляют собой более чистый славянский тип, чем великороссы и малороссы, так как белорусы всегда жили уединенно, не смешивались с инородцами и не подвергались завоеванию со стороны неславянского племени. Это видно и из языка белорусов, который представляет собою сохранившийся почти в

первоначальной чистоте тот язык, на котором говорили древние кривичи и дреговичи, предки белорусов, и на котором написаны летописи и акты Западного края от XIII до XVI века. Предки смоленских белорусов, кривичи, были самым большим и сильным из славяно-русских племен, легших в основу великой русской народности».

Социальная принадлежность Ивана Тихоновича, указанная в анкетах, — «крестьянин-бедняк». Опять ж есть возможность по документам проследить бедняцкое жите-бытье большой семьи Григория Алексея, начиная с реформы 1861 года. Они являлись крепостными крестьянами мелкопоместных дворян Семичевых. Этот древний многочисленный род внесен во вторую книгу военного дворянства Рославльского уезда. Обычно его представители занимали средний статус в чиновничьей и военной иерархии Российской империи. Последний владелец части селения Внуковичей Степан Иванович Семичев дослужился до штабс-капитана, а его сын Василий Степанович до инженера генерал-майора.

Благодаря журналам Рославльского уездного собрания, материалам, собранным И. И. Орловским, литературным источникам мы можем в общих чертах представить жизнь крестьянских семей, подобных семье Евсигнея Арсентьева Гришина, в ее темных и светлых сторонах.

В 1972 году Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, будучи тогда редактором журнала «Отечественные записки», попросил Александра Николаевича Энгельгардта, бывшего гвардейского офицера, высланного в Смоленскую губернию в родовое имение Батищево Дорогобужского уезда, «изобразить современное положение помещичьего и крестьянского хозяйства». В первом же письме, напечатанном в журнале, А. Н. Энгельгардт сообщает:

«В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови...»

В 1905 году съезд земства Рославльского уезда констатировал:
«Крестьянин не всегда имеет возможность свести концы с концами...»

Иван Твардовский, брат знаменитого смоленского поэта Александра Твардовского, в произведении «Родина и чужбина» вспоминает:

«Отец целиком посвятил себя ведению хозяйства с земли — хотел испытать счастье земледельца — энергией и смекалкой окуль-

турить свое «имение» и обеспечить достаток семьи. В отличие от его отца, безземельного пришлого бобыля, у него было право на землю, пусть малоудобную, кислую, но всё же способную родить хлеб, картошку. В занятиях сельским хозяйством случались у отца удачи, больше, пожалуй, было неудач. Семья еле сводила концы с концами: изнурительный труд на пашне в мелких болотцах, замшелых березничках, кочковатых полянках не вознаграждался желанным урожаем. На отвоеванных у кустарников нивах озимые подопревали, и их нередко приходилось пересевать яровыми».

Уже упоминавшийся дьякон Иаков Селезнев так описывал «экономiku» прихода села Лодыжино:

«Род занятий прихожан лишь только в земледелии. Кустарных промыслов в приходе не замечается, если не считать производства деревянных борон в небольшом количестве. Отходных промыслов, торговых предприятий, фабрик и заводов в приходе нет, остается одно занятие земледелие, но так как у крестьян ощущается недостаток в земле и купить ее у нас почти невозможно (не у кого), то житье их незавидное, но нищенства и побродяжничества не замечается. Особых заразных болезней нет, народ вполне здоровый и бодрый».

Иаков Селезнев подчеркивает очень важный момент, характеризующий нравственный облик смоленского бедняка: «незавидная жизнь» не порождает нищих. А. Н. Энгельгардт описал выработанный общинным крестьянством механизм взаимопомощи, который позволял, сохраняя достоинство, обращаться за помощью друг к другу в трудные моменты. Назывался этот способ взаимной поддержки «идти в кусочки».

«В нынешнем году (1872 — прим. ред.), — сообщал читателям «Отечественных записок» Александр Николаевич, — у нас полнейший неурожай на все: рожь уродилась плохо и переполнена была метлой, костером, сивцом: яровое совсем пропало, так что большею частью только семена вернули; корму вследствие неурожая яровой соломы и плохого урожая трав от бездождия — мало, а это самое трудное для крестьян, потому что при недостатке хлеба самому в миру можно еще прокормиться кое-как кусочками, а лошадь в мир не пошлешь... В нынешнем году пошли в кусочки не только дети, бабы, старики, старухи, молодые парни и девки, но и многие хозяева. Есть нечего дома, — понимаете ли вы это? Сегодня съели последнюю ковригу, от которой вчера подавали

кусочки побирающимся, съели и пошли в мир. Хлеба нет, работы нет, каждый и рад бы работать, просто из-за хлеба работать, рад бы, да нет работы. Понимаете, нет работы. «Побирающийся кусочками» и «нищий» — это два совершенно разных типа просящих милостыню. Нищий — это специалист просить милостыню — это его ремесло. Он, большею частью, не имеет ни двора, ни собственности, ни хозяйства, и вечно странствует с места на место, собирая хлеб, и яйца, и деньги. Нищий все собранное натурой — хлеб, яйца, муку и пр. — продает, превращает в деньги. Нищий, большею частью калека, больной, неспособный к работе человек, немощный старик, дурачок. Нищий одет в лохмотья, просит милостыню громко, иногда даже назойливо, своего ремесла не стыдится. Нищий — божий человек. Нищий по мужикам редко ходит: он трется больше около купцов и господ, ходит по городам, большим селам, ярмаркам. У нас настоящие нищие встречаются редко — взять им нечего. Совершенно иное побирающийся «кусочками». Это крестьянин из окрестностей. Предложите ему работу, и он тотчас же возьмется за нее и не будет более ходить по кусочкам. Побирающийся кусочками одет, как и всякий крестьянин, иногда даже в новом армяке, только холщевая сума через плечо; соседний же крестьянин и сумы не одевает — ему совестно, а приходится так, как будто случайно без дела зашел, как будто погреться, и хозяйка, шадя его стыдливость, подает ему незаметно, как будто невзначай, или, если в обеденное время пришел, приглашает сесть за стол; в этом отношении мужик удивительно деликатен, потому что знает, — может, и самому придется идти в кусочки. От сумы и от тюрьмы не отказывайся. Побирающийся кусочками стыдится просить и, входя в избу, перекрестившись, молча стоит у порога, проговорив обыкновенно про себя, шопотом «подайте, Христа ради». Никто не обращает внимания на вошедшего, все делают свое дело или разговаривают, смеются, как будто никто не вошел. Только хозяйка идет к столу, берет маленький кусочек хлеба, от 2 до 5 квадратных вершков, и подает. Кусочек подают всем одинаковой величины — если в 2 вершка, то и всем в 2 вершка; если пришли вдвое за раз (побирающиеся кусочками ходят большею частью парами), то хозяйка спрашивает: «вместе собираете?»; если вместе то дает кусочек в 4 вершка; если отдельно, то режет кусочек пополам.

У побирающихся кусочками есть двор, хозяйство, лошади, коровы, овцы, у его бабы есть наряды — у него только нет в данную

минуту хлеба, когда в будущем году у него будет хлеб, то он не только не пойдет побираться, но сам будет подавать кусочки, да и теперь, если, перебившись с помощью собранных кусочков, он найдет работу, заработает денег и купит хлеба, то будет сам подавать кусочки».

А. Н. Энгельгардт подчеркивает великую силу взаимной поддержки в быту смоленского крестьянства:

«Нет хлеба — в миру прокормиться можно кое-как до весны. С голоду никто не помирает, благодаря этой взаимопомощи кусочками. «Были худые годы, — говорила мне нынешней осенью одна баба, у которой в октябре уже не была хлеба, — думали все с голоду помрем, а вот не померли; даст Бог и нынче не помрем. С голоду никто не умирает».

Способность русского крестьянства, передаваемая из поколения в поколение, — сплачиваться в трудную минуту, проявлять высокие нравственные качества, с особой силой проявилась в Великой Отечественной войне. Но и еще при жизни семьи Григория Алексеева она нашла художественное воплощение в романе Льва Николаевича Толстого «Война и мир», законченного в 1869 году. В нем писатель создал образы русских солдат из крестьянского сословия, которые в бою и бедах выказывали особенную духовную силу. Платон Каратаев, попав в плен, как только может, помогает остальным, будь то свой брат крестьянин или барин. Он «пек, варил, шил, строгал, тачал сапоги». И «жизнь его, как он, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл как частица целого, которое он постоянно чувствовал».

Имея в виду, в частности, и эту особенность крестьянства, Л. Н. Толстой предложил учитывать в военной науке дух войска как важную составляющую победы.

С помощью этого понятия он рассматривал конкретные вопросы ведения военных действий, например, поведения при наступлении и отступлении:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа. Для того, чтобы вести людей под ядра, нужно больше дисциплины, достигаемой только движением в массах, чем для того, чтобы отбиваться от нападающих».

Английский фельдмаршал Монтгомери, с войсками которого 49-я армия встретилась в 1945 году на Эльбе, предложил свою трактовку этого нематериального элемента сражения. Он заявлял:

«Битвы выигрываются в первую очередь в сердцах людей. Армия — это не просто собрание индивидов с таким-то количеством танков и пушек, ее сила в массе всего этого. Действительная сила армии должна быть гораздо больше, чем сумма ее частей; эта сверхсила обеспечивается ее моралью, бойцовским духом, взаимным доверием между начальником и подчиненными (особенно между полевыми командирами и высшими офицерами) и многими другими духовными факторами».

«Дисциплина и товарищество имеют решающее значение, — утверждал Монтгомери. — Зачем солдат оставит оберегающие его траншею или окоп, если ждет его огонь и пуля? А потому, что впереди командир и товарищи вокруг него. Усталость, страх, давление обстоятельств, лишения, возможность быть раненым или погибнуть — все это преодолевает человек, если у него твердое сердце, знание того, за что он сражается, уверенность в своих командирах и товарищах...»

Быт деревни вырабатывал не только сплоченность ее жителей перед лицом общей беды, но и черты характера, необходимые в упорном труде и смертельном бою. Монтгомери считал, что одной из черт офицера должна быть стойкость:

«Я извлек из моего опыта вывод, что командир должен быть выносливым, чтобы противостоять ударам войны... Возможно, стойкость (toughness) — лучшее слово для определения этого свойства».

Крестьянский труд начинался с самого раннего детства и совершенствовал эту способность. Вот как выдающийся знаток духовной и материальной культуры русского народа Сергей Васильевич Максимов описывал трудовую закалку обычного сельского жителя:

«В деревнях детей не нежат, долго не балуют. Поднялся ребенок на ноги, стал твердо ходить и толково все понимать, — его сейчас за работу. За грамоту не сажают, а начинают приучать к хозяйству. Сначала работы полегче: лошадку попоить, пособить запрячь ее, в поле угнать, там посторожить ночью, днем домой привести. Потом работы потруднее и настоящие. Отец пройдет с тяжелой сохой по полю, приготавливая из земли твердой годную

под посев — мальчик на той же хохлатой лошадке проедет по тому же полю с легонькой бороной и деревянными зубьями ее разобьет комья земли в мягкий пух, где потом будет так хорошо лежать хлебному зерну, расти на теплых дождях и зреть и спеть на пригреве жаркого солнышка.

Прибавится хлебному едоку от ржаного хлеба новой силы, научится он ладить с тяжелым хомутом и упругой дугой, научится запрягать лошадей, есть за троих — от бороны переводят его сохе и молотье хлеба. Дадут ему в руки косу — траву косить или грабли — метать стога, приставят и к другим тяжелым работам. В крестьянской семье будь хоть четверо сыновей — всем будет дело, и всякий нужен, и сидеть без работы каждому будет и грешно совестно. Крестьянская жизнь бедная, тяжелая, день полежать — три потерять. Только тот, кто поработал, имеет право поесть».

С. В. Максимов высоко ставил эту трудовую выучку крестьянина. Он писал:

«Истинный труд только там, где человек добывает хлеб в поте лица, а не там, где стараются обогатиться внезапно и без труда. Да и спасибо русской зиме и стуже: они, по пословице, подживляют ноги. Делается из русского человека самый выносливый и самый трудолюбивый».

Вывод о том, что крестьяне приспособлены к солдатской службе, сделал в своей работе «Военно-статистическое описание Смоленской, Тверской и Калужской губерний, изданной в Смоленске в 1904 году, офицер Генерального штаба Юргенс. Он так описывал новобранцев из Рославльского уезда:

«Большая часть новобранцев состоит из людей здоровых, рослых, круглолицых и нередко красивых. Все они являются из тех участков, где население занимается исключительно земледелием или такими промыслами, которые, хотя и требуют довольно сильного физического напряжения, но при условии движения и достаточного пребывания на свежем воздухе».

Иван Тихонович учился в земском одноклассном училище в селе Юрьево. Есть описание этого учебного заведения от 1915 года. Здание деревянное, имелась библиотека и общежитие. Занятия вели две учительницы и один преподаватель Закона Божьего. Учились 69 мальчиков и 40 девочек.

Курс обучения с 1907 года имел длительность четыре года. Основными предметами являлись русский язык и арифметика.

Чему мог научиться в деревенском училище будущий командарм? Чтобы ответить на этот вопрос, во-первых, надо иметь в виду ту высокую оценку, которую давал сельским детям Смоленской губернии А. Н. Энгельгардт:

«Крестьянские дети считают гораздо лучше, чем господские дети. Сообразительность, память, глазомер, слух, обоняние развиты у них неизмеримо выше, чем у наших детей, так что, видя нашего ребенка, особенно городского, среди крестьянских детей, можно подумать, что у него нет ни ушей, ни глаз, ни ног, ни рук».

И еще:

«Но что меня больше всего поражает, это необыкновенная память у крестьян».

Во-вторых, учащиеся в качестве основного пособия использовали книгу Василия Порфирьевича Вахтерова «Мир в рассказах для детей». Он работал на Смоленщине сначала учителем, а затем инспектором народных училищ с 1875 по 1890 год.

В. П. Вахтеров стремился природные задатки крестьянских детей развить на основе предметного обучения. «Наша задача в настоящее время, — говорил он, — не в том, чтобы нанизывать рассуждения одно на другое для вывода целого ряда последствий из какого-нибудь отвлеченного положения, а в том, чтобы наша мысль была в постоянном соприкосновении с фактами, с действительной жизнью детей».

И еще одна важная установка автора «Мир в рассказах для детей»:

«Учитель должен думать не только о настоящем, но еще и о будущем. Надо еще дать нашим детям двигатель, который бы и по выходе их из школы наталкивал их на наблюдения. Предметное обучение может не только развить наблюдательность, но и хорошо направить ее, обратив ее в пытливую любознательность. Надо любить, надо привыкнуть к наблюдениям, надо, чтобы сама любознательность будила самопроизвольное внимание к явлениям внешнего мира, направляла наш глаз, наше осязание, наш слух к наблюдениям природы и жизни. Надо, чтобы и по выходе из школы наш ученик не проходил бы мимо обыденных явлений, не останавливаясь на них и не вдумываясь в них. И эту задачу тоже может и должна в известной мере взять на себя школа».

В. П. Вахтеров ввел в учебный процесс проведение опытов и, как писал один из учителей, сделал их «таким же необходимым пособием, как глобус или географическая карта».

Книга В. П. Вахтерова воспитывала любовь к труду как необходимому условию становления личности. Дети учили следующее стихотворение из учебника:

Слава труду,
Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду.

О том, что выносили крестьянские дети из земской школы на Смоленщине, довольно обстоятельно написал известный поэт XX века современник командарма Ивана Гришина Михаил Исаковский в произведении «На Ельнинской земле. Автобиографические страницы».

«Сельская четырехклассная школа, — вспоминал поэт на закате жизни, — как известно, давала своим питомцам лишь самые первоначальные знания. Но для меня — да и не только для меня — это значило очень многое. Все, чему меня научила школа, перевернуло мое представление о жизни».

Особо упомянута книга «Мир в рассказах для детей»:

«Из всех учебников, которыми мы пользовались в школе, мне больше всего нравилась хрестоматия, составленная В. Вахтеровым. Это довольно внушительная, толстая книга выдавалась нам на два года, т.е. мы начинали проходить ее в третьем классе, а заканчивали в четвертом, выпускном....»

По хрестоматии Вахтерова я впервые познакомился не только с произведениями литературы, не только с некоторыми историческими событиями, не только с Украиной, Кавказом и другими краями и областями, входившими тогда в состав Российской империи. В ней были рассказы о жизни птиц и зверей, о реках и лесах и т.п.

Все из той же хрестоматии я узнал, как была изобретена паровая машина, как был изобретен громоотвод и многое другое. Но самое большое впечатление произвел на меня рассказ о М. В. Ломоносове. Судьба Ломоносова, вышедшего из мужиков и ставшего великим ученым и поэтом, очень меня волновала. Она даже

как бы подсказывала мне, что и я могу сделать нечто подобное тому, что сделал Ломоносов».

Предметный метод обучения способствовал развитию интуиции. К глазомеру крестьянских детей, фиксируя вначале лишь физическое пространство и время, добавлялись в процессе обучения предпосылки того, что прусский военный теоретик Карл фон Клаузевиц называл «духовным оком». Вот что он говорил о значении интуиции для командного состава;

«Война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война — область недостоверного, три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, а следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется, прежде всего, тонкий, гибкий, пронизательный ум».

Мы можем с большой долей вероятности предположить, что крестьянский быт и земская школа положили начало формированию основ полководческих способностей Ивана Тихоновича Гришина.

В 1914 году он окончил школу. Началась Первая мировая война. Отца взяли в армию, и Иван Тихонович вместе с дедушкой Евсигнеем сделался основной мужской рабочей силой в хозяйстве. Три сына Евсигнея вместе со снохами и двумя внуками 22 и 18 лет, как следует из сельскохозяйственной переписи 1917 года, работали кто на шахте, кто на руднике, кто на заводе, кто служил на железной дороге.

В анкете отмечено участие в сельскохозяйственных работах деда и внука: Евсигней Арсентьев в 70 лет косил и убирал урожай, Иван Тихонович, начиная с 14 лет — наряду с этим еще и пахал. Перепись проводилась летом. В анкете зафиксированы в основном посевные работы. В 1917 году дед и внук, возможно с помощью других родственников, если те трудились на заводах поблизости: засеяли почти 2 гектара рожью, около 1 гектара ячменем, почти полтора гектара овсом, почти 1 гектар гречихой. Сравнительно небольшие площади занимали посевы картофеля, льна, конопли и однолетних трав. Из сельскохозяйственного инвентаря имелись лишь соха да борона. В хозяйстве насчитывалось 13 голов скота: 2 лошади, 1 корова и 1 теленок, 8 овец и 1 свинья.

Как видим, трудиться приходилось юноше много, и физически он был вполне подготовлен к несению воинской службы.

Глава II

НЕПРОСТЫЕ ГОДЫ ОВЛАДЕНИЯ ВОИНСКОЙ ПРОФЕССИЕЙ

10 июля 1920 года Рославльский военкомат мобилизовал Ивана Гришина на военную службу в 16-й стрелковый запасной полк, квартировавший в городе Дорогобуже. В это время прибыли в полк представители Главного Управления военно-учебных заведений Рабоче-крестьянской Красной армии (ГУВУЗА) для отбора из призывников кандидатов на пехотные курсы.

Еще в середине 1918 года народный комиссар по военным делам Лев Троцкий подписал указ о подготовке красных командиров из красноармейцев воинских частей из расчета 3 человека из 100. Попасть на эти курсы означало первый шаг в военной карьере и высоко ценилось. Агитационные плакаты призывали: «Раньше здесь учились сынки буржуазии — теперь идите вы, рабочие и крестьяне, на командные курсы!» В том же году, когда Ивана Гришина призвали в армию, вышла брошюра ГУВУЗА, в которой приводились слова «всесоюзного старосты» — выходца из крестьян — М. И. Калинина о том, что командные курсы — «лучшая страница в летописях русской революции», так как они «показали себя могучим оплотом революции. Они сыграли решающую роль в деле подавления первого предательского нападения на Советскую власть (левоэсэровского мятежа). Черная сотня прозвала рабоче-крестьянских курсантов «ленинскими юнкерами».

При отборе кандидатов на курсы представители ГУВУЗА учитывали, конечно, социальное происхождение Ивана Гришина, то, что он из бедных крестьян. Однако, поскольку на командных должностях в это время преобладали офицеры прежней кадровой армии, то не в меньшей степени они учитывали общую пригодность кандидата для службы в стрелковых войсках. От призывни-

ков, направляемых в пехоту, требовалось быть ловким, сильным, выносливым, иметь обязательно крепкие нервы, острое зрение и хороший слух.

По всем показателям красноармеец 3-й роты Иван Гришин подошел, и 11 сентября 1920 года последовал приказ о назначении его на полковые курсы. 14-го сентября он вместе с группой других кандидатов отправился на 18-е Калужские пехотные командные курсы.

Как утверждалось в вышеприведенной брошюре ГУВУЗА, как правило, «во главе курсов ставилось лицо, обладающее достаточным боевым и строевым опытом. Во главе учебной части ставилось лицо с высшим военно-академическим образованием, преимущественно генерального штаба; из них предпочтение отдавалось лицам, имеющим педагогический стаж».

И в решениях педагогического комитета 18-х Калужских курсов встречаются такие рекомендации: «привлечение лучших преподавателей и научных сил является крайне желательным». Например, преподавателем русского языка являлся профессор Московского археологического института Ярошевский. Уроки по тактике вел бывший офицер царской армии Войдаков Алексей Андреевич.

Учебная программа включала ряд общеобразовательных дисциплин – арифметику, географию, природоведение, геометрию, русский язык, в ходе преподавания которого вменялось «дать курсантам элементарное понятие о пролетарской поэзии». По военному делу слушатели курсов изучали фортификацию, тактику, стрелковое дело, уставы и топографию.

Ивана Гришина вначале зачислили в подготовительный класс на 11-е отделение. Трудности, которые преодолевали преподаватели в ходе обучения курсантов, зафиксированы в ряде протоколов педагогического комитета. Вот один из них:

«Уровень развития курсантов элементарный. Как на основу, можно опереться на обладание элементарным письмом (пишут медленно и с ошибками) и на знание ими арифметических действий над целыми числами. Сведения о дробях имеются у немногих. Употребление букв, формул, переход к алгебре, ее начала им неизвестны. Также неизвестны геометрические понятия. Учебников физики на руках у курсантов не имеется, приходится самое необходимое конспектировать и диктовать им или писать на

доске. Запись диктуемого и даже списывание с доски делаются курсантами, благодаря малой подготовленности, медленно, часто с извращениями и неправильно. Кроме того, замедляет письмо низкая температура в классах и мешает делу нехватка бумаги и карандашей».

Преподаватели русского языка приспособивались к уровню слушателей, давая им «самые элементарные правила» грамматики, делали упор на чтение в классе и устный пересказ, на проверочные диктанты.

Мало учебников имелось по тактике, топографии, артиллерии, стрелковому делу, и преподавателям приходилось составлять по этим предметам конспекты.

К тому же, курсанты имели разные мотивации. Некоторые и не стремились стать военными, хотели получить образование в армии с тем, чтобы лучше устроиться после службы в гражданской жизни. Поэтому в приказах по курсам часто упоминаются «самоволки», непосещение занятий. Попадали в военные заведения и вовсе случайные люди. Материалы товарищеских судов свидетельствуют о том, что в быту имели место кражи продуктов, спальных принадлежностей, обмундирования, ботинок. Виновных часто не обнаруживали. А если находили, то попадало и потерпевшему за потерю бдительности. Например, в материалах товарищеского суда от 31 января 1921 года описан такой случай:

«Подсудимый курсант Кудыкин (19 лет) положил под свою койку выданную ему во времени пользования наволочку, не приняв достаточно мер к ее хранению, вследствие чего была пропажа означенной наволочки. На судебном заседании Кудыкин признал себя виновным. Суд решил: лишить свободы в виде ареста при караульном помещении курсов сроком на 5 суток и взыскать пятикратную от 6 декабря 1920 года (курс рубля быстро менялся — ред.) стоимость утраченной наволочки».

Но в основном командование курсов вызвало к сознанию слушателей, стремилось воспитать у них чувство достоинства, уважение к званию красного командира. Приведем для примера два приказа, в сущности направленных на искоренение повседневных недостатков в учебе и жизни курсантов. По форме это практически агитационные листовки или лекции. Мы не производим правку оригинального текста.

Приказ от 17 марта 1921 года.

«Товарищи курсанты!

Революция наша, как очаг всемирной пролетарской революции и Рабоче-Крестьянской власти в России в опасности. Агенты капиталистического мира Франции, Англии, Америки и Польши во всех уголках Республики стараются на почве голода и надвигающейся на нас хозяйственной разрухи поднять восстание среди измученной и изголодавшейся массы рабочих и крестьян в течение четырех лет империалистической и четырех лет гражданской войны, чтобы этим восстанием положить конец существованию власти, добытой тысячами жертв наших братьев, рабочих и крестьян.

И в этот тревожный момент, когда вы, как авангард пролетарской революции, как часовой и преданный сын делу рабочих и крестьян должен стать на страже. Убегаете с курсов, совершенно не хотите посещать классовых занятий, совершенно мертво смотрите на дело нахождения на курсах, на дело нашего же просвещения. Позорно унижаете наши красные боевые курсы, которые на деле доказали что они действительно борцы за свободу. ПРИЗЫВАЕМ Вас тесно сплотиться, аккуратно исполнять то дело, к которому Вы призваны, так как наша КРАСНАЯ АРМИЯ, как гордость всех армий капиталистического мира ждет Вас, Вас — своих пролетарских командиров; самообразовывайте себя, помните, что здесь Вы можете получить знание, только здесь Вы можете получить здоровый взгляд на дело. И с этой мыслью мы скорее выйдем из того положения, в котором очутились и Ваши семьи. Наша задача, как будущих краскомов, разбить гидру контрреволюции, как внутри, так и извне. И тогда мы сможем скорее разбить ту разруху голода, которая на нас надвигается. Не поддавайтесь никакой гнусной агитации прислужников капитала, помните, что, если Ваша власть не удовлетворяет Вас в полной мере сегодня, так завтра Вы получите все. И так, долой спячку, долой разгильдяйство, долой невежество и темноту, — да здравствует единая крепко дисциплинированная Красная Армия! Все — в учебную часть, все — в Культпросвет, ни шагу с курсов! Да здравствует сознательный воин революции — Красный командир!»

Второй приказ от 25 октября 1921 года.

«Товарищи курсанты!

7 ноября мы будем праздновать четырехлетие Российской Октябрьской Пролетарской Революции. 7 ноября мы будем праздновать революционный день освобождения рабочих и крестьян России от векового гнета капитала. 7 ноября мы будем праздновать революционный день, день захвата рабочим классом политически-экономической власти Российской буржуа для создания пролетарского государства и новой жизни, построенной на началах свободы, равенства и братства. 7 ноября мы будем праздновать итоги тому, что сделано Революционным Пролетариатом за четырехлетнее свое господство для укрепления своего положения.

Этот день товарищи курсанты должны встретить не так, как встретили его в период кровавой схватки с внутренней и международной буржуазией в 18, 19, 20 году на фронтах в период разрушения старого мира, а мы должны встретить его при мирной созидательной хозяйственной жизни Советской Республики.

Товарищи курсанты, до октября 1917 года русская буржуазия имела все, она владела природным богатством, землями, фабриками, заводами, наукой и военной армией рабочих и крестьян, которые слепо разрушали господство капитала.

Рабочий же класс России и крестьянство, кроме пары мозолистых рук, ничего не имели.

Для лучшего управления и эксплуатации многомиллионная масса трудового народа содержалась буржуазией в тесноте и невежестве. Трудовому народу невмоготу был существующий буржуазный строй. Рабочий класс из-за куска хлеба умирал на фабрике и заводе, крестьянин умирал без лошади на аршине имеющейся у него земли. Солдат умирал на войне и перерождался в казарме из человека в автомата, исполняющий беспрекословно приказания начальства.

Могучая рука труда всеми силами старалась подорвать господствующий буржуазный строй. Рабочие восставали и портили машины, крестьяне жгли помещичьи имения, солдаты на войне портили все, попадающее им под руку. И имеющееся на руках как обмундирование, так и снаряжение и вооружение. Ненавидели и

всеми мерами разрушали казармы, считая все казенным, т.е. буржуазным.

Это было до октября 1917 года. В октябре рабочие и крестьяне смели до основания буржуазный строй, на развалинах разрушенного заложили фундамент нового царства, царства труда.

Как политическая, так и экономическая власть России очутилась в это время в руках трудящихся. Для ограждения своего господства от предсмертных натисков внутренней и международной буржуазии пролетариат России создал свою Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Красная армия с оружием в руках с начала своего существования до настоящего момента свято охраняла на всех фронтах и охраняет интересы трудящихся во имя освобождения всего человечества.

С первых дней революции рабочие и крестьяне в душе сознали свое назначение, но привычки разрушения у них остались старые. Они душевно борются за свое господство, но все четыре года смотрят на все окружающее их, как ненавистное им. Старая муштра буржуазии, старая отсталость и невежество остались с ними.

Дальше так существовать невозможно. Этому должен быть положен конец. Довольно нам одной рукой создавать, а другой разрушать. Довольно нам по-казенному относиться к делу. За свое освобождение мы заплатили тысячами жизней трудового народа. За свое право владеть всем мы отдали все. Все окружающее нас — это наше, а раз оно наше, так мы должны честно, хозяйственно хранить его, созидать и усовершенствовать.

Только при полном экономическом совершенстве мы можем добиться желаемых целей, то есть, царства социализма. Если этого мы, трудовая масса, не поймем, если этого мы не учтем, то труды наши и жертвы павших за это дело отодвинут нас от нас желанные цели, и нищета будет продолжать давить на нас.

Вы курсанты, как передовая организационная часть мощи республики Красной армии (будущие красные командиры), шедшие везде вперед, должны первые осознать это. Должны первые провести вышеуказанное понимание в жизнь. Если есть у вас сапоги, шинель, рубаха, брюки, винтовка, то они не казенные, а ваши, народные. Лишняя испорченная винтовка, разорванная шинель и брюки заставляют Советскую Республику в ущерб других работ содержать лишнюю фабрику, завод, рабочие руки и продовольствие в то время, когда все это могло бы пойти на другое дело,

дело помощи хозяйству Республики, а, следовательно, и вашему крестьянскому хозяйству и вашим родным в виде ситца и сапог.

Советской Республике для окончательной победы капитала и для своего совершенства нужна экономия. Государственные ресурсы, разрушенные четырехлетней империалистической войной, были бедны, а в данный момент после трех лет гражданской войны еще стали бедней. Это курсанты должны понять и учесть.

Бережность и аккуратность всего в пролетарском зародившемся, но еще не окрепшем государстве, должна быть везде и во всем.

Для начала сего приказом ГУВУЗа с 10 по 24 октября проводится всероссийский двухнедельник достоинства курсанта, а у нас в Калуге с 23 октября по 7 ноября. В этот двухнедельник курсант должен положить начало и основание тому, что невежество и темнота — наше социальное зло, как наследие буржуазии, которая не хотела нас учить, боясь, что мы свергнем ее господство. Знание — сила и мощь. Знание не удаляет нас от природы, а приближает, и покоряем ее человеку труда, как будущему властелину всего. Революционная казарма не орудие затмения, а орудие просвещения.

Казарма наша временная, в которой мы должны получить знание, этим знанием разбить врага и классы, уничтожить казарму и создать единое коммунистическое общество. Курсант должен и обязан это знать, как сын трудового народа, и все это понять. Те знания, которые преподносят курсанту на курсах с 23 октября, он должен как будущий воспитатель темных красноармейцев, получить полностью.

Чистота — залог здоровья. Чистота сильнее пудов лекарств. Только физически сильный человек способен к продолжительной борьбе, «в здоровом теле — здоровый дух». Курсант это должен понять и проводить это в жизнь. Болезнь — наше общее социальное бедствие, поэтому борьба с ней должна быть таковой.

В проводимый двухнедельник, где при помощи Государства, где своей силой и энергией, не должно остаться ни одной грязной рубашки, ни одной грязной простыни, ни одной загрязненной уборной, плевательницы и ни одного загрязненного уголка общежития и двора курсов.

В проводимый двухнедельник курсант должен положить начало бережности и аккуратности хранения народного достоинства.

В эти дни не должно остаться ни одной рваной шинели, ни одних рваных ботинок, брюк, ни одной порченной и грязной винтовки.

Самодетельность и почин в этой области среди курсантов должны занимать первое место. Не нужно ждать казны, так как что Советская Республика имеет, то она и дает.

И так, товарищи, вперед, к свету вперед, к охранению своего общественного и народного здоровья. Вперед к дружной созидательной жизни. Вперед к бережности и охранению народного достоинства.

Да здравствует будущее коммунистическое общество как залог царства социализма!

Да здравствует наш новый путь экономического возрождения!

Да здравствует путеводная звезда международной социалистической революции III Коммунистический Интернационал!»

Эффективность этих приказов как средств воспитания зависела от индивидуальных особенностей курсантов, их дисциплинированности и тех целей, которые они ставили перед собой в жизни. Происходил естественный отбор тех, кто решил посвятить себя воинской профессии. Такие воспринимали политические лозунги власти так же серьезно, как воинский устав.

Что касается собственно боевой подготовки, то перед тем, как Иван Гришин оказался на курсах, ГУВУЗ в начале 1920 года приказал провести в жизнь новые программы обучения. Педагогический комитет Калужских курсов, исходя из этих рекомендаций, постановил главный акцент в преподавании военных предметов, особенно тактики, сделать на том, чтобы «дать армии боевых крепких командиров, умеющих ориентироваться в бою с противником, превосходящим наши войска своею техникою. Ночной бой и бой на пересеченной местности – вот что должно быть особенно изучено курсантами, так как, только пользуясь скрытностью в бою, можно иметь решительный перевес над противником. Кроме того, следует развить в курсантах дух сознательной дисциплины, дабы они ни были насадителями в армии только дисциплины палочной, имеющей значение при массовой работе. Следует в курсантах развивать частный почин, способность ориентироваться в самых сложных условиях, одним словом – проявлять частную инициативу. Для того, чтобы привить эту инициативу... не следует вести занятия лекционным способом,

а исключительно путем собеседования: путем наводящих вопросов возбуждать самостоятельность, мозговую работу, возбуждать интерес и любознательность к изучаемому. Для облегчения осуществления означенного метода вводятся помощники преподавателей по всем военным предметам, каковые под руководством преподавателя ведут практические занятия по поручаемому предмету с группой курсантов».

Однако обучение шло не так гладко, как хотелось преподавателям. Приказ от 12 апреля 1921 года содержит массу замечаний со стороны учебной части по поводу тактических учений, проведенных 4 апреля того же года. Вот некоторые из них:

«Отсутствие строжайшей дисциплины и порядка, особенно необходимых в условиях арьергардного боя.

Местность совершенно не учитывалась курсантами бойцами и не вполне учитывалась младшим комсоставом из курсантов.

Комсостав не проявлял инициативы, ожидая указания от комбата даже в таких условиях, когда ждать было совершенно недопустимо.

При приближении противника чувствовалась полная растерянность и неуверенность в самом себе, в своих знаниях.

При выходе из боя цепь ложилась по направлению своего отступления, а не лицом к противнику.

Командиры взводов не знали своих мест».

Эти замечания должны были быть учтены на двусторонних тактических учениях, намеченных на 14 апреля. На них приказано вывести всех курсантов. К сожалению, протокола об этом нет в делах курсов. Но жизнь подготовила курсантам не учения, а настоящую боевую обстановку.

Как свидетельствует протокол Педагогического комитета от 23 апреля 1921 года, Иван Гришин выдержал испытания на переход из подготовительного 11-го отделения в специальный класс и был зачислен в 10-е отделение. Вместе с ним перешли еще 20 курсантов, два человека отчислили с курсов «по их малограмотности». А 2-го мая пришла телеграмма от комиссара Московского военного округа, приказывающая всему составу курсов отправляться в город Тамбов на лагерные сборы, на самом деле на борьбу с крестьянским восстанием, получившему в советской литературе по имени ее руководителя название «антоновщины».

Восстание началось еще в середине августа 1920 года из-за недовольства крестьян политикой «военного коммунизма». Это

прекрасно сознавали в Кремле. М. Н. Тухачевский, которого В. И. Ленин отправил на подавление восстания, писал ему в секретной записке:

«Причины восстания — общие для всей РСФСР, т.е. недовольство продразверсткой и неумелое и исключительно жестокое ее проведение продорганами на местах».

Поэтому не без влияния этого крестьянского бунта X съезд РКП(б) в марте 1921 года принял решение о переходе от продразверстки к продналогу. У крестьянина теперь оставался определенный излишек, которым он мог распоряжаться свободно. А в Тамбовской области продразверстку отменили за месяц до съезда, в феврале. Казалось бы, бунт довольно быстро пойдет на спад. Однако во главе восстания стояли функционеры партии эсеров, которые ставили более амбициозные цели, — использовать недовольство крестьян для устранения от власти РКП(б). Они сформировали во многих районах Тамбовской области свои органы власти. Антонову удалось создать две армии, которые к моменту прибытия калужских курсантов насчитывали до 21 тысячи человек. Эсеры прибегли к своей любимой тактике — террору — портили железные дороги, громили совхозы и коммуны, убивали коммунистов и советских служащих. По некоторым данным, под лозунгом «Смерть коммунистам» они казнили свыше 2 тысяч человек.

Но после решения X съезда РКП(б) об отмене продразверстки главный козырь был выбит из рук руководителей восстания. Оставалась только борьба за власть, в которой их шансы победить сводились к нулю. Восставшие не учли силу и характер созданного большевиками государства и усталость населения от всякого рода войн. В результате борьбы за власть политиков проиграли в первую очередь крестьяне, для которых восстание обернулось огромным количеством ненужных жертв. В подавлении «антоновщины» с наибольшей силой проявилась абсурдная жестокость гражданской войны.

М. Н. Тухачевский откровенно говорил, что борьба с восставшими — не обычная операция, а «кампания, или даже война». По-немецки систематично он представил план этой войны. «Операции против бандитов, — рекомендовал он в «Инструкции по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии», — долж-

на вестись с непогрешимой методичностью». Отряды Антонова, вооруженные в основном обрезам, шашками и револьверами, не являлись серьезным противником для Красной Армии, оснащенной артиллерией, броневиками, бронепоездами, аэропланами и превышавшей численно повстанцев в пять раз. Главным М. Н. Тухачевский считал то, что он назвал «оккупацией» районов, контролируемых восставшими, как будто речь шла не о русской земле, а территории иностранного государства. Эта территория была разделена на шесть оперативных участков, и вести действия на них рекомендовалось проводить согласно приказу Полномочной комиссии ВЦИК от 21 июня 1921 года:

«Намечаются наиболее бандитски настроенные волости, и туда выезжают представители уполиткомиссии, особотделения, отделения РВТ (революционно-военного трибунала — ред.) и командования вместе с частями, назначенными для проведения чистки. По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60-100 наиболее видных заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого созывается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полнком (Полномочной комиссии — ред.) ВЦИК № 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается два часа срока на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население становится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения взятые заложники через два часа будут расстреляны. Если население бандитов и оружие не указало по истечении 2-часового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желющие это сделать становятся отдельно, разбиваются на сотни, и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (из) представителей особотдела РВТ. Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства производить новые расстрелы и т.д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения и других местных жителей, {которые} направляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Настоящее Полнком ВЦИК приказывает принять к неуклонному руководству и исполнению.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК
Антонов-Овсеенко
Командующий войсками М. Тухачевский
Предгубисполкома Лавров».

Курсанты стали жертвами этой нечеловечески жестокой борьбы за власть РКП(б) и эсеров – прежних союзников большевиков до 1918 года. Двадцатилетним крестьянским парням представили восставших как отпетых негодяев, желавших якобы вернуть власть помещиков и буржуев и не дававших мирным пахарям вернуться к мирному труду. Представление о том, как велась пропаганда против «антоновщины» дает листовка, которую раздавали войскам – «Наказ красноармейцу, действующему против эсербандитов». Приводим, несмотря на его обширность, его полное содержание, поскольку он дает понять, почему участники подавления крестьянского восстания, тем более будущие краскомы, считали свое дело правым.

«КТО ТЫ, красноармеец?

Ты верный сын трудового народа. Ты первый гражданин Российской Советской Рабоче-Крестьянской Республики. Ты – победил полчища царских генералов – Краснова, Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля и многих других.

Своими победами ты заставил Эстонию, Литву, Латвию, Финляндию и Грузию подписать мир с Советской Россией.

Своими победами ты заставил главных вожakov международного империализма и капитализма – Англию, Америку, Францию заговорить о мире с Советской Россией. Ты заставил Италию, Германию, Швецию и многие другие государства принять советских торговых послов и допустить товарообмен с Россией.

Своими победами ты вдохновляешь трудящихся всего мира на борьбу с буржуазией. Ты служишь примером пролетариям всех стран и подаешь им надежду на скорое их освобождение.

Освобожденные тобой крестьяне и рабочие России и угнетенные бедняки всего света смотрят на тебя с восторгом и благодарностью!

Ты победил контрреволюцию на всех фронтах. Этим ты отвел мирное житье своему народу и дал ему возможность перейти

к мирному строительству. Ты отвоевал возможность сокращения Красной Армии. Многим тысячам русских рабочих и крестьян ты отвоевал возможность вернуться домой, к родным полям и заводам.

Но лютый враг твой и всего трудового народа – буржуй и помещик – не хочет уgomониться. Ты разбил его с фронту, но теперь он заходит с тыла. В твоём мирном тылу он сеет семя раздора и затевает новую гражданскую войну. Вместо мирного труда тебе приходится вновь вести войну по подавлению эсеро-бандитской смуты.

КТО ПОМОГ БУРЖУЯМ ВЕРНУТЬ СТАРЫЕ ПРАВА И БОГАТСТВА? КТО ЗАТЕЯЛ БАНДИТСКУЮ СМУТУ?

Эту смуту затеяли твои старинные враги, верные помещичьи холуи – эсеры. Ты помнишь, кто такие эсеры? Это те самые эсеры, которые в 1917 г. во главе с Керенским состояли во Временном правительстве и 8 месяцев держали власть над рабочими и крестьянами. 8 месяцев они обещали крестьянам «землю и волю». Вместо «земли и воли» они всячески поддерживали помещиков, и за самовольный захват «господской земли» они бросали в тюрьмы крестьянские комитеты.

Эти самые эсеры гнали тебя в бойню с немцами, гнали умирать и проливать кровь за буржуйские выгоды и доходы. Эти же эсеры продавались и помогали всем царским генералам и Колчаку, и Деникину, и Юденичу, и Врангелю, и всем другим. Они затягивали гражданскую войну и помогали царским палачам пролить побольше трудовой крови.

После того, как ты разбил этих генералов холуи-эсеры пришли в Тамбовскую губернию. Они воспользовались тяжелым положением трудового крестьянства и тяжелой разверсткой. Они воспользовались голодом, который явился в результате трехлетней гражданской войны, которые вели с нами царские генералы при поддержке эсеров. Они стали мутить трудовой народ, стали натравливать его на Советскую власть. Зачем? Чтобы свергнуть рабоче-крестьянскую власть и вернуть власть себе и своим господам – помещикам и буржуям.

Изо дня в день ослабляют они наши силы. Они усиливают разруху и вновь оживляют надежды наших врагов. Они уже собирают в свои бандитски шайки всех бывших царских полицейских

и всю царскую черную сотню. Они нагло и подло обманывают крестьянство, напускают ему в глаза кровавый туман и вот уже больше полгода чинят разбой, грабеж, убийства и разрушения в Тамбовской губернии.

Их бесстыдство, их разбой и зверства столь велики, что даже среди их братвы нашлись такие, которые с ужасом отвернулись от них. Даже эсеровская группа «Народ», во главе которой стоит бывший колчаковский министр и член бывшего Учредительного собрания эсер Вольский, отрешивается от Антонова. Даже Центральный комитет партии эсеров исключил тамбовских эсеров из своих рядов как бандитов. Но, видно, только твой красноармейский штык, закаленный в боях, может привести их к порядку!

Обманщики и предатели трудового народа и крестьянского люда, разрушители и грабители народного достояния, верные слуги помещиков и буржуев и бывшие царские холопы — вот кто твой враг, которого ты должен уничтожить в Тамбовской губернии, как уничтожил Колчака в Сибири, Врангеля в Крыму, Юденича под Питером.

ТЫ ДОЛЖЕН УНИЧТОЖИТЬ БАНДИТОВ.

Ты должен уничтожить их всех без остатка и всех их пособников, чтобы положить конец их разбоям, чтобы освободить от этих грабителей и смутьянов Тамбовское крестьянство.

Ты должен уничтожить бандитов, чтобы дать мир и покой честному трудовому крестьянству, чтобы самому скорей получить мир и покой, скорей получить возможность вернуться к своей полосе, к своему заводу, к своей семье для мирного труда.

ТЫ ДОЛЖЕН ПОКОНЧИТЬ С БАНДИТАМИ КАК МОЖНО СКОРЕЙ!

Помни, что каждый день и час их разбоя приносит новые разрушения и новые беды твоему народу. И чем ближе к концу эсеровская затея, тем больше злобствуют они и их пособники — помещичьи сынки, царские городовики и погромная черная сотня, которые составляют ядро их банд. Они ненавидят трудовой народ и трудовую Советскую власть. В бессильной злобе они ничего не жалеют.

Помни, что пришло время чинить то разбитое корыто, которое досталось трудящимся от царского, а затем эсеровского правительствa. Три года гражданской войны, которую вели с нами помещики и генералы вместе с эсерами и кадетами, еще больше

разорили нашу страну. Теперь, благодаря победам Красной Армии, мы получили возможность чинить и строить. Но эсеры мешают трудовому народу!

8-й съезд Советов вынес много важных решений на пользу всем трудящимся. Во имя общего блага эти решения надо провести в жизнь немедленно. Но бандиты мешают этому.

Помни, что твоя трудовая Россия еще окружена врагами – капиталистами всех стран. Ты не раз разбивал их надежды, не давал задушить русских рабочих и крестьян. Но они все еще наготове и ждут. Они все еще точат нож и ждут случая напасть на нас. Эсеро-бандитские мятежи их радуют, наша внутренняя смута им на руку. Они видят, что она ослабляет нас. Они ждут только момента, чтобы снова кинуться на нас. Они ждут и надеются на успехи своих холопов и союзников – бандитов.

Красноармеец! Разбей надежды буржуев! Не медли! Добей бандитов! С корнем вырви эту язву войны, голода и нищеты!

БУДЬ РЕШИТЕЛЕН!

Помни, что банды во сто крат слабее тех генеральских полчищ, которые ты уничтожил. Дружным, решительным натиском ты можешь легко уничтожить бандитов. Такого натиска не выдерживает их кровожадная свора. Под дружным ударом красных штыков и сабель они почти всегда разбегаются.

БУДЬ ОСТОРОЖЕН!

Помни, что враг подл и хитер. Как всякая подлая тать, он слаб в открытом бою, но он нападает из-за угла.

Красноармеец, входя в село или деревню, внимательно обыщи все углы. Помни прежде всего о разведке и караулах и знай: при хорошей разведке, при стойких караулах, честно исполняющих свой революционный долг, ты невредим.

Бандиты часто нападают на одиночек.

Красноармеец! Будь всегда вооружен и всегда готов отразить нападение!

У бандитов много шпионов.

Красный боец! Будь осторожен в словах. Не болтай ни с кем о том, куда идешь и зачем идешь и сколько с тобой товарищей.

ДЕРЖИ ДИСЦИПЛИНУ!

Помни, что революционная, сознательная дисциплина помогла тебе одолеть много белогвардейских армий. Она же поможет тебе уничтожить разбойно-эсеровскую смуту.

Точно исполняй приказания красных твоих командиров и знай, что ни один приказ не отдается зря. Все приказы даются с целью скорей прикончить мятеж, то есть приказы – на твою пользу.

Исполняя точно приказ, ты тем самым приближаешь нашу победу и конец войны.

НЕ МАРОДЕРСТВУЙ!

Ты – кровь от крови и плоть от плоти крестьянской, ты – верный сын и первый защитник крестьянский. Нет для тебя большего преступления, как ограбить или даже просто обидеть своего кровного брата – мирного трудового крестьянина.

Помни, что тамбовский пахарь и так много страдает от эсеров и бандитов. Не увеличивай же его страданий!

Воин Революции, защитник прав трудящихся не должен быть похож на бандита – пособника помещиков и буржуазии!

Лучше сам иной раз претерпи нужду и недостаток, но покажи и докажи пахарю, что красноармеец не похож на эсеровского громилу – «партизана», что красноармеец – не вор, не разрушитель, а созидательный, верный друг и брат и защитник мирного крестьянства.

Скажи крестьянину, что ты невиновен в том, что обременяешь его постоем. Скажи и докажи пахарю, что не ты затеял войну и смуту, а бандит.

Пусть все красноармейцы знают, что только благодаря бандитам красноармейцы беспокоят крестьян постоем!

Сделай все от тебя зависящее, чтобы твой постой не был крестьянину в тягость.

ПОМОГИ ПАХАРЮ ПОНЯТЬ ПРАВДУ!

Эсеры затуманили голову тамбовскому крестьянину. Твой долг помочь крестьянину освободиться от эсеровского дурмана! Расскажи крестьянину, как ты боролся за трудовую Советскую власть на всех фронтах, как защищал ты землю и волю от царских генералов, которым помогали эсеры. Расскажи, сколько пролито крови за рабоче-крестьянское дело, сколько пролито трудовой рабоче-крестьянской крови руками этих самых эсеров – этих ложных друзей, этих предателей трудового народа. Скажи пахарю, что стране нашей нужен мир и порядок, чтобы лечить раны. Объясни крестьянину, что бандиты нарушают мирный труд и затягивают этим голод и нищету. Объясни ему, что бандиты обесси-

ливают нас в борьбе с врагами внешними, которые зорко стерегут у порога нашей страны, радуются нашему междоусобию и раздору и готовятся, пользуясь этим, вновь кинуться на нас.

Скажи крестьянину, что ты пришел установить трудовой, справедливый порядок, уничтожить злодеев — бандитов и всех врагов Советской власти.

Скажи крестьянину, что он должен помочь тебе в этом, не должен давать приюта бандитам, должен истреблять их всеми средствами и силами.

Прочти крестьянину вслух советскую газету или книжку и растолкуй все, что в ней не поймет крестьянин. Агитируй, помогай пахарю понять правду не только словом, но и делом. Делом докажи ему, что красноармеец — истинный друг его и защитник, а для этого в свободную минуту пособи крестьянину в хозяйстве, поправь, почини ему что-нибудь из его обихода. Подойдет пахота и сев — помоги ему в пахоте и севе.

Будь помощником мужику, и мужик оплатит тебе за помощь сторицей, сам поможет тебе доконать бандитов.

ОТКРОЙ ГЛАЗА ОБМАНУТЫМ!

Среди пленных бывает немало обманутых, темных пахарей. Немало бывает и насильно мобилизованных. Умей и к ним подойти с горячим словом Красной Правды, умей и им открыть глаза. Было много случаев, когда пленные, узнав правду и увидев эсеровский обман, сами выдавали и даже сами уничтожали вожаков-предателей.

ПОБЕДА ЗА ТОБОЙ!

Ты победишь, красноармеец! Ибо за тобой стоит весь трудовой рабоче-крестьянский люд, который жаждет покоя и мирного восстановления своего хозяйства.

Ты победишь, потому что за тобой стоят тысячи голодающих бедняков города и деревни, которые знают, что бандиты своим мятежом и разбоем затягивают голод и усиливают нищету.

Ты победишь, но твой долг победить как можно скорее, как можно скорее положить конец эсеровскому кровавому разгулу, грабежу и разбою.

Победитель Колчака, Юденича, Врангеля — ты исполнишь свой долг!

ВПЕРЕД!

За власть рабоче-крестьянских Советов!

Да здравствует героическая, непобедимая Красная Армия!
Смерть врагам народа, пособникам и холюям буржуазии!
ВПЕРЕД – красный боец!»

Калужских курсантов собрали в Тамбове 15 мая вместе с владимирскими, костромскими, харьковскими, рязанскими курсантами, Ивано-Вознесенской школой, Интернациональным батальоном, школой красных коммунаров, борисоглебскими, тверскими, старожиловскими и орловскими кавалерийскими курсами, украинской артиллерийской школой и другими артиллерийскими курсантскими частями. В состав курсантского сбора вошла и отдельная кавалерийская бригада им. Котовского под личным командованием Г. И. Котовского. Эта наиболее дисциплинированная и боеспособная, по мнению командования войсками, часть Тамбовской армии получила в свое распоряжение так называемый «6-й боевой участок», включавший южную часть Кирсановского и северную часть Борисоглебского уездов Тамбовской губернии. По свидетельству одного из командиров курсантского сбора В. Мокерова, «именно в этом районе впервые зародился и наиболее разросся бандитизм, и собственно он явился колыбелью большого по объему бандитского движения, охватившего впоследствии значительную часть Тамбовской и Саратовской губерний».

16 мая партийное руководство лагерного сбора из Тамбова отправило в ЦК РКП(б) следующее послание:

«Конференция комиссаров и комячеек и частей лагсбора, собравшись 16 мая для обсуждения наших задач и работы, шлет братский привет своему дорогому вождю ЦК РКП(б). Все возложенные задачи будут выполнены с честью. Да здравствует приближающийся съезд пролетариата всего мира конгресса III Коминтерна! Да здравствует Красная Армия с ее авангардом – курсантами! Да здравствует Коммунистическая партия и ее вожди Ленин, Троцкий!

Президиум Клишейко, Гринблат, Черняев».

Колонна курсантов вышла из Тамбова и 29 мая дошла до деревни Трескино. Здесь командование лагерного сбора издало, судя по проектам приказов, сохранившимся в архивах РГВА следующее распоряжение:

«По полученным сведениям главное ядро банды Антонова в количестве около 7000 сабель 28 мая сосредоточено в районе Александровка-Черняевка-Никольское-Перевоз, Лебяжье.

29 сего мая усилить меры для охранения безопасности войск до такой степени, чтобы всякое покушение бандитов на нас было отражено с тяжкими для них потерями, раз навсегда отбить у них охоту повторить подобную дерзость, для чего, кроме наружного выставить у окраины занимаемого квартирного района еще и непосредственное охранение, усилив его пулеметами и баррикадами».

Курсантам 18-х Калужских курсов приказывалось «охранять участок от реки (Панды — ред.) у кургана до высоты у южной окраины д. Трескино (включительно), приведя в оборонительное состояние канаву и усилить ее искусственными препятствиями». Это означало «построить окопы в рост по канаве, усилить их засеками и баррикадами; совершенно забаррикадировать дорогу, идущую от подножия высоты близ хутора без названия. Хутор этот и высоту с оврагом прочно укрепить как узел сопротивления. Вторую Траверсную линию подготовить на линии юго-западной окраины д. Трескино, где сооружены уже баррикады».

В то же время 29 мая начальникам отрядов и комиссарам поступил секретный приказа о дальнейших действиях войск лагерного сбора в окружающих деревнях с целью «ареста тех семей бандитов, которые не явились добровольно, и конфискации их имущества». Им предписывалось:

«1. Перед обыском деревни или район, где будет производиться обыск, оцепляется назначенной для сей цели конницей достаточной силы. Оцепление обязано входящих в деревню задерживать и собирать их в одну группу, присоединяя к этой группе и выходящих из деревни. Всех пытающихся бежать после трехкратного окрика расстреливать. Собранных жителей после общего обыска представлять на пункт особого отдела.

2. Назначенные для вылавливания бандитов пехотные части прибывают в указанные деревни или район после того, как конница оцепит деревню, выставляются сильные караулы цепь у входов в деревню, и рассыпая цепь по окраинам деревни в расстоянии 50–100 шагов. Задача караулов и цепи наблюдать за всем происходящим в домах и около домов и других построек (не переносит ли из одного дома в другой что, кто из жителей куда перебегает; не замечается ли передач или запрятания). Входящих жителей задерживать и направлять на пункт особого отдела.

Остальные войска входят в деревню распоряжением ответственных руководителей обыска и операции, разбиваются по секторам и производят обыск по указанию этих руководителей.

При производстве обысков руководствоваться следующим:

а) всех лиц, поименованных в особых списках, имеющих на руках у ответственных руководителей (представителя особого отдела комвойск) арестовывать.

б) проверять все документы, особенно у лиц призывного возраста, задерживая подозрительных;

в) обращать внимание на предметы вооружения, оружия, седел, переписки и прочих документов, а также складов и запись награбленной одежды, мануфактуры и большого количества продовольствия; на указанные предметы составлять описи, запечатывать и оставлять на месте до распоряжения.

3. Тщательно осматривать прилегающие к домам помещения (клуни, овины и т.д.), разбрасывать солому, сено, навоз. Осматривать подвалы, чердаки, прощупывая соломенные крыши, ямы, колодцы и проч.

Начальник лагерного сбора Доможиров.
Комиссар Тархов».

1 июня случилось событие, которое усилило дисциплину в лагерсборе. 1 июня повстанцы атаковали в деревне Березовка разъезд Борисоглебских кавалерийских курсов и убили несколько курсантов. Немедленно командование издало приказ об усилении бдительности войск:

«1. Правило — разъездам не доверять жителям и в деревню не входить или брать заложников;

2. Неукоснительно точно выполнять распоряжения. Инициатива хороша только разумная;

3. Не оставлять себя ни на минуту без сторожевого охранения;

4. Приучать людей к правилу не распускать себя в деревне, пока она бдительно не осмотрена, и осмотр производить с особой внимательностью;

5. Широко пользоваться проводниками под страхом расстрела за ложные указания;

6. Неустанно помнить всем и каждому в отдельности, что каждая наша ошибка бандитами учитывается, что потеря одного человека окрыляет их надежды».

Иван Гришин входил в третий отряд сбора, который возглавляли тов. Слепченков и комиссар тов. Гринберг. 4 июня отряд производил осмотр деревни Грушевка и получил за это благодарность от командования:

«При выполнении 3-м отрядом 4 июня возложенной на него задачи по осмотру д. Грушевки всем составом отряда была проявлено полнейшее соблюдение дисциплины и порядка; заметна была полная спайка курсантов с комсоставом, вследствие чего работа отряда дала блестящие результаты, за что от лица службы объявляю благодарность начальнику отряда тов. Слепченкову, комиссару отряда тов. Гринбергу, всему комсоставу и курсантам».

На убийство борисоглебских курсантов 12 июня отреагировал главный начальник всех военно-учебных заведений РСФСР Д. Г. Петровский, которого курсанты называли «нашим дорогим вождем». Он издал следующий приказ:

«Вы, курсанты командных курсов вышли в лагерный сбор для того, чтобы в полевой обстановке подготовиться к работе командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, стоящей на страже интересов трудящихся. Вы имели в виду, что также помочь окрестным крестьянам словом и делом провести работу по борьбе с нищетой, которая так жестоко бичует рабоче-крестьянскую Русь. Вы имели все права рассчитывать на то, что крестьяне встретят также радушно и приветливо, как везде встречают трудящиеся России будущих Рабоче-Крестьянских командиров.

Но Вы, товарищи, ошиблись в расчете. В уездах, в коих расположен курсантский лагерный сбор, имеются закоренелые преступники, живущие грабежом и насилием, срывающие дело возрождения народного хозяйства. Уже много невинной крови пролили эти подлые бандиты. На пути Вашего следования к месту лагерного сбора эти обнаглевшие злодеи, для которых убийства и грабежи стали ремеслом, дерзнули напасть на Вас. Вы были великодушны. Показав селам, откуда эти разбойники вышли, свою силу, Вы не подвергали их никаким наказаниям, а ограничились тем, что сообщили им свои планы и намерения.

И на этот раз ваш шаг не возымел действия. Злодеи продолжают свое темное дело. Не решаясь прямо напасть на нас, зная нашу силу, они насилуют и убивают поодаль от Вас, и позволяют себе также нападать на курсантские разъезды. От рук этих убийц пали три ваших товарища курсанта Борисоглебских командных

курсов, 8 курсантов Костромских пехкурсов пропали без вести, а также слушатель нашей Красной Армии тов. Тищенко. Душегубы не просто убили наших дорогих товарищей: они подвергали их жестоким пыткам и глумились над ними так, как это могут делать только озверевшие разбойники.

ТОВАРИЩИ, НАГЛЫЕ БАНДИТЫ БРОСИЛИ ВАМ ВЫЗОВ. СЛОВО ЗА ВАМИ. ОТВЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЯСНЫЙ. КОРОТКИЙ И ЧЕТКИЙ. В НЕДЕЛЬНЫЙ СРОК НЕ ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ НИ ЕДИНОГО БАНДИТА В РАЙОНЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛАГЕРНОГО СБОРА. ГОРЕ ТЕМ, КТО ПО ГЛУПОСТИ, ТРУСОСТИ ИЛИ ПОДЛОСТИ БУДЕТ ОКАЗЫВАТЬ ПОМОЩЬ ИЛИ УКРЫВАТЬ ОТ РУК РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ БАНДИТОВ И УБИЙЦ. ВСЕ ВОЛОСТИ, В КОИХ РАСПОЛОЖЕНЫ КУРСАНТСКИЕ ЧАСТИ, ДОЛЖНЫ СТАТЬ ОБРАЗЦОВЫМ СОВЕТСКИМ ОЧАГОМ. ЗА ЭТИМИ ВОЛОСТЯМИ ПОСЛЕДУЮТ И ВСЕ ПРОЧИЕ ВОЛОСТИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Честные и трудолюбивые крестьяне ждут Вашей помощи. Они устали от крови. Им противны мерзости и зверства, чинимые хулиганами. Они будут действовать заодно с нами. А Вы, закаленные в боях, дисциплинированными и организованными отрядами, руководимые опытными и преданными делу трудового народа командирами, сможете развить быстроту, натиск, дерзость и изобретательность, чтобы легко и быстро уничтожить эту язву.

Не для того рабочие и крестьяне прогнали помещиков, генералов и банкиров, чтобы очутиться во власти головорезов и хулиганов. Нет и тысячу раз нет. Хулиганство и бандитизм должны быть искоренены с молниеносной быстротой. Красные курсанты, сумевшие отстоять Красный Питер, взявшие твердыни капитала, опрокидывавшие отряда офицеров-помещичьих сынков сумеют теперь справиться с шайкой головорезов-бандитов.

В целях быстрого проведения в жизнь искоренения бандитизма призываю учредить при курсантском лагерном сборе отделение Революционно-Военного Трибунала, который сможет справедливо, но строго карать всех тех, кто мешает трудящимся пользоваться плодами своей тяжелой и кровавой борьбы.

Смерть бандитам и кровопийцам!

Выше курсантское знамя!

Да здравствуют строители новой жизни Рабоче-Крестьянские Военно-Учебные Заведения – оплот победы и мощи Советской России!»

Все последствия этого приказа Д. Петровского лучше понимаются в связи со «знаменитым» приказом № 171, изданным 11 июня 1921 года председателем полномочной комиссии ВЦИК Антоновым-Овсеенко и командующим войсками Тухачевским, в котором предписываются следующие репрессивные меры:

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандитов имущество такового распределять между верными Советской власти крестьянам, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

Целесообразность этого приказа с военной точки зрения сомнительна. Ведь уже 9 июня стало ясно, что костяк вооруженных сил Антонова разгромлен. Об этом докладывал в Тамбове 9 июня тов. Уборевич:

«Антонову в течение девяти дней дано 6 боев на 7 машинах, 47 солдат автобронеотряда. Убито до 800 бандитов. Банда потеряла все пулеметы, много винтовок. Автомобили – лучшее оружие борьбы с бандитизмом. Конница не может ускользнуть от машин и, кроме того, автомобили производят деморализующее впечатление на противника. Указанный отряд в 47 человек обращал в паническое бегство 2000 бандитов».

Тов. Уборевичу была объявлена благодарность за «проявленный исключительный героизм», а 11 июня появился этот поис-

тине «революционный» приказ № 171, который Д. Троцкий поропился отменить 19 июля 1921 года.

Но пока приказ действовал, пролилось много крови. Сохранился протокол заседания Полномочной комиссии ВЦИК на 6-м боевом участке от 22 июня 1921 года (кстати, протокол составили за 20 лет до нападения фашистской Германии на Советский Союз). В нем констатировалось:

«Сильно продвинулась чистка в Кирсановском уезде. В этом уезде бандиты остались только в районах Золотовской, Ржаксинской, Чернавской и Богдановской волостей. Здесь подготавливаются операции... и в течение ближайшего времени эти последние бандитские гнезда будут разрушены. В Паревке был успешно применен приговор (как к селу Каменке). Первые 80 человек в количестве 80 человек категорически отказались давать какие-бы то ни было сведения. Они были все расстреляны, и взята вторая партия заложников. Эта партия уже безо всякого принуждения дала все сведения о бандитах, оружии, бандитских семействах, некоторые даже вызвались принять непосредственное участие в операциях... В Иноковке, куда уполком-2 поехал из Паревки для проведения аналогичной операции, даже не пришлось брать заложников. Население добровольно пошло навстречу комиссии. Один старик привел своего сына и сказал: «Нате еще одного бандита».

В Кирсанове, Борисоглебске были созданы концентрационные лагеря, куда в солдатские палатки, обнесенные колючей проволокой, помещали лиц, осужденных за бандитизм, а также заложников — ближайших родственников тех, кто сражался в отрядах восставших, причем забирали этих родственников семьями, без различия пола и возраста, даже грудных детей. Так, в Кирсановском концлагере № 8 имелось 130 детей до трех лет и 50 — до пяти лет. В Борисоглебском № 4 25 детей до трех лет и 76 — до пяти.

Наконец, на 6-м участке проводились эксперименты с применением ядовитых, удушливых газов для очищения лесов от последних повстанцев, которые там прятались, после того, как были разбиты в открытых сражениях с отрядами Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Кстати, идею применить химическое оружие против крестьян подсказали М. Н. Тухачевскому орловские курсанты-химики.

18-е Калужские курсы с 9 июня входили в состав 2-го района 6-го боевого участка. Комиссар этого района – начальник московских военно-учебных заведений Павлов сначала не питал к ним особого расположения. При своем первом знакомстве с командным и рядовым составом курсов он в секретном докладе дал такой отзыв: «18-е Калужские пех. курсы. Совершенно плохи. Дезертиров человек 50. Комиссар, по-моему, неважный, даже не носит красноармейские звезды. То же начкурсов».

По каким-то своим соображениям он все же включил калужских курсантов в состав своего отряда, даже занес 12 человек из них в списки комендантской команды при штабе в селе Инжавино с зачислением их на все виды довольствия – приварочное и чайное, мыльное и табачное.

14 июня один калужский курсант отстал от своей роты и был зарублен повстанцами. По этому поводу Павлов потребовал, чтобы в отношении хуторов, через которые проходил курсант, были применены следующие меры репрессивного характера: «Не менее 5 человек кулацко-бандитского элемента каждого хутора должны жизнью ответить за его смерть. Сверх того, такое же количество поступит в заложники». Из Москвы Д. Г. Петровский приказал «к 10 часам 15 июня донести по телефону об окончании разбора ревтройкой для всех арестованных и принятых ею решениях... Для его исполнения Ревтройка должна работать хотя бы всю ночь».

В архиве дел 6-го боевого участка сохранилось мало сведений о потерях и боевых действиях калужских курсантов.

Данные от 30 июня: курсант Николаев Петр убит, Козлов Борис пропал без вести.

Рапорт от 6 июля комиссара войск 2-го района Каца: «По сведениям местных жителей при столкновении разведки батальона Калужских курсов с бандитами у деревни Кипец убиты бывший комполка бандитского полка Волков и брат Башкарева».

Есть рапорт о столкновении калужского батальона с «бандой Башкарева» 13 июля. Башкарев убит и не менее 10 его подчиненных ранено. Взят плен 1. В калужском батальоне убит 1 из состава и 1 из медперсонала, 1 пропал без вести. Взятые трофеи – шашка с портупеей, браунинг с 8 патронами, русская винтовка, боевые патроны для маузера, 2 шинели и 1 котел.

Донесение начальника штаба 4-го района Зверева:

«С 16 по 31 августа. 18 пехотные Калужские курсы. Захвачены трофеи: 2 винтовки, 1 обрезок и 1 клинок (негодный). Потерь за вышеуказанный период не было».

По сводкам разного уровня командиров и комиссаров можно судить о бытовых условиях и времяпровождении курсантов вне боевых действий. В июле калужский батальон стоял в селе Рамза – центре Козмодемьянской волости. Вот что оттуда сообщал комиссар курсов Петров:

«Квартировано 22,1%, биваком – 77,9%.

Отношение курсантов к местному населению – удовлетворительное.

Разложения в частях не наблюдается.

Случаи отказа бывали очень редки и только в тех случаях, когда люди были переутомлены до невозможности, все же конфликты тотчас же разрешались».

С 18 августа 18-е пехотные Калужские курсы находились в селе Медное. Тот же комиссар Петров сообщал комиссару 4-го района:

«1. Отношение населения к Красной Армии и, в частности к курсантам, стоящим в селе Медном, хорошее, в виду того, что части помогают населению в работе, ставят спектакли, веселят молодежь и т.д. и даже на отдельные мародерские и грубые выходки красноармейца смотрят как на личные его недостатки, ничуть не задевая всей Красной Армии. К Советской власти, кроме отдельных и редких указаний на тяжесть продналога, что объясняется неурожаем, отношение хорошее.

2. Ропот среди курсантов есть в большинстве случаев на то, что один одет лучше другого, на лучшее обмундирование раньше его, а ему не хватило, питается лучше его у крестьянина, так как дом попал богаче, в чем отчасти виноват комсостав.

Довольствие провиантское приварочное, чайное получается неисправно, кроме мяса или рыбы, которое вовсе не получается или получается редко.

Газеты и литература получается очень неисправно в 5 дней раз и в недостаточном количестве. 30-35 газет на батальон, литературы же никакой».

Надо сказать, что в ходе подавления восстания сами курсанты испытывали огромные лишения. Так, одно время они питались только совсем еще зелеными, величиной не более грецкого ореха, зелеными яблоками, и ракушками-слизняками, обитавшими на

дне речек. И яблоки, и слизьяки варились в ведрах и поедались без соли. Сохранилось обращение в политотдел лагсбора заведующего Инжавинским районом. В нем он пишет:

«Оккупирующие воинские части в Инжавинском районе, которые самочинством расхищают совершенно незрелые плоды из садов, находящихся в ведении плодородных, что в действительности недопустимо, принося явный вред Советской Республике, а потому прошу политотдел издать приказ о прекращении подобного явления».

Курсантов кормили за счет местного населения. Но сами крестьяне питались в это время хлебом из отрубей с лебедой. Главный начальник вузов Красной Армии Д. Г. Петровский в докладной записке в РВС Республики 15 июня 1921 года писал:

«Крайне тягостное впечатление на крестьян производит тот факт, что армия так широко довольствуется за счет скудных местных средств: до 11-го с(его) м(есяца) курсантам выдавали по 1 ф. хлеба, с 11-го стали выдавать по 1,5 ф., но вышеназванный хлеб является хлебом только по названию».

Не осталось документов, которые свидетельствовали бы, какое впечатление производили на Ивана Гришина жестокости войны с братом-крестьянином. Но будущий маршал Г. К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» довольно подробно описал свое участие в борьбе с «антоновщиной». Конечно, он и во второй половине XX века остался при тех же оценках этого крестьянского восстания, которые изложены в «Наказе красноармейцу», цитированном выше. С гордостью вспоминает, как эскадрон под его командованием вел тяжелые бои с численно превосходящим противником, как под ним дважды убивало лошадь, и его чуть-чуть не зарубили. Оказывается, даже с шашками и обрезами восставшие могли вести боя с эскадромом, имевшим на вооружении станковые пулеметы и оружие.

Г. К. Жуков высоко оценивал личность М. Н. Тухачевского. Он утверждал:

«О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец».

К подавлению восстания имел отношение и бывший тогда помощником начальника штаба РККА будущий маршал Б. М. Ша-

пошников. Он способствовал поставке войскам М. Н. Тухачевского баллонов с газом.

Создается впечатление, что жестокости гражданской войны наложили свой отпечаток на весь межвоенный период, а затем на Великую Отечественную войну. «Буревестник революции» М. Горький обобщил этот опыт в своем знаменитом, казалось бы, тривиальном, изречении «Если враг не сдается, его уничтожают!». Но его могли понимать так, что достаточно наклеить кому-либо ярлык «классовый враг» или «враг народа», то дальнейшие действия следуют автоматически. Из гражданской войны вышел встречавшийся на фронтах Великой Отечественной войны ущербный тип командира, который описан в романе Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», в воспоминаниях о войне Николая Никулина и в других произведениях. Такой военачальник решал оперативные задачи примитивно и грубо, не считаясь с человеческими жизнями, и относился к своим собственным подчиненным практически как к заложникам в годы борьбы с «антоновщиной».

3 октября 1921 года 172 курсанта калужских курсов, в число которых входил и Иван Гришин, прибыли из командировки и были зачислены на все виды довольствия кроме денежного. Начался обычный учебный процесс, который завершился принятием Красной присяги на общегородском праздновании 1 мая 1922 года. Об обстановке, в которой совершалось это важное в жизни Ивана Гришина событие, свидетельствует приказ начальника Калужского гарнизона войскам и учреждениям города от 25 апреля:

«В день международного пролетарского праздника 1 мая и дня поголовной грамотности Красной Армии, назначаю в ЧАС дня на Крестовском поле парад войска гарнизона. Парад буду принимать я и члены Президиума Губисполкома — члены ВЦИК тт. Артемов и Самсонов.

На параде части войска совместно со служащими штабов, учреждений и заведений военведа будут приведены к КРАСНОЙ ПРИСЯГЕ, для чего приказываю вывести все войска, расположенные в гарнизоне к 11 часам дня на Крестовское поле, а именно: 18 пехотные командирские курсы, 426 полк, 5 батальон ГПУ при ДТОГПУ, 3 роту ГПУ, войска ЧОН (155 бат.), 4 школу, конвойную команду, команду Губвоенкома, допризывников и ветлазарета, УПРОДГУБА, Всеобуч, Спортцентра, Гархлеба пекарни и Губвоенкомата.

Все части должны быть выведены в полном своем составе как комсостава, административно-хозяйственных лиц, так и красноармейцев, за исключением лиц, назначенных в суточный наряд, больных, арестованных, отпускных и командировочных.

Вольнонаемных же сотрудников, в том числе и служащих, женщин, служащих в штатах, управлениях и учреждениях и политработниц для приведения к КРАСНОЙ ПРИСЯГЕ, выводить не в строю, а отдельными группами со старшим группы, назначенным начальниками.

Никаких флагов, стягов и т.п. войскам на парад не выносить, а быть только со своими боевыми и шефскими красными знаменами и оркестром музыки. Форма одежды караульная.

На парад войскам и начальствующим лицам выйти в пешем строю.

Всех рабочих и партийные и профессиональные организации приглашаю прибыть к указанному часу на место парада для участия в торжествах и церемониале со своими красными знаменами, стягами, флагами и оркестрами и разместиться на месте по указанию командующего парадом.

Командующим парадом назначаю начальника 18 пех. комкурсов тов. Захарова, коему и приказываю сделать построение войск и прочих организаций, имея на правом фланге 18 пех. комкурсы, руководствуясь при построении церемониалом объявленного в моем приказе № 57 от 14/IV с/г с таким расчетом, чтобы все строевые части, как будут проходить церемониальным маршем, равнялись по правому флангу; красные боевые и шефские знамена ставить впереди части в 10 шагах перед серединою, по бокам знамен ставить ассистентов и чтобы все штабы, военные управления, военные нестроевые части, а также все организации, кои не будут проходить церемониальным маршем, не мешали проходу, перестроению и церемониалу войск.

На месте парада начальникам войсковых частей, строевых и нестроевых, командирам рот, штабных — начальникам отделений, должно проверить, все ли люди вышли на парад, и письменного должны зафиксировать отсутствующих с указанием причины.

Кроме того, должно быть разъяснено о сущности КРАСНОЙ ПРИСЯГИ — клятвы с указанием, что за нарушение торжественного обещания КРАСНОЙ ПРИСЯГИ, на основании постановления Президиума ВЦИК и Совета РКА (дополнение к ст. 12 гл. 2

Дисциплинарного Устава) военнослужащий несет высшую меру ответственности перед лицом военно-революционного Трибунала.

На параде будет прочтен текст торжественного обещания **КРАСНОЙ ПРИСЯГИ**, при чтении коей части должны быть перестроены с таким расчетом, чтобы читаемые слова были слышны всем присутствующим.

Перед началом чтения присяги будет подана команда «СМИРНО», «НА РУКУ», и все красноармейцы с винтовками должны взять их на изготовку, комсостав с шашками обнажает шашку и опускает ее вниз, знаменосцы склоняют знамена, прочие же военнослужащие, хотя бы и находившиеся в строю, прикладывают руку к головному убору, после чего будет читать текст торжественного обещания **КРАСНОЙ ПРИСЯГИ**, части же должны повторять каждое слово текста вслух за читаемым. По окончании чтения присяги части войск после команды «К НОГЕ», «СТОЯТЬ ВОЛЬНО» поднять знамена и частям стоять вольно. После чего представителями местной власти и представителями организаций будут произнесены приветственные и поздравительные речи и краткий митинг, по окончании последнего войска будут пропущены церемониальным маршем.

По окончании парада и митинга, начиная с правого фланга, воинские части и организации в порядке очереди с Крестовского поля совершают прогулки по городу, держа путь к Театральной улице и Гостеатру, сворачивают к каменному мосту и направляются к Губисполкому, откуда и расходятся по своим казармам.

Подлинный подписал
Нагарнизона — Губвоенком Иванов».

В тот же день издали приказ и по Калужским пехотным командным курсам, который свидетельствовал о недостатке обмундирования в Красной Армии и характере революционной дисциплины в это время. Вот извлечения из приказа по этому поводу:

«Все люди должны быть выведены чисто и опрятно одетые, по возможности, однообразно, если не в целом, то во взводах и отделениях.

Уклонившиеся от присяги без уважительной причины будут преданы суду военно-революционного трибунала».

Итак, 1 мая 1922 года Иван Гришин произнес вместе с остальными курсантами Красную присягу:

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской армии.

Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью рабочего и крестьянского правительства.

Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких проступков, унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступать на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов, не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука РЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНА».

7 мая 1922 года Постановлением Педагогического комитета 18-х Калужских командных курсов Иван Гришин произведен в красные командиры на должность командира отделения с правом производства в войсковых частях на должность командира взвода.

Ему, можно сказать, повезло. Иван Гришин попал в пограничные войска, которые в материалах первой пограничной конференции погранчастей Белорусского отряда ВГПУ характеризовались как «гордость рабочих и крестьян». Кроме того, назначили его командиром взвода. По тарифной сетке от 1 октября 1922 года командир взвода получал жалованье 5 тысяч рублей, на 2 тысячи рублей больше, чем помкомвзвода.

В это время в связи с сокращением численности Красной Армии возник некомплект комсостава. Поэтому в приказе командующего войсками Западного округа М.Н. Тухачевского от 2 июня 1922 года рекомендовалось, с одной стороны, задержать часть командиров на службе, а с другой стороны, «обратить серьезное

внимание на продвижение командного состава и на комплектование ГУВУЗ'а, имея целью заполнение должностей комсостава рабоче-крестьянскими элементами».

Перед молодым командиром стояли непростые задачи. Руководство страны еще надеялось на «мировую революцию», в которой должна принять самое активное участие Рабоче-Крестьянская Красная Армия СССР. Об этом говорилось на первой партийной конференции погранчастей Белорусского отряда ВГПУ:

«Международная обстановка сейчас такова, что тезис «Мы стоим в предверии германского Октября» — является пока самой верной характеристикой международного положения. Отсюда необходимость детального ознакомления состава частей с ходом событий в Германии, выяснение и обоснование возможной позиции СССР по отношению к Германии и соседям. Красная Армия и наши войска должны быть готовы к тем задачам, которые возможно станут перед нами в ближайшее же время. Перспектива развертывающейся пролетарской революции в Германии должна найти свое отражение во всей нашей работе, ее освещение должно стать нашей ударной задачей».

В связи с этим командование обращало серьезное внимание на боевую подготовку частей. В приказе войскам ВЧК Западного округа от 10 февраля 1922 года, насыщенного обычным пропагандистским элементом, во-первых, констатировалось, что «боевая и строевая подготовка, внутренний порядок в войсках Западного округа, оставляют желать много лучшего». Во-вторых, эта ситуация «заставляет настойчиво изыскивать способы для поднятия подготовки на должную высоту, а революционное сознание подсказывает, что недостаточно только носить высокое звание солдата Красной Армии, но нужно иметь право носить его с твердой уверенностью в своих познаниях, с твердой верой в военную мощь хорошо обученной, подготовленной и боеспособной армии, для которой не страшны никакие военные неожиданности.

Каждый красноармеец представляет собою маленькое колесико той огромной машины, которая называется армией. Каждый из нас должен всемерно стремиться к тому, чтобы эта машина работала мощно и без отказа, а потому наше дело — командиров и руководителей красноармейских масс — подготовить их так, чтобы в минуту военной грозы не пришлось бы думать об исправлении дефектов».

В приказе намечались такие виды боевой и строевой подготовки, как «занятия с командным составом, с образцовыми взводами, со специальными командами (пулеметными и разведчиками) и со всеми строевыми красноармейцами», при этом «командиры частей должны проявить максимум энергии и инициативы, практического остроумия и находчивости».

Наряду с этой максималистской декламацией в приказе имелись рекомендации, которые рисовали конкретное положение дел:

«Учитывая, что большинство командного состава не умеет передавать свое знание красноармейцу, необходимо эти занятия организовывать в виде показательного образцового урока, являющегося единственным и могучим средством для усвоения применения практических приемов обучения и выработки инструкторской практики».

Еще сложнее обстояло дело с исполнением другого требования к комсоставу, изложенному в приказе Главнокомандующего военными Вооруженными силами Республики от 15 сентября 1922 года:

«На командный состав возлагается ответственность за организацию регулярных и тематических школьных и политических занятий».

Сам Иван Гришин еще только освоил азы политграмоты, а ему предстояло обучать красноармейцев, уровень политического сознания которых красноречиво описывает циркуляр Политсекретариата войск ГПУ Западного военного округа от 14 февраля 1923 года:

«Проверка политзанятий, задаваемые вопросы каждому красноармейцу в отдельности показывают, что большинство красноармейцев имеют весьма слабые представления о значении в революции и революционной деятельности таких видных вождей революции как т.т. Ленин, Троцкий, Калинин, Зиновьев и другие. Совершенно не имеют никаких представлений о значении для революции учителей социализма К. Маркса и Энгельса.

Красноармеец, проводя значительную часть своего времени в клубах, где развешаны портреты вождей революции, не может указать, кого тот или иной портрет изображает. Красноармеец, уходя из армии домой, не в состоянии дать понятие безграмотному крестьянину о личности того или иного вождя Революции. Каждый красноармеец, в особенности красноармеец войск ГПУ, тем более сознательный, должен знать, кто такие вожди Октябрь-

ской революции, на защиту завоеваний которых он должен выступить по первому зову.

Этот пробел в политвоспитании красноармейца наших войск должен быть заполнен к празднику 5-й годовщины Красной Армии, который должен быть проведен под знаком наибольшей сознательности красноармейцев.

Предлагаю: на беседе политчаса изложить красноармейцам в сжатом виде, не вдаваясь в подробности, биографии т.т. Ленина, Троцкого, Калинина, Дзержинского, а также Маркса, Энгельса, К. Либкнехта и Розы Люксембург, указывая на их роль и значение в революции».

Исследования, проведенные в 20-х годах прошлого века, показывали, что многие красноармейцы из крестьян не только не знали «вождей революции», а с трудом осваивали и часто неверно понимали основные понятия идеологии, например, такие как «классовый враг», «пролетарий», «комиссар», «профсоюз», «национализация» и другие.

Еще Ивану Гришину предстояло разбираться в том, что тогда называли «борьбой за бытовое культурничество». Циркуляры военкомам того времени указывают, что в войсках ГПУ Западного округа имели место «ненормальности, которые замечаются во взаимоотношениях командного, политического и красноармейского состава: трения между комсоставом и политсоставом, между комсоставом из бывших офицеров и краскомами, между партийным и беспартийным составом, оторванность командного и политсостава от красноармейцев, рукоприкладство, подавленность настроения красноармейцев в связи с теми или иными условиями быта, и отношения комсостава, пьянство, проявления «офицерских» замашек со стороны комсостава и политсостава, подпадание под влияние окружающей мелкобуржуазной мешанской обстановки и соблазнов НЭП'а».

Настоятельно рекомендовалось «окончательное изгнание из жизни армии всех пережитков великодержавной политики, выражающихся в разделении армии на кацапов, хохлов и проч., в насмешках и издевательством над бытом, привычками, нравами отдельных национальностей».

Прокламировалось, что «целью борьбы за культурничество должно явиться соответствующее изменение психики крестьянина, приобретение им культурных навыков. Это важно для него,

как во время пребывания в армии, так и во время его жизни и работы вне армии, как гражданина Союза ССР.

Борьба за культурничество должна развить а) чувство товарищества; б) развить индивидуальную этику; в) добиться должного отношения к женщине; г) научить быть опрятным и аккуратным, д) научиться бережно относиться к народному достоянию; е) научиться любить чистоту; ж) научить экономить время; з) дать основные навыки и знания к ведению культурного хозяйства дома, подготовить к работе в деревне».

Как видим, программа весьма обширна, и она предполагает в первую очередь работу командного состава над собой. Об этом, в частности, говорилось, в уже цитированном приказе М.Н. Тухачевского от 2 июня 1922 года:

«Красный командир, начиная с отделенного, поставленный в культурные условия существования, должен, наконец, сознать себя как представителя победоносного класса и поставить себя на должную высоту, как в смысле знания своего дела, так и в смысле завоевания твердого и высокого авторитета».

Однако безусловное выполнение циркуляров и приказов, по словам В. Маяковского, «разбивалось о быт».

В закрытом докладе в ЦК РКП(б) в июне 1925 года советские военачальники признавали, что до 1924 года в РККА существовала проблема голода. М. В. Фрунзе говорил о нехватке в армии постельных принадлежностей, портянок, подворотников и иных мелочей красноармейского быта.

Пожалуй, наиболее выразительно о материальных недостатках в погранвойсках Западного округа свидетельствуют материалы политического суда по второй дивизии от 30 сентября 1922 года:

28 августа командир отделения приказал одному красноармейцу дать свои ботинки другому красноармейцу, отправляющемуся на конвоирование арестованных. Первый, будучи свободен от наряда, дать ботинки отказался, а получив приказание идти самому для конвоирования арестованных, также отказался. Командир отделения доложил командиру взвода о нарушениях. Тот приказал нарушителю явиться к нему, но красноармеец заявил, что ему у взводного делать нечего. Был осужден на лишение свободы сроком на один год.

Материалы другого суда о красноармейце, который украл подковы для продажи. Он получил 2 года лишения свободы.

21 мая 1924 года появился даже специальный приказ по поводу торговли красноармейцами своим обмундированием:

«Начальники гарнизонов при обнаружении фактов продажи красноармейцами обмундирования, выдаваемого им в носку, должны немедленно задерживать таковых и препровождать их в часть для привлечения к уголовной ответственности, а о частных лицах, скупающих обмундирование доводить до сведения соответствующих гражданских властей на предмет привлечения их к уголовной ответственности по ст. 207 Уголовного кодекса».

Надо сказать, что и командный состав не благоденствовал. Судя по уже дважды цитированному приказу М. Н. Тухачевского от 2 июня 1922 года, снабжение военачальников не стояло на высоте. Командующий требовал «установить для всего командного состава полный боевой продовольственный паек и выдавать его обязательно целиком, применяя при этом широкую замену недостающих продуктов», также приказывал начальнику снабжения фронта «под его личную ответственность всегда во время выплачивать денежное содержание военнослужащего».

О неблагоприятном снабжении командного состава обмундированием свидетельствовало требование того же приказа о том, чтобы лицам командного, политического и административно-хозяйственного состава «быть всегда прилично и опрятно одетыми, а при исполнении служебных обязанностей – в форме».

Видимо, приказы не изменяли коренным образом положения дел с материальным обеспечением. Показателен циркуляр от 17 февраля 1923 года о проведении бесед с комсоставом. В нем «предлагается провести 3 беседы с комсоставом о материальном положении. Беседы проводить в плоскости разъяснения причин плохого материального обеспечения комсостава, связи этого обеспечения с общим ходом и состоянием экономической жизни Республики, сравнения материального обеспечения раньше и теперь, указание на постепенное улучшение. Отдельные положения бесед должны подтверждаться цифровыми данными, взятыми как из военно-хозяйственных органов, так и из других источников. Цель бесед – изжить наблюдающиеся в среде комсостава неустойчивость и падение настроения, в связи с недостаточной материальной обеспеченностью».

Интересно, что при этом, руководство не забывало о германском пролетариате. Циркуляр Политотдела войск ГПУ от 20 марта 1923 года призывал, а фактически принуждал:

«Французская оккупация повлекла за собой для рабочих Рур'а целый ряд лишений и даже голода. Политический секретариат предлагает частям принять в кампании (по поддержке — ред.) самое активное участие, подчеркивая в агитационной работе солидарность русских трудящихся с трудящимися всех стран, в том числе Германии. Практиковать отчисление от жалования военнослужащих хотя бы в самом минимальном размере от половина до 1 j % в продолжении 3—5 месяцев».

22 месяца Иван Гришин справлялся со своими обязанностями взводного, но не оказался на высоте в борьбе с грандиозной бытовой проблемой для всех пограничных войск — провозом через границу контрабандных товаров. Судя по материалам первой конференции погранчастей Белорусского отряда ВГПУ, контрабанда являлась практически такой же острой, как и борьба с бандитизмом. С бандами дело обстояло просто — пришедшие из-за границы или еще остающиеся в глухих улах отряды не сотрудничали с пограничниками. А контрабандисты получали поддержку и от местных жителей и от отдельных пограничников. Об этом прямо заявляли на конференции:

«Находясь в плохих материальных условиях, иногда в зависимости от местных крестьян, попадают под влияние последних и, желая отплатить за сделанную услугу, зачастую за прокормление — вступают с ними в сделки, отпуская их за границу, содействуя в проносе товаров».

Надо иметь в виду, что тогда граница СССР проходила по территории Белоруссии. И с одной, и с другой стороны границы могли стоять представители одного и того же народа. Поэтому имели место сцены, описанные в тех же материалах конференции:

«Стоя на часах и ходя по патрульной линии, нашему пограничнику приходится встречаться с солдатами соседнего государства. Последние... появляются на пост с бутылкой водки и стараются угостить нашего пограничника, с которым связаны по службе, встречаясь ежедневно».

Причем, как констатировали участники конференции, «пограничники, пропуская крестьянина за товаром, видят в нем обыкновенного мужика, коему часто обязаны. Войдя в сделку с подпольником, пропустив несколько мест товара или выпив с солдатом соседнего государства, по просьбе последнего передавая письмо или другие услуги, — большого значения этому не придает».

О размерах «сотрудничества» контрабандистов и погранвойск делались следующие выводы:

«Если взять статистические данные о преступности погранчастей, то мы видим большой рост таковой, не только рядовые красноармейцы, но и комсостав и политсостав и сотрудники ГПУ замешаны в различных преступлениях. Если взять цифры задержанной контрабанды и перебежчиков на всем участке государственной границы, то видим, что в большинстве случаев задержания незначительны. Нужно констатировать, что погранохрана связана с контрабандистами преступными упушениями и халатным отношением к службе».

Конференция, надо сказать, отнеслась довольно мягко к нарушителям, рекомендовала «до максимума развить воспитательную работу». «Необходимо друг за другом следить, – советовали партийные работники, – удерживая слабохарактерных и невыдержанных товарищей».

Конечно, работали политсуды и трибуналы. Сохранилось дело в отношении красноармейца из первого погранполка, в котором служил Иван Гришин. Нарушитель пропустил контрабанду двух мешков чая, получил за это 10 рублей золотом и купил у часового другого государства сапоги. За это получил лишение свободы на 5 лет.

Политрук второй пограндивизии поручил подчиненным купить водку у польских солдат. В результате получил лишение свободы на полтора года, а водку сдали в санчасть.

На участке Ивана Гришина в начале 1924 года прошла партия контрабанды. Дело об этом хранилось в архиве, но потом куда-то исчезло. Можно только гадать, каким образом произошло это служебное упушение со стороны командира. Возможно, еще достаточно неопытного взводного просто обманули подчиненные. В 1945 году командующий войсками 2-го Белорусского фронта при аттестации командующего войсками 49-й армии Ивана Тихоновича Гришина счел необходимым указать на такой его недостаток как «излишняя доверчивость». Наверное, молодой командир взвода кому-то слишком доверился.

Ивана Гришина отстранили от должности на два месяца, пока шло расследование. Но, в конце концов, вменили ему «халатность» и перевели из погранвойск ОГПУ в территориальную часть – 81 стрелковый полк, понизив в должности до командира отделения.

На должности помкомвзвода он пробыл полгода, затем его вновь сделали командиром взвода, а в августе 1924 года по его просьбе послали на учебу в Западную пехотную школу имени первого командующего Западным фронтом А. Ф. Мясникова в Смоленске. Приказом школы от 29 августа 1925 года Иван Гришин как выдержавший приемные испытания зачислен как курсант на денежное и вещевое довольствие.

Правда, по политграмоте он получил «удовлетворительно», и вердикт приемной комиссии гласил «подходит только в подготовительный класс». Идеологической подготовке на курсах уделяли повышенное внимание. Об этом можно судить по материалам конференции школы, проходившей в феврале 1926 года. Докладчик товарищ Георгиев так обрисовывал программу обучения:

«В основе наших нормальных пехотных школ 1-й ступени лежит идея войны и боя — мы должны готовить молодняк для войны и боя. В качестве бойца-единоначальника, командира-политруководителя, отвечающего современным требованиям войны и боя, вытекающим из условий современной боевой обстановки...

К требованиям учебно-воспитательного характера относятся: а) приобретение и усвоение необходимого минимума теоретических знаний по всем предметам курса с попутной выработкой диалектического метода мышления и умения самостоятельно работать над книгой; б) выработка умения применять приобретенные знания в своей повседневной практической деятельности; в) выработка служебно-инструкторских навыков или методических приемов обучения и воспитания; г) выработка навыков общественного порядка.

К требованиям воспитательного порядка относятся: а) выработка начал ленинского мирозерцания и метода мышления; б) выработка основных качеств и привычек, единственных и необходимых единоначальнику, командиру-политруководителю на поле боя, а именно: смелость в борьбе, революционная дисциплина, самодеятельность, частный почин, стремление к взаимной поддержке и выручке, активность, твердость и настойчивость в преследовании и достижении цели, гибкость мысли, стремление добиться максимальных результатов с готовностью рисковать и брать на себя ответственность за последствия принятого революционно-смелого решения, такт в руководстве своими подчиненными в связи с умением зажигать, когда надо, сердца революционным пламенем, и отчетливость и аккуратность в работе».

Занятия длились шесть дней в неделю с 8.30 до 12.00, затем с 12.55 до 16.40. Курсанты участвовали в многочисленных общественных мероприятиях. Распорядок недели включал: понедельник – партийный день, вторник – работа в ленинских уголках, заседания бюро коллектива школы, четверг – союзный день, заседания бюро ротных ячеек, работа в ленинских уголках и кружках, пятница – работа военного научного общества, авиахима и заседания бюро комсомольских ячеек рот, суббота – заседания бюро коллектива школы.

В школе существовала комиссия связи с деревней, с рабочими предприятиями и Красной Армией. В Смоленске курсанты проводили работу на электрической станции, в клубе Нарпита, в кооперативном техникуме, на керамическом заводе. Там они устраивали «военные уголки», осуществляли обмен стенными газетами, делали доклады, все это в рамках кампании по «военизации» рабочих.

Школа не имела собственного помещения для клуба, поэтому внешкольная работа часто проводилась в смоленском доме Красной Армии.

В целом, руководители могли гордиться политическим климатом в своем учебном заведении. Инспекторская проверка постановки партийной и внешкольной работы в школе пришла к выводу: «Организация здоровая. Уклонов никаких не выявлено».

Иван Гришин по итогам года получил по обществоведению «хорошо». В Западной школе его приняли кандидатом в ряды ВКП(б) и он стал вскоре секретарем партячейки роты. Но лучше всего у него шло усвоение военных дисциплин. Устав внутренней службы – «хорошо», гарнизонный устав – «хорошо», дисциплинарный устав – «хорошо», боевой устав пехоты, часть I, строевое дело – отдел. II «хорошо», отдел. III – «хорошо», отдел. IV – «хорошо», отдел. V «хорошо», связь – «хорошо», полевая тактическая подготовка – «хорошо», стрельба – «хорошо». Гимнастика – «хорошо», «лыжи» – хорошо», владение холодным оружием – «хорошо», игры – «хорошо».

И строевую характеристику он получил положительную:

«Знание и понимание пройденного курса хорошие. Инициативен. Дисциплинирован. Сообразителен. Авторитетен среди товарищей и командиров. Инструкторские навыки хорошие. Работать может самостоятельно».

На каникулах Иван Гришин дважды ездил в родную деревню.

По итогам года, его перевели из подготовительного в основное отделение, но, поскольку Западная школа к этому времени закрылась, он продолжил свое обучение в Иваново-Вознесенской пехотной школе, которую перевели в город Орел.

Курс обучения в этой школе был рассчитан на 3 года. Поскольку Иван Гришин проучился уже один год на подготовительном отделении в Западной школе, то для него пребывание в Орле сократилось до двух лет. В Иваново-Вознесенской пехотной школе уделялось много внимания общеобразовательной подготовке, так как военно-учебные заведения этого типа приравнивали к школам второй ступени, то есть, к девятилеткам. Курсант мог сдать экзамены за курс средней полной или средней неполной (семилетней) общеобразовательной школы. Кроме того, тех, кто хорошо учился, могли освободить от такого рода экзаменов по результатам зимней и летней учебы и выдать диплом о среднем образовании.

Иван Гришин в 1927 году получил аттестат об окончании 7 классов нормальной школы.

По приказу по Иваново-Вознесенской пехотной школе от 1 июня 1928 года, изданном начальником и военкомом Савицким, можно судить о тех навыках, которые прививали в этом учебном заведении командирам РККА в области общевоинской подготовки.

Во-первых, «знание и понимание боевых уставов... необходимо добиться точного и твердого выполнения уставов РККА, как в боевой подготовке, так и в карауле и повседневном быту».

Во-вторых, выработка «необходимых командирских качеств... — активности, инициативы, умения кратко и четко отдавать распоряжения и сделать доклад».

В-третьих, «выучка и тренировка в стрельбе на меткость..., обращающая внимание на стрельбу из пулеметов и револьверов».

В-четвертых, «выработка из курсанта старшего курса меткого и отличного стрелка из всех видов стрелкового оружия, а также командиров взвода стрелковой и пулеметной роты, умеющего подготовить стрелков и управлять огнем».

В-пятых, что касается физической и строевой подготовки, то «добиться меткого заметания ручной гранаты, умения передвигаться различными способами (ходьба, бег, ползание), умения

преодолевать (лазать), перепрыгивать все препятствия полевого городка».

В-шестых, обратить особое внимание на внешний вид курсантов – «добиться образцовости в этом вопросе, как в строю, так и вне строя».

В этом отношении начальник 3 отдела УВУЗА Авиновицкий в своей инструкции относительно постановки дела в военных школах фактически призывал красных командиров перенимать лучшее, что было у офицеров прежней российской армии:

«Нельзя расценивать такие требования в воспитании командира Красной Армии: – как уважение к старшему начальнику, приветствование последнего вне службы, уступить место – как подражание традициям старой армии.

Точно также нет никакого юнкерства в том, что требуется от всех военнослужащих, а от курсантов и командиров вдвойне, – всегда быть чисто и прилично одетым. Это требует устав. Но вредно и не нужно щегольства».

Конечно, при этом Авиновицкий сразу же оговаривался:

«Самое главное требование к командиру – умение воспитывать массы в духе революционно-классового сознания, умения пользоваться предоставленной властью, быть чутким к нуждам и запросам своих подчиненных».

Руководители системы военного образования считали, что воспитание красного командира с учетом всех вышеназванных требований идет гораздо успешнее, если курсанты являются комсомольцами или членами партии. По признанию Авиновицкого, 80% выпускников военных школ являлись таковыми. Иван Гришин прошел свой кандидатский стаж и был принят в Иваново-Вознесенской школе в ряды ВКП(б).

По приказу от 28 августа 1928 года Революционно-Военного Совета Союза Советских Социалистических Республик Гришина Ивана Тихоновича удостоили звания командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии и распределили в 132 стрелковый полк 44 стрелковой дивизии в качестве командира взвода полковой школы.

Народный комиссар по военным и морским делам, председатель РВС К. Е. Ворошилов обратился к выпускникам с пламенным призывом:

«Революционно-Военный Совет приветствует четыре с половиной тысячи рабоче-крестьянской молодежи, окончившей военные школы и вступающей командирами в ряды Красной Армии.

Политика мира, неуклонно проводимая рабочим государством, в нынешнем году встречает такое же сопротивление со стороны мировой буржуазии, как и в прошлые годы. Вопреки лицемерным разговорам о мире, продолжается рост вооружения, возобновляются старые военные союзы, в своей главной части направленные против Советского Союза. Внешняя опасность продолжает быть реальной угрозой нашему великому строительству. Успешность нашего дела не менее, чем прежде, зависит от крепкой, надежной вооруженной охраны. Еще в большей степени необходима дружная, настойчивая работа всего командного и политического состава по дальнейшему укреплению наших боевых рядов, по сплочению всего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Современная обстановка боя, роль военной техники, огромное значение политических факторов требуют от командира Красной Армии обширных военных и политических знаний, умения сочетать требования суровой революционной дисциплины с уважением красноармейца бойца-товарища с неослабной заботливостью о его нуждах.

Обязанность учителя, воспитателя и вождя вверенных ему частей требует от командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии особой примерности, как в несении военной службы, так и в дисциплине и в быту. Командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, где бы он не находился, — в казарме или общественном месте — должен вести себя так, чтобы ни один его поступок не противоречил духу той армии, в которой он служит. В своей части, в своем взводе молодой командир обязан осуществлять братское отношение к подчиненным и уважение к старшему начальнику, поддерживая всемерно товарищескую обстановку, составляющую главную особенность и силу Красной Армии. Молодой командир обязан укреплять единство командного и политического состава, памятуя, что в этом единстве — залог нашей крепости и мощи и будущих успехов в борьбе с классовыми врагами.

Поздравляя выпускников с высоким званием командиров РККА, Революционно-Военный Совет уверен, что они пример-

ностью и дисциплинированностью в несении военной службы, упорством и энергией в военном и политическом обучении и воспитании красноармейцев, преданностью Коммунистической партии и Советской власти, вниманием и заботливостью к красноармейцам оправдают то высокое доверие, которое оказывается им назначением на должности командиров первой в мире армии государства трудящихся. Реввоенсовет уверен, что молодые командиры в повседневной командирской работе будут еще более совершенствовать полученные ими в военной школе знания и навыки и в момент испытаний в боях с классовым и врагами обеспечат победу Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Да здравствуют молодые красные командиры!

Да здравствует вооруженная охрана Советского Союза – Рабоче-Крестьянская Красная Армия!»

Через два дня после официального распределения 30 августа Иван Тихонович Гришин обратился к начальнику Иваново-Вознесенской школы Савицкому со следующим рапортом:

«Прошу Вашего ходатайства переменить мне назначение, вместо должности комвзвода полкшколы на должность этой же категории помкомроты. Ввиду того, что в первой должности я был до поступления в нормальную школу и имею достаточно опыта в работе данной должности. Желая получить практику по должности помкомроты».

Савицкий поддержал ходатайство выпускника, поскольку в аттестации Ивана Тихоновича, данной в школе, содержалась аналогичная просьбе Гришина рекомендация:

«Волевой, энергичный, добросовестный, дисциплинированный командир. В обстановке разбирается отлично. Тактичен. Во всех отношениях примерный курсант. Политически развит и выдержан. Соответствует должности пом. ком. роты. Достоин продвижения в внеочередном порядке на должность ком. роты».

При чтении этой аттестации невольно возникает вопрос: уж не Савицкий ли лично предложил Ивану Тихоновичу оспорить официальное распределение?

Ходатайство Гришина было направлено Начальнику Управления военно-учебных заведений. Там помощник начальника 3-го отдела Кинги и помощник начальника отдела по личному составу Глазунов наложили следующую резолюцию:

«Ходатайство о переводе на должность помкомроты тов. Гришин должен возбудить по прибытии в часть перед командиром части».

В общем, распределение в 44 стрелковую дивизию было почетным. Ею командовал в годы гражданской войны легендарный герой Украины Н. А. Щорс. В 1928 году нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР К. Е. Ворошилов получил из дивизии юбилейное издание книги «История походов и боевых действий 44 дивизии» и ответил следующим посланием:

«Полученное мною Ваше приветствие ярко воскрешает в памяти блестящее боевое прошлое 44 Киевской стрелковой дивизии.

Великие подвиги 44-й дивизии, прошедшей победный путь от Унечи и Брянских лесов до Буга, вписавшей блестящие страницы в историю борьбы рабочего класса и селянства Советской Украины с международной буржуазией и внутренней контрреволюцией».

В том же году «в ознаменование 10-летия РККА ЦИК СССР признал необходимым отметить доблестную службу» 44 дивизии и удостоил ее награждением Почетно-Революционным Красным Знаменем.

Полк стоял на тогдашней границе СССР в Житомирской области.

В 1929-м году Иван Тихонович получил лестную аттестацию от командования дивизии:

«Хорошо подготовленный командир. Имеет хорошие методические навыки. Проявляет разумную инициативу. Заключение: должности командира взвода полкшколы вполне соответствует. Достоин продвижения на должность командира роты в очередном порядке».

В 1930-м аттестация еще более положительная:

«Вновь отмечаются положительные качества. Подчеркивается умение передать свои знания. Указывается, что взвод т. Гришина подготовлен хорошо и отлично. Заключение: достоин продвижения на должность командира роты во внеочередном порядке».

Однако ни в порядке общей очереди, ни вне ее, движения по служебной лестнице у него не происходило. И, возможно, Ивану Тихоновичу припомнились слова начальника 3-го отдела ГУВУЗ'а Авиновицкого:

«В условиях мирного времени стабилизированной численности РККА, темп продвижения по службе, естественно, медленный».

Но в рутинный ход армейской службы вмешались неподвижные политические факторы.

В декабре 1930-январе 1931 г. на Украине ОГПУ приступила к осуществлению операции «Весна». Под этим лирическим названием скрывалась ликвидация так называемых «контрреволюционных организаций» в командных кадрах РККА. Но перед этим в конце 1929 года на Военно-политическом совещании VIII корпуса, в состав которого входила 44-я стрелковая дивизия, разбиралось дело о «должностных преступлениях» в ее частях. Командование дивизии фактически обвинили в пособничестве «правому уклону». Приводим резолюцию совещания по докладу начальника особого отделения и военного прокурора VIII стрелкового корпуса:

«1. Бешеное сопротивление капиталистических элементов победоносному шествию социалистического строительства, выражающееся в частичном проникновении в госаппарат социально-чуждых элементов, пользующегося методами разложения и подкупа должностных лиц, нашло свое отражение и в отдельных частях Красной Армии. Вскрытые за последнее время серьезнейшие злоупотребления в хозаппаратах всех полков 44-й стрелковой дивизии и 8-го саперного батальона, в основном происходили на почве сделок частей с частниками, совершаемых на основе подкупа должностных лиц хозаппаратов этих частей и проникновение в хозаппарат социально-чуждых элементов. Отдельные звенья хозаппарата, а в некоторых случаях почти весь личный состав хозаппаратов частей (44 артполк) использовали все возможности для совершения незаконных сделок, доходя до открытого сращивания с частным капиталом, Применялось все: начиная от получения мелких взяток деньгами и натурой при сдаче починочных работ и кончая продажей крупных партий казенного имущества за крупные взятки.

2. Связь на основе преступных действий с частником привела значительную часть хозработников частей к полному их разложению, в результате чего, помимо незаконных за взятки сделок, имело место значительное количество растрат и подлогов (44-й артполк свыше 2000 р., 132-й стрелковый полк — до 2000 р, и 13-й стрелковый полк — пока выявлено 800 р.)

Разложение работников частей дошло до установления полной семейственности во взаимоотношениях с частниками, выражающееся в частых попойках в ресторанах и взаимных посещениях квартир для попоек (44-й артполк, 132-й и 131-й стрелковые полки), во время которых производились преступные сделки.

3. Тесная связь хозработников частей с частниками, происходившая в значительной мере на глазах у командования частей и партполиторганов в течение продолжительного времени, оставалась без необходимого реагирования, что свидетельствует о слабом усвоении проявления сущности правого уклона на практике со стороны партийно-политических органов частей.

ВПС считает необходимым: наряду с преданием суду всех виновных в злоупотреблениях, политсовещание считает необходимым возложить меры реальной служебной ответственности на командование всех степеней, ответственности за руководство хозяйственной жизнью частей».

Также в конце 1930 года имела место попытка одного из младших командиров дивизии создать среди младшего начсостава группировку для организации повстанческих отрядов с целью борьбы за «самостийную Украину».

В марте 1931 г. арестовали начальника 44-й стрелковой дивизии Ярослава Штромбаха. Чеха-интернационалиста, участника Гражданской войны обвинили в связях с контрразведкой Чехословакии и намерении стать на сторону восставших крестьян и открыть фронт для интервенции на Украину иностранных армий. В мае 1931 г. Штромбаха расстреляли. Одновременно большое количество командиров рот, батальонов и батарей изгнали из армии.

В результате возник некомплект командного состава, который предстояло срочно восполнять. По документам Политотдела 44-й стрелковой дивизии в середине 1931 года 50% ее командиров имели стаж всего полгода.

В апреле 1931 года И.Т. Гришин стал командиром роты, а с июня 1932 года исполнял уже обязанности начальника штаба батальона и временно исполняющего должность помощника начальника штаба полка. Поднялся он и по партийной линии: в 1931 году его избрали членом партбюро полка, а в 1932 — членом Дивизионной партийной комиссии.

Надо сказать, что партийной организации армии приходилось решать весьма сложные задачи, чтобы РККА оставалась надеж-

ным орудием государственной власти. В первую очередь, из-за низкого образовательного уровня и красноармейцев и командиров идеологическое просвещение масс, донесение до них решений и резолюций партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК являлось трудоемкой работой. Проверка политических знаний красноармейцев выявляла просто анекдотические факты. Так один из них заявлял:

«Социал-демократы — это кулаки, раньше они назывались социал-фашистами, а сейчас социал-демократами».

Другой говорил: «Красная Гвардия — это как банда».

Еще одно характерное утверждение: «Хозяином страны является товарищ Сталин».

Командир взвода так отвечал на вопрос «Почему неизбежны столкновения между капиталистами и Советским Союзом»:

«Вот две собаки, бросьте им кусок мяса, — они обязательно подерутся».

Человек, который вел политзанятия (он назывался «групповод»), этот же вопрос разъяснял так:

«Сидят три человека у одного стола, среднему нужно писать, но сидящие по сторонам не дают, что ж придется делать среднему? Начать драться. Так и с Советским Союзом».

Но в армии служили и люди образованные, и они задавали неудобные для партийных начальников вопросы, совпадающие с точкой зрения «правого» или «левого уклона». В апреле 1931 года Политуправление Украинского военного сделало сводку «оппортунистических взглядов», которые проявились на дивизионных комсомольских конференциях:

«Все вывозят за границу, а рабочий класс голодает», «Товаров нет, зарплата рабочим понижается», «СССР — это эксплуатация», «Крестьянство не доверяет Советской власти», «Социализм в одной стране не построим», «Темпы коллективизации непосильны», «Под видом кулака жмут нашего брата крестьянина», «В колхоз загоняют насильно», «Кулак тоже человек, надо принимать кулака в колхозы, создавать кулацкие колхозы с целью перевоспитания кулака».

Делались выводы, не лестные для Советской власти. Так, один комсомолец, приходил к следующему выводу:

«У нас страну довели до того, что пуд муки стоит 200 рублей, и это потому, что страной управляют кухарки».

Тяжелое экономическое положение в стране сказывалось и на командном составе. Политотдел дивизии сообщал в Политотдел УВО:

«Факты недовольства в связи с затруднениями в снабжении начсостава и семей продуктами и промтоварами:

Комбат 132 стрелкового полка Байтин, служащий, беспартийный: «кормят нас плохо, мяса нет. Разве командир может работать с полной нагрузкой при таком питании?»

Аналогичные заявления имели место со стороны целого ряда лиц начальства не только беспартийного, но и коммунистов, и эти недовольства были вызваны тем, что в течение второй половины мая и начала июня мясо для столовых ЗВК совершенно не отпускалось и даже частям гарнизона отпускалось мясо в значительно сокращенных пропорциях».

Дефицит промтоваров вызывал спекулятивные настроения в среде комсостава. В июле 1931 года заместитель начальника политотдела Бахмаров издал грозный циркуляр против спекулянтов. В нем, в частности, утверждалось:

«Промтовары, получаемые начсоставом в ЦРК по нормированным ценам, продаются по рыночным ценам, хлеб, мыло, крупа, махорка обмениваются на молочные продукты и есть случаи, когда жены начсостава расплачиваются при поездках в город с извозчиками махоркой. Эти безобразные настроения создают целый ряд отрицательных настроений вокруг начсостава и Красной Армии среди окружающего населения. Нередко такие операции производят и жены партначсостава.

Предлагаю ВК и партбюро частей принять меры к немедленной ликвидации этого безобразия».

Однако «безобразия» не ликвидировались «немедленно» и Политотдел дивизии издал в ноябре 1931 года накануне годовщины Октябрьской революции более грозный циркуляр:

«Несмотря на неоднократные указания Политотдела о решительной борьбе с явлениями спекуляции продуктами и промтоварами отдельными лицами из семей начсостава, они не только не прекратились, а, наоборот, увеличились. Это является следствием того, что партаппарат и парторганизации ничего не сделали для ликвидации этих безобразных явлений, несмотря на то, что продажа промтоваров и продуктов происходит на глазах у начальства и их семей, причем виновными в

спекуляции являются и члены семей отдельных командиров-коммунистов.

Жена командира 44 а.п. Николаева и жена политрука БС 8 Паншина купили в ЗВК ботинки за 13 рублей, а продали их за 30.

Комвзвода 130 полка Папченко в магазине на глазах у всех продал плащ.

Правление ЗВК и уполномоченные ЗВК частей не приняли мер к правильному распределению промтоваров, вследствие чего является то положение, что отдельные члены семей начальства могут закупить одновременно несколько предметов промтовара, что в свою очередь порождает спекуляцию.

Эти безобразные явления вызывают нездоровые настроения среди семей начсостава, а также самого начальства, причем есть даже отдельные лица начсостава, оправдывающие эти преступления, заявляя: «Если не будешь спекулировать, иначе не проживешь».

Расценивая факты спекуляции членами семей отдельных лиц начальства как политически вредные, порочащие начсостав и дискредитирующие РККА, в частности, начсостав в глазах трудящихся,

ПРЕДЛАГАЮ:

Немедленно заняться выявлением и разоблачением в спекуляции, привлекая их к самой суровой ответственности, передавая особо злостных прокурору для предания суду, как за уголовное преступление. Лиц начсостава партийцев, члены семей коих занимаются спекуляцией, привлечь к строгой партийной ответственности, вплоть до исключения из рядов ВКП(б).

В борьбе против отклонений и нарушений в армии в РККА партийными органами был выработан механизм, который Г. К. Жуков в своих мемуарах описывает так:

«Вспоминая те далекие и нелегкие годы, хочется отметить, что люди были готовы на любое самопожертвование, на любые лишения во имя лучшего будущего. Конечно, и в наших рядах находились отдельные нытики, но их сразу же ставила на место красноармейская общественность. Какая это большая сила — здоровый красноармейский коллектив!»

В документах Политотдела 44-й стрелковой дивизии имеется немало примеров, как «ставили на место» тех, кто «шагал не в ногу».

Например, на заседании партийной комиссии 20 марта 1930 года рассматривался случай «право-кулацкого уклона». «Кандидат партии Петров (парторганизация 132-го полка, где служил в это время И. Т. Гришин – ред.), будучи в отпуску, подпал под влияние кулацкой агитации. По возвращении в часть стал вести разлагающую работу, утверждая, что «пяtilетку мы не выполним, десятилетка будет еще труднее, партия поступает неправильно, отправляя хлеб за границу – самим есть нечего». Партячейка, в состав которой входил Петров, по заданию партбюро, в результате разбора этого дела, не только со всей решительностью не осудила кулацких явлений Петрова, не мобилизовала внимание к этому делу состава ячейки, а вынесла примиренческое постановление, в котором ячейка просила партбюро запросить район о правильности заявления Петрова, предложив последнему прекратить свои разговоры. При разборе дела на партбюро со стороны отдельных членов ячейки были попытки доказать правильность примиренческих решений. Постановлением Дивизионной партийной комиссии четверем активистам, инициаторам примиренческого постановления, были вынесены различные меры партвыскаания. Петрову, как осудившему свои взгляды, вынесли строгий выговор».

Другой случай, который имел более серьезные последствия. На заседании партийной комиссии от 18 июня 1931 года обсуждалось конфликтное дело «Сколодова Василия Андреевича, парторганизация 132-го стрелкового полка, командира отделения, по социальному положению рабочего, в Красной Армии с 1929 года, с 1930 года кандидата партии, и Катаева Николая Ивановича, рабочего, командира отделения 132-го стрелкового полка, с 1930 года кандидата партии.

Привлекаются за право оппортунистические убеждения.

Тов. Сколодов говорил: «На кой черт нужна пяtilетка, если после нее снова будет трудность, зерновая проблема разрешена, а хлеба не хватает, сейчас рабочий получает 400 грамм хлеба, булка стоит 25 копеек. Раньше рабочему жилось лучше.

Тов. Сколодов на конюшне собирал группу красноармейцев и вел с ними беседу против политики.

В период боевой стрельбы тов. Сколодову было предложено заключить соц. соревнование с одной из батарей артполка, но он от этого отказался.

Тов. Катаев на политзанятиях говорил: «Как жить на 25 копеек, когда все дорого».

Сколотов не признавал своих ошибок, Катаев раскаялся.

Постановили: Сколодова из кандидатов партии исключить, Катаеву – выговор».

В ряде случаев партийное руководство не ограничивалось решениями внутренними.

В голодном для Украины 1932 году Политотдел дивизии констатировал уже в марте месяце:

«За последнее время участились случаи получения в казарму писем контрреволюционного характера, как, например, красноармейцем Шумкиным, беспартийным, колхозником, получено от своего односельчанина Дьякова Дмитрия письмо такого содержания:

«Слушай, Павел Федорович, я вам напишу все подробно. Мы живем на птичьих правах, но все-таки духом не падаем. Хотя нам отказали в пайке, но будем стараться снабдить свое семейство. А из колхоза бегут все. Почему, да потому что хлеба нет в колхозе, а скотина вся дохнет. Держат на веревках, кормят крышей и старой соломой. Больше наполовину здохли лошади, а остальные нечего ждать. А сейчас вся надежда на коров, хотя на коровах сеять, а семенов нет нигде ни фунта. А пахотной земли 4000 га у нас коровы не вытерпят на старой соломе. Вот какое у нас положение. Насри да брось. Народ падлу едят, которая сдохнет лошадь, и на драку делят между собой, вот до чего дожили мы. Ребятишки просят хлеба, а некоторым ничего чем подать, но мы еще колыхаемся – духом не падаем, что будет дальше. А очень вы не расстраивайтесь об нас. А пока живите спокойно, что будет, то всем нам погибать вместе с народом, наверное, время настало, и этому быть и писание доказывает».

В данном случае командование части обратилось в местную прокуратуру с заявлением сделать запрос о положении в колхозе, в которой состоит автор письма, и о выяснении личности Дьякова.

Одни красноармейцы сочувствовали крестьянам и пытались как-то помочь голодающим. Красноармеец Быков, кандидат в члены ВКП(б), по социальному положению батрак, служивший в том же полку, что и И.Т. Гришин говорил:

«Партия занимается очковтирательством, постановляет и пишет в газетах, на самом деле этого нет, народ даже у нас на кухне приходит есть помой».

Другой красноармеец, Остротин Михаил, комсомолец, как сказано в политсводке, «будучи в гарнизонном наряде на станции Житомир, вел беседу с неизвестным гражданином, отбывающим наказание по суду в Житомирском ДОПР'е. Последний жаловался Остротину на то, что он якобы сидит в ДОПР'е за невыполнение хлебозаготовок в количестве 20 пудов. Дальше он продолжает: «В ДОПР'е нас сидит 10 тысяч, все они пойдут против Советской власти, так как их семьи голодают». Этот разговор на Остротина повлиял, идя с наряда, он говорил: «100 миллионов пудов хлеба запаса – вещь хорошая, но я не могу спокойно смотреть на полуголодных людей. С каждым днем количество нищих увеличивается. Нужно сорвать печати со складов и удовлетворить людей хлебом».

Конечно, реакция на это партийного руководства была соответственная: «Вокруг этого факта в роте было создано общественное мнение путем созыва митинга бойцов, на котором все бойцы осудили настроение Остротина».

Ведь имелось немало тех, кто относился к крестьянам с предубеждением. Когда колхозникам формально предоставили право свободно торговать, хотя торговать часто было нечем, комсомолец Байкий из артиллерийского полка, воскликнул возмущенно: «Как же так, вдруг колхозник начнет драть шкуру с рабочего!»

В декабре 1932 года, когда на Украине изымали даже посевной фонд, чтобы выполнить государственный план хлебозаготовок, красноармеец Галянец, беспартийный, сам колхозник заявлял:

«Нужно дать отпор оппортунистическим толкованиям о планах хлебозаготовок. Я работал на селе и знаю, хлеб есть, его прячут. Это работа кулаков».

Командир взвода Сашевский, возвратившись из села, где он занимался хлебозаготовками, утверждал в беседе с начсоставом:

«Разговоры о том, что на селе берут под метелку, ничем не обоснованы. Хлеб на селе есть, кулак агитирует против хлебозаготовок и прячет хлеб от Советской власти».

Понятно, что на настроения таких людей опирался И. С. Сталин, когда в письме к М. Шолохову писал: «...уважаемые хлебо-

робы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба».

История, конечно, показала, кто оказался прав, но слишком поздно. Цена ошибочных мнений — миллионы человеческих жизней.

Уже в это время обнаружилось расслоение в РККА, которое в массовом порядке проявилось в 1941 году. Формально Политотдел дивизии заявлял о полной боевой готовности воинской части. Например, 21 октября 1931 года после смены командирского состава в результате операции «Весна» он обратился со следующим рапортом «почетным красноармейцам 44-й стрелковой Краснознаменной имени Киевского пролетариата дивизии — генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину и Председателю РВС СОБЗА — наркому военмору тов. Ворошилову», в котором в духе тогдашней стилистики утверждал:

«Крепко сплоченные вокруг партии и ее генеральной линии, руководимые командованием и Политотделом, бойцы, командиры и политработники 44-й Краснознаменной имени Киевского пролетариата дивизии заявляют о своей беззаветной преданности Ленинской партии большевиков и докладывают Вам, лучшим последователям великого ленинского учения о своей непримиримой воле и готовности бороться до конца за генеральную линию партии, за дело построения социализма в СССР, за дело мировой пролетарской революции.

Мы стоим на ответственнейшем посту у западных границ страны. Мы четко себе представляем всю сумму великих обязанностей, возложенных на нас партией и правительством, в деле охраны стройки, в деле своего боевого и политического совершенствования. И поэтому, выполняя указания РВС Союза и командования, развернув во всю мощь коммунистические методы работы — соцсоревнование и ударничество, все мы, бойцы и командиры, комсомольцы и партийцы, не покладая рук, упорно работаем над овладением военными и политическими знаниями, над укреплением боевой мощи дивизии.

Определение почетными бойцами нашей дивизии Вас, товарищ Сталин, и Вас, товарищ Ворошилов, вызвало новую волну творческого энтузиазма в наших рядах, еще больше повысило энергию в работе каждого бойца, командира и политработника.

Совпавший с этим определением ответственнейший период учебы, период поверки и отшлифовки нашей годовой выучки и закалки волею всех масс бойцов и начсостава, нами проводимыми под лозунгом выполнения всех возложенных на дивизию обязательств на «отлично», в подарок почетным ее бойцам – вождю пролетариата ВКП(б) тов. Сталину и вождю РККА тов. Ворошилову.

Мы будем работать и учиться так, чтобы, стоя у границ Советского Союза, в любую минуту быть готовыми ответить сокрушительным ударом по всем, кто вздумает помешать социалистической стройке СССР.

Да здравствует ВКП(б)!

Почетным бойцам 44-й Краснознаменной наш горячий привет и красноармейское ура!»

А секретные донесения Политотдела дивизии Политотделу УВО рисовали иную картину. В связи с назревающим конфликтом с Японией в марте 1932 года выяснилось, что часть красноармейцев «рвется в бой», а у какой-то части преобладают пораженческие настроения. Одни официально заявляли: «Мы хотим добровольно поехать на Дальний Восток». Курсант школы саперного батальона Миндель, комсомолец, рабочий, сказал: «Скорее бы начали войну, я бы, как мои пять братьев, пошел бы на капиталистов». Командир взвода саперов Шевченко поддержал его: «Скорее бы расчитаться с ними (империалистами)!» Еще одно заявление подобного рода рабочего, беспартийного: «Я в любой момент готов пойти давить буржуазию»

А другой беспартийный красноармеец из середняков заявил противоположную позицию во время войны:

«Скоро начнется война, нужно как-нибудь попасть в ДОПР. Во время империалистической войны мой батько просидел в тюрьме, а по окончании войны его выпустили».

Красноармеец артиллерийского полка из колхозников ожидал краха Советской власти: «Если СССР разобьют, то будет лучше, будем жить по-старому».

Сапер из рабочих предположил: «Если будет война с Японией или с другими государствами, то колхозники, наверное, первыми восстанут, потому что у них отбирают хлеб».

Беспартийный колхозник высказался в том же духе: «У меня дома все забрали, кого же я буду защищать?»

Колхозник из середняков высказал полную уверенность в поражении Советского Союза: «Як підуть на нас усі буржуї, то нас візьмуть як мух».

В делах Политотдела дивизии сохранился документ без даты, который характеризует политико-моральное состояние красноармейцев после одной стычки с польскими войсками на границе. В нем приводится ряд фактов, которые характеризуют как невысокий уровень боевой подготовки в отдельных частях, так и расхождение в рядах бойцов.

Так в 130-м стрелковом полку три красноармейца объясняли свое отступление тем, что командиры не умели ими руководить. Другие три красноармейца ворвались в дом крестьянина-поляка и избили его потому, что он не давал им сала.

В 131-м полку три красноармейца оставили полякам легкий пулемет. Пять красноармейцев убежали панически в тыл, из них один член ВКП(б) и один комсомолец.

В 132-м полку четыре красноармейца ворвались на хутор, напились пьяными и избили крестьянку-полячку. А два красноармейца вели агитацию за уход с оружием на польскую сторону.

В то же время полковая школа 132-го стрелкового полка, в которой два года служил И. Т. Гришин, показала выполнение упражнений из винтовки на «отлично» на учениях 30 июня 1931 года. А полковая газета этого полка, после того, как Ивана Тихоновича избрали членом партбюро, по мнению Политотдела дивизии, стала «образцовой газетой».

В целом в 1932 году И. Т. Гришина аттестовали следующим образом:

«С работой начальника штаба батальона и врид помначштаба полка справляется хорошо. Хорошо организует работу в штабе и занятия с войсками. Любит работу в поле. Вывод: должности начштаба батальона вполне соответствует. Достоин продвижения на должность помначштаба полка. Зачислить в кандидатские списки командируемых в Академию имени Фрунзе. Заключение: подлежит выдвижению на должность комбата, помначштаба полка и пом. нач. 1-й части штаба дивизии.

Начальник 1-го отдела Штадива».

8 июня 1933 года Ивана Тихоновича приняли на основной факультет Академии имени Фрунзе. При среднем балле на вступительных экзаменах 3,68 он получил 3,81 и шел третьим в списке

из 61 человека. Напротив его фамилии было сделано примечание: «БВО. Окончил разведывательные курсы. Хороший кандидат». 934 год для Академии имени Фрунзе оказался юбилейным Нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов по этому случаю издал приказ, в котором высказал пожелания партии и правительства относительно целей обучения:

«РВС Союза СССР поздравляет слушателей, преподавательский, красноармейский и начальствующий состав Краснознаменной Военной Академии с 15-летием и высокой наградой Академии имени Фрунзе – орденом Ленина, с награждением начальника Академии т. Шапошникова Б. М. и его помощника по политчасти т. Щаденко Е. А. Орденами «Красная Звезда», а также с награждением руководящего и преподавательского состава орденами «Красная звезда» и грамотами от ЦИК'а СССР, и выражает уверенность, что и впредь, используя свой опыт и опыт всей Рабоче-Крестьянской Армии, весь личный состав Академии будет еще с большим напором, еще с большей настойчивостью работать над воспитанием культурных, высококвалифицированных командиров-большевиков, и желает Академии в этой работе дальнейших успехов».

Начальство Академии в свою очередь выступило с воззванием:

«Т. командиры-слушатели, преподаватели и командиры постоянного состава!

Эта высокая революционная награда обязывает всех нас работать еще с большим энтузиазмом, организованностью, напористостью, инициативой над подготовкой и воспитанием «образованных командиров-большевиков, мастеров военного дела» (Сталин) и над решением новых оперативных и тактических задач, выдвигаемых современным техническим оснащением нашей армии на основе бурного роста победоносного социалистического строительства нашей страны.

Всю нашу работу мы должны пронизать новым подъемом соцсоревнования и ударничества и вести ее так, чтобы оправдать высокое доверие правительства, партии и Реввоенсовета. Мы должны быть действительно достойными высокого имени незабвенного вождя мирового пролетариата тов. Ленина, орденом которого награждена Академия. Мы должны непоколебимо стоять и высоко держать дважды орденоносное знамя наших боевых и учебных заслуг и, не успокаиваясь, не останавливаясь

на достигнутом, двигаться вперед еще с большими достижениями.

Большевистское упорство и настойчивость в работе и учебе, сплоченность вокруг Ленинского ЦК во главе с гениальным вождем тов. Сталиным обеспечит нам новые достижения в деле выполнения задач, поставленных любимым наркомом тов. Ворошиловым перед нашей Академией.

Вперед к новым достижениям на учебном и военно-научном фронте на основе марксизма-ленинизма, на основе конкретной большевистской программы работ, данной историческим XVII съездом партии с ее мудрым вождем тов. Сталиным!

Да здравствует ВКП(б) – организатор социалистических побед!

Да здравствует Красная Армия – верный часовой советских границ и нашей социалистической страны!

Да здравствует большевистский Реввоенсовет во главе с вождем Красной Армии тов. Ворошиловым, непосредственно конкретно руководящим подготовкой и воспитанием командиров-большевиков Академистов!»

В феврале 1934 И. Т. Гришин попал в списки кандидатов на обучение на Восточном факультете, 2 апреля 1934 года зачислен на 1-й курс этого факультета в «Дальневосточный разряд». 27 мая 1934 года – на 2-й курс. Задача обучения на Восточном факультете формулировалась так:

«Готовит для РККА командиров разведывательной службы, теоретически и практически подготовленных как для работы в войсках, так и для специального использования.

Наряду со специальной подготовкой лица, выпускаемого Восточным факультетом, должны получить достаточную теоретическую и практическую подготовку строевого и штабного командира-единоначальника для ведения и подготовки войск, насыщенных современной техникой».

Кроме тактико-оперативного цикла на Восточном факультете проходили военное страноведение, социально-экономические дисциплины, политработа в РККА и других армиях, курс «малая война», специальный курс разведывательной службы, организация и тактика иностранных армий, история войн, мобилизация, технические средства связи специального назначения, подрывное дело, стрелковое дело, прикладные предметы (физподготовка, верховая езда), автоезда, фотография.

Согласно учебному плану и программе обучение на Восточном факультете строилось следующим образом:

«1-й год обучения для всех отделений проходит на первом курсе Основного факультета.

«2-й год обучения для Дальневосточного и Ближневосточного отделений является первым годом обучения на специальном факультете. Повышает общеобразовательную подготовку, совершенствует навыки работы в масштабе полка и повышает общевойсковую подготовку до масштаба дивизии на соответствующем театре с конкретным противником.

По специальному циклу начинает изучение соответствующих иноязыков стран и армий противника.

3-й год обучения, являясь для Дальневосточного вторым годом обучения на специальном факультете, совершенствует навыки для работы в масштабе дивизии и повышает общевойсковую подготовку до масштаба корпуса. В области разведслужбы сосредотачивается на изучении методов ведения разведки всех видов.

4-й год обучения расширяет оперативный кругозор до понимания основ современной армейской операции и дает первоначальные навыки военно-научного исследования путем написания и защиты дипломной темы разведывательного, оперативно-тактического, военно-исторического или военно-географического содержания».

Конкретно целевые установки для слушателей Восточного факультета разработал начальник и комиссар факультета полковник Куцнер Гульдрайх Христианович, выпускник Академии 1928 года. По тактике и технике всех родов войск требовалось:

«В совершенстве знать основы тактики РККА, состояние и пути развития военной техники.

2. Знать и практически усвоить основы управления всеми родами войск в современном бою в масштабе полка, дивизии и корпуса. Уметь организовать бой и руководить работой штабов и служб в сложных условиях боевой обстановки.

3. Уметь правильно использовать технические средства борьбы, как состоящие на вооружении общевойсковых соединений, так и придаваемые последним.

4. Знать основы выполнения оперативных перевозок по железной дороге.

5. Уметь организовать и проводить переброску войск автотранспортом в масштабе батальона – дивизии.

6. Знать организацию подвоза и эвакуации на железных дорогах и водных путях.

7. Знать основы проведения массовых перевозок в период мобилизации и сосредоточения.

8. В совершенстве владеть техникой штабной службы, уметь быстро изготавливать штабные документы и выполнять графические работы.

9. Уметь быстро и правильно производить глазомерную и маршрутные съемки, организовать и лично проводить рекогносцировочные работы.

10. В совершенстве уметь организовать и вести непрерывную войсковую разведки всех видов боевой деятельности войск.

11. Уметь организовать тактический и оперативный авиадесант».

Особенное внимание в это время уделялось в Академии разработке глубокой операции. Куцнер ставил такие требования перед слушателями:

«1. Знать основы расчета глубокой операции в масштабе корпуса и армии.

2. Иметь представление о действиях отдельной (ударной) армии и проработать вопросы действия корпуса, входящего в состав ударной армии.

3. Усвоить основные моменты оперативного использования крупных авиационных и мотомехсоединений».

От командира – единоначальника требовалось основательное знание партийной работы. Слушатели изучали специальный курс «Политработа в РККА и иностранных армиях», включавший следующие темы:

«1. Политика РКП(б) в военном вопросе и строительство вооруженных сил.

2. Место и роль политработника в РККА. Основы политруководства в мирное и военное время.

3. Организация и методика партполитработы в мирное и военное время.

4. Политобеспечение боя и операции.

5. Изучение системы методов и форм политобработки солдат в соответствующих иностранных армиях.

6. Система, методы и формы работы среди населения соответствующих буржуазных государств при подготовке войны против СССР.

7. Ознакомление с задачами текущей партполитработы в РККА».

Во время учебы слушатели обязательно вели партийную работу. Иван Тихонович на первом курсе являлся пропагандистом на заводе «Каучук» и членом Президиума ячейки ВКП(б) отделения, на третьем и четвертом курсах парторгом Дальневосточного отделения.

Еще очень важный для Восточного факультета спецкурс — «Разведывательная служба». Изучались разные виды разведки — тактическая армейская, оперативная армейская и стратегическая, органы разведки — центральные, местные (военные атташе, военные миссии, консульства, агентства), средства стратегической разведки (агентурная сеть, вербовка агентов, оплата, официальные командировки командиров за границу и прочее.

Слушатели сдавали зачеты, например, по такой теме: «Действия ГРУ после прорыва стрелковым корпусом оборонительной полосы противника».

Ивану Тихоновичу пришлось усваивать по предмету «военного страноведения» военную географию Дальневосточного края Восточной Сибири и операционные направления в нем, военную географию Маньчжурского театра военных действий, военную географию Монгольской Народной Республики, Японии, Северного, Западного, Центрального и Южного Китая.

По истории войн он основательно знакомился с русско-японской войной 1904-1905 годов, с Шанхайской операцией, с боевыми действиями японцев в Маньчжурии.

По тактике и организации иностранных армий подробно рассматривалась весь комплекс вопросов по японской армии:

«1. Высшее и местное управление, система комплектования и прохождения службы в японской армии.

2. Высшие войсковые соединения японской армии в мирное и военное время.

3. Организация и вооружение японской пехоты.

4. Организация и вооружение японской конницы.

5. Организация и вооружение японской авиации.

6. Организация и вооружение японской артиллерии.

7. Организация и вооружение других технических и вспомогательных войск японской армии.

8. Вооруженные силы Манчжоуго, включая бело-монгольские формирования, их организация и вооружение».

Наконец, требовалось такое знание японского языка, чтобы свободно владеть разговорной речью, обязательно изучить, твердо знать и уметь пользоваться не менее тремя тысячами иероглифов.

Каждый слушатель изучал два иностранных языка. У Ивана Тихоновича вторым являлся английский язык.

Для современного читателя интересно будет знать, как питалась тогдашняя военная элита. У слушателя существовал выбор: или получать паек на себя и семью и общий обед в столовой по фактической стоимости, но не дороже 1 рубля 60 копеек, или сдавать паек и переходить на питание в столовой. Начальствующий состав тогда получал горячую пищу три раза в день. В завтрак кормили 24 раза в месяц мясными блюдами и 6 раз – рыбными. На второе в завтрак выдавали каждому булочку со сливочным маслом и стакан сладкого чая.

Обеды состояли из трех блюд, соотношение мясной и рыбной пищи было такое же, как в завтрак.

В ужин давали 12 раз в месяц мясные блюда, 9 раз рыбные и 9 раз вегетарианские. Кроме того, полагалось выдавать каждому по 200 граммов белого хлеба и стакан сладкого чаю.

Командир, который сдавал паек, получал еще на руки 1 килограмм сахара и полный набор мыла.

В питании рекомендовалось «даже в вегетарианские дни бульоны для первого готовить из мясных отходов и костей (ноги, головы от забоя свиней и коров), завтраки и ужины чаще практиковать в виде солянки-соуса из печенки, легких и сердца с картофелем, морковью и луком, а также приготавливать из тех же мясных продуктов (голова, ноги) студни высокого качества».

На втором курсе Иван Тихонович с семьей питался в столовой № 2 по адресу: Зубовская улица, дом 14.

Что касается личной подготовки в стрелковом деле, то он сдал нормы и получил значок «Готов к труду и обороне 1-й ступени, также ему присвоили звание «Ворошиловский стрелок». Марш на 25 километров он совершал за 3 часа 45 минут, а марш-бросок на 5 километров – за 31 минуту 20 секунд.

Во время учебы Ивана Тихоновича на втором курсе случилось событие, послужившее началом новой полосы репрессий в стране – убийство секретаря Центрального и Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова. В Академии на всех курсах прошла чистка.

Тов. Щаденко призвал слушателей к бдительности, которую он разъяснял так:

«Бдительность не только в том, что мы пособия вымарали, запачкали чернилами Троцкого, и этим дело кончилось. Мы должны не только эту макулатуру всю перетряхнуть, не только все учебники пересмотреть», а знать «людей досконально», «не только по отметке на бумаге, а знать по-настоящему, как большевика, как человека со всеми его качествами и положительными, и отрицательными».

В сентябре 1935 года Ивана Тихоновича перевели на 3-й курс со следующим оценками:

- общая тактика – 4,11 баллов;
- боевое управление – 4,5 баллов;
- методика боевой подготовки – 4,5 баллов;
- тактика конницы – 4,0 балла;
- организация иностранных армий – 5,0 баллов;
- разведслужба – 4,5 баллов;
- политическая экономия – 4,13 баллов;
- история войн – 4,2 балла;
- стрелковое дело – 4,0 балла;
- русский язык – 4,0 балла;
- математика – 3,5 балла;
- физподготовка – 4,2 балла;
- восточный язык – 3,99 балла;
- западный язык – 3,77 балла.

Среднегодовая оценка – «хорошо».

Средний переводной балл – 4,12 балла.

В мае 1936 года И. Т. Гришин перешел на четвертый курс, но окончил его раньше своих товарищей. Дело в том, что 4 апреля 1936 года нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов издал следующий приказ по Академии имени Фрунзе:

«1. Выделить из состава Генерального Штаба РККА Отдел боевой подготовки (2-й Отдел Генерального Штаба) и развернуть его в Управление боевой подготовки.

2. Руководство всей боевой подготовкой сухопутных сил РККА возлагаю на моего заместителя Маршала Советского Союза т. Тухачевского Михаила Николаевича с освобождением его от должности Начальника вооружений РККА.

3. Подчиняю Зам. наркому т. Тухачевскому М. Н. Управление боевой подготовки РККА, инспекторов пехоты, кавалерии, выс-

ших военно-учебных заведений, физической подготовки, спорта, по военной подготовке Осоавиахима, Военной Академии имени Фрунзе и стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава («Выстрел»).

Указанную реорганизацию провести в жизнь с 15 апреля».

А 2 октября 1936 года из Разведывательного Управления РККА Начальнику Академии Корку поступило письмо следующего содержания:

«Мною возбуждено ходатайство о досрочном выпуске по 1-му разряду и зачислении в распоряжение Разведывательного Управления РККА слушателей IV курса Специального факультета Академии:

1. Капитана Деревянко Кузьму Николаевича.
2. Капитана Юдкевича Якова Арнольдовича.
3. Старшего лейтенанта Гришина Ивана Тихоновича.
4. Старшего лейтенанта Иофина Григория Ароновича.

Прошу о скорейшем откомандировании указанных слушателей в мое распоряжение, так как они предназначены для выполнения срочного специального задания.

Зам. Начальника разведывательного Управления
Корпусный комиссар (Артузов)

Через две недели 14 октября появился приказ, подписанный уже Зам. Наркомом обороны М. Н. Тухачевским:

«Окончившие специальный факультет Военной Академии РККА имени М. В. Фрунзе в 1936 году

1. Капитан Бедняков Алексей Фомич.
2. Капитан Феденко Федор Александрович.
3. Капитан Юдкевич Яков Арнольдович.
4. Старший лейтенант Гришин Иван Тихонович.
5. Старший лейтенант Иофин Григорий Аронович

зачисляются в распоряжение Разведывательного Управления РККА.

Зам. Наркома М. Н. Тухачевский»

В тот же день издан еще один приказ М. Н. Тухачевского о том, чтобы вышеперечисленных 6 человек «считать окончившими в 1936 году Академию по первому разряду».

Тому, что Иван Тихонович попал в разведку, способствовали ряд обстоятельств. Он получил отличную характеристику как слушатель:

«Хороший, дисциплинированный командир. Академический курс усвоил отлично, выпускается с дипломом 1-й степени. Может быть использован по линии Разведывательного Управления РККА и Нач. штаба полка».

Он, немногий из красных командиров – выходцев из крестьян знал в определенной степени два языка: английский (читал и переводил со словарем) и японский (усвоил грамматические основы языка и читал и переводил со словарем).

Наконец, Иван Тихонович оказался в «нужный момент в нужном месте» – М. Н. Тухачевский в это время работал над Полевым Уставом РККА. Как писал в своих воспоминаниях преподаватель Академии Иссерсон Георгий Самойлович, «этот Устав разрабатывался в спешных условиях, так как нужно было немедленно преподавать войскам новые основы боя. В очень сжатой и содержательной форме он должен был полностью отразить новую теорию глубокой тактики, уже проверенную на ряде опытных учений и на маневрах – такова была задача, поставленная перед составителями Устава».

А И. Т. Гришин еще на третьем курсе начал работать над дипломной темой: «Сравнительный анализ наступательных темпов войск по уставам важнейших армий мира».

Остальные однокурсники Ивана Тихоновича, среди которых числились И. В. Болдин, М. А. Пуркаев, П. П. Корзун, А. И. Кирзимов, окончили обучение 31 октября 1936 года. Они послали К. Е. Ворошилову рапорт, который передает тогдашний официальный этикет, при котором им приходилось исполнять свой воинский долг:

«Вождю Красной Армии
Народному комиссару обороны –
Первому маршалу Советского Союза
Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Дорогой, любимый Климент Ефремович!

С чувством огромной радости, заслушав Ваш приказ об окончании нами высшей военной школы – Краснознаменной и ордена Ленина Военной Академии РККА имени М. В. Фрунзе, мы, слушатели-выпускники, шлём Вам, верному, ближайшему соратнику тов. Сталина, стальному маршалу Советского Союза, вождю непобедимой Красной Армии, наш горячий привет!

Согретые сталинской заботой о людях, окруженные Вашим вниманием и под Вашим руководством мы росли в стенах Академии, овладевая высотами оперативно-тактического искусства, повышая свой марксистско-ленинский большевистский уровень, изучая боевую технику, которой богато оснастила Красную Армию наша социалистическая промышленность.

Путеводной звездой для нас в нашей учебе были слова гениального стратега Мировой пролетарской революции тов. Сталина о том, что «если наша армия будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непоколебима».

Мы не бежали от трудностей, а всей силой своей воли и ума преодолевали трудности, стоящие на пути учебы для нас, в подавляющем большинстве в прошлом не имевшие даже среднего общего образования, но зато имевшие за плечами богатый опыт участия в боях гражданской войны и работы с массой бойцов Красной Армии в мирный период.

Мы стремились стать, как требовали неоднократно Вы, дорогой Климент Ефремович, мастерами, художниками военного дела.

Великий Сталин и Вы постоянно учите нас не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутом.

Работая в частях на стажировке, особенно на последних блестящих маневрах различных округов РККА, мы крепко почувствовали свой рост, мы с радостью ощутили весь ценнейший запас знаний, который нам дала Академия; 90% из нас закончили Академию с дипломом 1-й степени.

Однако мы хорошо помним слова тов. Сталина, что «школа — это только подготовительная ступень», и Ваши указания, тов. Народный комиссар о том, что только тот командир может стать вожаком масс, запевалой, который непрерывно растет сам, непрерывно совершенствуется и двигает свое дело вперед.

Мы идем в части Красной Армии, когда они приступают к выполнению Ваших указаний по боевой и политической подготовке на новый учебный год, и мы берем на себя торжественное обязательство приложить все свои силы и полученные в стенах Академии знания в деле наилучшего и полного осуществления Великих требований и приказов.

Перед лицом исключительно сложной и напряженной международной обстановки, грозящей взрывом империалистической

войны и нападением на нашу дорогую родину, мы горячо и полностью одобряем политику твердой защиты мира, проводимую нашим правительством, и заявляем Вам, дорогой наш вождь и учитель, что мы готовы отдать всю свою жизнь, всю свою горячую кровь до последней капли за счастье нашей дорогой социалистической родины, за победу великого дела Ленина-Сталина во всем мире.

Да здравствует сталинский железный Нарком Обороны, первый маршал Советского Союза тов. Ворошилов!

Да здравствует наша родная большевистская ленинско-сталинская партия!»

О работе И. Т. Гришина в Разведывательном Управлении РККА с 10 октября 1936 года по сентябрь 1937 года известно очень мало. Он являлся Начальником отделения Центральной школы подготовки командиров штабов. Приступил к работе, когда М. Н. Тухачевский в течение полугода уже наладил работу в Управлении боевой подготовки РККА. Это было отмечено в приказе от 5 ноября 1936 года в связи с годовщиной Октябрьской революции:

«1. Наша социалистическая Родина подходит к 19-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции с исключительными достижениями во всех отраслях социалистического строительства. Эти победы достигнуты под гениальным руководством любимого вождя и учителя народов тов. Сталина.

Трудящиеся Великого Советского Союза еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии с ее Ленинским ЦК. Советское правительство проводит последовательную политику мира, и СССР стал действительным оплотом мира во всем мире.

Весь капиталистический мир стоит перед угрозой новой ужасной, истребительной для человечества, империалистической войны, готовой разразиться в любой момент. Международный фашизм хочет задушить демократическую Испанию. Он прилагает все усилия к тому, чтобы развязать новую мировую бойню и направить ее прежде всего против страны социализма. Поэтому СССР неуклонно повышает обороноспособность и укрепляет свою родную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Наша Красная Армия — армия мира, она представляет собой несокрушимую силу. Сплоченная вокруг партии Ленина-Сталина и Советского правительства, Красная Армия устами своего люби-

мого наркома – Маршала Советского Союза тов. Ворошилова, заявила: «**МЫ НЕ ТОЛЬКО НЕ ПУСТИМ ВРАГА В ПРЕДЕЛЫ НАШЕЙ РОДИНЫ, НО БУДЕМ БИТЬ НА ТОЙ ТЕРРИТОРИИ, ОТКУДА ОН ПРИШЕЛ**». Если грянет грозный час, и враги осмелятся нарушить неприкосновенность наших границ, Красная Армия с честью выполнит это свое обещание и оправдает доверие трудящихся СССР и всего международного пролетариата.

2. Управлением боевой подготовки РККА за истекший год выполнена значительная работа по планированию и руководству боевой подготовкой войск. Частям была оказана серьезная практическая помощь в организации и налаживании учета.

Поздравляю всех командиров и вольнонаемных сотрудников Управления с XIX годовщиной Октябрьской революции и надеюсь, что в дальнейшем мы все будем более организованно, четко, более культурно и плодотворно работать над повышением боевой мощи РККА, выполняя требования народного комиссара обороны Союза ССР Маршала Советского Союза тов. Ворошилова.

Командарм 2-го ранга Седякин».

Но М. Н. Тухачевского арестовали в конце мая 1937 года, обвинили в организации «антисоветского троцкистско-правого заговорщицкого блока и в шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии» и расстреляли 12 июня 1937 года. Вместе с ним расстреляли и начальника Академии имени Фрунзе А. И. Корка, при котором И. Т. Гришин заканчивал учебу в этом заведении.

Сам он 15 октября 1937 года получил партийное взыскание «на вид» без занесения в учетную карточку со странной и даже оскорбительной формулировкой «За неряшливое ведение хозяйства». Ведь Ивана Тихоновича всегда аттестовали как «культурного командира». Что на самом деле скрывалось за этим? Сохранился документ о проверке комиссией работы Управления боевой подготовки от 7 мая 1937 года. В нем указывались следующие недочеты:

«1. Случаи выдачи и передачи секретных бумаг без оформления в Общей части.

2. Неправильное оформление возвращения секретных бумаг в Общую часть от исполнителей».

Можно предположить, что И. Т. Гришин не выполнил какие-то формальности, какие после обвинения М. Н. Тухачевского в заговоре и последовавшем затем его расстреле приобрела в глазах

особых органов неоправданно большое значение. А может, сыграло свою роль и то обстоятельство, что попал Иван Тихонович в Управление боевой подготовки по приказу М. Н. Тухачевского? Во всяком случае, вслед за партийным взысканием последовал немедленный перевод И. Т. Гришина в сентябре 1937 года из Москвы в город Горький на должность начальника 1-й части штаба 17-й стрелковой дивизии.

Однако «ссылка» оказалась для Ивана Тихоновича отправной точкой для быстрого служебного роста. Он оказался в своей стихии — действующей армии и смог полностью проявить свои способности.

17-я Горьковская Краснознаменная стрелковая дивизия имени ЦИК БССР сформировалась в годы гражданской войны на территории Белоруссии, воевала с германскими оккупационными войсками, с белогвардейцами и белополяками. Как сказано в историческом формуляре дивизии, «плохо одетые и подчас голодные, бойцы горели ненавистью к врагу, претерпевали все тяготы и лишения, добивались блестящих побед».

В то время, когда И. Т. Гришин приступил к исполнению своих обязанностей, в дивизии часто отсутствовали командир и комиссар. Постоянными оставались начальник штаба Харитонов и начальник 1-й части Гришин. И им приходилось часто исполнять первую роль командира, а второму роль начальника штаба.

Первый приказ, в котором Иван Тихонович подписывается как временно исполняющий должность начальника штаба наряду с комиссаром Ворониным появляется через 4 месяца после его прибытия в дивизию. Приказ констатирует «плохое состояние пищевого блока» и ставит следующие требования:

«В трехдневный срок провести личный семинар со всеми работниками пищевых блоков. Командирам и комиссарам частей к 15 января еще раз проверить весь личный состав пищевых блоков, в пятидневный срок обследовать и заменить весь инвентарь и кухонную принадлежность. В десятидневный срок окончательно дооборудовать столовые, имея на каждом столе графин с кипяченой водой, солонку закрытую, перечницу закрытую и полоскательницу, последняя должна выделяться из состава посуды особой формой».

11 апреля 1938 года Иван Тихонович издает приказ в качестве временного командира, временного комиссара и временного на-

чальника штаба дивизии, в котором проходится по всем недостаткам дивизии:

«Со времени поверки частей дивизии прошло достаточно времени, чтобы перестроиться в работе в соответствии с указаниями замкомвойска и члена Военного Совета Московского военного округа комкора т. Петровского и направить все усилия к немедленному устранению целого ряда недочетов, продолжавших оставаться и до сего времени, но, к сожалению, до сих пор настоящей перестройки нет.

Нет борьбы за укрепление дисциплины, а наоборот, растут случаи нарушения ее. Пьянки начинают принимать систематический характер, и количество последних растет. А где пьянки, там и дебош, там и разбалтывание военной тайны, что на руку врагам народа и шпионам иностранных разведок».

Приказ от 30 апреля 1938 года «Об итогах поверки частей по боевой и политической подготовке за зимний период» подписан временным командиром Харитоновым и временным начальником штаба Гришиным. Приказ носит деловой характер и указывает на конкретные недочеты в боевой подготовке:

«Поверка частей по боевой и политической подготовке и подведение итогов социалистического соревнования за зимний период показали, что части дивизии по сравнению с первым периодом обучения имеют некоторые достижения, но эти достижения ни в коей мере не удовлетворяют тем требованиям, которые ставятся в Приказах Народного Комиссара Обороны Маршала Советского Союза т. Ворошилова №№ 0109 и 0110.

Так поверкой установлено:

Руководство боевой подготовкой со стороны командиров и штабов стоит еще не на должной высоте. Штабы полностью не сколочены, страдают неряшливостью в своей работе, некоторые командиры штабов по своим основным должностям обязанностей не знают, боевые и оперативные документы составляют неграмотно.

По тактической подготовке средний и младший комсостав срочной и сверхсрочной службы слабо усвоил основы наступательного боя, нет командного языка, взаимодействие с другими родами войск отработано слабо, тактические решения принимаются без учета огневой возможности своего подразделения, части.

Курсантами слабо усвоено глазомерное определение расстояния и доклад о замеченном, техника атаки не отработана, техника

перебежек отработана слабо. И по огневой подготовке основные требования Наркома Обороны «Добиться стрелковой подготовки бойцов и командиров не менее, чем на 15-20% против 1937 г.» частями дивизии не выполняются.

Овладение теорией и практикой огневого боя не удовлетворительно, так как все части при проверке дали не удовлетворительные результаты. Подготовка индивидуального стрелка (бойца, курсанта, командира) недоброкачественная, пользоваться упором не умеют. Оружие до отличного и хорошего боя в ряде случаев не доведено».

О том, как оценили деловые качества Ивана Тихоновича в 17-й дивизии, которая с середины 1938 года стала называться в/ч 4464, свидетельствует аттестация, которую ему дало командование при присвоении воинского звания «майор» 7 октября 1938 года:

«Как начальник 1-й части с дивизионными и корпусными масштабами в решении задач справляется легко и умело. С должностью начальника штаба дивизии справится. Достоин внеочередного присвоения воинского звания «майор».

Лестную характеристику он получил и по партийной линии:

«Партзадания выполняет аккуратно, руководит союзной школой КСМ организации. К работе относится добросовестно. В прошлом имеет большой опыт в политработе. Политически развит хорошо.

В 1937 году, будучи в Центральной школе подготовки кадров РККА, имел партвзыскание «на вид» без занесения в личное дело. Поставлен вопрос в парторганизации о снятии с него данного взыскания.

В своей практической работе т. Гришин показал себя внимательным, добросовестным и выдержанным товарищем, с ровным, спокойным характером. Общителен с окружающими, авторитетен, имеет хорошие организаторские способности.

К XX-летию РККА награжден юбилейной медалью.

В прошлом т. Гришин участвовал в походах против банд Антонова в составе курсантской бригады МВО. Предан делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине».

Развернутая аттестация была дана Ивану Тихоновичу в дивизии 26 октября 1938 года, когда решался вопрос о его переходе на работу в качестве начальника отдела боевой подготовки Московского военного округа. В ней сквозь набор устоявшихся штампов

все-таки создается довольно полное представление о том, каким профессионалом и человеком являлся начальник 1-й части 17-й стрелковой дивизии:

«Тов. Гришин партии Ленина-Сталина, нашей Родине предан. Политически и морально устойчив. В повседневной работе проявляет бдительность и умело ставит вопросы по сохранению военной тайны. Общее и политическое развитие хорошее. Материал по марксистско-ленинской учебе прорабатывает глубоко. В повседневной своей работе опирается на актив партийных, комсомольских организаций. Умело перед активом ставит задачи учебно-боевой подготовки. С массами поддерживает связь и активно принимает участие в партийно-массовой работе. Благодаря четкости в работе пользуется среди комначсостава и красноармейцев большим авторитетом. В работе проявляет инициативу, настойчивость и упорство. Лично хорошо дисциплинирован, в строевом отношении всегда подтянут, культурный, грамотный командир. Характер спокойный, к решению вопросов подходит с должной оценкой правильно. К себе и подчиненным по службе требователен, вне службы хороший товарищ. Вопросы большевистской самокритики понимает правильно и принимает участие. Тактический кругозор в масштабе дивизии и корпуса. Оперативно-тактические задачи решает свободно, правильно в соответствии духа требований Устава РККА. Хорошо оформляет оперативные документы. Стрелковое оружие знает, стреляет из него хорошо. Организует и проводит занятия с комсоставом хорошо. Физически развит, в походной жизни вынослив. С секретной, мобилизационной работой знаком, вести ее может. Руководить подготовкой, сколачиванием штабов полка, дивизии может хорошо.

Вывод: занимаемой должности соответствует. Достоин продвижения во внеочередном порядке на должность начштаба дивизии».

Командир 3-го стрелкового корпуса, куда входила 17-я стрелковая дивизия, наложил на эту аттестацию свою резолюцию 21 ноября 1938 года:

«С аттестацией согласен. Майор Гришин по политическим и деловым качествам и личной подготовке может быть рекомендован — использовать помначштаба корпуса и начштаба корпуса».

Далее аттестация пошла в аттестационную комиссию. Ее председатель комдив Клыков высказал свое мнение:

«Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть продвинут на должность начштаба стрелковой дивизии и пом. начштаба корпуса».

16 января 1939 года, когда Иван Тихонович уже работал начальником 2-го отдела (боевой подготовки) штаба Московского военного округа, это мнение утвердили командующий войсками МВО Буденный и член Военного Совета Запорожец.

Работа начальником Отдела подготовки Московского военного округа открыла перед Иваном Тихоновичем большие возможности в деле профессионального совершенствования, и он оказался на уровне поставленных перед ним задач. Его заметили первые лица в армии и стране, сначала командующий войсками МВО С. М. Буденный, затем С. К. Тимошенко, ставший в мае 1940 года наркомом обороны.

После года работы на новом посту И. Т. Гришину 31 декабря 1939 года присвоили воинское звание «полковник» и наградили орденом «Красная Звезда». В наградном листе, подписанном Буденным и Запорожцем, в адрес Ивана Тихоновича было высказано немало похвальных слов:

«Полковник Гришин год тому назад в должности начальника 1-й части штаба дивизии выдвинут на ответственную и большую работу в качестве начальника Отдела боевой подготовки Округа. Это назначение т. Гришин полностью оправдал. Энергичный, отлично подготовленный командир. Сумел резко поднять качество работы Отдела и организовать действительно практическую помощь войскам.

Те большие сдвиги в боевой подготовке, которых Округ добился в текущем году, в значительной мере объясняются умелой и кропотливой работой Отдела боевой подготовки.

Под непосредственным руководством т. Гришина части Округа готовились к Всеармейским стрелковым соревнованиям и в итоге заняли ряд лучших мест.

Достоин награждения орденом «Красная Звезда».

С. К. Тимошенко провел в августе 1940 года первые показательные учения, на которых попытался воплотить в жизнь свой опыт, полученный в закончившейся в марте 1940 года советско-финляндской войне. Как известно, тогда Красная Армия понесла огромные потери, несравнимые с потерями противника. Одной из причин этого Семен Константинович считал неудовлетвори-

тельную подготовку войск, в том числе и личного состава. Он нашел поддержку у И. В. Сталина, который тоже говорил, что «у нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально мало развит. Он плохо обучен, а когда человек не знает дела, откуда он может проявить инициативу, и поэтому он плохо дисциплинирован... Нам нужен новый боец. Его нужно и можно создать: инициативного, индивидуально развитого, дисциплинированного».

Опробовать новую модель боевой подготовки нарком обороны решил на 137-й стрелковой дивизии, которую сформировали в сентябре 1939 года на базе 51-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии. В мае 1940 года дивизия выехала в лагерь и приступила к выполнению приказа НКО, который, как сказано в «Историческом формуляре дивизии», «требовал от всех военнослужащих коренным образом перестроить работу и учебу на основе опыта войны с белофиннами, а именно, боевую подготовку войск организовать и проводить, исходя из основной задачи «Всегда быть в полной боевой готовности», обучение приблизить к условиям боевой действительности. Тактическую подготовку проводить в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение. Умело преодолевать сложные искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапное нападение противника. Каждый боец должен ловко, сноровисто владеть оружием, лопатой и специальным делом. Вся жизнь армии построить на строгом соблюдении требований воинской дисциплины, безусловного и точного выполнения приказов и уставов, повторения приказаний и распоряжений и немедленном их исполнении с должным старанием и решительностью – должно стать привычкой каждого бойца и командира».

Для помощи дивизии в боевой подготовке прибыл И. Т. Гришин. Как сказано в «Историческом формуляре дивизии», при нем в тактической подготовке «наступил особый перелом». И далее это разъясняется так: «Благодаря своевременной перестройке в боевой подготовке дивизия пришла к смотровому учению, проводимому Народным Комиссаром Обороны, вполне подготовленной, сколоченной, готовой выполнить любую поставленную задачу. Этим дивизия много обязана полковнику т. Гришину, который проделал большую работу и оказал практическую помощь

частям дивизии в подготовке к наркомовскому смотру по тактической подготовке».

В «Историческом формуляре дивизии» приводится конкретный пример, какую помощь Иван Тихонович оказывал в учебе:

«Искусство борьбы с препятствиями давалось не сразу. Начальник Отдела боевой подготовки МВО полковник т. Гришин до начала наркомовского осмотра, подготавливая дивизию, много раз слышал: «здесь не пройти, увязнут люди и техника» и т.д. Решительно ломая условности, на каждом занятии он настойчиво требовал максимально приближенных условий к боевой действительности».

О тактических занятиях 137-й стрелковой дивизии в августе 1940 г. в назидание остальным была выпущена специальная брошюра «Школа боевой учебы. Народный комиссар обороны СССР, герой и маршал Советского Союза С. К. Тимошенко на тактических занятиях». На них, помимо маршала, присутствовали С. М. Буденный, Б. М. Шапошников, Л. З. Мехлис и другие.

Учения шли дольше, чем принято было до этого. В первый день бойцов перед началом занятий заставили совершить ночной марш, так что им пришлось спать всего два часа.

Во второй день отрабатывалось взаимодействие пехоты с танками и артиллерией. Тимошенко сам являлся специалистом по боевой подготовке, и он целый день находился в частях, наблюдая за ходом учений.

На третий день состоялось преодоление главной оборонной позиции. В брошюре так описаны события этого дня:

«Условности были сведены к минимуму, и красноармейцы выполняли задачу так, как это они делали бы в реальных условиях боя. Главный участок обороны был оборудован, как в действительной боевой обстановке, и на заключительном этапе наступления с боевой стрельбой. В помощь наступающему батальону были дополнительно приданы несколько подразделений пехоты, авиации, танков и артиллерии. На время стрельбы боевыми снарядами личный состав обороняющейся стороны был выведен со своих позиций».

На завоеванной высоте С. К. Тимошенко устроил для командного состава и красноармейцев разбор учений. Он сравнил прошедшие занятия с теми, которые обычно проводились до сего времени:

«В недавнем прошлом, да еще и теперь редко можно встретить, чтобы тактические занятия батальонного масштаба проводились с такой тщательностью и полнотой в отработке отдельных элементов боя. Многие руководители учений умудрялись «отрабатывать» эту тему в течение нескольких часов. Достигалось это простыми средствами. Вся учеба сводилась только к розыгрышу финала. Оборона обозначалась условно, и наступающий преодолевал ее одним ударом. Все действия продолжались час-полтора, затем раздавалось громкое «ура», и на этом учение заканчивалось».

«Боевая подготовка роты, батальона и полка, — подчеркивал Семен Константинович, — это основа могущества и силы войскового соединения, и ей должно уделяться главное внимание».

Он требовал, чтобы приближение занятий к боевым условиям обязательно проводилось как можно строже при взаимодействии артиллерии и пехоты:

«Огневой вал будет применяться, как правило, всегда, когда нам потребуется взять под решительное и парализующее воздействие всю систему противника и дать возможность нашей пехоте продвигаться вперед. Поэтому мы должны научить наших бойцов идти за огненным валом... Ни одна боевая артиллерийская стрельба не должны производиться без пехоты».

В целом С. К. Тимошенко остался доволен произведенными учениями, хотя сделал довольно много замечаний и поставил общую оценку «посредственно». И. Т. Гришина за успешную работу по боевой подготовке награбил золотыми часами.

Иван Тихонович опять занялся дивизией, чтобы устранить недочеты, на которые указал нарком обороны. С 21 по 25 сентября прошел инспекторский смотр 137 стрелковой дивизии. Она получила общую оценку «хорошо».

22 октября 1940 года С. К. Тимошенко издал следующий приказ:

«137 стрелковая дивизия была первой проверена мною на инспекторских смотрах текущего года.

Несмотря на предъявленные жесткие требования, части дивизии на смотровых тактических учениях показали неплохие результаты подготовки.

Особенно ценно то, что дивизия после смотра, учтя мои указания, быстро перестроила свою учебную работу и исправила отмеченные мною недочеты.

Результаты повторной проверки, проведенные Военным Советом Округа, показывают, что дивизия по боевой подготовке занимает ведущее место в Округе.

За быструю реализацию моих указаний, данных на смотровых учениях, и большие сдвиги после осмотра и боевой выучки частей, 137 стрелковую дивизию, как передовую дивизию МВО, награждаю переходящим Красным Знаменем Красной Армии.

Всему личному составу дивизии объявляю благодарность».

25 октября 1940 года Иван Тихонович Гришин приказом НКО назначается командиром 137 стрелковой дивизии.

Глава III

КОМАНДИР 137-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Иван Тихонович Гришин имел опыт командования в основном на уровне взвода. Остальные годы провел на учебе и на штабной работе. Он пропустил важную веху в карьере единоначальника до того, как стал командиром дивизии, а именно, должность командира полка. Г. К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» так оценивал значение практики управления полком:

«Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством. Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время».

Ивану Тихоновичу приходилось в краткие сроки усваивать уроки предшествующих вех карьеры. Прежде всего, он привлек к себе на помощь актив дивизии. С 30 ноября по 1 декабря 1940 года прошла 3-я дивизионная партийная конференция. В выступлении докладчика — начальника Отдела партийной пропаганды полкового комиссара Лукашука — чувствовалась озабоченность в связи с возможным нарастанием мирового военного конфликта:

«Почти четверть века на одной шестой части земного шара строится жизнь нового бесклассового общества. Взоры угнетен-

ных и эксплуатируемых всего мира с надеждой и величайшими симпатиями устремлены на нашу счастливую Родину. Второй год идет империалистическая война, охватившая почти все части света, но конца не видно. Наоборот, как указывал тов. Молотов в докладе на 7-й сессии Верховного Совета СССР налицо «опасность дальнейшего расширения и дальнейшего разжигания войны, с превращением ее во всемирную империалистическую войну». Народы Советского Союза, благодаря мудрой Сталинской внешней политике, избавлены от ужасов развернувшейся империалистической войны. Наша страна неуклонно проводит политику мира и нейтралитета».

В свете тревожной обстановки докладчик подверг острой критике недостатки во всех сферах дивизионной жизни. В первую очередь шла речь о нарушениях дисциплины:

«Мы имеем еще очень большое количество совершивших дисциплинарные проступки командиров и красноармейцев, в том числе коммунистов и комсомольцев, а также продолжают иметь место чрезвычайные происшествия, самовольные отлучки, пьянки и другие грубые нарушения военной дисциплины».

Окружной начальник рассказал о результатах проверки дивизии, которую провел Иван Тихонович, вступив в должность командира дивизии:

«Поездка командира дивизии вскрыла в 409, 624, 771 стрелковых полках исключительно плохой внутренний распорядок. Внутренний наряд свои обязанности знает плохо, казарменные помещения содержатся грязно, много красноармейцев и младших командиров ходят в грязном обмундировании, а также имеется много случаев плохой организации занятий».

Из доклада полкового комиссара Лукашука сегодня можно сделать выводы об уровне эффективности партийной пропаганды, о том, насколько офицеры дивизии усваивали официальную идеологию накануне войны. Дело в том, что в 1938 году ЦК ВКП(б) принял решение повысить идейный уровень «армейской интеллигенции» на основе изучения вышедшего тогда «Краткого курса истории ВКП(б)». Рекомендовалось сделать упор на самостоятельное чтение и «Краткого курса» и первоисточников. Проверка в дивизии выявила три группы по усвоению указанных работ. Это передовики, которые, «закончив изучение «Краткого курса истории ВКП(б)», работают над первоисточниками, чита-

ют лекции по отдельным главам «Краткого курса», оказывают помощь коммунистам в изучении истории партии».

Вторая группа, по словам докладчика, это «целый ряд товарищей, которые не хотят работать над повышением своего марксистско-ленинского уровня и, как правило, на практической работе у них не клеится, а некоторые, с позволения сказать, члены партии находят моральное удовлетворение не в изучении революционной теории и повышении своей производственной квалификации, а в посещении танцевальных площадок, пивнушек, за рюмкой водки становясь на путь морально-бытового разложения».

Наконец, в третьей группе практиковалась система видимого серьезного изучения идеологии. Докладчик рассказывал об этом так:

«У многих из нас установилась практика проверки коммунистов, изучающих историю партии, как у секретарей партбюро тт. Чернышева и Ларионова. Подходят к члену партии и спрашивают:

- Ну, как ты изучаешь историю ВКП(б)?
- Да, работаю.
- Какую главу изучаешь?
- Закончил третью и перехожу к четвертой.
- Ну, как изучил?
- Да, ничего, понятно.
- Ну, хорошо. Ты давай жми... Ты обязан изучать!»

Плоды такого изучения Лукашук иллюстрировал примером, когда на вопрос «Что такое материя», лейтенант отвечал: «Материя есть материя. Вот, например, стол».

Да и сами пропагандисты не блистали умением применять постулаты идеологии к жизни. Не рядовой политработник, а начальник Управления партийной пропаганды Московского военного округа дивизионный комиссар тов. Воронин решил пристыдить заместителя политрука тов. Вассерштейна за то, что тот «романтик». Далее в отчете о конференции записано, что Воронин понимал под «романтизмом»: «Приводит пример из его чувств (Вассерштейна – ред.) любви к девушке, где он выражает свою бесперспективность». И дивизионный комиссар так говорит о тов. Вассерштейне:

«Это не настоящий человек. Он не любит свою родину, свой народ. Интересы родины и народа он меняет на какую-то нунуж-

ную и ничего не дающую любовь. И это результаты нашей недоработки. Мы не подняли наших бойцов, чтобы они жили любовью к родине, народу».

В своем выступлении на конференции И. Т. Гришин затронул главным образом вопросы боевой подготовки и быта красноармейцев. Приводим его полностью, поскольку из всего сказанного и написанного им у нас имеются всего три его выступления. Как тогда было часто принято тогда, он начал свою речь с цитаты:

«Народный комиссар Обороны в своем выступлении при разборе тактических учений сказал:

«Товарищи! В вашем лице я приветствую весь командный и начальствующий состав, бойцов и политработников нашего славного Центрального Московского военного округа. Я надеюсь, что вы, как передовой коллектив командиров, политработников и нашей славной советской молодежи, по-настоящему осознаете и прочувствуете все мною сказанное и в повседневном труде, с еще большим умом и вкусом будете двигать и двигать вперед наше военное дело».

Он назвал нас передовым коллективом МВО и наградил нашу дивизию переходящим Красным Знаменем. Вся наша работа должна быть построена на указаниях Народного комиссара, данных им на тактических учениях нашей дивизии. Если мы выполним указания Народного комиссара, мы знамя удержим. Особое значение мы должны придать тому, что нас назвали передовыми. Работой своей мы должны оставить знамя у нас в части. Главное – не успокаиваться на достигнутом, не зазнаваться, а двигать и двигать учебу вперед.

Как выглядим мы сейчас, чтобы исправить отдельные недостатки. Я проверял части по готовности к зимнему периоду учебы и должен сказать, что не все готовы. Так, например, 497 гап*, саперные батальоны и зенитчики имеют ряд положительных сторон. В 497 гап слаба выучка красноармейцев (не умеют приветствовать). У саперов стекла не вставлены, тракторы ржавые. У зенитчиков физкультурный инвентарь находится в складе, окна выбиты. Можно отметить, как хороший факт, что все люди находятся на занятиях в поле.

* Гап – гаубичный артиллерийский полк – (прим. ред.)

К сожалению, из числа стрелковых частей ведущих показать не могу. 409-й стрелковый полк не совсем подготовил помещения к зиме (грязь, выбитые окна и т.д.). В 624-м стрелковом полку в помещении грязь, а каптерки похожи на рассадник заразы (каптерка комроты Дурыничева), поэтому, возможно, и были случаи заболевания красноармейцев. Полк страдает тем, что много пьянок, обывательщины и т.д. 771-й стрелковый полк — это наш, «столичный полк», и поэтому ему надо больше уделять внимания. Это должно учесть командование полка. Недостаток: грязно в корпусе, где помещается штаб полка.

Во всех частях плохо обстоит дело с подготовкой красноармейцев — низкое качество. Мы не требуем, чтобы каждое положение было выучено на «отлично». В 409-м полку лейтенант тов. Парыгин вывел взвод курсантов полковой школы незаправленными, объясняя, что они вышли первый раз. Это говорит о том, что комсостав не понял современных задач, выполнение которых необходимо для сохранения знамени. Каждый командир, красноармеец должен обслуживать сам себя. В учебе надо требовать, чтобы каждый красноармеец самостоятельно изучил устав, а командир должен проверить, и, если товарищ не понял, разъяснить, показать, а уже после этого потребовать от него четкого выполнения. Нам Народный комиссар указал, что надо отказаться от всякого шаблона, а делать, что требует обстановка. Большинство командиров и политработников этого не выполняют. Задача сейчас заключается в том, чтобы требовать и требовать.

Как можно делать увольнительную человеку, который не умеет себя вести? Основное для командиров — не сидеть в канцелярии, а присутствовать на занятиях вместе с ротой. Сейчас нам нужно изучить кадры и правильно их расставить. Основное в учениях красноармейцев — это показ, и мы потребуем этого от командиров взводов и отделений.

В нашей дивизии много красноармейцев нерусских национальностей. Их надо равномерно распределить по подразделениям и организовать обучение русскому языку. К каждому, не знающему русского языка красноармейцу, надо прикрепить комсомольца, отличника боевой и политической подготовки, знающего русский язык. Людей с высшим и средним образованием надо научить суровой армейской жизни, часы, свободные от занятий, использовать на клубной работе, но ни в коем случае не за

счет учебного времени. Период подготовки одиночного бойца мы должны закончить к 1 января, и в дивизии мы должны поставить дело так, чтобы каждый красноармеец выполнил программу на «отлично».

28 декабря 1940 года подведем итоги, и тот полк, который покажет лучшие результаты, будет хранить знамя. В декабре месяце мы должны будем провести кроме одиночной подготовки бойца ряд маршей с тактическими учениями. В январе месяце проведем двухсторонние тактические учения. К этому мы должны готовиться.

В дивизии еще на низком уровне находится дисциплина: пьянки, неприветствия и др. Чувствуется, что у нас есть приглушение этой работы. На вопросы дисциплины надо обратить главное внимание. Делайте все так, как требует устав. Имеются еще случаи круговой поруки. Наша задача – поставить старшину на свое место. Особое внимание надо обратить на присвоение новых званий младшим командирам, к которому мы приступим с 15 декабря.

Надо быть мобильными, и не ждать указаний. У нас есть все, чтобы удержать знамя – это показала моя проверка подразделений».

В свете требований И. Т. Гришина конференция приняла послание к С. К. Тимошенко:

«Вам, испытанному пролетарскому полководцу, одному из организаторов непобедимой Красной Армии, 3-я дивизионная конференция 137 стрелковой дивизии шлет боевой красноармейский привет. С Вашим именем, т. Тимошенко, неразрывно связаны победы Красной Армии в годы гражданской войны. Под Вашим руководством, выполняя указания т. Сталина, осуществляется перестройка методов боевой подготовки. Укрепляется единоначалие, крепнет советская воинская дисциплина. Победоносно растет могущество вооруженных сил страны социализма.

Разрастающаяся вторая империалистическая война требует от нас постоянной мобилизационной готовности, неустанной работы над повышением боевой выучки.

Партийные и непартийные большевики 137 стрелковой дивизии в новом учебном году приложат все силы на то, чтобы оправдать Ваше доверие и высокую награду, переходящее Красное Знамя РККА удержать в своих руках.

Заверяем Вас, что бойцы и командиры 137 стрелковой дивизии тесно сплочены вокруг нашей большевистской партии и любимого вождя тов. Сталина, готовы в любую минуту выступить на защиту нашей прекрасной социалистической Родины».

Краткий отчет об итогах конференции послали Сталину:

«Вам, наш любимый учитель и вождь трудящихся всего мира, 3-я дивизионная партконференция 137 стрелковой дивизии шлет боевой красноармейский привет.

Под Вашим гениальным руководством наша славная могущественная Красная Армия, учитывая опыт последних войн, перестраивает методы боевой подготовки, строго сохраняя интересы Советского народа и помогая освобождению трудящихся других стран из-под гнета капитализма».

Голосование по выборам делегатов на окружную партконференцию показало, что не всем в дивизии нравился приход командира дивизии со стороны. За «своего» полкового комиссара Лукашука из 97 проголосовавших только 1 был против, а против И. Т. Гришина из 93 голосовавших против оказалось 5.

Вслед за партийной конференцией 21-22 декабря прошла дивизионная комсомольская конференция. Она тоже акцентировала внимание на «недочетах».

«Комсомольская конференция, – говорил на ее открытии зам. начальника Отдела политической подготовки дивизии, – должна вскрыть все недочеты, причины недочетов комсомольской организации и наметить пути их исправления».

Докладчик говорил в основном о слабой работе комсомольской организации в повседневной жизни красноармейцев. Приводил действительно вопиющие факты плохой работы комсоров. Он рассказал о таком случае:

«В штабной батарее 278 лап* комсомолец Доценко за октябрь месяц совершил восемь казарменных краж. Комсомольская организация, в частности, сам т. Красовский знал об этих преступных проделках со стороны этого проходимца, но никаких мер не принял и дал возможность этому «горе-комсомольцу» уйти в 771 полк и там совершить еще несколько краж. После которых был исключен из комсомола и осужден трибуналом корпуса на 6 лет».

* лап – легкий артиллерийский полк (ред.)

Еще более позорный, по мнению докладчика, факт имел место в 497 гап:

«Из Таганской тюрьмы бежал крупный уголовный преступник Болдырев. При побеге привел с собой еще четырех уголовных преступников и 5 декабря обратился за помощью к комсомольцам 497 гап Ивахову и Чубу, с которыми вместе служил в 35 гап 17 стрелковой дивизии. Этот бандит подробно рассказал этим комсомольцам о своем преступлении и просил достать ему денег для того, чтобы уехать в Ростовскую область. Комсомольцы Ивахов и Чуб целые сутки разыскивали ему деньги, занимали у товарищей, но не приняли мер к задержанию этого бандита. Денег на проезд до Ростова оказалось мало, и Болдырев решил вызвать еще одного комсомольца т. Павлова. Но т. Павлов оказался более честным и бдительным комсомольцем. Пообещав достать денег, сейчас же пошел и доложил об этом командиру батареи, но задержать Болдырева уже не удалось, потому что бывшие комсомольцы Чуб и Ивахов предупредили его, и он успел уйти. За укрывательство и содействие в побеге Чуб и Ивахов сами привлекаются к уголовной ответственности и в ближайшее время это позорное дело будет слушаться военным трибуналом 20 стрелкового корпуса».

К достижениям в работе комсомольской организации докладчик относил успехи в политическом просвещении молодежи:

«193 комсомольца – командира изучают «Краткий курс истории партии» самостоятельно. Кроме этого, 198 комсомольцев, составляющих по существу наш комсомольский архив, занимаются в дивизионной партийной школе. Сейчас там проходят экзамены. Первые итоги проверки показывают, что абсолютное большинство комсомольцев, занимающихся в ДПШ, изучили «Краткий курс истории ВКП(б)» на «хорошо» и «отлично». 286 комсомольцев – младших командиров изучают «Краткий курс истории ВКП(б)» системе политзанятий».

И. Т. Гришин в своем выступлении на комсомольской конференции в более сжатом виде, чем на партийной конференции, представил задачи боевой подготовки дивизии. Мы опять приводим его речь полностью, чтобы показать, что он умел учитывать особенности аудитории, перед которой выступал:

«Народный комиссар Оборона дал высокую оценку тактическим занятиям и боевой подготовке 137 стрелковой дивизии. В этом великая заслуга партийной и комсомольской организа-

ции. Задача всего личного состава дивизии, в том числе и комсомольцев, с честью выполнить указания Наркома Обороны. И тогда мы первенство не уступим никому.

Для этого весь присутствующий здесь комсомольский и партийный актив должен мобилизовать, поднять всех бойцов, командиров и политработников дивизии на успешное выполнение задач, поставленных Наркомом Обороны. Нужно остерегаться зазнайства, а это имело место в 409 стрелковом полку. 29 декабря проведем поверку одиночного обучения бойца, и это дает возможность узнать, кто как ведет борьбу за переходящее знамя РККА.

Все занятия мы сейчас проводим в поле, и результаты от этого будут велики после упорной работы. В настоящий период по боевой подготовке и в отдельности по огневой подготовке впереди идет 771 стрелковый полк. Для того чтобы вести воспитательную работу среди красноармейской массы, руководитель комсомольской организации должен, в первую очередь, сам служить примером в дисциплине, боевой и политической подготовке. У нас есть комсомольцы — командиры, которые именно построили свою работу согласно указанию Наркома Обороны, как лейтенант Иванов (246 обс)*, отделенный командир Всесвятский (624 стрелковый полк) и другие. У таких командиров-комсомольцев нужно учиться, учиться обучать своих подчиненных практическим путем в поле. Есть у нас случаи, когда люди бездельничают в часы занятий. Пример: 8 человек в 771 стрелковом полку 20 декабря; хозяйственное подразделение Калинина 623 стрелкового полка — ни одного раза не стреляли бойцы. Одной из важнейших задач КСМ** организаций — помочь нацменам в овладении русским языком, и тогда будет легче научить их военному делу. С 1 декабря мы получили новую программу, где введена самоподготовка. Во многих подразделениях часы самоподготовки не используют, на это нужно обратить серьезное внимание. В отношении отличников. Нужно всех отличников взять на учет и использовать их как зеркало в боевой подготовке. Систематически проводить с ними работу. Одновременно нужно воспитывать новых отличников, множить их ряды. Вот эту работу должны возглавить комсомольские организации.

* обс — отдельный батальон саперов (прим. ред.)

** КСМ — Коммунистический союз молодежи (прим. ред.)

По вопросу дисциплины. У нас с дисциплиной дело обстоит плохо. Есть случаи дезертирства, самовольных отлучек, пьянства. С этим нужно вести жестокую борьбу и серьезную воспитательную работу, причем работу не скользкую, а глубокую воспитательную работу. Руководить комсомольскими организациями мы должны не из кабинетов, а практически, выполняя указания Наркома, глубоко изучая каждого комсомольца. Командир Ильченко (278 лап — штабная батарея) за месяц дал 53 наряда и 15 суток ареста. Одновременно не дал ни одного поощрения. Такое воспитание никуда не годится, и оно направлено не на воспитание подчиненных, а в противоположную сторону.

Заканчивая, я призываю весь присутствующий актив настоящего взяться за работу с тем, чтобы не сдать первого места в округе и добиться первого места в РККА».

Как и полагалось, были направлены послания Наркому Обороны, герою и маршалу С.К. Тимошенко и Сталину. В последнем заявлялось:

«Дорогой товарищ Сталин! Вторая дивизионная конференция армейского комсомола 137 стрелковой дивизии, в знаменательный день Вашего рождения шлет Вам, великому вождю, другу и учителю свой комсомольский пламенный привет. Под Вашим гениальным руководством из года в год растет и крепнет страна Советов, стала неприступной крепостью социализма, грозной для врагов, родной и близкой для трудящихся всего мира. Вместе со всей страной неизмеримо выросла, окрепла и умножила свою мощь наша доблестная Красная Армия. Благодаря Вашей неустанной заботе и воспитанию, дорогой Иосиф Виссарионович, множатся ряды армейского комсомола — верного помощника командованию, неисчерпаемого резерва партии Ленина-Сталина.

Следуя Вашим боевым революционным традициям и традициям героев гражданской войны, комсомольцы зорко и мужественно отстаивают великие завоевания Октября. С Вашим именем на устах комсомольцы в первых рядах громили японских захватчиков в озере Хасан, на реке Халхын-Гол и подстрекаемую англо-французскими капиталистами финскую белогвардейщину, тем самым вписали новую блестящую страницу в историю вооруженных сил победившего социализма.

Учитывая опыт последних войн и Ваши указания, тов. Сталин, комсомольские организации нашей дивизии коренным образом

перестроили всю систему воспитательной работы, направляя ее на еще большее повышение боевой и политической подготовки».

Имеется еще одно выступление И. Т. Гришина на совещании у Наркома Оборона в конце декабря 1940 года. Из него видно, каким образом новый командир 137 стрелковой дивизии последовательно проводил в жизнь указания С. К. Тимошенко:

«Товарищ Народный комиссар Оборона! Проведенные Вами смотровые учения в нашей дивизии и награждение ее высокой наградой — Красным Знаменем Красной Армии заложили прочную основу подготовки частей дивизии и создали условия для нашей плодотворной работы в дальнейшем. Мы сейчас на эту основу встали твердо. Правда, у меня нет опыта в командовании этой дивизией в прошлом такого, как рассказывал командир 99-й дивизии. Но у меня есть опыт подготовки этой дивизии к смотровым учениям Народного комиссара оборона. Поэтому я буду говорить, как идет учеба у нас сейчас. Мы все указания, которые были Вами даны на разборе тактических учений нашей дивизии, а также и других дивизий, учли и перестраиваем по ним всю систему своей работы.

Перестройку мы начали с таких вопросов. Вопрос казался бы очень простым — вынести учебу в поле. Проще ничего не может быть. Но оказалось, что это очень трудное дело. У нас это дело сразу после лагерной учебы не пошло. Что мы сделали для того, чтобы это дело сдвинуть? Мы взяли за основу те указания, которые были Вами сделаны на тактических учениях нашей дивизии, а также и других дивизий в других округах. Еще раз проработали со всем командным составом — старшим, средним, и сейчас доводим их до нового пополнения, до каждого бойца.

Второе — мы перестроили свой внутренний распорядок таким образом, что два часа с утра занимаемся до завтрака, затем завтракаем и на все шесть часов выходим в поле. Это даёт возможность рационально использовать светлое время и не держать около казармы бойцов. Что мы здесь встречаем? Сразу этого дела не перевернёшь. Мы встречаемся с большими трудностями. Пережитки прошлого, шаблон, условности, которые существовали в этом деле, повторяются и сейчас. Здесь приходится в отдельных случаях прибегать к индивидуальным мерам. Особенно это касается тех командиров, которые ещё и сейчас хотят руководить вопросами боевой подготовки из канцелярии, из кабинета. Такие случаи есть.

Должен подчеркнуть, что по нашей 137-й дивизии мы имеем большой некомплект и, главным образом, основного звена – командира роты, некомплект выражается в 12 человек. Кроме того, во всей дивизии ни одного командира роты старше по званию, как лейтенант. Основная масса – младшие лейтенанты. С этой группой нам приходится очень много работать, чтобы недостатки выправить. Это создает для нас большие трудности.

Мы сейчас заканчиваем одиночную подготовку. Здесь высказывается ряд командиров о том, что она остается недоработанной. Да, она у нас остается во многом недоработанной. Я бы хотел доложить, как у нас обстоит дело. Пополнение в нашу дивизию прибыло в конце октября и начале ноября. Провести одиночную подготовку бойца за полтора месяца мы были не в состоянии. Нам предстоит большая работа по доработке одиночного бойца в период подготовки отделения, взвода и роты.

На сегодня учеба в дивизии развернулась во всех частях, но проходит она неравномерно. Там, где люди поняли перестройку по настоящему, это дело идет гораздо быстрее. Мы имеем один такой полк, который точно по времени отрабатывает задачи, все, которые положены по плану. Правда, не хватает еще качества. Над этим мы работаем. Мы на выдержку проверили в одном полку тактическую подготовку молодого пополнения. Результат оказался прекрасным.

Наряду с одиночной подготовкой бойца мы приняли такую систему, какую практикует и командир 99-й дивизии. Мы провели со взводом 10-километровый марш с темой «Действия головной походной заставы». Сегодня заканчивается 15-километровый марш роты по той же теме, и закончим декабрь 25-километровым маршем усиленного батальона. В январе мы запланировали пяти-семидневный выход между двумя гарнизонами с отрывом частей на 50-60 километров. Это нам дает возможность втянуть наши войска как в марши, так и в зимние условия.

Огневая подготовка. По огневой подготовке в основном сейчас этот полк, который идет впереди, закончил первые начальные упражнения и приступил ко вторым. По остальным полкам упражнения заканчиваются. Результаты такие: отлично – 268 из 647 чел. «хорошо» – 191, «посредственно» – 145, «плохо» – 43 с общим процентом 93,5. В отдельных полках, где идут только разговоры о перестройке, только над этим думают, эта задача отработана на 50 процентов.

Для того, чтобы улучшить качество боевой подготовки, что мы проделываем? Мы проделываем следующие мероприятия. На сегодня мы задались такой целью, чтобы выявить отдельных командиров, которые учат сейчас бойцов показом. Нашли такого командира, а прошло несколько дней, — и в каждом полку имеем не одного, а десятки таких командиров, которые учат показом. Это — положительное явление, обеспечивающее качество учебы. Затем выявили лучший взвод дивизии, популяризировали его, и теперь каждый командир старается вывести свой взвод на уровень данного показательного взвода. По полковым школам развернули эту же самую работу.

Затем секретари партийных бюро после 15-й окружной конференции резко перестроили свою работу. Есть такие секретари партийных бюро, как тт. Башмаков и Казаков, которые имеют определенный план, когда, в какой батарее, в какой роте они будут на занятиях. Они не просто только присутствуют на занятиях, но и активно включаются в учебу. Вернувшись из роты, докладывают командиру полка и помогают устранять недочеты. Комсомольские организации также отыскивали комсorghов, которые по-настоящему перестроили работу и, популяризируя их образцы, проводят работу. Это тянет остальных вперед.

Работа с отличниками. Это важный раздел работы, особенно в период одиночной подготовки. У нас сначала забросили это дело, забросили отличников, которые были награждены Народным Комиссаром нагрудным значком «Отличник РККА» и награждены ценными подарками за ученье и т.д. Сейчас эту армию отличников мы собрали, провели соответствующую работу, показали молодым бойцам, командирам рот и взводов. Мы еще не полностью провели это мероприятие, но перед каждым из командиров рот и взводов поставили определенные задачи — иметь планы по выращиванию этих отличников. Скажем, каждый командир роты должен подготовить 2-3 отличника к определенному сроку, что вообще нас приведет к возможности подготавливать и в дальнейшем отличников. Тем самым будем поднимать качество боевой и политической подготовки.

Генерал-лейтенант бронетанковых войск говорил, что в танковые части нельзя посылать людей, не знающих русского языка. Я должен сказать, что в нашей дивизии до 32 национальностей, так что девать их некуда. В пехоту брать нельзя, но нужно по-

ставить интернациональное воспитание в центре нашего внимания. Мы решили поступить так: чтобы быстрее обучить русскому языку, мы распределили националов не более как по 2 человека по отделениям. Затем подготовили комсомольцев и прикрепили их к этим лицам, поставив вопрос, чтобы каждый боец каждый день заучивал по пять слов русского языка. В батальоне связи у нас было 5 человек, в ОРБ — 15 человек. Передо мной ставили некоторые командиры вопрос: «Уберите этих людей». Я заявил, что у нас много национальностей и никаких переводов не будет. И что же? Сейчас связисты работают прекрасно на ключе и передают по несколько десятков слов. Больше того, ни один командир батальона не просит их снимать. Это мероприятие чрезвычайно помогает. Человек видит предмет, например, руку, которая называется рукой до тех пор, пока не выучит.

Для того, чтобы подготовить полноценного ефрейтора и обеспечить нашего отделенного командира помощником, мы провели такое мероприятие — собрали 45-дневный сбор из старослужащих 2-го года службы и к 1 января закончим этот сбор. Это обеспечит примерно на каждый полк 50–60 инструкторов. Я сам лично побывал на каждом сборе. Должен сказать, что качество занятий довольно высокое, и мы получим полноценных ефрейторов, которые обеспечат качество проводимых занятий в отделении.

Колоссальное значение имеют мероприятия, которые мы проводим по переподготовке командного состава по приказу Народного комиссара № 0529. Вкратце хочу отметить как недостаток один штрих. У нас получается некоторая перегрузка дивизии. Округ проводит сборы — берет от дивизии руководителей, корпус проводит — он берет от дивизий руководителей, или просто подготовку командиров батарей переложили на меня, а мой начальник артиллерии дивизии со штабом сидит на корпусных сборах больше месяца.

Недостаточно осуществляется контроль со стороны руководства за этими сборами, и качество подготовки командира роты у нас оказалось слабее, нежели качество подготовки командира батареи. Мы сейчас проводим сбор командиров взводов. С командирами рот предстоит работать еще очень много, чтобы подготовить из них настоящих мастеров. Командир роты — основное лицо, которое готовит непосредственно бойца, отделение и взвод.

Эта категория оказалась моложе по возрасту, меньше по званиям, и сбор прошел несколько ниже, нежели категория командира батальона и командира взвода.

Так идет у нас перестройка, так мы понимаем указания товарища Народного комиссара, которые нам даны были на разбор тактических учений.

Не совсем благополучно у нас обстоит дело с дисциплиной. Мы не изжили таких позорных явлений, как дезертирство — был такой случай в декабре. Самоотлучки имеют место, имеют случаи пьянки, причем в звене младшего лейтенанта. В чем тут дело? Дело в том, что мы считали его полностью подготовленным командиром и бросили работать с ним, а он не сложился еще как командир, мы же представили его самому себе. Сейчас мы это дело пересмотрели и наметили целый ряд мероприятий с тем, чтобы поднять категорию младших лейтенантов.

Устав дисциплинарной службы в дивизии мы понимаем правильно и дисциплинарную практику проводим правильно, но у некоторой части командного состава получилось простое администрирование. Я позволю себе назвать один такой пример. Есть заместитель командир батареи Ильченко — за ноябрь и 10 дней декабря он не дал ни одного поощрения, дал 53 наряда и 15 суток ареста. Мы сейчас провели основательную проверку состояния дисциплины в этом полку и ряде других частей и дали исчерпывающие указания, чтобы выправить этот недостаток.

Сейчас мы развернули широкое социалистическое соревнование внутри себя, вызвали ряд своих дивизий Московского военного округа на соревнование с нами за первенство. Мы ставим своей задачей, во что бы то ни стало удержать знамя Народного комиссара, которое получила дивизия в прошлом году и будем бороться за первенство нашего Московского военного округа, чтобы сделать его передовым округом в Красной Армии».

Судя по «Историческому формуляру» дивизии, учеба в ней в начале 1941 года шла успешно. В лыжном кроссе имени Наркома Оборона, Героя и Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко участвовали тысячи бойцов-лыжников. 409 стрелковый полк сдал на 100% лыжную норму на дистанции 20 километров.

Затем в феврале 1941 года прошли тактические учения с боевой артиллерийской стрельбой. Они, как утверждает в «Историческом формуляре», «были поучительны не только для артил-

леристов, но и для пехоты, а также и специальных подразделений. При температуре свыше 30 градусов мороза бойцы выполняли поставленные командованием задачи и учились преодолевать все трудности боевой жизни.

«Для нас, как и для всех бойцов, — говорил младший командир сержант т. Трифонов, — эти учения дали многое. Большинство из нас действовали зимой в первый раз, и эта закалка боевой выучки останется на долгое время, мы научились строить землянки и жить в поле, варить пищу на костре, приобрели серьезные навыки походной жизни и успешно вести боевые действия».

Командование высоко оценило работу нового командира дивизии. В ознаменование 23-й годовщины Красной Армии за успешное выполнение боевых задач и выдающиеся достижения в боевой и политической подготовке Указом Президиума Верховного Совета СССР И. Т. Гришина наградили орденом «Красной Звезды».

22 февраля 1941 года в городе Горьком состоялся дивизионный праздник. Он красочно описан в «Историческом формуляре»:

«Части горьковского гарнизона, представители от других гарнизонов нашей дивизии, отличники боевой и политической подготовки в 12 часов дня построились стройными рядами на Советской площади г. Горького в честь открытия митинга в ознаменование вручения переходящего Красного Знамени Красной Армии.

У всех было радостное и праздничное настроение.

В торжественной обстановке, при участии партийных, советских и других общественных организаций, начальник Отдела политической пропаганды — полковой комиссар т. Лукашук открыл митинг и предоставил слово члену Военного Совета корпусному комиссару т. Богаткину.

— По поручению Народного комиссара обороны, героя и маршала Советского Союза т. Тимошенко, — сказал т. Богаткин, — Вам, передовому соединению столичного округа, сегодня вручается переходящее Красное Знамя Красной Армии.

Военный Совет надеется, что бойцы, командиры и политработники оправдают высокую награду Народного комиссара — крепко будут держать это знамя в своих руках, сделают все, чтобы приумножить успехи в боевой и политической подготовке, с честью выполнят боевой приказ Народного комиссара Обороны о боевой и политической подготовке на 1941 год.

Переходящее Красное Знамя – это символ побед. Боритесь за честь своего соединения, добейтесь, чтобы в новом учебном году быть передовиками в нашем округе!

Под громкие крики «Ура» член Военного Совета корпусный комиссар т. Богаткин вручает переходящее Красное Знамя командиру дивизии т. Гришину.

Принимая знамя, командир дивизии полковник т. Гришин в своем ответном слове сказал:

– 23-ю годовщину Красной Армии наша дивизия встречает с особой радостью. В ее молодую историю этот день войдет как одна из славных страниц мирной учебы и труда.

Проведенные Народным комиссаром Оборонаы учения в нашей дивизии заложили прочную основу для ее дальнейшей плодотворной работы. Высокая награда, которую мы получаем, вселяет в нас большую уверенность в наши силы и способности. Дивизия еще твёрже станет на путь уверенного и правильного разрешения задач, поставленных Народным комиссаром Оборонаы на 1941 учебный год.

Трудящиеся г. Горького и Горьковской области гордятся своими дивизиями, которые высоко хранят революционные традиции горьковского пролетариата. Одна из старейших, 17-я Краснознаменная Горьковская дивизия – мать нашей дивизии, и родная наша сестра – 136-я дивизия в борьбе с белофиннами, в суровых условиях зимней стихии и дикого театра военных действий показали высокую боеспособность и личную преданность своей Родине, партии Ленина-Сталина. Обе они награждены высшей правительственной наградой – 136 стрелковая дивизия орденом Ленина и 17 стрелковая дивизия – орденом Красного Знамени.

137 стрелковая дивизия одна из первых в Московском военном округе завоевала первенство по боевой и политической подготовке в 1940-м году. Дивизия получила звание передовой дивизии и сегодня, воодушевленная решениями XVIII партийной конференции, получает высокую награду – переходящее Красное Знамя Красной Армии.

Получая это знамя, разрешите мне от Вашего имени заверить Военный Совет Московского военного округа, Народного комиссара Оборонаы и трудящихся г. Горького и Горьковской области в том, что 137 стрелковая дивизия не успокоится на достигнутом и будет с еще большей энергией и усилиями совершенствовать

боевую и политическую подготовку всех частей и подразделений. Мы еще с большим упорством будем бороться за укрепление советской воинской дисциплины. Завоеванное первенство мы никогда не уступим и знамя никому не отдадим.

Под этим знаменем на фронте мирной учебы мы будем бороться за честь и первенство не только нашей дивизии, но и за первенство нашего славного столичного округа в Красной Армии.

Это знамя мы будем твердо держать в своих руках и, если потребуется, то 137 стрелковая дивизия, как и ее предшественницы 17 и 136 стрелковые дивизии, высоко и гордо понесет его к новым победам и будет беззаветно драться за свое социалистическое Отечество, за свой народ, за Родину, за великого Сталина.

Красное знамя передаю на хранение в 771 стрелковый полк, и одновременно объявляю соревнование между полками и отдельными частями дивизии за право хранения знамени.

Выступивший секретарь областного комитета ВКП(б) т. Родионов поздравил личный состав с высокой наградой и призвал бойцов, командиров и политработников к новым, еще более высоким результатам в учебе.

После выступления секретаря областного комитета ВКП(б) т. Родионова начался парад частей, участвовавших в митинге. Четкие, строгие шеренги бойцов проходят мимо трибун с криками «Ура» в честь великого Сталина, в честь Народного комиссара Оборона, Героя и Маршала Советского Союза т. Тимошенко».

А 26 июня 1941 года части 137-й стрелковой дивизии отправлялись из города Горького на Западный фронт. Стройными рядами прошли они от Кремля к Московскому вокзалу, где состоялся митинг. Провожали дивизию партийные и советские руководители, и все жители города. Женщины плакали навзрыд, сердцем чувствуя, что в последний раз видятся с мужьями и сыновьями.

Предвидел ли Иван Тихонович всю тяжесть предстоящих испытаний? Судя по рассказу бывшего ординарца Гришина, Михаила Зюбина, нет. По дороге на фронт он смог повидать родителей в деревне Внуковичи Смоленской области. Михаил Зюбин так передает беседу отца с сыном:

«Отец, Тихон Евстахиевич, старый солдат, с ходу забросал сына вопросами, суть которых сводилась к тому главному, что волновало в те страшные дни всех: хватит ли сил у нашей армии одолеть врага?»

– У меня, батя, отличная дивизия. Думаю, и у других не хуже. Так что не сомневайся – победим...»

Впрочем, надежду на быстрый победоносный исход войны питало тогда огромное количество советских людей. Приведем лишь одно из многочисленных свидетельств – писателя М. А. Бабикова, служившего в 1941 году на Северном флоте: «никто и мысли не допускал, что воевать будем не месяц, не два и не год, что дело не кончится столкновением у границы, а невиданной силы враг займет глубины России до Кавказа и Волги...».

Сандалов Леонид Михайлович, пред войной начальник оперативного отдела Белорусского военного округа, вспоминал:

«Существовало убеждение, что наша армия по численности и техническому оснащению к началу войны непременно будет сильнее войск фашистской Германии и ее потенциальных союзников. В связи с этим отработке тем по обороне уделялось очень мало внимания».

Следует иметь в виду также то, что разговор отца с сыном происходил в конце июня, когда даже Генеральный штаб Красной армии не имел ясного представления о том, что происходило на Западном фронте. Это признавал в своих мемуарах генерал армии С. М. Штеменко, в войну работавший в Генштабе:

«28 июня пал Минск, и 11 наших дивизий, оказавшихся западнее его, вынуждены были продолжать борьбу уже в тылу противника. Генштаб узнал об этом не сразу».

Английский автор Кеннет Максей в книге о Гудериане, с танковыми колоннами которого пришлось сражаться 137 стрелковой дивизии, утверждает даже следующее:

«Только 30 июня Сталин и Ставка услышали по германскому радио, что около Минска окружены их войска».

Так что Иван Тихонович не кривил душой в разговоре с отцом: не имея достоверной информации, он продолжал в тот момент оставаться во власти довоенных представлений. Он бы не поверил тогда, если бы ему сказали, что 1-2 августа гитлеровские войска овладеют Рославлем, входившим по директивам руководства страны в последний, третий рубеж обороны на дальних подступах к Москве.

Когда 3 июля И. Т. Гришин со штабом дивизии прибыл на станцию Орша Витебской области, перед ним стала постепенно открываться реальная картина поражения кадровых частей Бе-

лорусского военного округа. В этот день гитлеровский генерал Гальдер записал в своем дневнике, что «вероятно, не будет преувеличением сказать, что русская кампания была выиграна всего за две недели». 28 июня немецкие войска вошли в Минск, а 3 июля завершили разгром трех советских армий в так называемом «Белостокском котле».

На средних и нижних ступенях военной иерархии имели смутное представление о происходящем. Авторы книги о боевом пути 13-й армии, в состав которой включили 137 дивизию по прибытии ее в Оршу, утверждали: «Подробной информации об обстановке на фронте у командования армии не было. Отрывочные и противоречивые сведения о боях в приграничном районе удавалось получить лишь через местные телефонные станции».

Но достаточно быстро командиры Красной армии стали осознавать, что официальная советская пропаганда о превосходстве вооруженных сил СССР над агрессором не соответствовала действительности. Уже через десятилетия после окончания Великой Отечественной войны в этом откровенно признавались ветераны. Л. М. Сандалов, который в первые месяцы 1941 года воевал по соседству с И. Т. Гришиным, в книге «Первые дни войны», изданной в 1989 году, отметил следующие особенности германской армии, которые обеспечивали ее успехи в сражениях с Красной армией: 1) «истребители, так и бомбардировщики немецкой авиации превосходили наши самолеты по скорости, вооружению, бомбовой нагрузке и дальности полета»; 2) имевшийся на вооружении (РККА — ред.) легкий танк Т-26 по всем показателям значительно уступал немецким средним танкам, которыми в основном были вооружены немецкие танковые дивизии»; 3) «преимущество немецко-фашистских войск заключалось и в том, что они имели двухлетний опыт войны на самых различных театрах Европы, овладели методами управления крупными войсковыми массами, научились уже организовывать и осуществлять наступательные операции большого размаха, умея использовать в сражениях все виды боевой техники и вооружений. Рядовой состав и офицеры немецкой армии имели достаточно высокие боевые качества».

Германское командование разработало особую тактическую доктрину «блицкрига», суть которой, по описанию английского фельдмаршала Монтгомери, состояла в том, чтобы «осуществить прорыв и глубокое проникновение бронетанковых войск, под-

держанных авиацией. Авиация разрушит коммуникации и учреждения противника, будет оказывать помощь артиллерии в ходе наступления, атакуя цели на земле, и будет снабжать наступающие части людьми и материалами. Танки, поддержанные пехотой, осуществляют прорыв на местности. Тактические принципы «блицкрига» — сосредоточение, внезапность и скорость; противник опрокинут и беспощадно разгромлен полностью».

Несостоятельность официальной советской пропаганды, впечатляющие успехи гитлеровских войск вызвали кризис сознания у ряда красных командиров, которые не смогли перестроиться и ответить адекватно на внезапно возникшие угрозы. Показательна в этом смысле судьба Дмитрия Григорьевича Павлова, командующего войсками Белорусского военного округа, а затем Западного фронта. За свои прежние военные заслуги он был награжден тремя орденами Ленина. Но с момента вторжения немецких войск, как сказано в постановлении Верховного суда Союза ССР, проявил «трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности».

Думается, что Иван Тихонович Гришин читал изданное в СССР в 1937 году произведение прусского военного теоретика Клаузевица «О войне». Но даже если и не ознакомился с этой книгой, то проявил с первых минут войны те качества, которые Клаузевиц считал необходимыми для военачальника. Приведем длинную цитату из вышеуказанного труда, которая проливает свет на психологические причины, по которым произошло размежевание среди красных командиров в начале войны:

«Война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война область недоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане, неизвестности и, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется, прежде всего, тонкий, гибкий, проницательный ум... Война — область случайности... недоверность известий и предположений — постоянное вмешательство случайности — и приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем он ожидал. Это не может не отражаться на его плане, или, по крайней мере, на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все прежние предположения, то на место последних должны выступить другие, но

для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решения и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут их все же поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но от этого наша неуверенность не уменьшается, а напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии».

Иван Тихонович оказался в числе тех красных командиров, которых ситуация недоверия информации и временного превосходства противника, характерная для первых месяцев 1941 года, не сломила, а способствовала мобилизации, говоря словами Клаузевица, их «выдающихся умственных сил».

Командиру дивизии приходилось постоянно сталкиваться с непредвиденными ситуациями. Части дивизии прибывали не одновременно и разгружались в различных местах. Первые эшелоны 771-го стрелкового полка прибыли на станцию Орша, 624-й стрелковый и 497-й гаубичный полк разгрузились на станции Кричев, другие части доехали до станций Темный Лес. По прибытии в Оршу 3 июля Ивану Тихоновичу пришлось искать инстанцию, которая могла бы издать ему приказ. В Чаусах он нашел штаб 20-й армии и получил приказ поступить в распоряжение командира 61-го стрелкового корпуса генерала Ф. А. Бакунина. Тот приказал занять оборону от Понизовья (южнее Орши) на юг по Днепру на 20 километров по восточному берегу реки. В довоенных планах советского руководства по Днепру проходил стратегический рубеж обороны. Но он не был подготовлен в инженерном отношении. К 7 июля неполному составу дивизии удалось отрыть окопы и кое-где установить минные поля на танкоопасных направлениях.

8 июля командующий Западным фронтом С. К. Тимошенко перевел 137 стрелковую дивизию в резерв 13-й армии и приказал сосредоточиться северо-восточнее Могилева в районе Сухари, Киркоры, Большое Бушково. За сутки части дивизии прошли от различных мест выгрузки от 40 до 70 километров.

10 июля поступил приказ командования 13-й армии – подготовить рубеж обороны по восточному берегу реки Реста на фронте Гладково, Драчково, Войнилы, Сталька, Острова и готовить контратаки «в любом направлении после сигнала через 40 минут».

Но тактика немцев заключалась в том, что их основные ударные единицы – моторизованные армейские корпуса – обходили хорошо укрепленную оборону Красной армии. Они находили слабые места, прорывались в глубину и смыкали «клещи» за спиной наших армий. Последствия этого описал в свое время заместитель командующего Западным фронтом А. И. Еременко:

«Немцы атаковали крупными танковыми формированиями, часто танки несли на броне пехотинцев. Наша пехота не была готова к этому. С криками «Танки противника» наши роты, батальоны и даже целые полки начинали метаться туда-сюда, ища убежища позади позиций противотанковых или полевых орудий, ломая боевые порядки и скапливаясь около огневых позиций противотанковой артиллерии. Части теряли способность маневрировать, боеготовность их падала, а оперативный контроль, связь, взаимодействие становились совершенно невозможны».

Преследуя такие цели, немецкие танковые колонны не стали преодолевать сильно укрепленную оборону Красной армии у Рогачева, Могилева и Орши, а 10 и 11 июля форсировали Днепр в «забытых Богом дырах»: 46-й танковый корпус у Шклова, 47-й корпус – у Копысь, а 24-й корпус – у Старого Быхова.

С. К. Тимошенко лично поставил перед командующим 13-й армией следующую задачу:

«Армия должна сделать все возможное и невозможное, сбить в полосе своих действий темп наступления вражеской армады, и лучшим рубежом для этого является Днепр».

Эффективным средством в борьбе с танковыми колоннами командующий Западным фронтом считал контратаки.

Вечером 11 июля И.Т. Гришин получил приказ от командования 13-й армии срочно выступить в направлении Дуброво, Волковичи, Усушек, чтобы там оседлать перекресток дорог Могилев – Пропойск, Волковичи-Чаусы и не допустить продвижения моторизованных частей противника на восток – юго-восток, а при успешном развитии боя «сбросить врага в Днепр».

Вечером же 11 июля Иван Тихонович получил приказ от командира 45-го стрелкового корпуса Э. Я. Магона, который, на-

ходясь со штабом в окружении, координировал контрудар против 24-го корпуса немцев. Он приказывал 137-й дивизии выйти 12 июля к 15.00 на 20 километров западнее от участка, определенного штабом 13-й армии и быть готовым к выступлению.

И. Т. Гришин приступил к выполнению приказа вышестоящего штаба.

Следует заметить, что Иван Тихонович сумел быстро освоить тонкости официального этикета, который предписывал особые правила поведения командира на фронте с учетом расхождения официальной информации и реального положения дел. Исследователь из Нижнего Новгорода Валерий Киселев, собравший свидетельства ветеранов 137-й стрелковой дивизии, приводит следующий характерный пример. Разведка 771-го полка установила, что все деревни по восточному берегу Днепра заняты мотопехотой, артиллерией и имеется до 300 танков. Начальник штаба 771-го полка Шапошников А. В. доложил об этом командиру корпуса генералу Еремину. Тот возмутился: «Да ты что, откуда у немцев столько танков? Да ты знаешь, сколько танк стоит?» И далее Шапошников А. В. вспоминает, что «Гришин меня при случае предупредил: «Ты впредь остерегайся докладывать такие данные, а то могут и в преувеличении сил противника обвинить».

Для выполнения приказа штаба армии, И. Т. Гришин имел в своем распоряжении пять батальонов пехоты из 771-го, 624-го и 409-го полков, артдивизионы 497-го гаубичного артиллерийского полка и 278-го легкого артиллерийского полка. Ни танков, ни бронетранспортеров у него не имелось. Пехота для борьбы с немецкими танками могла применять лишь гранаты и бутылки с горючей смесью.

Надо сказать, что в отличие от немцев, частям дивизии приходилось двигаться пешком. В «Историческом формуляре» 137-й стрелковой дивизии И. Т. Гришин писал, что бойцы совершили в целом 200 километровый марш из Орши в район Червоный Осовец-Пустой Осовец. В книге А. И. Еременко «В начале войны», изданной в 1964-м году, есть запись от 10 июля: «137-я дивизия прибыла походным порядком и была сильно измотана в дороге». Снежинский С. Т., тогда командир взвода 409-го полка, вспоминал, что с 12 на 13 июля на сближение с противником бойцы шли всю ночь, «в самую непроглядную темноту вышли в поле». Деревни Червоный Осовец, Пустой Осовец, Середина Буда и Давыдо-

вичи дивизии предстояло взять, чтобы выполнить приказ штаба армии «сбросить противника в Днепр».

13 июня ровно в 5.00 наша артиллерия дала только несколько залпов, снаряды надо было беречь. Бойцы с трехлинейками поднялись в первую атаку. Гитлеровцев застали врасплох, и пехотинцы вышли на окраину села Червоный Осовец и выбили немцев из деревни. Батальон 624-го полка вместе с батареей 76 миллиметровых орудий 771-го полка вызволил из окружения штаб 45-го корпуса.

Немцы опомнились, и начались атаки танков, бронетранспортеров, поддержанные артиллерией и мотопехотой. Наступали главные силы 4-й танковой дивизии Гудериана и части 10-й моторизованной дивизии. Им удалось вытеснить нашу пехоту из Червоного Осовца, и основное сражение развернулось на ржаном поле перед деревней.

Приведем свидетельства из книги Валерия Киселева «Заплачено кровью», собравшего воспоминания ветеранов 137-й стрелковой дивизии.

Меркулов К. И., начальник артиллерии 771-го полка:

«Главная тяжесть боя с танками легла на артиллерию, и она не подвела. Все без исключения расчеты действовали отлично». Артиллеристы вели огонь прямой наводкой.

Корнилин Л. А., адъютант 624-го полка, вспоминал об этом так:

«Бой был страшным. Артиллерия работала превосходно, целей не надо было искать: танков было много. Доставалось и нам, и немцам, на потери не смотрели».

Свою долю в борьбу с немецкими танками внесли и пехотинцы, хотя им было гораздо сложнее, чем артиллеристам. Красноармеец В. И. Громов из 624-го стрелкового полка так передает свои ощущения:

«Показалась колонна танков, машин двадцать. Я насчитал восемь, а дальше уже ничего не было видно в сплошной пыли. Развернулись и пошли на нас, стреляя на ходу. Это был не бой, а кромешный ад».

И в этом аду бойцы не теряли присутствия духа. Шапошников А. В. приводил такой пример:

«Я видел, как несколько смельчаков, оставшись во ржи, поджидали приближающиеся танки. Вот завертелся один с подбитой

гусеницей, другой встал — бойцы накинули ему плащпалатку на триплексы, а потом вижу, и этот горит. Залегшие бойцы бросали в бронемашину гранаты и бутылки с горючей смесью».

Нередко при этом бойцы гибли и сами. Самойленко А. М. рассказывал следующее:

«Самое страшное было, когда появились танки. Те, кто был на ржаном поле, бросали в танки последние гранаты и гибли».

Из воспоминаний ветеранов можно сделать вывод, что И. Т. Гришин сумел хорошо подготовить свою дивизию к предстоящим схваткам. Бойцы четко понимали свою задачу, умели самостоятельно принимать решения и действовать эффективно. Фельдмаршал Монтомгери подчеркивает эту очень важную деталь в военном искусстве:

«Как бы ни был искусен генерал, наступает момент в каждой битве против какого-либо врага, когда победа находится в подвешенном состоянии: тогда власть выпадает из рук генерала и в конечном итоге переходит к солдатам: тогда победа зависит от их смелости, подготовки, дисциплины, их отказа признать поражение, их твердости и стойкости в бою».

Об этом первом бое дивизии Шапошников А. В. говорил:

«Не приходилось никого подгонять. И воевали бойцы умело. Кадровый состав у нас был подготовлен очень хорошо. После первого боя я понял: с таким народом воевать можно».

Очевидно, и этот бой имел в виду Гудериан, когда писал в своих мемуарах «Воспоминания солдата»:

«13 июля начались ожесточенные контратаки русских».

Гитлеровцы, столкнувшись с упорным сопротивлением в районе Червоного Осовца, стремясь сохранить темп наступления, во второй половине дня направили крупные силы танков при мощной поддержке авиации, артиллерии и минометов на стык левого фланга 137-й дивизии и правого фланга 53-й, прорвались там и устремились на Пропойск и Чаусы. Удар в направлении Кричев являлся частью плана немецкого командования по окружению Красной армии в районе Смоленска.

137-я дивизия осталась победителем в районе Червоного Осовца. В течение дня ее бойцы уничтожили до 30 танков и бронемашин и около 500 человек пехоты. Но победа досталась ценой большой крови. Корнилин Л. А. вспоминал:

«Многие командиры рот и взводов были убиты или ранены. Когда я писал донесение после боя о боевом и численном составе батальона, это была плачевная картина: потери доходили до 60%».

Кучинский А. К., командир отделения 624-го стрелкового полка, записал:

«Из 53 человек нашего взвода в живых осталось 19».

К тому же дивизия оказалась обойденной с флангов, и враг очутился у нее в тылу. На таких ситуациях особо остановился в своей аналитической записке И. В. Сталину член Военного совета Западного фронта П. К. Пономаренко:

«В частях чрезвычайно нервно относятся к возможности окружения. Воля командиров и действия частей парализуются во многих случаях тотчас же после того, как воображение создало картину окружения, хотя действительного тактического окружения наших соединений почти никогда не бывало... При правильных действиях и сохранении управления окружение во всех случаях можно снести, прорвать и нанести противнику страшный урон».

Когда к вечеру 13 июня стало ясно, что дивизию обошли, появились панические настроения. Кое-кто принялся заводить трактора. Иван Тихонович применил средство, часто употреблявшееся в 1941 году. Он выхватил пистолет и скомандовал: «Куда? А ну – глуши!»

Был еще один неприятный случай, о котором рассказал Шапошников А. В.:

«Лейтенант Лавренюк, недавно прибывший в полк из училища, когда немецкие танки загудели в тылу, сказал своим бойцам: «Все, ребята, можно разбежаться». Бойцы поставили его к стенке».

Дивизия осталась на месте, ожидая приказа на отход.

А в штабе Западного фронта 137-ю стрелковую дивизию включили в новый план по ликвидации прорыва противника в районе Старого Быхова. Она должна была вместе с 20-м механизированным корпусом и 160-й стрелковой дивизией наносить удар вдоль западного берега реки Прони в направлении на Горки. Но приказ не дошел до командира 20-го стрелкового корпуса и соответственно до И. Т. Гришина. Немцы каким-то образом узнали об этом приказе, и перед рассветом 15 июля на Чериков и Пропойск начались непрерывные массированные налеты гитлеровской авиации. Немецкие танки прорвались через мост на реке Проня у Пропойска, захватили его, а затем 17 июля пал и Кричев.

Как сказано в книге «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии»: «К 17 июля войскам армии пришлось вести тяжелые бои практически в тылу врага в трех изолированных районах, расположенных от Днепра до Сожа: у Могилева, в районе Чаусы и у Кричева. Общая глубина этих очагов сражения от запада на восток достигала 100 километров».

Части 20-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 137-я стрелковая дивизия, оказались в лесах в междуречье Ресты и Прони. Немцы столкнулись с тем, что гитлеровский генерал Блюментритт назвал уникальным явлением войны на территории СССР: «сильные русские элементы просто укрывались в непроходимых лесах далеко от дорог... в результате ожесточенные стычки происходили в лесах день за днем».

В штабе 13-й армии есть документ о том, что «137-я стрелковая дивизия в течение 16 июля вела бои в полуокружении в районе Любавино, уничтожив при этом 6 танков противника».

В «Историческом формуляре» дивизии И. Т. Гришин писал, что с 12 по 17 июля ею в результате контратак было уничтожено до 5 тысяч солдат и офицеров противника, 25 танков, 12 орудий, 5 минометных батарей, десятки автомашин и много другой военной техники.

Пройдя в боях более 70 километров, дивизия И. Т. Гришина вместе со 132 и 160 стрелковыми дивизиями переправилась через р. Проню севернее Пропойска и вышла на подступы к Варшавскому шоссе у деревни Александровка.

По воспоминаниям участников Великой Отечественной войны, находиться в окружении – «самое тяжелое на фронте». Русский писатель Борис Васильев в своем произведении «В окружении. Страшное лето 1941 года» так описывает испытанные им потрясения:

«Блуждание по лесам и болотам с риском попасть под внезапный огонь противника или угодить в плен. Это – голод, холод и еще раз голод, потому что ты без снабжения, без связи, без поддержки, без медицинской помощи, наконец, и любая рана может оказаться для тебя смертельной. А еще усталость и чувство обреченности, это – сон урывками, когда спишь вполуха и вполглаза. А дороги патрулируются немцами, и наш путь должен проходить через непроходимое. Тогда есть шанс уцелеть. Крохотный, но – есть!»

В воспоминаниях ветеранов 137-й стрелковой дивизии есть характерные моменты, свидетельствующие о физическом состоянии бойцов и командиров, подошедших к Варшавскому шоссе. А. В. Шапошников говорит о командире корпуса генерале С. И. Еремине: «Был он запыленный, небритый, смертельно уставший, так что его трудно было узнать». Когда А. В. Шапошников стал объяснять боевую задачу командиру второго батальона Леоненко, тот, еле стоя на ногах от усталости, попросил: «Ничего не понимаю, трое суток не спал». Командир батальона майор Московский собрал совещание командиров рот и сказал: «Что хотите делайте, но командовать сейчас батальоном не могу». Тогда офицеры выбрали на время операции нового командира — командира батареи 76-миллиметровых орудий 771-го стрелкового полка Г. Г. Похлебаева. Телефонист батальона связи Кишковский Е. А. говорил, что на подходе к шоссе «были мы настолько уставшие, что тут же засыпали. Я заснул, не обращая внимания на близкий огонь орудий. Команды «Вперед» не слышал и проснулся ночью от холода».

Тем не менее, в штабе корпуса разработали дерзкий план пересечения Варшавского шоссе, который ставил целью не только прорыв из окружения, но и захват шоссе на какое-то время, чтобы затормозить движение немцев к Москве. В это время на шоссе от Пропойска до Черикова находились главные силы гитлеровской 10-й моторизованной и несколько подразделений 4-й танковой дивизии. Группы бронетранспортеров, танков, мотоциклистов с пулеметами дежурили на шоссе, а по обочинам замаскировались орудийные и пулеметные расчеты.

Помощник начальника тыла 20-го стрелкового корпуса Цвик И. И. так описывал осуществление этого плана: «в авангард главных сил ставилась 137-я стрелковая дивизия полковника Гришина, справа — 132-я дивизия генерала Бирюзова, а слева — 160-я дивизия. Меня направили к Гришину для наблюдения и помощи. Персонально полковник Гришин смотрелся лучше других командиров дивизий. Видно было, что этот человек — с железной волей. Я знал, что его дивизия выглядела лучше других».

19 июля во второй половине дня дивизии приготовились к переходу. Но, как рассказывал командир батальона связи дивизии Лукьянюк Ф. М., перед началом прорыва возникли непредвиденные обстоятельства: командир 771-го стрелкового полка И. Г. Мали-

нов, которому командир корпуса поручил идти в авангарде, исчез. До Гришина и генерала С. И. Еремина дошли слухи, что тот сдался немцам. И. Т. Гришин по телефону вызвал начальника штаба полка А. В. Шапошникова и приказал ему командовать полком. Через час после исчезновения И. Г. Малинова немцы открыли точный огонь по расположению дивизии и убили командира корпуса. И.Т. Гришин немедленно принял решение начинать прорыв.

Убедительные доказательства тому, что И. Г. Малинов перешел к немцам, так и не были найдены, и судьба его неизвестна. Но по свидетельству некоторых ветеранов, он был явно надломлен поражениями Красной армии в начале войны. Говорили, что И. Т. Гришин после первого боя под Червоным Осовцом пригрозил расстрелять Малинова за потерю управления полком.

В 1941-м году такая угроза являлась нередкой. А. В. Шапошников так передавал приказ С. И. Еремина ему лично о прорыве через шоссе: «Операцию возлагаю на вас, капитан. Задача: оседлать шоссе, пробить брешь до Сожа и занять оборону на том берегу реки. Выполните — молодец, не выполните — расстреляю!»

К сожалению, изменники в этот критический момент для дивизии нашлись. В дивизии говорили, что командир 238-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона высочил на шоссе и сел в немецкий танк. Утверждали также, что предателями оказались начальник штаба артиллерии корпуса и зам. начальника политотдела по комсомолу.

Командование 176-го разведывательного батальона, имевшего броневыводы, танки, поторопилось перед переходом уничтожить всю материальную часть. Начальник разведки дивизии майор Зайцев показал себя как трус и паникер. Он не выполнил по разведке ни одного приказа И. Т. Гришина, более того, вводил его в заблуждение. Следствием такого положения дел с разведкой явилось то, что Зайцева, комиссара и начальника штаба разведбатальона судил трибунал. По приказу командира дивизии расстреляли командира отделения разведчиков, который, по мнению И. Т. Гришина, не выполнил поставленной перед ним задачи.

Но в целом дивизия, несмотря на наличие отдельных изменников и паникеров, успешно осуществила прорыв. В ночь на 19 июля через шоссе прорвался весь 771-й полк, главные силы 278 лап, батальон 409-го стрелкового полка вместе со штабом, управление дивизии вместе с И. Т. Гришиным.

20 июля из Кричева прибыло до двух батальонов немецкой пехоты на автомашинах, и они перекрыли шоссе. Частям 624-го стрелкового полка, артиллеристам 497-го гап пришлось пробиваться с упорными боями.

О ситуации с 137-й стрелковой дивизией с 20 по 24 июля есть воспоминания ветеранов, собранные Валерием Киселевым, воспоминания командующего 4-й армией Л. М. Сандалова в книге «Пережитое», приказы входившего в состав этой армии 28 стрелкового полка и «Исторический формуляр» дивизии, написанный И. Т. Гришиным. Они в целом воссоздают картину происшедшего, но не стыкуются в ряде моментов. Например, Л. М. Сандалов пишет, что навстречу выходившим из окружения частям 13-й армии из 45-го стрелкового корпуса заранее выслали разведчиков, которые «проводжали выходивших из окружения части к бродам, заранее оповещали, где и сколько можно будет использовать лодок, паромов, плотов. К пунктам, где ожидался выход окруженных, интендант 4-й армии заблаговременно подтягивал кухни». Ветераны 137-й стрелковой дивизии об этом не упоминают, говорят, что они самостоятельно добирались до реки Сож и переправлялись через нее.

Л. М. Сандалов приводит в своей книге слова тогдашнего командующего 13-й армией генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко: «Я считаю, что 4-я армия не создала условий, необходимых для выхода из окружения войск 13-й армии».

В «Историческом формуляре» Иван Тихонович писал: «Попав в окружение в районе Чаусы, дивизия по приказу командира 20-го корпуса прорывает кольцо окружения, выходит на правый берег реки Сож, занимает оборону и обеспечивает переправу частей 13-й армии из окружения. В этих боях части дивизии неоднократно форсировали реку Сож...».

Путаница существует относительно того, когда И. Т. Гришин установил связь с вышестоящими штабами. Командир батальона связи дивизии Лукьянюк Ф. М. утверждает: «Когда мы перешли Сож, то выяснилось, что штаб нашего корпуса почти полностью уничтожен. Дивизия осталась без вышестоящего руководства. Мы три дня (подчеркнуто мною —ред.) мыкались во все стороны, но не могли найти хоть кого-нибудь из вышестоящих штабов. Тогда командир взвода штабной роты лейтенант Смирнов поехал в ближний тыл и в сельсовете добился прямой связи с Москвой.

Полковник Гришин говорил с Москвой, насколько я знаю, с кем-то из своих товарищей в Генеральном штабе, доложил обстановку и получил приказ совместно с воздушно-десантным корпусом наступать на Пропойск и взять его. «Теперь мне все стало ясно», — помню слова Гришина после его разговора с Москвой».

А в донесении штаба 28-го стрелкового корпуса сообщалось, что уже 20 июля 137-я стрелковая дивизия получила новую задачу: главные силы на южный берег Сожа не переправлять, а ударом с востока содействовать окружению противника в районе Пропойска. Кроме того, командир корпуса приказал И. Т. Гришину в ночь на 22 июля перебросить одну артиллерийскую батарею на помощь 107-му стрелковому полку для прикрытия наступления на Пропойск 219-й механизированной дивизии генерала П. П. Корзуна.

Видимо, эти приказы просто не доходили до командования 137-й дивизии, потому что ее части продолжали переправляться на левый берег Сожа. Кроме того, 20 июля С. К. Тимошенко прислал телеграмму, что 4-я армия поступает в оперативное подчинение командарма 13-й армии, и, очевидно, И. Т. Гришину необходимо было согласовывать эти приказы со своим руководством, так как его дивизия поступила в оперативное распоряжение командования 45-го корпуса.

В целом приказ наступать на Пропойск дивизии, только что вышедшей из окружения, имел свои риски. Она не смогла выполнить поставленную перед ней задачу как из-за усталости бойцов и командиров, так и из-за технического превосходства немцев. Утром 24 июля 497-й гап, который находился на правом берегу Сожа и должен был наступать на Пропойск, практически полностью уничтожили внезапно напавшие на него гитлеровцы. Командир батареи 497-го гап Житковский М. Г. рассказывал, как это произошло: «Измученные люди уснули у орудий и тракторов. В это время обрушился шквал минометного огня, поднялась автоматная стрельба... Люди спросонья помчались к реке, но многие не сумели переплыть, немцы стреляли вслед». В живых осталось менее 100 человек. Всю материальную часть захватили немцы. Больше ста человек погибло в батальоне лейтенанта Леоненко, который располагался рядом.

Несмотря на это, вечером, выполняя приказ, часть пехоты 137-й дивизии вместе со 107-м полком 55-й стрелковой дивизии

вышли на исходный рубеж на северном берегу Сожа для наступления на Пропойск. Но, как сказано в докладной записке капитана Войтко начальнику оперативного отдела штаба 4-й армии, «к исходу дня 24.07.1941 противник силами 10 тяжелых танков и до 20–40 средних и малых танков внезапной атакой от населенного пункта Макаренков в направлении Александровки–2 при поддержке двух батальонов пехоты от Нов. Никольский в направлении на Александровка-2 потеснил части 137-й стрелковой дивизии на южный берег реки Сож».

55-я стрелковая дивизия, которая в эти дни вела бои за Пропойск, не могла окончательно захватить город именно из-за технического превосходства противника. Командир 55-й дивизии Г. А. Тер-Гаспарян объяснял: «Пропойск и Чериков обороняют танковые и моторизованные дивизии, пользующиеся сильной поддержкой авиации. А мы на Пропойск наступаем пехотой, без танков и авиации, без противотанковой и зенитной артиллерии, без противотанковых мин. Ночью мы захватим Пропойск, а утром удержать нечем».

В целом при выходе из окружения 137-я стрелковая дивизия понесла большие потери. На 25 июля в ней насчитывалось 2 000 человек. Из 12 командиров стрелковых батальонов осталось только трое. Погибли или получили ранения многие командиры рот и взводов.

Г. К. Жуков пишет в своих воспоминаниях, что во второй половине июля 1941 года бои за Смоленск приобрели ожесточенный характер. «На всем фронте враг наталкивался на активное противодействие частей Красной Армии». 24 июля был образован Центральный фронт для прикрытия брянского, гомельского и черниговского направлений. В его состав вошла 13-я армия. 26 июля ее командующим назначили генерала К. Д. Голубева. И командир 28 стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Попов получил от него приказ сформировать «группу Гришина». На самом деле, речь шла о пополнении 137-й стрелковой дивизии остатками 160, 132, 143, 148 стрелковых дивизий. Всего дивизия И. Т. Гришина стала насчитывать около 7 тысяч человек при 52 орудиях разных систем.

Кроме того, К. Д. Голубев отстранил от должности командира 4-го воздушно-десантного корпуса (ВДК) генерал-майора А. С. Жадова «за неоднократное невыполнение боевых приказов

по овладению Кричевым» и назначили на эту должность полковника И. Т. Гришина. В докладе командующему Центральным фронтом генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову он назвал вновь назначенных в ВДК командиров «крепким руководством».

И. Т. Гришин совмещал должность командира ВДК с командованием дивизией по 5 августа. Судя оперативным сводкам, ВДК при нем справлялся с поставленными задачами. Например, в оперативной сводке Генштаба Красной Армии от 2 августа сообщается: «4 ВДК, занимая прежний рубеж успешно отражает все атаки противника».

27 июля командующий Центральным фронтом поставил перед 13-й армией задачу овладеть Кричевым и выйти на реку Проня. В книге «В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии», в которой руководителем авторского коллектива являлся участник событий М. А. Козлов, утверждается, что в течение нескольких дней до 2 батальонов ВДК и столько же 137-й стрелковой дивизии «вели тяжелые бои за Кричев. Захватившая город 3-я танковая дивизия противника закрепились и отразила наши неоднократные атаки».

Из оперативной сводки штаба 13-й армии известно, что 29 июля 137-я стрелковая дивизия производила перегруппировку, выводя 771-й и 409-й стрелковые полки в резерв фронта, а 624-й полк отдельными заставами оборонялся на южном берегу реки Сож на участке Христофоровка, Кремянка.

Однако через два дня дивизия вновь передается в состав 13-й армии. Дело в том, что 1 августа к северу от Кричева после массированных ударов авиации 24-й моторизованный корпус немцев перешел в наступление. По шоссе Кричев-Рославль устремилась 4-я танковая дивизия врага, а из Мстиславля в сторону Смоленска двигался 46-й моторизованный корпус. Гудериан писал: «Кольцо окружения вокруг русских войск в районе Рославля было замкнуто. Задача состояла в том, чтобы принудить окруженных русских к сдаче...»

3 августа в 19.30 командующий Центральным фронтом отдал приказ № 4: «13-й армии... не допустить противника восточнее реки Остер на Брянск. Основной группировке ударить с тыла (юго-запада и запада), и во взаимодействии с войсками группы Качалова, наносящими удары с севера, уничтожить 6 августа моторизованную группу противника. В частности, из района Ми-

лославичи, Васильевка, Гуличи силами 137-й и 121-й стрелковых дивизий и 21-й кавалерийской дивизии; 4 ВДК с 6-й стрелковой дивизией, удерживая занимаемый рубеж Хотовиж, Первомайская, Михеечи, задержать активными действиями выдвижение к востоку 7-й пехотной дивизии противника».

О судьбе окруженной в районе Рославля армейской группировки Качалова Г. К. Жуков писал в своих воспоминаниях: «Против армейской группы В. Я. Качалова, состоявшей из трех дивизий и двигавшейся из района Рославля на Смоленск, противник бросил группу войск в составе 9 дивизий. В их числе был один моторкорпус. Противник сходу захватил Рославль и окружил группу В. Я. Качалова.

Силы и здесь были далеко не равными. Группа В. Я. Качалова оказалась в тяжелом положении, не многим удалось отойти и соединиться со своими. В этих сражениях пал смертью героя командующий группой генерал В. Я. Качалов».

137-й стрелковая дивизия вынуждена была атаковать превосходящего ее по силам и вооружению противника. Она вышла в район села Милославичи по оперативным сводкам 6 августа. Наступление вели на правом фланге 771-й стрелковый полк, в центре 624-й, на левом фланге – 409-й. Наибольших успехов вначале достигли 624-й и 409-й стрелковые полки, поддержанные батареями 278-го артполка. В деревне Незнань они обратили в бегство 19-й пехотный полк гитлеровцев, разгромили его штаб и захватили трофеи – орудия, автомашины, пленных. Затем овладели деревнями Казкань и Киселева Буда и уже начали выходить к Варшавскому шоссе. Но их атаковали части 78-й штурмовой и 17-й танковых дивизий противника и постепенно стали теснить нашу пехоту танками. А после начались бомбовые удары фашистской авиации.

771-й полк тоже вначале наступал успешно. Без артподготовки, без криков «Ура» батальоны ворвались в Милославичи. Захваченные врасплох немцы начали пятиться. Даже их танки на кладбище перед селом стали отступать. Но позже, получив подкрепление не менее двух батальонов и десяти танков, немцы атаковали наши позиции. Немецкая пехота под прикрытием танков врывалась на кладбище, но бойцы из воссозданного 2-го батальона капитана Осадчего поднимались в штыковую атаку и обращали немецкую пехоту в бегство. В. В. Свиридов вспоминал: «На клад-

бише стоял сущий ад, как при Бородино, дрались, чем попало, в основном врукопашную. Наш старшина Иванов семерых немцев штыком заколол. И сам был ранен, причем в глаз, но не уходил из боя. И немцы озверели, не отступали». Ведь со стороны немцев сражались части 7-й пехотной Мюнхенской дивизии, в которой в свое время служил Адольф Гитлер.

Но в основном противник использовал технику. И. И. Мельниченко, тогдашний адъютант командира дивизии, рассказывал: «Немецкие танки то и дело атаковали наши позиции, форменным образом издевались. У нас был всего один танк, КВ, он стоял рядом с наблюдательным пунктом дивизии и не стрелял даже тогда, когда немецкий танк подошел очень близко. Наверное, не было снарядов».

И. И. Мельниченко слышал, как И. Т. Гришин вопреки всем запретам открытым текстом запрашивал по радио: «Я тебя прошу, дай авиацию, подави танки, даю координаты... Я задыхаюсь». Вскоре прилетели три наших истребителя, полетали над полем боя и улетели. Видимо, летчикам трудно было определить в этом смертельном бою позиции наших и немецких частей.

В промежутках между танковыми атаками гитлеровцы совершали артиллерийские и авианалеты.

В борьбе с танками неоценимую помощь оказывала артиллерия. А. В. Шапошников свидетельствовал: «Хорошо работала полковая артиллерия: несколько танков подбили, и это на какое-то время облегчило наше положение».

Артиллеристы спасли 771-й полк от окружения. 9 августа из района западнее Рославля в направлении на юг перешел в наступление 24-й моторизованный корпус немцев. Это явилось началом крупномасштабной операции 2-й танковой группы Гудериана, заходившей во фланг и тыл Юго-Западному фронту. Как известно, маневр Гудериана привел в итоге к тяжелому поражению Красной Армии под Киевом.

Могла ли остановить этот бронированный кулак 137-я стрелковая дивизия, принявшая главный удар? В батальонах оставалось по 100-150 человек, командный состав полностью уничтожен. В результате фланги 409-го и 624-го стрелковых полков оказались смяты, и эти полки оказались в окружении.

Казалось, что танковый таран раздавит 771-й полк. Но благодаря мужеству артиллеристов батареи старшего лейтенанта По-

хлебаева и зенитчиков лейтенанта Христенко, атака гитлеровцев захлебнулась. Остатки полка отошли к лесу и избежали окружения.

Такова картина боя, рассказанная его участниками. В ином виде она предстает в приказах и оперативных сводках. 7 августа, когда немцы уже потеснили 771-й полк из Милославичи, в оперативной сводке Генштаба Красной Армии утверждалось: «121-й и 137-й стрелковые полки продолжали уничтожение групп противника в районе Милославичи». Удивительно, что такое триумфальное освещение событий надолго закрепилось в официальной истории Великой Отечественной войны, и этой стилистике вынуждены были следовать в своих отчетах и воспоминаниях ветераны войны. И. Т. Гришин в автобиографии, написанной в 1947 году, писал: «Под Милославичи ... на голову были разбита 7-я пехотная дивизия». Но, судя по немецким источникам, именно 7-я пехотная дивизия сыграла активную роль в последующем окружении 624-й и 409-й полков.

Приказы, которые исходили от командования 13-й армии, не попевали за событиями и тоже рисовали «оптимистические» картины сражений. Приказ, отданный 7 августа в 12 часов 40 минут генерал-майором К. Д. Голубевым, в тот момент, когда становилось ясно, что задача, поставленная перед 137-й стрелковой дивизией невыполнима, гласил: «137-й дивизии по овладении рубежом Якимовичи, Милославичи составить резерв армии; и сосредоточиться в районе Незнань, Сеньковка, Титовка со штадивом Титовка». 9 августа, когда бронетанковые части гитлеровцев уже перехватили пути отхода для наших батальонов, Голубев разрешил дивизиям прекратить наступательные действия и отходить на рубеж реки Лебежанка. Стоит, однако, отметить, что военсовет 13-й армии объявил 137-й стрелковой дивизии благодарность за активные боевые действия в районе Милославичи.

Разбираться с приказами являлось делом командира дивизии И. Т. Гришина. Как писал один философ XIX века, командовать труднее, чем подчиняться. Командир несет на себе груз всех тех, кто ему подчиняется, и этот груз может легко раздавить его. Из рассказов ветеранов 137-й стрелковой дивизии мы видим, что выстоять им помогала атмосфера взаимного доверия и взаимопомощи, которая установилась между командирами и подчиненными. А. В. Шапошников приводил такой пример: когда наступление

771-полка в Милославичи затормозилось, приехал И. Т. Гришин, сходу заявил: «Почему топчетесь на месте?» и пригрозил, как это было в ходу в то время, расстрелять А. В. Шапошникова, если полк не возьмет Милославичи. Как повел себя подчиненный? Он подумал, что, «видимо», на командира «тоже сверху давят», может быть, так же грозя пистолетом. Поэтому спокойно доложил о больших потерях, о том, что в бой брошены все наличные силы. И. Т. Гришин сразу «остыл» и стал вместе с Шапошниковым искать пути решения проблемы.

Именно по рекомендации капитана А. В. Шапошникова командир радиовзвода роты связи 771-го полка И. И. Мельниченко стал адъютантом командира дивизии. Он вспоминал: «Полковник Яманов, начальник штаба дивизии предупредил, что за жизнь командира я отвечаю головой. Я знал, что полковник Гришин – очень-очень строгий, не любит повторяться, поэтому вначале мне было страшно. Но вскоре я разобрался и понял, что его строгость – всего лишь военная требовательность. Я был обязан знать всю обстановку в дивизии и постоянно информировать об этом командира, контролировать исполнение его приказов. Я же должен был и охранять командира дивизии. Человек он был необыкновенный. По складу своего характера полковник Гришин был человеком энергичным, смелым, требовательным и решительным, очень грамотным военным специалистом. Никогда не повышал голос на подчиненных, не создавал нервозность. Нередко бывало, что он садился в броневик, брал меня с собой и ехал на передний край».

Как видно из воспоминаний ветеранов, берег командира не только его адъютант. Г. Г. Похлебаев, который в конце войны в 1945-м году стал первым советским комендантом имперской канцелярии Гитлера, рассказывал: «Десятого августа мы подошли к деревне Семеновке. Не успела пехота окопаться, артиллеристы едва отрыли площадки для орудий – показались немцы, накапливаются для атаки. На батарею как раз пришел полковник Гришин. Он меня хорошо знал лично с довоенного времени. Не успели мы с ним обменяться приветствиями, как немцы начали минометный обстрел. Мы с полковником залегли, но местность была открытая, в любой момент могли накрыть минами. Я говорю: «Товарищ полковник, вам тут не место, вам надо дивизией командовать». Он нехотя согласился: «Да, Похлебаев, надо идти...»

Еще один эпизод, характеризующий отношение к командиру дивизии со стороны его подчиненных, приводит А. В. Шапошников: «В Семеновке надо было уходить, танки вот-вот сомнут, я говорю Гришину: «Товарищ полковник, вставайте, надо уходить...» «Не могу, — говорит, — Ноги отказали! Встать не могу, как парализовало». От нервного напряжения. Пришлось его некоторое время вести под руки».

А. В. Шапошников объясняет причину столь сильного нервного напряжения: «Днем отбивались, сколько хватало сил, а ночью отходили на новые позиции. Утром немцы нас догоняли. Пока подтянут свои главные силы, пока подготовятся... Несколько их атак до вечера отбивали, а ночью опять марш. Отдыха не было совсем. Спать, кажется, вообще не спали. Идешь, держишься рукой за повозку, вроде спишь, на ходу. Лейтенант Тюкаев, мой помощник, если свалится где-нибудь на привале, ни за что его не поднять никакими командами, невозможно было разбудить, как ни тряси. Так мы его спящего клали на повозку и везли... Все мы были измучены до крайней степени».

В своей автобиографии И. Т. Гришин упоминает бой у села Церковищи. К селу части дивизии подошли утром 14 августа. Их догнала колонна немецких танков. Бойцы стали окапываться в открытом поле под огнем. Артиллеристы, как всегда, показали себя в лучшем виде. Из нескольких оставшихся в их распоряжении орудий они сдерживали натиск немецких бронемашин. Здесь, по воспоминаниям комиссара дивизии П. Н. Канцедала, командир дивизии спас своего начальника штаба: «В этом бою принял участие и весь штаб дивизии. Все командиры штаба сами стреляли и попадали... Сначала немцы оттеснили нас в деревню, а потом объехали ее на танках и стали заходить с тыла. Надо уходить, а полковник Яманов, начальник штаба дивизии, все сидит один в окопчике и стреляет из винтовки. Гришин тогда еще заподозрил, не умом ли он тронулся? Сам под огнем сходил в этот окопчик и вытащил Яманова за рукав. Как мы тогда ушли из этих Церковищ — до сих пор не понимаю...»

Надо иметь в виду, что по справке о боевом и численном составе 13-й армии по состоянию на 10 августа в 137-й дивизии насчитывалось всего 369 штыков!

О роли командира в бою написал Герой Советского Союза Славгородский в своем дневнике в 1941-м году: «Люди беспо-

мощны в отсутствие толкового командира; они могут погибнуть все, а при организованности и руководстве вполне спасены. Вот почему бойцы, а зачастую командиры, привязываются к полковым командирам, бойцам в боевой обстановке. Вот когда нужен, необходим командир!»

Во второй половине августа, ведя оборонительные бои, части дивизии И. Т. Гришина оказались на территории Брянской области. За Суражем они были обойдены стремительно двигавшимися моторизованными соединениями противника и оказались в полном окружении. В Красной армии уже распространялась директива Ставки, как действовать частям в условиях близких к окружению или в окружении. В ней, в частности, говорилось: «Попавшие в окружение или случайно оторвавшиеся соединения сохраняют дух стойкости и мужества, в плен не сдаются, прорываются с боем из окружения, нанося противнику большой вред». По отношению к тем, кто нарушал эти указания, предписывались суровые наказания: «Всех командиров и политработников, срывающих с себя во время боев знаки различия и сдающихся в плен врагу считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров».

Директива обязывала всех вышестоящих командиров и комиссаров «расстреливать на месте» подобных дезертиров.

137-й дивизия выходила из окружения через шоссе Клинцы-Унеча с боем. И. Т. Гришин писал в автобиографии: «Южнее Мглин дивизия была отрезана от войск 13-й армии и в весьма сложной обстановке и тяжелых условиях прорвала кольцо окружения и снова соединилась со своими войсками в районе города Трубчевск».

Части дивизии вышли в пункт сбора в леса юго-восточнее Трубчевска. За 18 дней они прошли с боями 200 километров.

В журнале Брянского фронта, куда включили дивизию И. Т. Гришина после расформирования Центрального фронта, есть запись от 22 августа 1941 года: «132-я и 137-я стрелковые дивизии, как понесшие крупные потери, отводятся в армейский резерв на доукомплектования в район Негино».

Что касается количества вышедших из окружения, то в оперсводке штаба Брянского фронта от 23 августа сообщалось: «137 стрелковая дивизия после окружения в районе Милославичи вышла единым полком в составе 250 человек».

Брянский фронт создавался Ставкой Верховного Главнокомандования, чтобы прикрыть московский стратегический район от возможного прорыва танковой армии Гудериана с юго-запада. Войска фронта должны были занять позиции на протяжении 330 километров на брянско-калужском и орловско-тульском направлении. Как писал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях, сам начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников не верил, что фронт, создаваемый в спешке, сможет пресечь удар центральной группировки противника. Однако назначенный командующим Брянским фронтом генерал-лейтенант А. И. Еременко на встрече с И. В. Сталиным уверял последнего: «Да, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но бить его, конечно, можно, а порою и не так уж сложно. Надо лишь уметь это делать». И. В. Сталин в последующих разговорах с А. И. Еременко требовал: «подлец» Гудериан и вся его группа «должны быть разбиты вдребезги».

Командующий Брянским фронтом понимал техническое превосходство гитлеровской армии и требовал от Ставки присылки авиационных полков и танковых бригад. Но в то же время он хотел, чтобы соединения и части максимально использовали те приемы ближнего боя, которые оправдывали себя в прежних войнах. Вот приказ командования Брянского фронта от 24 августа 1941 года:

«Опыт боевых действий показал ряд слабых сторон войск противника. К ним относятся:

- а) неумение драться ночью;
- б) неумение вести ближний бой мелкими подразделениями;
- в) пехота без танков, как правило, не идет;
- г) противник не принимает штыковых атак и боится крика «Ура!».

Приказываю:

- а) внедрить в сознание моему личному составу, что танки для хорошо организованных, стойких и дисциплинированных частей, особенно для пехоты **НЕ СТРАШНЫ**.

Во всех частях под ответственность командиров частей провести показательные занятия по отражению атак танков противника, для чего использовать имеющиеся в соединениях технические средства (танк, трактор), показать, как пехота, укрывшаяся в щелях, пропускает танки противника, поражая их гранатами и бутылка-

ми «КС» с последующим отрезанием пехоты от танков и окружением последней.

б) научить всех бойцов и командиров бросать связки гранат и бутылок «КС».

в) всему личному составу привить упорство в бою, способность вести бой в окружении с превосходящими силами противника, доводя бой до штыкового удара.

г) научить весь личный состав отрывать окопы одиночные и на отделение, отрывать щели, противотанковые ловушки и препятствия и умело их использовать».

«Гимн» штыку звучит и в обращении командования Брянского фронта, опубликованного в газете «На разгром врага» от 3 сентября 1941 года:

«Настал долгожданный час неумолимой и жестокой расплаты с фашистскими извергами и людоедами.

У нас есть всё, чтобы враг был разгромлен. На немецкие танки мы отвечаем могучими советскими танками, на самолеты — прекрасными советскими самолетами.

Отважные пехотинцы, еще раз покажите всему миру силу прославленного русского штыка и меткость советской пули!

Ни шагу назад! Только вперед и вперед. К победе и славе.

Сегодня каждый из вас должен быть героем. Этого ждет и требует от вас наша Родина, великий Сталин!»

Это писалось, когда противостоящий Брянскому фронту неприятель имел двойное превосходство в живой силе, по танкам — десятикратное. И гитлеровская авиация тогда превосходила авиацию Красной армии.

В приказе войскам Брянского фронта от 23 августа 1941 года пункт 11 гласил: «Военным Советам армий пресекать всякую попытку к отходу без разрешения старшего начальника».

Для этого на Брянском фронте сформировали заградотряды. 12 сентября Ставка узаконила эту практику специальной директивой № 00919, в которой утверждалось, что «в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме врага бросают оружие, начинают кричать «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов». Директива требовала создать в каждой стрелковой дивизии заградотряды из расчета по одной роте на полк с основной задачей оказывать помощь командному составу в поддержании

твердой дисциплины, приостановки бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия для ликвидации инициаторов паники.

В конце августа 42-го года две танковые дивизии и одна моторизованная из состава 47-го моторизованного корпуса немецкой армии предприняли наступление на Трубчевск. Враг стремился отбросить наши войска за Десну, захватить плацдарм в районе Трубчевска. 29 августа соединения Брянского фронта – подвижная группа генерал-майора А. Н. Ермакова в составе 108-й танковой дивизии, 141-й танковой бригады и 4-й кавалерийской дивизии, а также три дивизии 13-й армии (137-я стрелковая дивизия пока еще оставалась в ее составе) – нанесли сильный контрудар по флангу группы Гудериана. Контрудар превратился во встречное танковое сражение, продолжавшееся до 8 сентября. Танки 141-й бригады шли прямо в бой с железнодорожных эшелонов. Из каждых пяти танков Гудериана четыре были подбиты.

В боях под Трубчевском принимала участие и пехота. Трубчевское направление защищала 3-я армия, которую с 1 сентября возглавил генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер. В ее составе сражалась 137-я стрелковая дивизия. Ее доукомплектовали сибиряками, но все равно она оставалась малочисленной. На 1 сентября 1941 года в ней числилось 379 человек комсостава, 533 – младшего состава, 2916 – рядовых, всего 3828 человек. Средняя укомплектованность по 3-й армии составляла около 7 с половиной тысяч человек. К тому же 137-я стрелковая дивизия имела всего 1 миномет, 3 станковых пулемета, 12 ручных и ППД, винтовок 3149. Танков и артиллерии не имела.

По оперсводкам 137-я дивизия обороняла подступы к Трубчевску. Так, в оперсводке 13-й армии от 31 августа сообщается: «137-я одним сводным батальоном прикрывает подступы к Трубчевску». То же утверждается и в сводке от 1 сентября: «137-я стрелковая дивизия сводным батальоном на обороне подступов к Трубчевску».

Вероятно, именно к началу сентября относятся воспоминания ветеранов дивизии о том, как пехота не дрогнула в сражении с танками. Политрук стрелковой роты 771-го стрелкового полка П. И. Бельков: «Танки шли густо и в основном на седьмую роту. Машин двадцать видно было. Бойцы сидели в окопах, и никто не дрогнул, не побежал ни один, хотя танки наезжали на окопы и

начинали их утюжить. Было видно, как из танков били огнеметы, что несколько наших пулеметных расчетов было сожжено заживо. Но все-таки отбились. На поле после боя стояли десять подбитых и горевших немецких танков».

В. Г. Тюкаев: «Их танки у нас на глазах утюжили окопы наших солдат. Зайдет на окоп, развернется, сойдет. Снова заходит на окоп, развернется, и так несколько раз, пока не завалит окоп».

Президиум Совета ветеранов 3-й армии в предисловии к книге «Третья армия. История. Люди. Подвиги» констатировал: «Основная тяжесть в любом бою ложилась на солдата. Без его отваги, мужества и часто самопожертвования невозможно было бы добиться успехов. А ведь многим из солдат в этой войне было 18–19 лет».

Есть сообщение Я. Г. Крейзера в штаб Брянского фронта от 5 сентября 1941 года: «Только что закончился бой хозяйства Гришина в деревне Андреевск. У противника подбиты 3 танка и 1 бронемашина, которые горят. У себя потерь матчасти не имеем».

Сообщение его же от 8 сентября: «Хозяйство Гришина отразило атаку танков в количестве 13 штук, из которых уничтожено 4, остальные отражены».

Иван Тихонович писал в «Историческом формуляре дивизии»: «Частично пополнившись, дивизия переходит в состав 3-й армии и по приказу командующего 3-й армией обороняет город Трубчевск. В течение 12 дней части дивизии ведут упорные оборонительные бои против 3-й и 4-й танковых дивизий армии Гудериана и, несмотря на численное и техническое превосходство противника отбивают все его попытки овладеть городом».

За успешную оборону Трубчевска дивизия и ее 771-й стрелковый полк получили благодарность от командующего Брянским фронтом.

В результате контрудара войска Брянского фронта продвинулись на несколько километров вперед. Но Ставка требовала большего. Начальник штаба 3-й армии генерал-майор А. С. Жадов (Жидов) в своих воспоминаниях писал: «СВГ (Ставка Верховного главнокомандующего — прим. ред.), надеясь очевидно, что достигнутые тактические успехи можно развить в оперативные, приказал фронту нанести дополнительные удары в направлении Рославля и Стародуба с целью разгромить группировку противника в районе Почеп, Новгород-Северский, Новозыбков. В даль-

нейшем ставилась задача наступать в направлении Кричев, Пропойск и к 15 сентября выйти на фронт Перовичи, Климовичи, Белая Дубрава, Гута Корецкая, Новозыбков».

Начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников формулировал задачу Брянского фронта в разговоре с А. И. Еременко 5 сентября 1941 года еще более оптимистически: «Мы обязаны во что бы то ни стало разгромить Гудериана, нанести ему такой удар, от которого он бы ни скоро оправился...».

На доукомплектование соединений Брянского фронта присылались все новые маршевые батальоны. По оперативным данным, с 1 по 25 сентября прибыло пополнение в количестве 45 149 человек, из них 30 096 невооруженных. На 20 сентября 137-я дивизия имела в своем составе 568 человек начальствующего состава, 814 человек младшего командного состава, 5066 рядовых, всего 6448. Пополнение пришло из Сибири, Саратова и Куйбышева. На вооружении дивизия имела два 76-мм орудия, два 122-мм орудия, два 45-мм орудия, 12 минометов, 19 станковых пулеметов, ПП и ППД – 32, винтовок – 4 448.

Но приказы Ставки Верховного главнокомандующего не удалось выполнить. А. С. Жадов вспоминал: «Войска фронта продвинулись в основном на 10-15 километров, вышли на рубеж Фроловка, восточный берег реки Судость до Зноби».

А. И. Еременко в докладах Б. М. Шапошникову одной из причин неэффективного наступления считал действия гитлеровской авиации. Он утверждал: «На всем протяжении борьбы с фашизмом противник применяет авиацию ближнего боя, которая от передовых позиций находится в среднем 8 километров и управляется командиром дивизии. Тип авиации – одномоторный, одноместный, пикирующий бомбардировщик со скоростью примерно 300-320 километров и с небольшой посадочной скоростью. Эти проклятые костыли главным образом действуют по нашим передовым частям».

На западном берегу реки Судость немецкая армия создала прочную оборону. 137-я стрелковая дивизия занимала полосу на восточном берегу реки между городками Почеп и Погар напротив села Баклань.

27 сентября Ставка дала директиву о переходе войск Брянского фронта к жесткой обороне: «На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку

сил противника, и лишь в случае необходимости предпринимать частные наступательные операции для улучшения своей оборонной позиции». Брянскому фронту рекомендовалось особенно хорошо прикрыть в инженерном и огневом отношении направления на Брянск, Севск и Курск.

Судя по докладу командующего 3-й армией генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера А. И. Еременко от 29 сентября 1941 г., который приводит в своей работе «Вяземская катастрофа 1941» современный исследователь Лев Лопуховский, соединения армии не обладали достаточной мощностью для отражения наступления противника. На дивизию приходилось 17 километров фронта, войска были растянуты в линию и не имели резервов, они не обладали достаточной насыщенностью артиллерией и минометами. 137-я дивизия не имела еще полный состав.

А немецким командованием была задумана грандиозная операция «Тайфун». Группа армии «Центр» тремя мощными ударами из районов Духовщины, Рославля и Шостки собиралась разъединить фронт обороны Красной Армии, окружить и разгромить войска Западного и Брянского фронтов в районе Брянска и Вязьмы. В дальнейшем, наступая с флангов и с фронта, овладеть Москвой до начала зимы.

Современный исследователь Алексей Исаев оценивает численность личного состава немецкой группы армии «Центр» в начале октября 1941 года почти два миллиона. Танков, по его оценке, участвовало в наступлении 1700 – 2000 боеготовых машин, а воздушный флот насчитывал до 1320 самолетов.

Вот как описывает начало наступления немецкой армии на Брянском фронте бывший начальник оперотдела фронта полковник Л. М. Сандалов в своей книге «На Московском направлении»:

«30 сентября утром танковая группа Гудериана перешла в наступление против левого фланга 13-й армии... При десятикратном превосходстве в танках и авиации и пятикратном превосходстве в живой силе войскам Гудериана легко было пробиться сквозь слабые левифланговые соединения 13-й армии и группы Ермакова. За танками Гудериана двигались уступами справа и слева пехотные корпуса».

За первые два дня наступления гитлеровцы пробили брешь в обороне Брянского фронта величиной в 60 километров и продви-

нулись вперед на 100 километров. 3 октября они захватили Орел, а 6 октября – Брянск.

2 октября командующий Брянским фронтом обратился к начальнику Генерального штаба с просьбой разрешить отвод войск на тыловой рубеж с одновременным ударом по войскам противника, но маршал Б. М. Шапошников категорически отказал ему в этом. И только 7 октября А. И. Еременко получил директиву Ставки на отход.

Л. М. Сандалов с горечью вспоминал: «Если бы этот приказ был отдан в ночь со 2 на 3 октября, когда Еременко внес предложение об отходе Шапошникову! Даже если бы армии фронта начали отход в ночь с 5 на 6 октября, как это предусматривалось директивой ставки! Окружение в те дни было только оперативным, не сплошным. Вот тогда войска фронта смогли бы по-настоящему изготовиться к отходу и организовать удар при отходе по прорвавшимся в тыл войскам противника».

7 октября А. И. Еременко прибыл в штаб 3-й армии и издал приказ армиям фронта отходить «строго организованным порядком, нанося удары противнику». Это он назвал «боем с перевернутым фронтом». 3-й армии предписывалось «прикрываясь сильными арьергардами, отходить, нанося главный удар в направлении Дмитровск-Орловский, Поньри». Далее в приказе излагались условия «боя с опрокинутым фронтом»: «Отход по рубежам производить, как правило, ночью с 23.00, организуя его так, чтобы сосредоточить все усилия, смять противника и быстро продвинуться вперед.

Ни одна дивизия не должна быть окружена, а матчасть артиллерии, танков и другие огневые средства полностью сохранены.

Я буду находиться при штаме 3».

Когда издавался этот приказ, 137-я стрелковая дивизия еще находилась на реке Судость. И по воспоминаниям ветеранов, еще в ночь на 6 октября проводила разведку боем на западном берегу реки Судость с целью установить наличие сил противника. Как только был получен приказ командующего фронтом, дивизия в течение нескольких часов собрала огромное хозяйство полков и тылов, и в ночь на 8 октября совершила марш-бросок величиной в 60 километров.

9 октября большая часть дивизии переправилась через Десну. Ф. М. Лукьянюк, командир батальона связи, вспоминал:

«Немцы наседали сзади и с флангов. Все полки ушли за Десну по двум мостам, но оставались еще много тылов и госпиталей. Под вечер немцы разбомбили мосты. По их обломкам пошли, кто, как мог, на ту сторону, в том числе и полковник Гришин. А немцы сверху, с обрыва, уже кричат: «Рус! Сдавай!» Что ж, надо прыгать в воду, иначе — плен или смерть».

О роли, которую играла 137-я дивизия в отходе 3-й армии, Иван Тихонович писал в «Историческом формуляре»:

«С 07.10 по 28.10.1941 года дивизия по приказу командующего 3-й армией наступает в авангарде армий и обеспечивает выход частей армии из окружения».

В истории 3-й армии подтверждается это обстоятельство:

«Сильные удары приняла на себя 137-я стрелковая дивизия. 7 октября она была выделена в авангард армии».

Начальник штаба 3-й армии А. С. Жадов (Жидов) подчеркивает:

«Исключительное упорство и отвагу проявили в этих боях воины 137-й стрелковой дивизии во главе со своим командиром И. Т. Гришиным». Он отмечает, что на эту дивизию и 269-ю стрелковую дивизию «командование армии возлагало самые ответственные и сложные задачи, и они, несмотря на невероятные трудности, добивались их исполнения».

Однако исполнение роли авангарда приводило к тому, что дивизия постепенно теряла свои подразделения, людей и технику. В «Докладе о боевой деятельности 137-й стрелковой дивизии за период с 8 по 30 октября 1941 года», написанным И. Т. Гришиным и комиссаром Н. П. Канцедалом 3 ноября 1941 года, состав дивизии на 7 октября указывался следующий:

«409 стрелковый полк две неполные стрелковые роты,
624 стрелковый полк — около 1500 человек,
771 стрелковый полк — около 1500 человек,
497 артиллерийский полк — 400 человек при двух орудиях
122 мм и 2 орудиях 76 мм,
саперы батальона — 120 человек,
батальон связи — 150 человек,
тыловые учреждения дивизии и полков имели около 130 автомашин и 200 повозок.

На усиление дивизии был придан 420 кап* (12 орудий 152 мм)».

Посмотрим, сколько осталось в дивизии людей и техники после выхода из окружения.

Немецкие войска пытались остановить 3-ю армию на рубеже Уты-Аральск, используя бывшие советские укрепления. Но наши войска смогли 11 октября прорваться и выйти на рубеж Салтановка, Святое. Однако 771-й стрелковый полк понес большие потери, отбивая контратаки немецких танков. 12 и 13 октября 3-я армия под дождем со снегом и огнем противника переправлялась через реку Навля. Но 409-й стрелковый полк был отрезан противником и самостоятельно выходил из окружения.

«Противник к этому времени, — сказано в докладе И. Т. Гришина и Н. П. Канцедала, — занимал плотной обороной ЛИТОВНЯ, КЛИНСКОЕ, ДУБРОВКА, подпирая наши части с тыла из района НАВЛЯ, СВЯТОЕ».

13 октября утром в районе Борщево во время бомбежки ранило командующего Брянским фронтом А. И. Еременко. В ночь на 14 октября в обороне немцев части 269-й дивизии пробили брешь. Гудериан писал в своих мемуарах:

«13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщево. Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии. Несмотря на эту помощь, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться и достичь Дмитрия Орловского».

О том, что произошло со 137-й дивизией 14 и 15 октября в докладе И. Т. Гришина говорилось:

«С вечера 14.10 до 2.00 15.10 771-й стрелковый полк совместно с батальоном связи и саперным батальоном пытался прорваться через ЛИТОВНЯ. Прорыв не удался. Было принято решение: двинуть части по свободному пути — маршруту 269-й стрелковой дивизии. Части должны были следовать в порядке: управление дивизии с батальоном связи, 497 ап**, тылы дивизии, 771 стрелковый полк; саперный батальон получил задачу прикрывать движение дивизии с тыла.

* Кап — корпусной артиллерийский полк

** Ап — артиллерийский полк

В течение ночи и дня 15.10 управление дивизии, батальон связи и 497 ап вышли в назначенный для дивизии район...

Тылы дивизии при попытке выйти из леса подверглись нападению со стороны автоматчиков и тяжелой артиллерии из НАВЛЯ. В результате имущество было частично уничтожено, частично зарыто в землю; машины разрушены; личный состав ушел (предположительно) в направлении БРЯНСК (установлено специально высланной разведкой).

О саперном батальоне никаких сведений не поступало».

После приказа командующего армией о самостоятельном выходе частей армии из окружения 137-я стрелковая дивизия двигалась отдельными группами в трех направлениях.

Из вышеупомянутого доклада: «1) 771-й стрелковый полк – по маршруту ДРУЖМА, БРУСОВЕЦ, КАРОСЬКОВО, ГЛАЗУНОВКА вышел в район КОСОРЖА в составе: старшего начальствующего состава – 3, среднего начальствующего состава – 15, младшего начальствующего состава – 17, рядовых бойцов – 50 человек...

2) Управление дивизии, 497 ап, батальон связи – в деревнях ГРЕМЯЧЕЕ, ТРОЯНОВСКОЕ... разгромлен тыл 18 немецкой танковой дивизии; уничтожено более 100 автомашин с имуществом, взято в плен 20 и уничтожено 17 немцев; с нашей стороны потери: 1 убитый.

Участвовали в бою совместно с 269-й стрелковой дивизией и 42-й танковой бригадой на рубеже ДМИТРОВСК-ОРЛОВСКИ – ПОПОВКА, после чего, совместно с этими же частями, следовали по маршруту ДРУЖНА, ПЛОСКОЕ, Н. ТУРЬИ, ТУРЕЙКИ, МАЛО АРХАНГЕЛЬК; вышли в район КОСОРЖА. Управление дивизии: старшего начальствующего состава – 11 человек, среднего начальствующего состава – 1. Батальон связи: старшего начальствующего состава 1, среднего начальствующего состава – 5, младшего начальствующего состава – 10, рядовых бойцов – 34.

497 ап: старшего начальствующего состава – 5, среднего – 15, младшего начальствующего состава – 18 и рядовых бойцов – 47 человек.

3) 624 стрелковый полк вышел из ШЕГЛОВКИ в ночь на 15.10 и следовал по маршруту УЛЯНКА, ТЕРЕХОВКА, РУБЛИНО, ХАЛЗЕЕВА, КОЛЕНКА, ПОРШИНО, СЕРГЕЕВСКОЕ, КОСОРЖА.

15.10 в 17.00 в районе ЧАЯНКА полк подвергся нападению со стороны танков и пехоты противника, в результате боя полк потерял весь обоз (70 подвод), 2 орудия 76 мм, два орудия 45 мм, подбиты 2 немецких танка.

Полк в район Косоржа вышел в составе: старшего начальствующего состава – 2, среднего – 27, младшего начальствующего состава – 5, рядовых бойцов – 35 человек.

Объединение частей всех трех направлений произошло на станции Щигры – 30.10.

В течение всего периода с 8 по 28 октября дивизия, выходя из оперативного окружения, проделала марш 350 километров с боями на выход из тактического окружения в районах: СЫТЕНКА, АЛЕШЕНКА, СВЯТОЕ, ЛИТОВНЯ, ДМИТРОВСК-ОРЛОВСКИЙ.

В результате всех боев дивизия потеряла всю матчасть артиллерии: 2 орудия 122 мм, 5 орудий – 76 мм, 3 – 45 мм, около 40 станковых пулеметов, весь автомобильный и конный транспорт».

При выходе из окружения еще раз подтвердился высокий авторитет, которым пользовался И. Т. Гришин и среди высшего начальствующего состава, и среди рядовых бойцов. Командующий Брянским фронтом А. И. Еременко в своей книге «В начале войны» назвал Ивана Тихоновича «замечательным командиром». Начальник штаба 3-й армии А. С. Жадов считал командира 137-й дивизии «опытным комдивом». Командир отделения батальона связи М. И. Корчагин, который прошагал со своим командиром дивизии от начала до конца окружения, вспоминал:

«Какой это был замечательный человек! Решительный, смелый, мы были уверены, что с ним не пропадем. Был он очень простой, общительный, ни за что не подумаешь, что полковник. Солдат уважал, никогда матом не ругал. Был случай, и товарищи могут подтвердить, что он сам однажды ходил в разведку, в фуфайке и лаптях, с кisetом сухих листьев, как крестьянин. Все свои решения он тщательно обдумывал, болел душой, как лучше выйти из окружения и нас сберечь».

Как видно из рассказов ветеранов, Иван Тихонович разделял с солдатами все тяготы пути. Сержант батальона связи А. А. Червов вспоминал, что от Литовни 80 километров все шли пешком, только командир дивизии находился рядом с упряжкой орудия и подводой, на которой везли два пулемета и миномет. По приказу

И. Т. Гришина малочисленная группа со скудным вооружением разгромила тылы 18 танкового корпуса немцев, проявив высокую спаянность бойцов с командиром.

В докладе, написанном И. Т. Гришиным и П. Н. Канцедалом 3 ноября, не указаны другие группы дивизии, отрезанные от главных сил в ходе тех или иных боев. Они вышли из окружения позже и в других районах.

В целом, по подсчетам В. Киселева, осталась одна шестая часть от того личного состава дивизии, что имелся перед отходом с позиций на Судости.

Тем не менее, как полагает Алексей Исаев в работе «Красная армия в котлах», «выход из окружения многих соединений Брянского фронта позволил Ставке восстановить фронт с затратой меньших сил из резерва и с других участков фронта... Благодаря вмешательству вышедших из окружения остатков соединений ситуацию в районе Тулы удалось стабилизировать».

Остатки 137-й дивизии отправили из станции Щигры Курской области в город Елец Липецкой области, где они приводили себя в порядок с 31 октября по 4 ноября. 5 ноября их отправили по железной дороге в Тульскую область в город Ефремов.

Взятие Тулы рассматривалось гитлеровскими генералами как часть операции «Тайфун» по окружению Москвы.

В «Историческом формуляре» И. Т. Гришин писал:

«По приказу командующего 3-й армией дивизия 05.11.1941 сосредоточивается на рубеже Медведки, Яблоново, Верхний Изрог с задачей обороны шоссе Ефремов-Тула и города Ефремов. На этом рубеже части дивизии, несмотря на значительное превосходство противника в численности, технике и вооружении в течение 10 дней сдерживали натиск моторизованных и танковых частей противника, рвавшихся в город Ефремов, нанесли ему большие потери...»

Эти скупые строки формуляра скрывают невероятное человеческое напряжение, которое довелось испытать бойцам и командирам 137-й стрелковой дивизии, командованию 3-й армии в ходе боев в районе города Ефремов с армией Гудериана. В «Оперативном очерке боевых действий Брянского фронта с 13.11.41 по 01.04.42» открыто признавалось:

«Огромный участок Тула-Мценск-Курск со второй половины октября оборонял Брянский фронт. Сил и средств для обороны

такого участка явно не хватало. Особенно острый недостаток был в матчасти и обычных винтовках. От многих частей остались только номера».

137-я дивизия занимала фронт величиной в 17 километров. Несколько доукомплектовали ее в г. Ельце, об этом у нас нет данных. Г. Шапиро в книге «Генерал армии Яков Григорьевич Крейзер утверждает, что численность стрелковых дивизий Брянского фронта не превышала 3 тысяч человек. В 137-й дивизии могло быть и меньше, судя по разговору командующего Брянским фронтом Г. Ф. Захарова с Крейзером 7 ноября 1941 года: «Укомплектование 269-й дивизии в основном закончено, но на этот счет положение у Гришина исключительно тяжелое».

Эту слабость 137-й дивизии использовали гитлеровские войска во второй половине ноября. Получив подкрепление, они повели наступление на Ефремов и Елец с целью увеличить разрыв между Западным и Юго-Западным фронтами. Под ударом могли оказаться левое крыло Западного фронта и правое крыло и тыл Юго-Западного фронта. К этому времени у И. Т. Гришина еще и сменилось высшее начальство. Брянский фронт расформировали 10 ноября, и 3-я и 13-я армия перешли в подчинение Юго-Западному фронту, командующим которого стал 15.11.41 генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко. В этот же день появился приказ о переходе 3-й армии к прочной обороне.

Однако выполнить этот боевой приказ оказалось не под силу нашим частям. Прорыв соединений Вермахта произошел именно на участке 137-й дивизии. Я. Г. Крейзер докладывал об этом 18.11.41 начальнику штаба фронта полковнику Л. М. Сандалову:

Яков Григорьевич так объяснял происшедшее: «Прошу учесть, что у Гришина сегодня к утру было всего 300 человек, вооруженных винтовками. Гвардейцы (речь идет о 6-й гвардейской дивизии – прим. ред.) действуют вместе с Гришиным. Сегодня к утру у них оставалось всего один залп на дивизию. Посланные 8 дней тому назад люди за снарядами до сих пор не прибыли. Принимаю все меры удерживания Ефремовского района, но, как видите, сил почти не имею».

На это начальник штаба фронта повторил установку командования:

«Командующий приказал во что бы то ни стало ликвидировать прорыв на Ефремовском направлении и отбросить противника западнее реки Красивая Меча».

И дальше мы наблюдаем в переговорах картину, которая нередко происходила в те годы, когда командование не прислушивалось к мнению подчиненных и причины неудач рассматривало в несоответствии подчиненных занимаемой должности.

Начальник оперативного отдела фронта полковник М. В. Иващечкин повторно передает установку Ф. Я. Костенко Я. Г. Крейзеру:

«Взять в руки управление частями. Новых сил не будет. Крейзеру надо сказать прямо, что в результате его плохого руководства противник успешно развил наступление на восток. Он должен перестроиться и остановить противника».

При этом забывались совсем недавние успешные действия 3-й армии. Л. М. Сандалов в книге «На Московском направлении» вспоминал:

«Большую роль в отвлечении войск Гудериана от Тулы сыграл контрудар армии генерала Крейзера, нанесенный 2 ноября из района Теплое по правифланговым войскам танковой армии».

А вокруг Ефремова ситуация развивалась не по сценарию командования фронта. 19.11.41 Ф. Я. Костенко запрашивает информацию о 137-й стрелковой дивизии. Я. Г. Крейзер отвечает:

«Он находился 10–11 километров севернее Ефремова, после чего связи нет».

20.11.41 майор Григорьев докладывает:

«Гришин с 15.11 до 20.11.41 вел сильные бои... Один сын (т.е. полк – прим. ред.) понес сильные потери. Осталось с хозяйством этого сына и комиссаром 11 человек. Бойцы, командиры и политработники дрались отлично. Материальная часть использована полностью и уничтожена. От хозяйства Гришина можно считать остался номер, составляющий 250 человек. Второй сын правый передан Крейзером и Шлыковым (Шлыков Ф. И. – дивизионный комиссар, член Военного Совета 3-й армии) Нечаеву (Нечаев А. Н. – полковник, командир 283-й стрелковой дивизии). Считаю, что Гришина со своими остатками нужно вывести в тыл для приведения его в порядок, так как задачи, которые ставятся перед Гришиным, своим составом он выполнить не может, ибо он понес большие потери людьми».

Я. Г. Крейзер просит прислать на помощь хотя бы тысячи две вооруженной пехоты, поскольку до этого, например, у Гришина часть людей вовсе не имела оружия.

Ему отвечают:

«Как вы знаете, быстрой помощи дать не можем».

20 ноября немцы уже в Ефремово. Яков Григорьевич сообщает Л. М. Сандалову:

«Северо-восточная часть города, частично центр заняты противником, причем противник применяет метод переодевания в красноармейскую форму и отдельных автоматчиков в женскую форму. В уличных боях имеются значительные потери, особенно командного состава. По данным Гришина, из Яблоново на Ефремов сплошное движение автомашин и танков. На Ефремов прошли уже 100 танков».

Ф. Я. Костенко лично устраивает разнос Я. Г. Крейзеру:

«Товарищ Крейзер, несмотря на строжайшие указания маршала и моих, вами эти указания не выполняются. Связи не имеете со вчерашнего дня с 269-й и 137-й дивизиями и мер никаких не предпринимаете. Дали возможность безнаказанно занять противнику всю окраину Ефремов. Для выполнения задачи необходимо поставить задачу: уничтожить прорвавшегося противника на Ефремов. Командира, который отошел на Крестище, если это командир полка, немедленно снять, отстранить от должности и прислать сюда, на его место поставить другого, по вашему усмотрению. Сегодняшний день обратите самое серьезное внимание на подчиненные вам части и на себя лично».

Я. Г. Крейзер опять пытается донести до командования фронта всю сложность ситуации:

«Радиосвязи с 269-й и 137-й нет, и поэтому связь поддерживается только по линии сельской связи и делегатами. Со 137-й дивизией меры, которые только можно было предпринять, было сделано, но не было средств, чем приостановить распространение противника. У командира полка 137-й, где произошел прорыв, было всего 250 бойцов, а в прорыв против него действовало более 2 батальонов пехоты, 5 танков, поэтому снимать его не за что. Все, что зависит от меня и моего штаба делается, но я прошу понять, что те силы, которыми я располагаю, исключительно слабые, и на все мои призывы об усилении пополнения, результаты вам известны. 1000 человек, которые должны были прибыть в Ефремов, прибыли в 11.45, пять часов тому назад и сейчас разгружаются. Этот полк подчинится командиру 137-й дивизии».

Начальник штаба 137-й дивизии А. С. Жадов (Жидов) докладывал об ожесточенности боев, которые вели части И. Т. Гришина:

«Мы имеем случаи, когда в 137-й за пулеметами были побиты последние наводчики. За пулеметами лежали командиры во главе с Гришиным и вытаскивали их из огня».

21.11.41 командующий 3-й армией предлагает отвести части из Ефремов. Ему сообщают:

«Ваше предложение об отводе войск было доложено генерал-лейтенанту Костенко. Приказал: ни в коем случае, чтобы и мысли не было об отводе. 22.11. сосредоточить все силы на уничтожение противника в районе Ефремов».

В переговоры вступает «тяжелая артиллерия» – лично маршал С. К. Тимошенко:

«У аппарата **Тимошенко**. У аппарата **Крейзер**. Доложите кратко, в чем дело, почему вы не выполняете приказ товарища маршала об уничтожении противника?»

– Приказ об уничтожении зарвавшегося противника мною выполняется, но противник имеет значительное превосходство в людях и технике, поэтому части его уничтожить не могли, а ведут в течение трех дней упорные бои в Ефремов

– Не видно, с вашей стороны никаких противодействий, не говоря уже о каких-либо решительных действиях. Видимо, ваши командиры дивизий так растерялись, что вы потеряли всякую веру в возможность противодействовать противнику. Надо вам, товарищ Крейзер, решительно перестроиться в своем руководстве и в конце концов представить себе с полной ясностью, что армия посильно может выполнить. Взяться за это дело так, чтобы весь командный и коммунистический состав почувствовали и начали действовать. Завтра вы должны взять обратно Ефремов и обосновать оборону до начала наступления. Восстановить положение на своем правом фланге и не допускать отхода ни в коем случае без всяких причин при наличии наступления со стороны противника таких незначительных сил как один-два батальона противника. Я и Хрущев будем находиться здесь. Товарищ Костенко с утра будет на вашем КП. Все меры, чтобы пополнить вашу армию и усилить ее нами приняты в ближайшее время. Это будет видно, но с завтрашнего дня в армии должен начаться перелом в сторону устойчивости и готовности сражаться с наступа-

ющим противником. Сейчас только что получено извещение с Южного о крупных успехах нашей армии (речь шла о Ростовской наступательной операции, начатой 17 ноября 1941 года – прим. ред). Этих успехов нам надо добиться и на нашем фронте.

– Товарищ маршал со всей ответственностью заявляю, что части дрались исключительно упорно. Отдельные полки проявили героизм. Дрались до последнего. Наступает усиленная дивизия противника, которую мы за эти дни усиленно потрепали. Но мы за все дни боев, начиная с 6 ноября, не получали почти пополнения и сильно обескровлены. Командиры дерутся хорошо, проявляя упорство и решительность, но нет сил, особенно пехоты, чтобы решительно нанести удар противнику. Например, у Гришина всего 150 человек. Аналогичное положение с небольшой разницей и у остальных.

– Что же вы будете делать на завтра?

– Решил продолжать удерживать занимаемые районы города. Я считаю, что после ряда моих докладов мне будет выслано пополнение на доукомплектование и сумею удержать Ефремов. Мне сейчас гонят много техники, а пехоты нет».

В защиту маршала, пожалуй, можно сказать, судя по переговорам подчиненных, что он не имел полной информации о происходящем. Об этом свидетельствуют упреки, которые высказали штабу фронта начальник штаба 3-й армии А. С. Жадов и Я. Г. Крейзер. А. С. Жадов говорил:

«Не знаю, как можно ставить задачи номерной части, которая средств не имеет. Очевидно, кто докладывает вам, не интересуется состоянием наших частей и вводит в заблуждение маршала».

Я. Г. Крейзер заявлял начальнику штаба фронта:

«Товарищ Сандалов, у меня сложилось впечатление, что я не докладываю. Вы этому не придаете значения и считаете все данные преувеличенными. В частности, вы доложили маршалу, что на Ефремов наступали один-два батальона немцев, что совершенно неправильно и привело к очень тяжелым последствиям, а также мне кажется, что не учитывают положения частей. Так, например, вчера товарищ Ивашечкин передал приказ атаковать прорвавшийся на Лобанов мотополк танками 121-й тбр*, хотя давно уже известно, что у Радкевича ничего нет».

* Тбр – танковый батальон (рота)

Все же маршал разобрался в ситуации, и 23 ноября 3-й армия оставила Ефремов. Перед этим Я. Г. Крейзер обратился к генерал-лейтенанту Ф. Я. Костенко:

«На какой рубеж вы предлагаете отойти? Без приказа отходить не буду. Прошу, если будет приказ, назначить рубеж».

Ф. Я. Костенко: «Считаю необходимым отход частей с наступлением темноты». А из штаба фронта передали: «Генерал-лейтенант Костенко разрешил вам перейти к обороне на фронте Буреломы, Чернявино, Покровка, далее на юг, по вашему усмотрению».

Дальнейшие события после оставления Ефремов Г. Шапиро описывает следующим образом:

«В это время на станцию Лев Толстой прибыли для усиления армии 52-я кавалерийская и 212-я стрелковая дивизии. Они смогли сосредоточиться на правом фланге 3-й армии лишь 23–26 ноября и вступили в бой с 10-й моторизованной дивизией неприятеля. На левом фланге армии Крейзер ввел в сражение в полосе 6-й стрелковой дивизии в районе Ефремова 151-ю и 12-ю танковые бригады. Благодаря этим мерам положение на фронте 3-й армии к концу ноября несколько улучшилось».

137-я дивизия продолжала в это время вести оборонительные бои с переменным успехом. Например, 29 ноября после трехчасового боя противник вытеснил части Гришина из Александровки, Репок. Но ночью бойцы 137-й дивизии выбили 2 роты Вермахта из совхоза Сафоново.

По воспоминаниям ветеранов, в конце ноября И. Т. Гришин добился присылки в дивизию во время одного из боев «Катюш». Бывший в это время телефонистом батальона связи старший сержант И. Е. Гаврилов рассказывал:

«Я в этот день дежурил на командном пункте командира дивизии. Слышу, как полковник Гришин просит у кого-то по телефону прислать ему хотя бы три Катюши. А мы еще не знали, что это такое, и я, грешным делом, подумал про девчонок, куда ему три, думаю. А через некоторое время приходит капитан и говорит Гришину: «Командир батареи «Катюш» прибыл в ваше распоряжение». У блиндажа стоят три зачехленные машины — так вот каких «Катюш» просил Гришин! Дали они по селу три залпа термитными снарядами, что солдаты потом рассказывали: немцев там не было, одни трупы».

К началу декабря враг выдохся, и оборонительный период сражения за Москву подошел к концу. 5-6 декабря началось контрнаступление советских войск Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов.

Командующий 3-й армией поставил перед 137-й дивизией задачу — овладеть селом Буреломы, важным опорным пунктом, входившим в оборонительный пояс города Ефремова, а затем двигаться строго на запад к реке Зуша.

Начало атаки назначили на 12 декабря. Ветеран дивизии М. С. Багадаев вспоминал:

«За день до наступления к нам в батальон прибыл полковник Гришин, на рекогносцировку. В бинокль он наблюдал за немцами, занимавшими оборону против нашего батальона. Здесь все время стреляли немецкие снайперы, я подбежал к нему: «Товарищ полковник, уходите скорей, снайпер снимет вас, видите — мою шапку прострелили». Он посмотрел на меня: «Хорошо, что голову не сняли. Завтра ударим по ним артиллерией: наступление!» Гришин запомнился как человек редкой смелости, часто появлялся среди бойцов, они его знали и любили. В этот день у всех нас было особое настроение: завтра наконец-то наступление!»

В книге В. Киселева утверждается, что бой за Буреломы шел 6 часов. В сводках того времени другая информация: «Гришин в итоге 12-часового боя овладел Буреломы». На следующий день 283-я и 6-я гвардейская дивизия выбили противника из Ефремова. И командующий армией объявил благодарность одновременно и частям, взявшим город, и 137-й дивизии, за бой по овладению Буреломы.

Этот успех нашел отражение в газете «Правда». Самое авторитетное издание в СССР сообщало:

«Ефремов взят частями Петрова (Петров К. И. — генерал-майор, командир 6-й гвардейской дивизии) и Нечаева. Этому успеху немало способствовали смелые действия воинов товарища Гришина, взявшие накануне деревни «Б» и «З» (зашифрованы поселения Буреломы и Залесское — прим. ред.), где разгромлены обороняющие эти деревни, в результате чего лишили противника возможности подвезти к Ефремову резервы. В этом лихом бою они захватили 13 орудий, 10 крупнокалиберных пулеметов, 26 грузовых машин, 4 легковых, автомастерскую на четырех машинах, много винпатронов и штабных документов 293 пехотной дивизии».

Советские войска стремились не отрываться от отступающих немцев. Комиссар дивизии Канцедаль П. Н. вспоминал:

«В эти первые дни наступления энтузиазм наших частей был высочайшим. Наступали в труднейших условиях, на морозе, часто по пояс в снегу. Фронт наступления дивизии был более 20 километров, а иногда даже до 50. Нужно было не отпускать гитлеровцев, не дать им оторваться, иначе они сжигали деревни. Бывало, что наши части идут колонной, а параллельно, оврагами, идут немцы, увидят друг друга и начинают бой, кто скорей дойдет до ближайшей деревни. После того, что солдаты видели в освобожденных деревнях, их не надо было подгонять».

Сохранился приказ командира 137-й дивизии от 24 декабря, в котором он определяет тактику боевых действий на тот момент:

«Учесть, что перед фронтом дивизии действуют разбитые в боях 512-й и 63-й пехотные полки, поэтому только дерзкие с нашей стороны действия приведут к полному разгрому противника. При наступлении не выжимать, и не отталкивать противника, а окружать и уничтожать его, не боясь за свои фланги».

Пример дерзких действий показывал сам командир. Ветеран дивизии А. А. Коробков рассказывал:

«Вспоминаю такой случай. Однажды ночью мы заняли немецкие блиндажи, разместились там штаб дивизии и связисты, а полки были впереди. И вот видим, из нашего тыла идет колонна, человек пятьдесят, впереди танк урчит. Я как раз вышел из блиндажа по нужде, слышу разговор в колонне — по-немецки! Быстро доложил полковнику Гришину, взялись за оружие, кто здесь был, приготовились к бою. Танк в темноте заехал на блиндаж, из башни вылез немец, связист Голубков его застрелил, а тут и немцы из колонны подошли, но к бою, видно, не готовы. Переводчик наш по команде полковника Гришина кричит: «Сдавайтесь, вы у нас в тылу!» — «Почему в тылу, когда справа еще наши, а тут должен быть штаб полка?» Немцы посовещались и сложили оружие всей колонной».

К концу декабря дивизия прошла более 80 километров, освободила 140 деревень, 70 из них немцы не успели сжечь. Но, как поется в русском марше «Прощание славянки»: «Последней платой за то солдата жизнь беззаветно отдана». На 1 декабря 1941 года дивизия насчитывала 3072 человека, к концу года в ней осталось менее полторы тысячи.

Легендарный летчик трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин не раз говорил:

«Кто в сорок первом – сорок втором годах не воевал, тот войны по-настоящему не видал!»

Начало 1942 года для 137-й дивизии по жестокости боев не уступало 1941 году. Сложилась обстановка, в известном смысле напоминавшая первые месяцы прошедшего года, когда приказы высокого командования не соответствовали реальному положению дел. 10 января 1942 года Ставка Верховного Главнокомандующего распространила директиву следующего содержания:

«Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи... Немцы рассчитывают задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача, следовательно, состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их расходовать свои резервы еще до весны и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника во всю глубину, и тем самым открыть дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей артиллерии».

На основе этой директивы предполагалось как можно скорее наступление по всей линии фронта от Ладожского озера до Черного моря.

В этих планах не учитывалось главное – отсутствие необходимых ресурсов. Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» писал по этому поводу:

«Вообще ресурсы нашей страны в то время были крайне ограничены. Потребности войск еще не могли удовлетворяться так, как этого требовали задачи и обстановка... Особенно плохо обстояло дело с боеприпасами... Вероятно, трудно будет поверить, но нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов – 1-2 выстрела на орудие за сутки».

Высшим руководством СССР недооценивалась и сила сопротивления армии противника, которая в основном еще сохраняла уверенность в своем превосходстве над Красной армией и безус-

ловную преданность фюреру. А он требовал в своем приказе от 3 января 1942 года: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты – вот что требует от нас текущий момент».

3-я армия, в состав которой входила 137-я дивизия, решала задачи, поставленные перед ней в рамках восстановленного в конце декабря Брянского фронта. Его командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко в первых числах января разработал план операции по уничтожению Болховско-Орловской группировки противника и освобождению Болхова и Орла. Попытки прорвать линию обороны немцев в районе Мценска в январе месяце 1942 года окончились неудачей. В «Оперативном очерке Брянского фронта с 13.11.1941 года по 01.04.1942 года» следующим образом объяснялись обстоятельства неуспешных действий фронта:

«Сильные заносы и морозы – 25-30 градусов крайне затрудняли маневр автотранспорта, подвоз осуществлялся на санях только конной тягой... Противник, отходя на рубеж реки Оки, реки Зуши, на своем пути полностью сжигал все населенные пункты и уводил за собой все трудоспособное население. Таким образом, возможность заготовок из местных ресурсов полностью исключалась. Войска были вынуждены всё, вплоть до фуража, подвозить конным транспортом.

По тем же причинам (большие снежные заносы), а также в силу отсутствия средств связи в армиях, дивизиях крайне затруднено было управление войсками. Так, например, посланный штабом армии, дивизии офицер связи возвращался в штаб лишь на третий день, привозя с собой лишь устаревшие данные».

23 января маршал С. К. Тимошенко утвердил со своими поправками новый план наступления, разработанный генерал-полковником Я. Т. Черевиченко. Намечалось прорвать оборону немцев севернее Мценска, а затем двигаться на Болхов и Орел. Маршал разрешил начать наступление 5 февраля 1942 года.

В «Оперативном очерке...» признается, что «операция была подготовлена неудовлетворительно». 3 февраля недавно назначенный начальник штаба Брянского фронта генерал-майор Казаков говорил:

«Во всех частях исключительно тяжелое положение с продовольствием, людям просто нечего есть, сегодня и завтра».

Общая атака началась 5 февраля в 9.30 утра. К вечеру 137-я дивизия и 150-я танковая бригада овладели Красным хутором и часть

пехоты вышла на западный берег Зуши к проволочным заграждениям. Танковая бригада потеряла несколько машин, оставшиеся танки не смогли подняться на крутой обледеневший берег реки.

Дальнейшее развитие событий так описано в «Оперативном очерке...»:

«С 7 по 11 февраля 3-я армия продолжала вести наступление. Шли напряженные бои. Особенно упорно сопротивление противник оказывал, переходя в контратаки, против 137-й и 283-й дивизий».

Атаки предпринимались в направлении деревень Кузнецово-1-е, Кривцово, Бабинково-1-е.

Начальник штаба 771-го стрелкового полка А. В. Шапошников так описывал эти «напряженные бои»:

«Сильнейший пулеметный огонь, а местность открытая, и всё пристреляно до метра. Часа через два начинаем атаку после жиденькой артподготовки, снова немцы ее отобьют, и так продолжалось несколько дней подряд днем и ночью. Люди лежали в снегу сутками. А сверху приказ за приказом: «Наступать, наступать...».

Ветеран дивизии А. П. Степанцев рассказывал:

«В эти дни я почти каждую ночь с командного пункта водил на передовую маршевое пополнение, по несколько десятков, а то и сто человек. И все это пополнение тотчас же исчезало в атаках».

Доставалось и командиру дивизии. В «Краткой характеристике 137-й стрелковой дивизии с 5 февраля 1942 года по 1 августа 1942 года» зафиксировано:

«В напряженных боях в районе Кривцово командир дивизии полковник Гришин по несколько суток не уходил с командного пункта. Несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный обстрел района КП, в результате которого блиндаж был значительно разрушен, разрушены ходы сообщения, но находившиеся в блиндаже полковник Гришин и другие (офицеры – прим. ред.) не покинули его, продолжая управление боевыми действиями частей и подразделений дивизии». В «Оперативном очерке...» общается:

«3-я армия вела наступление с 5 февраля по 18 февраля, т.е. 13 дней, но задачи не выполнила, ... к концу операции удалось лишь захватить плацдарм на западном берегу реки Зуша в районе Бабинцево-1-е».

А. В. Шапошников называл артподготовку перед атаками «жиденькой». Действительно, у дивизии катастрофически не хвата-

ло снарядов. В книге В. Киселева приведен эпизод, ярко характеризующий положение дел. Т. В. Филимонов, командир 409-го стрелкового полка, который должен был наступать в направлении сел Чегодаево и Фатнево, рассказывал:

«Перед боем ко мне на наблюдательный пункт пришел полковник Гришин. — «Ну что, Филимонов, возьмешь Чегодаево?», и похлопал по плечу. — «Снарядов мало...» — «А сколько надо?» — «Хотя бы полторы тысячи» — «Ну, захотел. Если бы вся дивизия их сейчас столько имела...». Мы тогда подсчитали, что на подавление огневых точек в полосе наступления пока надо минимум полторы тысячи снарядов. На уничтожение одного дзота по норме требовалось 25 снарядов».

Судя по рассказам ветеранов, приведенным В. Киселевым, И. Т. Гришин, хотя и немало видел и пережил в 1941-м году, но чувствовал себя ответственным за происходящее и старался сделать для подчиненных все, что мог в тех нечеловеческих условиях. Полковник С. П. Закладной, комиссар 17-го артиллерийского полка, вспоминал такой случай:

«На наблюдательный пункт майора Кряжева вызвали командиров стрелковых полков. Пришел и командир дивизии полковник Гришин. Я еще удивился, что из штаба дивизии, за три километра, он пришел сюда один. Гришин был спокоен и не показывал виду, что огорчен неудачами. Стал спрашивать каждого командира полка: «Сколько у тебя осталось штыков?»... Затем дал распоряжение: собрать трупы убитых солдат, сложить в штабеля, и этим прикрыть от ветра людей, находящихся на поле боя. Распорядился накормить людей, выдать по порции водки. После этого полковник Гришин повернулся и ушел. Пошел и я в свой полк. Шел по колено в снегу и думал: как же эти бедные пехотинцы остались ночевать на поле боя, где нет ни траншей, ни землянок, да и накормить-то их стоит немало труда».

Но командование фронта видело причины неудачного наступления в несоответствии нижестоящих командиров занимаемой должности. 11 февраля 1942 на посту командующего 3-й армией поменяли генерал-лейтенанта П. И. Батова на генерал-майора Ф. Ф. Жмаченко. Показательны три разговора маршала С. К. Тимошенко в конце февраля 1942 года с руководством Брянского фронта с точки зрения того, как вышестоящее командование оценивало ситуацию.

«26 февраля.

У аппарата **Тимошенко, Хрущев**. Со стороны Брянского фронта член Военного Совета бригадный комиссар **Колобяков** и начальник штаба генерал-майор **Казаков**.

Казаков: «Сегодня на направлении главного удара активные действия наши части не вели. Действовали штурмовыми группами с задачей овладения отдельными огневыми точками и ДЗОТами противника. ... На ночь сегодня и завтрашний день, пользуясь большой пургой, намечены участки главного удара, наступательные действия штурмовых групп по захвату ДЗОТов противника.

Тимошенко: «Из всего видно, что вы незаметно для себя раскисаете и воюете не с противником, а его ДЗОТами, которые он скорее строит, нежели вы их забираете. Надо, товарищи, перейти в решительное наступление, а в процессе наступления, само собой разумеется, должны найти свое применение штурмовые группы. Без решительного наступления действия штурмовых групп никчемны и нецелесообразны. Предупредите товарища Жмаченко, что мы требуем от него решительного наступления с продвижением вперед».

«27 февраля 1942 года.

Черевиченко: «Противник дерется чрезвычайно упорно, уже преодолели две линии проволочных заграждений с большим количеством ДЗОТов и блиндажей и в данное время ведут борьбу за третью линию. Решил твердо проводить намеченный план действий на главном направлении, создать резерв и привести в порядок две стрелковые дивизии, танковые бригады и подготовиться к мощному удару.

Тимошенко: Я уже не знаю, какие вам указания давать, поскольку вы ни одного из них не выполняете, и, как видно из вашей речи, вы решаете для себя и для отвода моих глаз. Что значит создать резерв, вывести две дивизии и танковые бригады для приведения в порядок с целью нанесения мощного удара. И кто же из вас наступать будет? Наступать, так наступать, щупать нечего, всё прослушано и известно. Совершенно ясно, что противник перед вами слаб. Казалось правильным, не теряя времени, решительно и смело наступать, и все было бы хорошо, но у вас этого не получается. Категорически требую от вас решительной перестройки предъявляемых вами требований войскам и строго соблюдения одно условие — выполнения приказов, и все пойдет хорошо».

«2 марта 1942 года.

У аппарата **Тимошенко, Хрущев**. Со стороны Брянского фронта **Черевиченко, Колобяков, Казаков**.

Черевиченко: Наступление частей Жмаченко, начатое ночью, в дневное время вследствие сильного воздействия пулеметного, артиллерийского и минометного огня приостановлено. Сейчас начались ночные действия.

Тимошенко: Вам следует продолжать наступательные действия главным образом ночью и захваченное обязательно удерживать днем за собою. Конечно, ожидать такого положения, чтобы противник уступал занимаемые им рубежи без боя не следует. Но вам нужно обязательно драться и преодолевать огонь технических средств. Из всего видно, что в массе вашего командного состава зародилось нездоровое понимание. Все ожидают, что противник от них будет сразу бежать, и как только обнаруживают, что противник не бежит при их появлении, они сразу приостанавливают наступление и мечтают о перегруппировке, и так все может длиться без конца. Перегруппировка, наступление, приостановить наступление, опять перегруппировка и т. д. Надо этому положить конец.

Черевиченко: Военный совет фронта докладывает, что на сегодняшней день среди больших и малых начальников настроений, указанных вами, нет. Уже изжито и ведем борьбу вплоть до отдачи в суд. В последних операциях многие командиры, комиссары полков и командиры батальонов честно и храбро руководили боем и пали смертью храбрых».

В итоге последних переговоров маршал С. К. Тимошенко приказал возобновить действия 3 марта 1942-го года.

Кстати, Г. К. Жуков утверждает, что именно с маршалом С. К. Тимошенко И. В. Сталин согласовывал план скорого наступления по всему фронту в 1942-м году.

Но последняя попытка прорвать оборонительный рубеж немцев 3-й армией предпринята 11 февраля. В сводке фронта констатировалось:

«Перешедшие снова в наступление части 3-й армии 11 марта 1942 года также успеха не имели. Все дальнейшие попытки вплоть до 18 марта овладеть узлами сопротивления противника ... успеха не имели».

У солдат сложилось мнение, которое высказал командир роты противотанковых ружей 771-го полка Н. И. Пизов:

«Болховская операция – это настоящая мясорубка. Как могли здравомыслящие люди бросать всю армию в эту мышеловку? ... Только по карте воевали! Как бездумно все это было!»

137-я дивизия насчитывала 27 января 1942 года 5084 человека. К концу операции в марте, по данным, приводимым В. Киселевым, оставалось в 771-м полку около ста активных штыков, в 409-м – 57 штыков, а в 624 – чуть более 30.

20 марта дивизию вывели в армейский резерв на пополнение.
И. Т. Гришин получил назначение начальником штаба 50-й армии.

В. Киселев приводит несколько высказываний ветеранов 137-й дивизии, которые свидетельствуют о доброй памяти, которую оставил после себя в дивизии ее командир.

О его самообладании. С. П. Закладной рассказывал:

«Однажды на наблюдательный пункт полка пришел Гришин. Вдруг немецкая артиллерия начала обстрел. Снаряды ложатся – недолет, перелет. Мы с командиром полка Кряжевым понимали, что попали в вилку, сейчас немец поправит прицел, и от нас ничего не останется. Думаю, понимал это и Гришин. Но он как бы не замечал этого и повел разговор... в отношении обеда. «Кряжев, давно хочу выпить с тобой рюмочку, съесть горячего борща. Накормишь?» – спросил Гришин. А я сижу и жду, что сейчас немец поправит прицел и будет всем нам по рюмочке. Но внезапно артналет прекратился. Мы пошли обедать, правда, Гришин торопился. Ел быстро, сказал, что дел ему предстоит еще много сегодня».

Об авторитете, который он имел у солдат, написал М. И. Корчагин:

«Я был простым солдатом, но мне по долгу службы часто приходилось видеть полковника Гришина. Дивизией он командовал уверенно, и мы, солдаты, знали, что с ним не пропадем. Любил пошутить с бойцами, в обращении всегда был прост и доступен. Он всего себя отдавал войне, все трудности переносил с солдатами. И такая деталь: никогда я его не видел выпившим, и на солдат он никогда не кричал».

Наконец, мнение А. В. Шапошникова, человека, который не всегда лестно высказывался о действиях своего командира:

«Иван Тихонович Гришин заехал попрощаться ко мне в госпиталь. Вместе с ним было пройдено и пережито немало. Я иногда думаю: и как мы все это выдержали... Человек он был сильный, сложный, огромной воли, большого военного таланта и, безусловно, если бы не его ранняя смерть, он был бы в числе выдающихся советских военачальников».

Глава IV

НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРМИЙ

Первая сводка, подписанная И. Т. Гришиным в качестве начальника штаба 50-й армии, которую нам удалось разыскать в архиве, имеет дату 25 марта 1942-го года. Она следующая: «50-я армия в течение ночи продолжала удерживать ранее занимаемый рубеж обороны, производить подготовку по особому указанию и вести разведку мелкими группами на всем фронте с целью изматывания противника».

Однако представление о его назначении начальником штаба 50-й армии датируется 16-м апреля 1942 года:

«Представление Военного Совета Западного фронта № 01762 от 16. 04. 42 Наркомую обороны Союза ССР т. Сталину И. В.

Прошу утвердить в занимаемой должности генерал-майора Гришина И. Т. начальника штаба 50-й армии». Подписи: командующего войсками Западного фронта генерала армии Жукова и члена Военного Совета Западного фронта Хохлова.

Командующий 50-й армией И. В. Болдин занимал эту должность с 22 ноября 1941 года. Он был на 18 лет старше Ивана Тихоновича, успел повоевать в Первой мировой войне на кавказском театре военных действий, в гражданскую войну сражался с белофиннами, с белополяками, против Юденича и вырос до командира полка. До войны командовал Калининским военным округом, а в 1941-м году являлся заместителем командующих Западным фронтом. Он, как и И. Т. Гришин, попадал в окружение, но вышел из него успешно.

Хотя И. Т. Гришин и И. В. Болдин принадлежали практически к разным поколениям, до войны судьба свела их на особом факультете Академии им. М. В. Фрунзе. Они учились в одно и то же время. На особый факультет И. В. Болдина направил лично маршал К. Е. Ворошилов.

Теперь им предстояло вместе решить труднейшую задачу, которую поставило перед ними командование Западного фронта.

В рамках наступления по всей линии фронта против гитлеровской армии, утвержденного директивой Ставки Верховного Главнокомандующего в январе 1942 года, Западному фронту предстояло вместе с Калининским фронтом осуществить Ржевско-Вяземскую операцию, которая имела целью окружить, расчленить и уничтожить основные силы немецкой группировки «Центр». Через бреши, имевшиеся в обороне противника, в январе части 1-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова пересекли Варшавское шоссе и устремились к Вязьме. В том же направлении пробилась через линию фронта ударная группа 33-й армии во главе с командующим этой армией Западного фронта генерал-лейтенантом М. Г. Ефремовым. Им в помощь высадили в тылу противника десант 4-го воздушно-десантного корпуса.

Части Красной армии достигли Вязьмы, но взять ее не смогли, так как уступали противнику в численности и не имели авиации, танков, крупнокалиберной и гаубичной артиллерии (так 1-й гвардейский корпус взял с собой только полковую артиллерию, десантникам удалось собрать только от 30 до 50% сброшенных грузов). Противник нанес удары под основание прорывов, восстановил линию фронта и окружил действующие под Вязьмой части Красной армии.

Накануне прибытия Ивана Тихоновича в 50-ю армию Г. К. Жуков поставил перед ней задачу прорвать полосу обороны немцев на участке Фомино-1, овладеть Зайцевой горой, далее населенным пунктом Бярятинского района Калужской области Милятином, вступить во взаимодействие с частями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и бригадами 4-го воздушно-десантного корпуса. Как пишет Ф. Д. Панков в книге «Огненные рубежи. Боевой путь 50-й армии в Великой Отечественной войне», объясняя этот приказ командования Западного фронта: «Нужно было предупредить противника в создании им группировки на этом направлении и облегчить положение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го ВДК».

Какие возможности имело командование 50-й армии для решения этой задачи?

В течение декабря 1941, января и февраля 1942 года части армии вели напряженные бои. Как утверждает Ф. Д. Панков, в де-

кабре 1941 года «каждый боевой успех давался зачастую большою кровью».

А. Ильюшечкин и М. Мосягин, написавшие на основе архивных данных ЦАМО монографию «Варшавское шоссе — любой ценой. Трагедия Зайцевой горы. 1942-1943», отмечают:

«К тому моменту, как части 50-й армии, обходя Юхнов с юго-запада, подошли к району Зайцевой горы, они были измотаны непрерывающимися двухмесячными боями. Позади были десятки освобожденных сел и деревень и потери, потери, потери».

Дивизии доукомплектовывали, но нередко слабо подготовленным, а иногда и вовсе неподготовленным к боевым операциям личным составом. Авторы приводят такой пример: 336-я дивизия, участвовавшая в боевых действиях в районе Зайцевой горы, в конце марта 1942 года получила более 2500 человек пополнения. «Обучить их, — заявляют авторы, — хотя бы начальным методам и приемам боя и владению оружием не было возможности из-за больших потерь в стрелковых подразделениях».

Если ознакомиться с приказами по 50-й армии в феврале 1942 года еще до вступления И. Т. Гришина в должность начальника штаба, то создается впечатление, что они являлись своеобразным ликбезом для младших и средних командиров дивизий. Вот приказ № 38 от 14 февраля:

«При занятии населенных пунктов нашими частями командиры всех степеней совершенно не принимают никаких мер в части приведения их в оборонительное состояние, в результате чего противник контратаками легко выбивает наши части из этих населенных пунктов».

В тот же день издается приказ № 39:

«Последнее время противник, используя прямолинейность действий наших боевых порядков, отсутствие охранения и разведки на фронтах, применяет принцип отрезания головных боевых порядков, вклинивающихся в его расположение».

Мои неоднократные указания об обеспечении флангов и использовании вторых эшелонов боевого порядка для блокирования противника в населенных пунктах, разворота к предотвращению прорыва в сторону фланга не выполняются».

Красноречив и приказ № 044 от 14 марта 1942-го года:

«Несмотря на мои неоднократные указания, в частях и соединениях продолжают использовать не по прямому назначению

разведорганы и командный состав разведорганов. В 290-й и 239-й стрелковых дивизиях дивизионные разведчики были брошены в наступление как стрелки, в результате чего эти разведроты потеряли до 60% своего состава».

Напрашивается вывод, что значительная часть командиров и бойцов армии овладевали воинским умением на ходу. А им предстояло взломать оборону противника, построенную по всем правилам немецкой педантичности.

Зайцева гора находилась на 268-м километре Варшавского шоссе между Юхновом и Спас-Деменском. Центром обороны являлась высота 269.8 с прилегающими деревнями Фомино-1 и Фомино-2. Опорные пункты, построенные по системе флангового огня, с большим запасом вооружения и боеприпасов прикрывались еще и инженерными сооружениями. Опушки леса и проходы в болотах блокировались минными полями и проволочными заграждениями. Эти укрепления закрывали выход к Варшавскому шоссе, по которому немцы быстро маневрировали, перебрасывали подкрепления и боевую технику с одного участка на другой. Наши части могли вести наступление на укрепления Зайцевой горы по лесисто-болотистой местности в пределах трехкилометрового коридора, ограниченного с одной стороны Шитиным болотом, с другой – опорными пунктами Зайцевой горы. Она господствовала над местностью и давала возможность немцам контролировать позиции наших войск и обстреливать их по фронту и с флангов.

В своей сводке от 25 марта 1942 года И. Т. Гришин указал на «подготовку по особому указанию». Речь шла о том, что к этой дате соединения и части 50-й армии завершили передислокацию на направлении главного удара. Наступать должны были 9 дивизий (около 53 тысяч человек) и 3 танковые бригады (100 танков). Сила внушительная, но не обладавшая достаточной артиллерийской поддержкой. По данным Ф. Д. Панкова, «вместо отпущенных двух боекомплектов артиллерийских снарядов и мин к началу операции в войсках их имелось от 0,1 до 1 боекомплекта». Отсутствовали на необходимом расстоянии армейские аэродромы, что лишало армию и достаточной авиационной поддержки.

26 марта началось наступление. В сводке, составленной штабом армии, сообщалось:

«26.03.42 50-я армия ударной группировкой на своем левом крыле перешла в наступление на фронте Фомино-1 и на правом

фланге и в центре продолжает наступление... Цель – овладение Варшавским шоссе (прорвать оборону противника, чтобы лишить противника основной коммуникации сообщения с 10-й группировкой)».

26 марта состоялся разговор **И. Т. Гришина** с и.о. начальника штаба Западного фронта генералом **В. С. Голушкевичем**. Мы воспроизводим его содержание полностью, чтобы полнее передать обстоятельства, в которых происходила операция.

«У аппарата генерал **Голушкевич** и полковник **Гришин**.

Голушкевич: Доложите, взяты ли вами сегодня какие-нибудь населенные пункты и какое в целом в километрах продвижение? Где проходит линия фронта?

Гришин: Свое положение вам сообщу, но шифром. Большое сопротивление встречается у Фомино-1, продвижение около 3-х с половиной километра. Линия фронта проходит юго-восточнее окраины Фомино-1, хутор севернее высоты 235.7, в одном километре лес, северо-западнее высоты 235.7, Гореловский, юго-восточнее окраины Прасоловка, Каменка, Яковлевка на северо-восточной окраине, в целом около 3-х с половиной километра. Поселок Гореловский не проверен еще окончательно – взят или нет, проверяю. В этом районе взяты в плен. Прошу оказать помощь авиацией по разрушению Фомино-1, Фомино-2, Зайцева гора, Бельская, Куземки, Липовая роща, Милютино.

Голушкевич: Каменка взята или нет?

Гришин: На 15 часов взята еще не была. А сейчас данных у меня нет.

Голушкевич: Таким образом, по непроверенным данным, взят только Гореловский? Отвечаю:

1. Переброска противником подкрепления с северо-востока свидетельствует о том, что ваш удар был внезапным. Поэтому вам надлежит всемерно форсировать наступление и сегодня же захватить опорные пункты противника, продолжающие сопротивление и выйти на шоссе.

2. Варшавское шоссе на участках, где противник подвозит подкрепления, взять под огонь, там же действиями штурмовых отрядов сковать противника.

3. Авиация при первой возможности по условиям погоды будет работать на полную мощь, пусть ваш штаб ВВС регулярно инфор-

мирует Худякова (командующий ВВС Западного фронта – ред.) о состоянии погоды, она сегодня плохая, у нас мокрый снег.

4. Темпов наступления ни в коем случае не снижать и продолжать его днем и ночью, постарайтесь как можно скорее ликвидировать Фомино-1, и вообще нужно добиться решающих успехов, пока противник не зацепился, тот факт, что он тянет подкрепление с северо-востока свидетельствует о том, что в самом интересном для нас месте у него сил пока не много. Всё. Транспорты с боеприпасами в Калугу прибыли».

Однако «решающих успехов» не получилось. Ф. Д. Панков приводит такие факты относительно хода операции: темпы наступления на некоторых этапах не превышали 300-500 метров в сутки. Из-за недостатка снарядов артиллерия не могла подавить все огневые точки, мешавшие продвижению. Часть наших 82 мм минометных батарей из-за отсутствия мин практически бездействовала.

И. В. Болдин и И. Т. Гришин сделали организационные выводы о неуспешности наступления. 29 марта вышел следующий приказ частям 50-й армии:

«В результате боевых действий в период 26–28.03.42 войска ударной группировки армии поставленных перед ними задач не выполнили. Это произошло вследствие отсутствия должной требовательности у командиров всех степеней, плохого управления войсками, игнорирования вопросов взаимодействия, незнания конкретной обстановки, отсутствия контроля за выполнением приказов распоряжений, отрыва на 7-8 километров от войск командиров, руководящих боем, отсутствия организации тыла, слабой работы штабов соединений как органов управления.

Особенно плохо в эти дни действовали 239-я и 385-я дивизии.

Приказываю: командиру и военкому 385-й – выговор и последнее предупреждение.

Предупреждаю всех командиров и комиссаров дивизий, бригад и полков, что впредь за плохое управление войсками, неправильную организацию боя, за несвоевременное выполнение поставленных задач и за ложную информацию – виновники будут немедленно отстраняться от занимаемой должности и предаваться суду».

Подписи: генерал-лейтенант Болдин, член Военного Совета бригадный комиссар Сорокин, начальник штаба полковник Гришин.

Лишь пятого апреля 173-я стрелковая дивизия во взаимодействии со 108-й танковой бригадой овладели Фомино-1. Решающую роль сыграл танковый десант численностью 120 человек.

8 апреля издается еще один приказ 50-й армии за № 0054, в котором детально рассматриваются основные недостатки ведения боя частями, проявившиеся в ходе наступления:

«Ход наступательных действий армии показывает, что части армии нарушают основные требования, необходимые для достижения успеха в современном общевойсковом бою.

116-я стрелковая дивизия в первый день боя начала бой, не организовывая взаимодействия. Командиры полков и батальонов не имели связи с артиллерией.

Планируя бои на 05.04, командиры 239-й стрелковых дивизий в плановых таблицах не указывали исходного рубежа для атаки пехоты, какие цели подавляет артиллерия, не указаны сигналы взаимодействия. Пехота слабо применяет ее оружие – винтовки, пулеметы, минометы.

Отсутствует непосредственное руководство на поле боя командирами батальонов, полков и дивизий. Командиры находятся в плохо оборудованных, тесных, недостаточно прочных от артогня противника землянках. Наблюдение за полем боя отсутствует, отсюда незнание, где части и что делают (5 апреля начальник штаба 290-й стрелковой дивизии майор Рак не мог доложить, где дивизия и что делает). О положении дел судят по мало подготовленным командирам батальонов. Пехота крайне плохо применяется к местности, идет в рост без маскхалатов и не окапывается. Танки прорываются в передний край противника и идут в глубины, а пехота отстает.

Приказываю:

- При организации взаимодействия обратить особое внимание на организацию его в роте, батарее, батальоне, дивизионе, на местности в период совместной командирской разведки.

- Установить как правило кроме технической связи простейшие сигналы управления в подразделениях и подразделений с начальниками штабов и командными пунктами.

- Требую от командиров дивизий и бригад делать надежные и хорошо оборудованные наблюдательные пункты, с которых бесперывно наблюдать за ходом боя своих частей, осуществлять взаимодействие, влиять на ход боя, руководить им.

- Категорически потребовать от командиров рот и батальонов, чтобы движение пехоты сопровождать огнем станковых пулеметов, обеспечить их достаточным количеством лент и дисков, организовать набивку их. Заставить всю пехоту применять все оружие.

- Потребовать от всех бойцов и командиров обязательного применения к местности.

- Использовать ночное время для сближения к объекту атаки и просачивания в глубину обороны противника.

- Контроль за устранением всех вышеизложенных недостатков и правильную организацию боя возлагаю лично на командиров и комиссаров дивизий и бригад».

Подписи: **Болдин, Гришин.**

В ночь на 14 апреля части 173-й стрелковой дивизии захватили западные склоны Зайцевой горы и вышли на Варшавское шоссе. Генерал-лейтенанту П. А. Белову, командовавшему находившимися в окружении объединенными силами 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го ВДК, сообщили, что 50-я армия перерезала Варшавское шоссе в районе Зайцевой горы. Г. К. Жуков приказал частям П. А. Белова продвинуться как можно скорее на соединение с 50-й армией. Передовые части 9-й бригады ВДК подошли уже совсем близко к нашим частям, укрепившимся на Зайцевой горе — их разделяло всего 2 километра. Но немцы бросили навстречу десанникам танки и авиацию. Неся большие потери, бригада ВДК отошла к северу.

Эта неудача вызвала гнев у командующего Западным фронтом. Ведь если бы наши части добились успеха, то замкнулось бы кольцо вокруг 4-й полевой армии Вермахта в районе Юхнова. 15 апреля состоялась его беседа с И. В. Болдиным. Тот в отбекаемой форме доложил, что на Зайцевой горе сложное положение:

«В 16.00 14.04 противник (пехота с танками) перешел в контратаку на Зайцевой горе... По докладу командира дивизии, который находится непосредственно у Зайцевой горы, пехота противника наступала до двух полков. Во время контратаки танков было два налета пикирующих бомбардировщиков на Зайцевой горе группами 3-5 самолетов по несколько заходов. В данное время в районе Зайцевой горы идет бой».

У **Г. К. Жукова** такая «дипломатия» вызвала сильное раздражение:

«Непонятно, повторите, читайте, что говорите: от прямой наводки бежали, что ли?»

Болдин: «Командир дивизии имеет задачу ночным боем снова овладеть Зайцевой горой и восстановить положение».

Командир 50-й дивизии доложил о тяжелом положении с обеспечением частей всем необходимым:

«Товарищ главком, у меня продолжает оставаться острым положение с подвозом боеприпасов, горючего и продфуража. Дороги пришли в такое состояние, что для колесного автотранспорта стали почти непроезжими. Мною приняты...»

Г. К. Жуков перебивает:

«А для вас что, это новость? Вы не ожидали, что дороги испортятся?»

И. В. Болдин: «Решительные меры по восстановлению дорог и, по вашему приказу, член Военного совета тов. Сорокин находится на дорогах, но принятые меры достаточного эффекта не дают, так как в полосе действий армии бездорожье, имеются грунтовые, проселочные дороги, не мощеные».

Особое возмущение Г. К. Жукова вызвал доклад о том, что полк, который занимал высоту 269.8 «решением командира полка под сильным воздействием арт-минометного огня был отведен на юго-западные скаты высоты 269.8.»

Г. К. Жуков: «На каком основании у вас каждый проходимец принимает самостоятельное решение на отход?»

И. В. Болдин: «Очень плохо действовала 146-я стрелковая дивизия, и никакого участия в отражении контратаки не приняла. Командир полка неправильно оценил обстановку и отвел полк, а командир дивизии не принял достаточных мер, чтобы восстановить сразу же положение, т.е. занять высоту 269.8».

Г. К. Жуков: «А вы где были?»

И. В. Болдин: «Я потребовал, когда узнал об этом, от командира дивизии и от товарища Захарова решительными действиями 298-й, 146-й стрелковых дивизий и 108-й и 11 танковых бригад восстановить положение и продолжать выполнять задачу».

Г. К. Жуков: «Почему у вас безнаказанно творятся такие преступления, и вы не привлекаете виновных к ответственности?»

И. В. Болдин: «Я приказал виновника оставления высоты 269.8 расстрелять!»

Г. К. Жуков: «Когда приказали?»

И. В. Болдин: «Приказал тогда, когда мне стало известно об этом факте. Приказ отдал тов. Захарову».

Г. К. Жуков: «Пусть Захаров донесет исполнение лично мне».

Далее командующий Западным фронтом изложил свой взгляд на причины неудач 50-й армии и потребовал решительно изменить ситуацию:

«Вас я лично очень внимательно инструктировал о тактике действий, о руководстве частями, о требовательности и быстрой расправе с паникерами и не выполняющими боевых приказов. Видимо, не все вами понято, так как я не вижу точного исполнения, в частности первое: из пятнадцати соединений, которые вы имеете, у вас сегодняшний день и вчерашний день активно дрались только 3 дивизии, а 10 действовали пассивно, из них 6 дивизий оборонялись, а из 13 стрелковых дерутся только пять, остальные стоят на месте. Танковые бригады сегодня бездействовали, что же это за тактика, непонятно. Второе: противник вас гонит с 7-ю танками, а вы имеете 100 танков, т.е. в 14 раз больше. Что это за тактика такая? Вы, видимо, читали доклад командира 10-й мотодивизии (Вермахта — ред.), как он одним полком все время отбивал наступление ваших 7 дивизий? Такое поведение только дискредитирует Красную армию. Как же вы можете мириться с подобными фактами, дискредитирующими Красную армию? Вы все время жаловались на отсутствие штыков, сейчас их у вас в десятки раз больше, чем у противника, но результаты все те же. Дискредитация Красной армии, непонятно почему. Вы узнаете об отходах тогда, когда это уже совершилось, значит, вы не руководите боем, не организовали у вас управление, нет у вас своих глаз на передовых позициях, а это значит, армия действует «без руля и без ветрил». Я требую под вашу личную ответственность занятие Зайцевой горы, Фомино-2, Тычек, Екатериновки, Бельской, Липовой рощи. Я требую заставить 116-ю и 385-ю стрелковые дивизии немедленно занять Малиновский и выйти в назначенные районы. Я требую для усиления удара завтра же ввести 58-ю, танковые бригады 11-ю, 108-ю держать с пехотой на шоссе. 112-ю бросить на помощь левому флангу. К левому флангу подтягивать 69-ю. Устройство тыла немедленно перекантовать на Барятинскую, откуда и производить подачу войскам. В неподготовленности дорог виноваты только вы. Провластвовали, а сейчас пожинаете свои плоды. Часть тракторов, что мы могли найти от других

частей, вам послана. Больше у меня помочь вам нечем. Прикажете 239-й правому крылу приступить к энергичным, активным действиям, чтобы не дать противнику маневрировать резервами. Противник имеет 4 дивизии и ими маневрирует против ваших 15 соединений так, как ему хочется. Он играет вами, как кошка с мышкой. Почему вы не учитесь и не учите командиров искусству тактики у врага? Имейте в виду, что это не зазорно. Наши предки всегда учились у врагов и затем били их, своих учителей. А вы, видимо, не хотите позаимствовать у врага хорошие и полезные примеры. Люди обязаны всегда впитывать в себя все новинки и учить своих подчиненных. Поэтому у вас ничего не получается. Короче говоря, вы должны строго помнить наш последний разговор, я о нем докладывал, считаю, что я мягковато поступил, но я уверен, что если еще случится, то будет воздано в квадрате. Сейчас же передайте мои требования кому следует и организуйте выполнение указаний. Тыл перекантовать на Барятинскую. Распоряжение нами дано устилать дороги фашинами, другой дороги вам сейчас никто не сделает. Как с продовольствием в войсках?

Болдин: С продовольствием войск плохо. Вопрос исключительно упирается в подвоз со станции снабжения».

А. Илюшечкин и М. Мосягин пишут, что с 9 по 15 апреля ни солдаты, ни офицеры не получали ни хлеба, ни сухарей, только два раза в эту неделю варили кашу.

Дополнительно И. В. Болдин сообщил Г. К. Жукову:

«69-я стрелковая дивизия, как я вам докладывал своим донесением, и на сегодняшний день не готова, и обуви кожаной до сих пор не получила. Тот, кто отправлял эту дивизию на фронт, отнесся крайне халатно, я бы сказал преступно. В таком состоянии отправлять дивизию на фронт нельзя».

16 апреля состоялись телеграфные переговоры и.о. начальника штаба Западного фронта В. С. Голушкевича с И. Т. Гришиным. Разговор носил более спокойный и конкретный характер:

«**Гришин:** По поручению командарма в исполнение указаний главкома с утра выезжал на левый фланг ударной группировки. Прodelал там следующее. Выяснил истинное положение частей на левом фланге, уточнил обстановку и организовал работу по подготовке наступления левофланговых соединений во взаимодействии с танковой бригадой, как сегодня утром давал указания главком. На месте определил, что 385-я и 116-я стрелковые

дивизии в силу своей неорганизованности сегодня к решительным действиям были не готовы. Организовал их действие на утро 16-го. Второе: командующий после моего возвращения выехал на правый фланг ударной группировки. До сих пор не вернулся. Вчера поставлены активные задачи дивизиям, действующим на правом крыле армии. Эти дивизии сегодня на рассвете частью сил перешли в наступление с задачей выхода на шоссе на фронте против своих полос и не допускать передвижения резервов противника с северо-востока на юго-запад. Проверена готовность 69-й стрелковой дивизии к действиям. Вот и все, что мною сделано.

Голушкевич: Какая обстановка сейчас в районе Строевка, Зайцева гора, высота 269.8 и 228.1? Имеется ли успех?

Гришин: В районе Строевка, Зайцева гора и высота 269.8 с пяти часов утра ведется напряженный бой и незначительное продвижение в отдельных местах. Сегодня авиация противника непрерывно производила бомбардировку и пикирование по нашим боевым порядкам, особенно в указанном районе. Успеха такого, как был, не имеется.

Голушкевич: Почему у вас до сих пор не введена в бой 58-я стрелковая дивизия, хотя приказ об этом вы имели два дня тому.

Гришин: 58-ю стрелковую дивизию ввести в бой сегодня не вызывалось обстановкой. У нас на поле боя и так много пехоты, но на сегодня у нас нет снарядов, ожидаем частично к вечеру и к утру завтра. Большие затруднения с питанием войск. Некоторые дивизии до сих пор никак не могут справиться с подвозом продовольствия вследствие совершенно пришедших в негодность дорог, а артиллерия 58-й стрелковой дивизии в район ее сосредоточения не прибыла даже и сегодня, несмотря на принятые решительные меры.

Голушкевич: Товарищ Гришин, сил у вас очень много, несравненно больше, чем у противника, а результаты плохие. Даже те незначительные успехи, которые были достигнуты, потеряны. Все это происходит от неорганизованности. Противник находится в более худших условиях, чем вы, в отношении подвоза (это утверждение на совести Голушкевича — ред.). Я самым серьезным образом предупреждаю, что этому нужно положить конец. Имейте в виду, что за бесцельный расход огромного количества сил придется отвечать. Заставьте штабы соединений работать по-настоящему, а разгильдяев, не исполняющих приказов, нужно от-

давать беспощадно под суд. ... Меня прямо поражает, что вы, имея такое количество танков, отходите под нажимом нескольких рот и нескольких танков противника. При этом вчера никакого особого воздействия авиации на вас не было. Предупредите весь командный состав до командиров взводов включительно, что они отвечают головой за выполнение приказов в срок, а тем более за самовольное оставление занимаемых позиций. Надо им разъяснить, новым дивизиям, что больше всего потерь происходит тогда, когда люди бесцельно лежат перед объектами атаки, вы это знаете по собственному опыту. Научите молодые части протаскивать за собой отдельные орудия на уничтожение огневых точек противника. У меня всё, передайте Болдину, что главком требует от него выполнения его приказа полностью, без всяких оговорок. Военный совет и штаб армии отвечают за операции, объективные условия не оправдание, а свидетельство неумения их преодолевать. Эти объективные условия для противника такие же, как и для вас.

Гришин: Отвечаю: неорганизованность — это наш враг в отношении условий подвоза. У противника мне неизвестно. Но вам по-честному докладываю, что у нас этот вопрос основательно затормозил работу в некоторых соединениях. Дело доходит даже до угрожающего положения. Я это вам докладываю со всей серьезностью.

Голушкевич: Примите все меры к тому, чтобы наладить подвоз от Барятинской, бросьте на этот отрезок пути все силы для приведения в порядок дороги.

Гришин: Сейчас мы этому вопросу придаем исключительное значение и бросили всё, что только были в силах, но себе представьте почву в районе действия, которую никак не укрепить, а мощеных дорог нет. Я просил бы вас, если есть какая-нибудь возможность, подбросить нам несколько тракторов. Это единственная реальная возможность выправить положение в некоторой доле эти трудности. В остальном все ваши указания я приму к немедленному исполнению.

Голушкевич: Думаю, что этого мало. Все это отлично мне известно. Нужно применить фашины. Распоряжение о тракторах отдано, ваш начальник тыла знает, откуда их получить, пусть только проявит распорядительность. Кроме того, в ваших танковых бригадах имеются тракторы, их тоже нужно в мере возможности использовать.

Гришин: В отношении танковых частей мы это делаем, но это же капля воды в море для наших тылов армии. Что нам передается несколько тракторов, я не знал, но...

Голушкевич: Я вам сказал, что несколько тракторов вам дается дополнительно. У меня всё. Добивайтесь выполнения задач. Мы даем вам всё, что можем и выше наших возможностей тоже не можем дать.

Гришин: Над выполнением задач работаем день и ночь, но пока дело идет со скрипом, и главное, в этом мало организованности на местах. Ответственность за выполнение задач сейчас значительно возросла, особенно после личных указаний главкома командирам соединений».

В тот же день и.о. начальника штаба Западного фронта еще раз связался с И. Т. Гришиным.

«**Голушкевич:** Чем объясняется медленность продвижения?»

Гришин: Решение командующего по выяснению обстоятельств на месте наступления было назначено на 16. 00 16. 04. Такое решение было принято из-за отсутствия снарядов и продовольствия в дивизиях. С 16 часов наступление развивается нормально. Пехота медленно продвигается в силу глубокого снега и воды, к тому же встречает сильное огневое сопротивление противника из объектов атаки.

Голушкевич: Передайте Болдину, что главком требует ни в коей мере нажима не ослаблять и решительно выполнять задачу».

В последующие дни идут ожесточенные бои, но соединить части 50-й армии и десантников по другую сторону Варшавского шоссе не удастся. 19 апреля И. В. Болдин сообщает Г. К. Жукову:

«17, 18.04 шли напряженные бои на всем фронте ударной группировки армии. Противник подтянул дополнительно артиллерию, а главным образом действия большой массы авиации задерживает продвижение вперед нашей пехоты».

Г. К. Жуков делает вывод:

«По вашему донесению я вижу, что вы никакого действия своих частей не организовали (речь идет о помощи десанникам — прим. ред.), за исключением мелких отрядов».

И. В. Болдин объясняет:

«Ночью в лесистой местности трудно действовать крупными массами и, как опыт последних дней показал, мелкие отряды в лесном бою, особенно ночью, дают большую эффективность по

продвижению вперед и уничтожению противника». Дополнительно он сообщает: «Пехота все подносит исключительно на себе по пояс в воде».

20 апреля Г. К. Жуков в телеграфных переговорах выясняет для себя вопрос, как используются в 50-й армии в наступлении танки. Он спрашивает:

«112-я бригада у вас дерется на левом фланге, и есть сведения, что она ворвалась в Гореловский. А 108-я и 11-я второй день бой не ведут. Почему они не помогают ни 112-й бригаде, ни пехоте?»

Болдин: Первое. В 108-й танковой бригаде на 19. 04.42 не было ни одного исправного танка... КВ находятся в парке, 2 из них ремонтируются, а 6 танкам нужны запасные части. Танки Т-34 исправных было только 2, 10 танков в парке, из них 2 ремонтируются, для 8 танков нужны запасные части. 11-я танковая бригада на 19.04 имела исправных танков КВ – 2, Т-34 – 5, Т-60 – 16... Большая часть танков 108-й и 11-й танковых бригад бездействуют по технической неисправности. В 108-й танковой бригаде исправных имеется Т-60 – 12 штук. Второе. 112-я танковая бригада 12.04 тремя танками врывалась в Гореловский, но пехота минометным, пулеметным огнем, а главным образом авиацией была отрезана от танков 112-й бригады и Гореловский не ворвалась. 18. 04 4 танка 112-й танковой бригады врывались в Малиновский, пехота так же, как и 19.04 была отрезана от танков заградительным минометным, пулеметным огнем и бомбардировкой и штурмованием авиации противника. Третье. Ввод в действие 108-й и 11-й танковых бригад в направлении Фомино-2 без сильного массивного артогня по северо-восточным скатам высоты 269.8 и по южной окраине Фомино-2 не представляется возможным, так как при выдвигении наших танков с Фомино-1 в направлении Фомино-2 противник открывает сильный артиллерийский огонь и с южной окраины Фомино-2 и северо-восточных скатов высоты 269.8, а главным образом непрерывная бомбежка и штурмование самолетов наносит большие потери танкам и пехоте. Четвертое. Перекантовывать 11-ю и 108-ю танковые бригады в район Гореловский и Малиновский считаю нецелесообразным, так как действие в этом районе для танков весьма ограничено, потому что танки могут проходить в этом районе только по одной дороге из Марьино на Гореловский и на Малиновский. Стеснен маневр для танков в этом районе разливом воды и торфяным болотом. Пятое.

Привожу 11-ю и 108-ю танковые бригады в порядок и готовлю продолжение удара в направлении Фомино-2. Но на подготовку потребуется 3-4 дня. Мне нужно подвести снаряды и мины на огневые позиции и продовольствие для войск. Шестое. С открытием станции Барятинская положение с подвозом боеприпасов и продфуража стало немного улучшаться. Седьмое. Противник тормозит нам подвоз по железной дороге до станции Барятинская. Авиация бомбит станцию и перегоны на отдельных участках. Восьмое. Товарищ главком, прошу учесть, дело с дорогами очень плохо и с каждым днем ухудшается. Незначительные ручьи, лошины, низменности превратились в непроходимые места для транспорта всех видов, а на ровной местности сплошная грязь. Девятое. Днем 19. 04 наблюдалась подброска пехоты противника с юго-запада и выгрузка машин в районе Бельская, частично направлялась в район Малиновский, Гореловский. Десятое. В 22.00 19. 04 противник повел наступление из Фомино-2 на высоту 269.8. Контратака к 02.00 20. 04 отбита. Вот те вопросы, которые я считаю необходимым доложить вам».

Г. К. Жуков в ответ предпочитал обосновывать ответственность командования армии за неуспех наступления.

«Мне многое непонятно из того, что вы мне говорите. Впервые, первый раз слышу, что 11-я, 108-я растрепаны, это, кажется, будет по счету пятая или шестая растрепанных бригад. Вы были обязаны, согласно приказа, производить тщательное расследование о каждом погибшем танке или выбывшем из строя и немедленно доносить. Факт, достойный сожаления, — невыполнение приказа. Вынужден буду назначить следствие. Вы все время доносили о том, что высота 269.8 в ваших руках. А теперь докладываете, северо-восточные скаты в руках противника. Не пойму я вас, почему вам понадобилось вести танки на артиллерийский огонь, непонятно, можно было танки подвести по его западным скатам, но дело, видимо, не в этом, где их вести, а главное вести нечего вам, все растрепали. Если так легкомысленно будут бросаться танки, как до сих пор вы бросаете на расстрельную систему огня, ничего у вас не выйдет. Непонятно мне, для чего у вас врываются танки, наподобие ворвались в Гореловский, ворвались в Малиновский, а пехота оказывается отбита организованной системой огня. Азбучная истина обязывает прежде, чем бросить танки, нужно подавить систему огня, а тогда только

бросать танки. А у вас делается наоборот. Вам об этом неоднократно давалось указание, но, видимо, до сих пор эти элементарные истины не поняты, и танки продолжают гибнуть без всякой пользы. Бросание танков без подавления системы огня я считаю авантюрой. Виновников гибели танков, танкистов, безусловно, надо судить. В отношении паники от авиации противника могу только предложить одно, пресекать эту панику в корне. Никакой массовой гибели от бомбометания на протяжении всей войны не было и нет сейчас, все это выдумывается для оправдания невыполнения приказа, для оправдания потерь, которые получились при панике в Фомино-1. О чем вас информировал Быстров, о массовых потерях от плохой организации боя, от той вакханалии и беспорядке, которые существуют и творятся в армии. Ваша авиация сейчас бездействует, об этом вы пишете в донесениях, но не отчитываетесь о невыполнении приказа о подготовке аэродрома. А ведь есть приказ, обязывающий вас подготовить армейский аэродром, но вы этого приказа не выполнили, авиация ваша не летает сейчас. Могу только предложить вам выполнить приказ о быстрейшем введении в строй аэродрома. Фронтной авиации истребительной больше 20-25 самолетов вам дать не могу, и то они могут быть над полем боя, как показал опыт, 20-25 минут, значит, прежде всего я обязываю вас организовать настоящую зенитную оборону средствами самих войск. Твердой рукой бороться с паникерами и распространителями панических слухов, по существу агитирующих за немецкую авиацию, и навести в этой части полный порядок, чтобы войска спокойно встречали авиацию и не разбежались бы, как об этом свидетельствует донесение Быстрова, и о чем вы до сих пор не донесли. А все, что случилось у Фомино-1, вы обязаны были без утайки, правдиво донести. Вы сейчас докладываете, что противник подбрасывает резервы, что ж, об этом я вас предупреждал неоднократно, и лично, и в документах, а вы считали, что противник будет мух ловить. Нет, ловить мух он не будет, каждую вашу проволочку во времени он использует для маневра и постарается вас обыграть, а обыграть вас ему труда не составляет потому, что ваши войска стоят на месте, не маневрируют, а такого противника бить не трудно. Если вы в течение двух ближайших дней не разобьете противника в районе действия ударной группы, противник вам подбросит большую неприятность, я бы сказал даже крупную неприятность, от

которой вам и нам придется краснеть... В заключении я хочу вас в последний раз предупредить о самом важном: вы должны противника разбить и прочно закрепиться на шоссе не позже исхода 21-го. Вечером 22-го будет уже поздно. Сегодня потратьте день на тщательную организацию боя».

Г. К. Жуков упомянул в разговоре о происшедшем в Фомино-1 и упрекнул И. В. Болдина в сокрытии истины. 20 апреля вышел следующий приказ командования 50-й армии:

«Благодаря отсутствию четко налаженного управления войсками, требовательности и контроля со стороны командования 146-й стрелковой дивизии, части дивизии (608-й стрелковый полк) в результате контрнаступления противника 12. 04 оставили Фомино-1 и не выполнили возложенной на них боевой задачи.

Только ценой больших жертв положение в Фомино-1 было восстановлено.

Военный совет армии, командование дивизии было крепко предупреждено за оставление Фомино-1.

Бои за Фомино-2 показали, что командир дивизии генерал-лейтенант Новосельский и комиссар – полковой комиссар Кузнецов снова потеряли управление войсками, проявили растерянность, не приняли всех мер к удержанию Фомино-2, допустили отход частей на южную окраину Фомино-2, в результате чего части понесли большие потери и не выполнили поставленной задачи.

Такие действия 146-й стрелковой дивизии отразились на ходе развития всей операции и задержали выполнение задач соседними дивизиями.

Командование дивизии своими пассивными действиями допустило топтание на месте частей дивизии 14. 04, не выполнили поставленных задач по овладению Фомино-2».

Командиру 146-й дивизии объявили выговор и предупреждение вплоть до суда.

В. С. Голушкевич контролировал исполнение указаний, данных Г. К. Жуковым И. В. Болдину 20 апреля. На следующий день он связался по телеграфу с командующим 50-й армией:

«Голушкевич: Мы ожидали, что вы сегодня начнете работу, как это было вам приказано главкомом в последнем разговоре с вами. Как видно из информации, работу вы не начали и даже о том не донесли. По своему произволу отменять приказы главкома

вам не дано. Если у вас имелись соображения о переносе сроков, то нужно было об этом донести главкому. Прошу доложить, в чем дело.

Болдин: Докладываю. Мне главком передал начать работу 21. 04, но не позднее утра 22. 04. 20. 04 я весь день занимался организацией по продолжению работы, то есть, выполнению приказа главкома. Вечером 20. 04 отправился в район Зимницы на свой КП, куда вызвал 5 командиров дивизий и 2 командиров бригад. Уточнил с ними ряд вопросов по взаимодействию пехоты с танками, пехоты с артиллерией, артиллерии с танками, дал ряд указаний по работе на сегодняшний день по приведению частей в порядок, по подвозу боеприпасов и продфуража. В данное время товарищ Гришин находится в соединениях левого крыла ударной группировки армии, проверяет дивизии, готовность их к действиям, увязывает вопросы по взаимодействию пехоты с артиллерией, танков с артиллерией... Работу утром сегодня начать не мог и даже не могу начать вечером, потому что некоторые дивизии правого крыла ударной группировки армии не подвезли боеприпасы для работы артиллерии и минометов даже на полдня работы... Противник своей авиацией почти не дает возможности подвозить боеприпасы на огневые позиции артиллерии и минометов со станции Бяратинская. Несмотря на бомбежку и штурмование дивизионных транспортов, подвоз боеприпасов произвожу понемногу днем, а главным образом подвоз идет ночью, но дороги настолько плохие, что работа идет в основном тракторами, а у меня их очень мало. Конный транспорт работает очень ограниченно, так как дороги очень мало проходимы. Проселочные дороги за последние три дня стали для конного транспорта всех видов почти не проходимы. Некоторые дивизии, которые стоят ближе к Бяратинское, боеприпасы подносят на огневые позиции красноармейцами... Войска армии начнут работу в 02.00 22.04, об этом я ранее донес вам шифровкой сегодня утром. Прошу доложить главкому мою просьбу: первое, дать истребительную авиацию 22.04 в 06. 00 утра для прикрытия ударной группировки армии от бомбежки и штурмования, второе, ночью 22. 04 и днем 22.04 бомбить Калугово, Зайцеву гору, Фомино-2, Бельскую, Мелятино, Куземки, Бахмутово.

Голушкевич: Вы далеко не точно сформулировали приказ главкома, отданный вам при вашем разговоре с ним. Он сказал:

«Вы должны противника разбить и прочно закрепиться на шоссе не позже исхода 21-го», вечером 22-го будет уже поздно. Поэтому вы были обязаны донести о своей неготовности, по крайней мере, вчера вечером. Ваша шифровка только что получена и даже еще не полностью отработана шифровальщиками. Получилось нехорошо, главкома вы ставите перед совершившимся фактом, не выполняя его приказаний. Кроме того, подобное положение не дает возможности организовать правильное взаимодействие между вами и Казанкиным (командиром десанта 4-го ВДК в тылу врага — ред.). Известно ли вам, что Казанкин, надеясь на выполнение вами задачи в срок, с ночи ведет бой за Новое Аскерово, в то время, как вы стоите. Ваш доклад я доложу главкому, но давайте последний раз договоримся с вами, что с практикой постановки командования перед свершившимся фактом без предварительных донесений надо решительно покончить. Если вы сами не помните формулировок, то Гришин обязан вам докладывать и напоминать.

Болдин: Формулировки приказов я хорошо помню. Товарищ Голушкевич, прошу вас доложить, что мной приняты все меры к тому, чтобы как можно быстрее и лучше выполнить приказ главкома, но прошу учесть, что дороги в районе действия настолько плохи, что почти исключено на отдельных участках движение транспортов всех видов и приходится боеприпасы и продфураж на 6-8 километров и больше переносить красноармейцами. Убедительно прошу вас доложить главкому и передать мою просьбу помочь мне в 06.00 22.04 авиацией. Работа последних четырех дней показала нам, что как только на поле боя поднимается 10-15 человек и начинают делать перебежки вперед, так немедленно появляется над этим районом группа самолетов противника и начинает бомбить и штурмовать боевые порядки, этим самым задерживать движение наших войск вперед. Прошу учесть, что за последние четыре дня войска армии понесли большие потери от бомбежки и штурмования авиации противника.

Голушкевич: Доложу главкому ваши вопросы. Фронтовая истребительная авиация и авиация Рокоссовского работают на вас всё время, что сможет дополнительно дать Худяков, сейчас сказать не могу. В этом отношении получите дополнительные указания по линии ВВС. Надо быстрее приводить в порядок свой аэродром, так как вам должно быть понятно, что истребители,

действующие на вас с отдаленных аэродромов, не могут длительно находиться над полем боя в силу своих, хорошо вам известных летно-технических свойств. Привели в порядок танки?

Болдин: Свой аэродром приводим в порядок, но это потребует еще несколько дней. Часть танков, для которых имели запасные части, привели в порядок. У меня большое количество, точной цифры под руками нет, имеется танков с техническими неисправностями, для устранения которых требуются запасные части. 19 и 20.04 я послал генералу тов. Антонову телеграмму, в которой просил, чтобы отдельной летучкой по дороге он направил мне запасные части для ремонта танков КВ и Т-34. Прошу вас подтолкнуть тов. Антонова по вопросу подачи для меня запасных частей. Прошу учесть, что действие танков в районе работы весьма ограничено. Маленькие реченьки, ручьи, заболоченные места покрыты толстым слоем воды. В ровных местах и на незначительных высотах, там, где можно применить танки, почва сильно раскисла и гусеницы танка настолько глубоко врезаются, что танк садится на днище».

Однако опять вместо «решающих результатов» лишь кровопролитные бои. А в сводках общие фразы. Например, «23.04 продолжили наступление в районе Фомино-2 с целью выхода на Варшавское шоссе».

24 апреля состоялся последний разговор Г. К. Жукова с И. В. Болдиным по поводу наступления в районе Зайцевой горы. Создается впечатление, что собеседники уже знали директиву Ставки о грядущем переходе войск 50-й армии с 26 апреля к обороне, поэтому Г. К. Жуков, хотя и высказывал претензии к командующему этой армией, но делал это достаточно примирительно.

И. В. Болдин доложил, что «противник перешел в контрнаступление... и в данное время идет напряженный бой. Противник ведет всю ночь сильный артиллерийский и минометный огонь, главным образом минометный. Около 20.00 23.04 противник в направлении контрнаступления применил группами 10-18 самолетов».

Г. К. Жуков ограничился несколькими конкретными указаниями:

«Не знаю, как у вас, но у меня вывод напрашивается определенный. Противник выхватил у вас инициативу, вы отбиваетесь, противник вам наносит удары, противник свободно маневрирует

на участке Калугово, Бельская, вы находитесь в 1000–2000 метрах от шоссе, не организовали систему огня по этому участку шоссе для полного запрещения всякого маневра вдоль шоссе. Организовать немедленно систему минометно-артиллерийского огня и дальнего пулеметного огня. По этому участку не должно быть допущено движения транспортов противника. Для этой задачи назначить твердый лимит боеприпасов, которые должны быть обязательно применены по участку Варшавского шоссе, особенно на участке Екатериновка, Строевка. Вы доложили о принятии мер к недопущению противника в район Фомино-1, вы должны думать не только о Фомино-1, а и о тех рубежах, которые сейчас занимает армия. Самое опасное для вас это растерянность командиров перед наступающим противником».

Опять зашла речь о доставке боеприпасов. Когда И. В. Болдин информировал, что «за истекшие сутки ничего не подошло», командующий Западным фронтом сказал ему о трудностях в обеспечении боеприпасами, которые испытывают все фронты:

«Я считаю, вы должны крепко наказать прохвостов, по вине которых взлетело в воздух 10 000 мин, за то, что они держали сосредоточенно такие большие запасы. Надо быть чудачком, чтобы не понимать, как трудно получить нам 10 000 мин».

Г. К. Жуков отметил еще одно упущение, которое касалось работы штаба армии. Он спросил:

«В чьих руках отметка 235.7?»

Болдин: В наших руках. Бой идет в лесу севернее, западнее отметки 235.7.

Жуков: Значит, вас противник отбросил от этого леса, он был в ваших руках.

Болдин: Лес в наших руках не был. Однажды было доложено, что этот лес занят нашими частями, а когда я послал проверить, это не подтвердилось.

Жуков: Штаб доносил. Упорядочите дело в штабе.

Болдин: Один раз штабом было донесено.

Жуков: Больше не требуется доносить как один раз».

Возможно, это замечание Г. К. Жукова объясняет характеристику, которую дал И. В. Болдин И. Т. Гришину 25 апреля 1942-го года:

«Тов. Гришин в армию прибыл в конце марта 1942-го года с должности командира стрелковой дивизии.

Решительный, инициативный, добросовестный командир. Штабной работой тяготится, но добросовестно ее исполняет. Отдельные пробелы в работе старается срочно устранить

Должности начальника штаба соответствует».

29 апреля И. В. Болдин доложил Г. К. Жукову о точном выполнении его указания:

«Движение по Варшавскому шоссе на участке леса севернее Строевки, Екатериновки воспрещается артиллерийским огнем».

На этом донесении командующий Западным фронтом наложил резолюцию:

«Товарищу Болдину. Товарищу Сталину нужно доносить тогда, когда у вас наступательный или оборонительный бой. Тогда, когда у вас спокойно, доносить не следует, чтобы не загружать линии связи».

Наступление 50-й армии в районе Зайцевой горы в марте-апреле 1942 года без должной поддержки артиллерии, танков, авиации обернулось большими потерями для стрелковых дивизий. Фельдмаршал Монтгомери высоко ценил роль пехоты во второй мировой войне. Он писал: «Несмотря на существенное значение, которое имеют в бою самолеты, артиллерия и танки в современной войне, однако, по моему мнению, солдат-пехотинец в конце концов играет решающую роль в битве на земле. Пехота – это самый многосторонний из всех видов оружия, он может действовать в любую погоду в любой местности. Солдат-пехотинец сражается днем и ночью, имея небольшой отдых и без полноценного сна».

Можно добавить к этим словам Монтгомери, что солдат-пехотинец воюет и без танков, и без артиллерии, и без авиации, но ценой собственной жизни.

Слова участника боев на Зайцевой горе О. М. Обухова: «Да, с точки зрения солдата я могу сказать, что здесь под Зайцевой горой и Фомино-2 было проявлено массовое мужество. Мужество в том, что не изменили себе, когда остались ни с чем».

По данным А. Ильюшечкина и М. Мосягина, части 50-й армии в направлении главного удара потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести от 50 до 70% личного состава.

Некоторые военные теоретики, как, например, Карл фон Клаузевиц, считали «истиной» войны то, что «военный гений» «в отличие от обычного солдата... должен использовать свой разум, чтобы не поддаться страданиям, вызванным массовыми убий-

ствами на поле боя». И. В. Болдин и И. Т. Гришин так не думали. Они использовали возможности, предоставленные периодом обороны, для интенсивного обучения частей 50-й армии навыкам боя, чтобы избежать неоправданных потерь.

Уже на следующий день после получения директивы о переходе к обороне, 27 апреля издается приказ по 50-й армии № 0063 «О слабом самоокапывании войск и маскировке войск, о создании отсечных позиций»:

«За последнее время от налетов вражеской авиации наши войска имеют значительные потери в людском и конском составе, а также и в материальной части. Ужасные потери войска несут исключительно от халатно-преступного отношения к вопросам самоокапывания и маскировки войск от воздушного и наземного наблюдения.

К 01.05.42 произвести полное самоокапывание войск, для чего во всех стрелковых подразделениях отрыть окопы полного профиля, соединив их с ходами общения, пулеметные гнезда ЧП и щели сделать с противоосколочными перекрытиями, тщательно маскируя их».

Свои выводы по поводу неудачного наступления 50-й армии в марте-апреле 1942 года сделало и командование Западного фронта. 27 июня 1942 года появился приказ № 0522 с объявлением приговора Военного трибунала Западного фронта по делу бывших должностных лиц тыла и снабжения 50-й армии за срыв снабжения 50-й армии и неподготовленности военных дорог:

«В соответствии с приказом НКО от 9 мая 1942 года № 0362 были преданы суду: начальник тыла 50-й армии Западного фронта генерал-майор интендантской службы Сурков, военный комиссар управления тыла армии старший батальонный комиссар Нарышкин и начальник отдела продовольственного снабжения той же армии интендант I ранга Захарьев.

По тому же делу были привлечены к ответственности и преданы суду за срыв снабжения 50-й армии и неподготовленность армейских дорог к весенней распутице начальник организационно-планового отдела управления тыла полковник Комлев, начальник автодорожного отдела военинженер I ранга Самошенков, начальник отдела ГСМ военинженер I ранга Лисицын и начальник отделения (по хлебопечению) продовольственного отдела военинженер 2 ранга Хохлов.

Военным трибуналом Западного фронта перечисленные лица осуждены: Сурков, Нарышкин и Комлев — к расстрелу; Захарьев, Самошенков и Хохлов — каждый на 10 лет лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. Все осужденные лишены воинских званий.

Настоящий приказ объявить всем работникам органов тыла и снабжения Красной Армии до дивизионных включительно, а также командирам, их помощникам по снабжению и начальникам служб отдельных частей».

В приказе НКО № 0483 от 15 июня 1942 года всем перечисленным лицам объявлялся 10-летний срок лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий».

Подпись: Заместитель Народного комиссара обороны генерал-лейтенант интендантской службы Хрулев.

Первая половина мая месяца оказалась для наших войск довольно беспокойной. Немцы старались держать в напряжении части 50-й армии. Об этом свидетельствуют сводки, которые командование армии посылало на самый верх. Например, от 6 мая 1942-го года:

«Сов. Секретно. Особо важно.
Товарищу Сталину.

Командующему Западным фронтом т. Жукову.
Члену Военного Совета т. Булганину.

Боевой донесение № 40, Штарм 50, Действующая армия, 21.30. 6. 5. 42, карта 50.000 и 100.000.

1. Армия в течение ночи и дня на участке ФОМИНО-1, выс. 269,8, отм. 229,8 и 237,5 вела напряженные бои частями 58-й, 298-й и 336-й стрелковых дивизий, с перешедшим в наступление противником. В результате контратак наших частей, к 19.00 6.5 положение на всех участках восстановлено и части занимают прежний рубеж. На остальных участках фронта продолжали удерживать занимаемые рубежи, вела редкий артиллерийско-минометный огонь, инженерно-оборонительные работы и продолжали боевую подготовку по боевому сколачиванию войск.

2. Противник силою до 1000 человек, в 6.45, после сильной артиллерийской подготовки во взаимодействии с боевой авиацией перешел в атаку на участке: (иск) отм. 229,8, отм. 235,7 из района леса сев.— западнее и южнее отдельного хутора, 2 км. юго-зап.

ФОМИНО-1. В результате боя 6.5, понеся большие потери в живой силе, противник отошел в лес юго-вост. АЛЕКСАНДРОВКА. На остальных участках фронта противник активности не проявлял.

3. Авиацией противник в первой половине дня группами 10-17 самолетов, 3-4 раза бомбардировал боевые порядки наших войск.

4. ВВС армии в период с 7.20 до 9.00 произвели два самолето-вылета на прикрытие боевых порядков наземных войск.

5. Готовность инженерно-оборонительных работ: 1-я очередь – 83%, 2-я очередь – 48%, 3-я очередь – 20%.

6. Обеспеченность боеприпасами войск армии: артснарядами – 0,8 бк (боекомплекта – ред.), минами – 0,9 бк,

7. На доукомплектование частей армии, к 17.00

8. Армия продолжает выполнять директиву № К/236.

Болдин, Сорокин, Гришин

С телеграфной ленты верно: МАЙОР (БУРЧЕНКОВ)

Отп. 2 экз.

Печ. Белоногова».

Вторая половина мая выдалась более спокойной. Сводка: «10.05 к 13.00. В течение дня продолжали инженерно-оборонительные работы, проводили занятия с личным составом по боевой подготовке».

Сводка: «18.05 13.00. Войска 50-й армии продолжали оборонять прежний рубеж, вели инженерно-подготовительные работы, ремонт и восстановление путей подвоза и эвакуации.

На отдельных участках фронта редкая ружейно-пулеметная и минометная перестрелка».

Благодаря этой паузе, в боях к 24 мая 1942 года вырыли 1675 окопов, устроили 488 огневых точек для станковых пулеметов, 583 окопа для минометов, 266 окопов для артиллерии, 5560 погонных метров проволочных заборов и 3370 погонных метров оплели колючей проволокой, построили 159 наблюдательных пунктов, вырыли 1256 стрелковых ячеек и 18224 погонных метров ходов сообщения.

В июне объем работы штаба 50-й армии по устранению недостатков, имевших место при наступлении в первые месяцы 1942 года, увеличился.

8 июня издан приказ № 075 по управлению тылом:

«Для улучшения содержания эксплуатаций дорог, находящихся на территории армии и обеспечению своевременного ремонта их

1. На участках жердевых дорог обеспечить эксплуатационный запас жердей на каждый километр по 500 штук и кольев 50 штук;

2. Завезти песчано-гравийный материал для подстилки по 100 куб. м. на каждый километр;

3. На участки булыжной мостовой завезти по 50 куб. м. на каждый километр;

4. На участках гравийных дорог для ремонта завезти не менее 100 куб. м. на каждый километр песчано-гравийного материала».

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

Восьмого же июня штабом армии получен приказ командования Западным фронтом по использованию боевых танков:

«Некоторые заместители командиров по танковым войскам продолжают отсиживаться во втором эшелоне, посылая вместо себя в первый эшелон своего заместителя по боевому использованию боевых танков или начальника первого отделения. Боевой деятельностью танковых соединений не руководят и взаимодействие танковых войск с авиацией, артиллерией и пехотой не организуют.

Приказываю:

— лично на зам. командующего по танковым войскам возлагаю полную ответственность за проведение организации взаимодействия танков с авиацией, артиллерией, пехотой и саперами перед боем и во время боя;

— не допускать ввода в бой танковых войск наспех, без тщательной разведки местности и противника, на подготовленную противотанковую оборону противника без орудий танковой поддержки, без прикрытия с воздуха, без инженерного обеспечения танков и при неготовности к взаимным действиям одного из родов войск».

Исходя из этого документа, командование 50-й армии издает инструкцию: «...Провести совместные занятия командиров танковых войск, пехоты и артиллерии, согласно прилагаемого плана».

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

План подписан только И. Т. Гришиным:

«Занятия с 21 по 22. 06. 42 на местности. Перед началом занятий 1 час — вводная лекция об основах взаимодействия родов

войск в общевойсковом наступательном бою. Все последующие занятия – групповые с элементами односторонней военной игры на местности».

11 июня приказ «О повышении квалификации командиров интендантской службы»:

«Приказываю

1) Начальнику управления тыла армии а) проверить систематическую подготовку интендантов, начальников продфуражного снабжения, начальников вещевого снабжения и завделопроизводством соединений; б) первый трехдневный сбор по подготовке командиров интендантской службы соединений провести в период с 22 июня по 1 июля 1942 года.

2) Разработать программы подготовки командиров интендантской службы и не позднее 20 июня представить мне на утверждение».

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

В тот же день приказ № 088 действующей армии «О расширении мероприятий по созданию ложных сооружений, макетов в расположении войск 50-й армии» – ложных батарей, ложных наблюдательных пунктов, ложных огневых точек и даже ложных бойцов (чучел), которые привлекают артиллерийский обстрел и бомбежку авиации противника.

Конечно, приказы – не увлекательное чтение, но без ознакомления с ними не понять, какую большую работу проводили штабы в период между боевыми действиями.

Приказ от 13 июня № 89 «Об организации проверки состояния и боевой готовности артиллерийского и минометного вооружения»: «Организовать и провести просмотр технического состояния вооружения во всех частях и о результатах осмотра донести мне 12 июля 1942 года».

Подписи: Болдин, Гришин.

Приказ издан на основании приказа НКО № 0431 от 28 мая 1942 г., в котором указаны недочеты в хранении, эксплуатации и сбережении артиллерийского и минометного вооружения.

Приказ от 16 июня № 090:

«Проверкой организации и хода учебы в учебных батальонах установлено, что командиры и комиссары дивизий недооценивают и не достаивают должным вниманием подготовку младших командиров, учбаты полностью не укомплектованы, личный со-

став отобран не тщательно, в постановке учебы имеется ряд недопустимых недостатков.

В планировании учебы: 1) разнорядностью в сроках обучения; 2) отсутствие единой программы; 3) неправильное распределение учебных часов по дисциплинам.

В организации: командный состав плохо готовится к занятиям, младший командный состав не инструктируется накануне занятий. Командир учебной роты не контролирует ход учебы. В результате указанного расходуется дорогое время.

Дисциплина и внешний вид: Дисциплина в учебной роты слаба, а требовательность командного состава недостаточна. Курсанты неопрятны, не подтянуты. Строевая выучка плохая. Не умеют приветствовать, обращаться к начальнику, командирские навыки не развиты.

Приказываю:

1. Срок службы установить в учебных батальонах 30 дней, 360 учебных часов.

2. При прохождении программы особое внимание уделить тактической и огневой подготовке, на привитие курсантам командирских навыков, выработке командного языка, строевой выучки и воспитания стойких, дисциплинированных младших командиров, до конца преданных Советской Родине.

3. Начальнику отдела боевой подготовки в целях устранения разнорядности в подготовке и кустарничанья в составлении программ разработать и представить на мое утверждение 16.06.42 программу боевой подготовки учебных рот.

Далее в приказе перечислялись взыскания на отдельных лиц за плохую подготовку и организацию занятий в 116-й, 344-й, 413-й стрелковых дивизиях, а командиру 336-й стрелковой дивизии генерал-майору Кузнецову и полковому комиссару Выборных объявлялась благодарность «за правильную постановку обучения», а командирам учебных батальонов «за умелую организацию и постановку четкого порядка и дисциплину» вручались ценные подарки.

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

В тот же день 16 июня в приказе № 094 «О результатах проверки состояния вооружения в 11520-м стрелковом полку 344-й стрелковой дивизии» констатируется, что вооружение находится в хорошем состоянии и приведено в боевую готовность. Командиру и

комиссару объявлена благодарность, а начальнику артснабжения полка вручен ценный подарок.

Эти приказы отдавались не ради проформы. Каждый раз проводилась проверка их исполнения и делались соответствующие выводы. Для примера приведем приказ от 18 июня № 85 «Об итогах проведения занятий с начсоставом стрелковых дивизий и танковых бригад в период со 2 по 5 июня 1942 г.»:

«Проведенные занятия с начсоставом дивизий, полков и батальонов показывают:

1. Оборона имеет очень много недостатков. Окопы отрыты плохо, не замаскированы, огневая связь с соседней огневой точкой в ряде мест отсутствует, дальность обзора и обстрела недостаточна;

2. Командиры батальонов, полков своих соседей не знают, с ними не встречались, огонь на стыках не организовали. Эти же командиры не знают, кто их поддерживает, связи с поддерживающими частями не установлено, взаимодействие не продумано;

3. Оборона до сего времени мало развита. Глубина незначительная, и мер к ее развитию не принимается. Блиндажи и так называемые ДЗОТы не имеют достаточной прочности, проводочных препятствий мало. Ходов сообщения, как правило, нет. Стрелковые и отчетные карточки отсутствуют;

4. Командно-начальствующий состав, оценивая обстановку и уясняя свою задачу, забывают о задаче вышестоящей части или соединения, не учитывают задачи соседей;

5. Отсутствует глубоко продуманный план обороны и элементы хитрости в ее организации;

6. Беспомощность и медлительность при принятии решений;

7. Недостаточная отработка вопросов взаимодействия между пехотными, артиллерийскими и минометными начальниками в процессе оборонительного боя, в особенности в глубине обороны;

8. Стремление строить управление боем на технических средствах связи (телефон), слабое использование радики, средств сигнализации и подвижных средств связи;

9. Недостаточное знание командирами своих наличных и штатных средств и их возможностей, тактико-технических данных своего оружия;

10. Не отработаны в достаточной мере навыки и умение ведения боя в окружении;

11. Тенденция начсостава к преждевременному вводу в бой своих вторых эшелонов, и что, собственно, плохо – ввод их по частям;

12. Занятия показали очень слабый тактический уровень знания командиров рот и батальонов;

13. В учебных батальонах дивизии обучение поставлено плохо. Вместо тщательной отработки тактических задач и тактических упражнений с бойцами на местности и так, как будет в бою, большую часть времени уделено словесности.

Приказываю:

1. Командирам и комиссарам дивизий, (бригад), артполков, РГК в кратчайший срок изжить все вскрытые недостатки в подготовке начсостава, максимально использовать имеющееся время. Лично поверить;

2. Основное внимание уделять решению практических боевых задач на местности: техника перебежки и переползания, выбор стрелковой позиции, решение стрелковых и тактических задач, систематическая тренировка в самоокапывании и маскировки подручными средствами... В период 13-14 июня провести повторные занятия с начальствующим составом (в две очереди) на тему «Ведение оборонительного боя при прорыве противником переднего края обороны пехотными и танковыми войсками при поддержке авиации».

Рукою И. Т. Гришина дописано: «с 11-12 проводить занятия по теме «Наступление на оборонительном этапе».

Подписи: Командир 50-й Болдин, бригадный комиссар член Военного совета Сорокин, нач. штаба генерал-майор Гришин.

В свою очередь штаб занимался исправлением собственных недочетов, на которые указывало командование Западного фронта. Так, после проверки 10-й армии и 146-й стрелковой дивизии 50-й армии командование фронта пришло к выводу, что «штабы и командиры изучают противника слабо, точных данных о группировках, стыках и оборонительных сооружениях не имеют, опыт прошлых боев используют мало. Планы ведения оборонительного боя в штабах полков и дивизий отсутствуют. Пехотные огневые средства не в полной мере приспособлены к ночной стрельбе, к ведению огня по зенитным целям. Состояние воинской дисциплины

плины остается по-прежнему на низком уровне. Внешний вид бойцов и даже командиров остается неряшливым. Резко выделяется в худшую сторону по состоянию воинской дисциплины 146-я стрелковая дивизия. Плохо поставлена караульно-комендантская служба в 146-й стрелковой дивизии».

Проверялось состояние питания во всех армиях фронта и, в частности, нашли в 344-й дивизии 50-й армии, что 17, 18 и 19 мая ежедневно не добавляли по 6,5 грамм мяса, вместо 140 грамм крупы выдавали 100 грамм. Последовал строгий приказ «ликвидировать все недочеты в вопросе питания личного состава, во всех частях фронта горячую пищу обязательно готовить не менее двух раз в сутки, причем обед из двух блюд и 1-2 раза в сутки чай».

Но кроме этих частных указаний, командование Западного фронта направляло общие директивы, обязательные к исполнению. Директива, подписанная Жуковым, Булганиным, Соколовским, обращала внимание на повышение качества разведки:

«В итоге разведывательных усилий всех родов войск и штабов, к моменту принятия окончательного решения на наступление, командиры должны иметь хорошо отработанные разведывательные схемы или карты крупного масштаба. Такие схемы заблаговременно за 2-3 дня до начала боя рассылаются до командира батальона включительно... Во все периоды боя обязанностью командиров и штабов является не только поставить задачу и организовать разведку, но и непрерывно следить за ее работой и выполнением поставленных задач. Ставить дополнительные задачи на разведку в ходе боя и своевременно реагировать в соответствии с полученными данными от разведки.

Штабы обязаны организовать сбор данных от всех видов разведки, в том числе и от специальных родов войск, своевременно обработать и доложить командиру».

Насколько широкие задачи ставились перед штабами свидетельствует приказ войскам Западного фронта от 21 июня 1942-го года «О развертывании рационализаторской и изобретательской работы в войсках фронта»:

«Задачей изобретателей и рационализаторов в военное время является усовершенствование имеющегося вооружения, создание новых средств борьбы и вооружений, а также усовершенствование организации управления войсками на поле боя, особенно в низшем звене.

Опыт войны показал, что изобретательская и рационализаторская инициатива бойцов, командиров, политработников оказывает эффективную помощь командованию войсковых частей в решении боевых задач.

Приказываю:

1. Организовать работу в войсках фронта в соответствии с приказом НКО № 147—38 г.

2. Собрать новые образцы средств и приемы борьбы, примененные на участках фронта. Предложения и изобретения, давшие боевой эффект, в целях общей информации и обмена опытом, направить в Отдел боевой подготовки фронта и начальнику Управления фронта соответствующего рода войск.

3. Назначить комиссии по изобретательству в войсках к 1 июля 1942 года согласно приказа № 147 под председательством начальника артснабжения или начальника по технической части.

4. Выделить в Управлениях и Отделах фронта и армий организаторов по изобретательству.

5. Начальникам Управлений, Отделов фронта дать темы по изобретательству и рационализации и разослать в соединения и части к 1 июля 1942 г.

6. Редактору газеты «Красноармейская правда», а также редакторам армейских газет систематически освещать работу рационализаторов и изобретателей».

Подписи: Жуков, Булганин, Соколовский.

Поступали директивы из Генерального штаба. Так, Иван Тихонович Гришин получил 29 июня следующее указание:

«Несмотря на богатый опыт, приобретенный Красной Армией в период Великой Отечественной войны, не все командиры уделяют должное внимание организации работы командования и штабов по управлению войсками в бою. До настоящего времени в первом эшелоне штаба на КП продолжают находиться люди, не имеющие непосредственного отношения к руководству боем (корреспонденты различных газет, работники прокуратуры, трибунала, тыловых учреждений и др.), которые отвлекают командование и командиров оперативных групп от руководства войсками; передачей своих документов загружают боевую связь, демаскируют КП своими машинами и излишним хождением. Для устранения указанных недостатков, создания нормальной и организованной работы в штабах по руководству боем приказываю:

В первом эшелоне штаба на КП должны находиться только командование и лица, непосредственно связанные с управлением боем – оперативный, разведывательный, шифровальный отделы, начальник политотдела с одним-двумя инструкторами, начальник артиллерии с двумя-тремя командирами, начальник тыла с одним командиром. По мере необходимости начальник служб и родов войск: узел связи и охраны и все остальные командиры должны находиться во втором эшелоне штаба. Второе: боевую связь по линии командных пунктов использовать только для передачи боевых приказов и распоряжений, исходящих из отделов первого эшелона штаба. Все остальные распоряжения и указания нижестоящим штабам передавать по связи вторых эшелонов штабов. Третье: в период проведения активных действий нашими войсками управление вести в штабах 729, 720 и 726 с вспомогательных пунктов управления. На вероятных направлениях, где могут развертываться боевые действия, заблаговременно по указаниям командования оборудовать вспомогательный пункт управления, связав его с командными пунктами нижестоящих командиров. Наметить строго ограниченное количество командиров, которые должны выезжать с командованием на вспомогательный пункт управления».

Подписи: начальник Генштаба Красной Армии генерал-полковник Василевский, военный комиссар дивизии комиссар Бокков.

На основе этой директивы командование 50-й армии издало приказ № 87 действующей армии:

«Приказываю:

В первом эшелоне штаба армии (на КП) оставить ограниченное количество отделов и лиц в них, согласно прилагаемого при этом расчета. Все остальные отделы и лица разместить во втором эшелоне.

Ведение прямых телеграфных и телефонных переговоров с КП соединений и отдельных частей разрешаю только командирам оперативного отдела и начальникам отделов, размещающихся на КП (первый эшелон).

Подписи: Болдин, Гришин.

К приказу приложен расчет размещения 1-го эшелона (КП полевого управления армии):

1. Военный Совет	6 человек
2. Штаб армии	
а) начальник и комиссар штаба	2
б) оперативный отдел	22
в) разведывательный отдел	12
г) отдел укомплектования	—
д) 6-й отдел	6
е) административно-хозяйственный	4
ж) комендатура штаба	2
3. Политотдел армии	2+1
4. Особый отдел	3
5. Прокуратура	1
6. Военный трибунал	1
7. Начальники отделов, родов войск и служб	
а) отдел боевой подготовки	
б) отдел кадров	-
в) отдел ПВО	2
г) управление тыла	-
д) артиллерийское управление	2+1
е) отдел АБТ	2+1
ж) инженерный отдел	1+1
з) отдел связи	10
и) хим. отдел	1
к) отдел снабжения горючим	-
л) интендантский отдел	-
м) санитарный отдел	-
н) отдел ветеринарный	-
о) финансовый отдел	-

Подпись: Гришин.

Генштаб наводил порядок в документации. В штаб 50-й армии пришло следующее указание относительно того, как составлять оперативные сводки. Она «должна отвечать на следующие вопросы: первое, что произошло на фронте и какое изменение в расположении войск фронта за ночь, второе, что начали делать войска и должны начать с утра. В информации на 15.00 освещать предварительные итоги за первую половину дня до 12.00. Вечерняя сводка должна дать положение частей к 18.00, а боевое донесение к 20.00. Желательно, в оперативных сводках не повторять то, что

уже известно, а ограничиваться положением таких-то частей без изменения. Сводка должна характеризовать картину боевых действий войск к моменту составления сводки, потери в людях и в материальной части и предварительные данные о трофеях. Прошу по возможности боевое донесение передавать не позднее 23.30 и заканчивать передачу. Если почему-либо представления донесения задерживаются, то прошу доносить причину задержки».

Подпись: генерал-майор Тетешкин.

По прямому проводу начальникам штабов фронтов и отдельных армий поступила директива о необходимости изучению опыта боевых действий:

«С получением сего прошу выслать в Генштаб Красной Армии (отделу по использованию опыта войны) инструкции, указания, памятки и прочее по боевому применению войск и организации их взаимодействия, изданные фронтом (армиями) по опыту Отечественной войны. В дальнейшем такого рода документы, а также описание отдельных операций, боев и обобщения по тактике и вооружению противника, представлять в Генштаб (отделу по использованию опыта войны) систематически по их разработке и изданию».

Подписи: Ватутин, Боков.

На основании этой директивы начальник штаба Западного фронта отправил лично И. Т. Гришину следующее задание:

«Изучение опыта войны в большинстве штабов армий организовано неудовлетворительно. Вам надлежит организовать эту работу и в кратчайший срок закончить описание следующих операций.

Бои 50-й армии за Варшавское шоссе в районе Фомино-1, Прасолово. Каменка в марте—апреле 1942 года. Срок — 15 июля.

Калуга-Юхнов (наступательные действия армии с перегруппировкой в сторону одного из флангов). Срок — 1 августа.

В указанных описаниях обязательно дать выводы:

1. по организации взаимодействия войск в условиях зимы и весенней распутицы;
2. по боевому применению родов войск в условиях зимы;
3. по организации и ведению боя за укрепленные пункты противника;
4. по организации и устройству тыла».

Подпись: генерал-майор Голушкевич.

Сохранилась отметка о посылке в Генштаб Красной Армии начальнику отдела по использованию опыта войны генерал-майору Вечному следующего документа:

«Представляю описание операции 50-й армии по овладению Варшавским шоссе на участке Фомино-1-я, Каменка с 23.03.42 по 27.04.42».

Подписи: начальник штаба Гришин, начальник оперативного отдела полковник Рак.

К сожалению, само описание не удалось разыскать.

Возможно, в связи с обобщением боевого опыта возникла идея написать историю 50-й армии. 23 июля 1942-го года издается приказ № 0105 :

«50-я армия участвовала в разгроме гитлеровцев на дальних подступах к Москве, героически обороняла пролетарскую Тулу, громила танковые полчища Гудериана, очистила от фашистской мрази центр мировой культуры – Ясную Поляну, штурмом заняла Калугу, освободила от немецких захватчиков сотни населенных пунктов.

Создание боевой истории 50-й армии, на которой будут воспитываться новые кадры бойцов, командиров и политработников является неотложной и важнейшей политической задачей. История армии должна запечатлеть все основные боевые действия, ярчайшие события и эпизоды, самые героические подвиги бойцов, командиров и политработников.

К составлению боевой истории должны быть привлечены бойцы, командиры и политработники, прошедшие боевой путь 50-й армии.

Назначаю комиссию в составе:

Председатель комиссии – комиссар Головкин. Два заместителя – батальонный комиссар Мартынов, полковник Кузовков.

Подготовка к печати 1-го тома (август 41 – март 42)».

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

В июле 1942-го года 50-я армия предпринимала наступательные действия, но без особенного успеха. Так, в боевом донесении № 108 командованию Западного фронта сообщалось, что 12 июля лишь части 116-й стрелковой дивизии со 108-й танковой бригадой овладели селениями Павлово, Шахово, остальные части встречали упорное сопротивление: «противник на фронте ударной группировки армии, опираясь на минные поля, проходящие,

как правило, обратным скатом и в несколько рядов, сильно заросшие и трудно обнаруживаемые, плотно прикрытые ближним огнем, упорно сопротивляется, переходя в частые контратаки, на центральном участке противник отразил все атаки наших разведывательных отрядов сильным огнем».

Штаб армии находил внутренние причины малой успешности боевых действий с тем, чтобы вести работу по преодолению их. В записке оперативного отдела армии указывались, в частности, что «система обороны противника, его огневые средства и заграждения не были изучены», «предположение, что у противника только одно минное поле, привело к тому, что пушенные через разминированное поле танки наскочили на второе и затем третье минное поле, понеся при этом значительные потери, 136 действующих танков подорвались на минах». На уровне батальонов имело место «неумелое и безынициативное руководство», «все три командира батальона 656-й стрелковой дивизии, наступавшего на Шахово, находились в одном блиндаже, откуда ответственно руководить боем не могли, и поэтому бой развивался стихийно, и его успех не получил своевременного развития». В очередной раз проявилось «неумение пехоты закрепляться... Павлово было взято и вскоре отдано только потому, что подразделения 401-го стрелкового полка не сумели закрепиться в нем». Организация артиллерийского огня также имела ряд недостатков. «Слабая подготовка командиров взводов управления, разведчиков и наблюдателей в быстроте обнаружения и точного определения местоположения целей замедляло подавление этих целей и вызывало лишний расход боеприпасов». Далее: «Отряды разграждения использовались неправильно. Вместо заблаговременного выбрасывания их перед началом наступления (ночью), они выдвигались одновременно с наступающей пехотой, и пехота залегала у проволочных заграждений и минных полей, ожидая, когда будут проделаны проходы, неся при этом излишние потери». К тому же «неправильно ставилась задача отрядам разграждения проделывать на участке наступления 2-3 прохода шириной 60-80 сантиметров вместо того, чтобы делать большее количество проходов по 4-6 метров».

Обстановка, сложившаяся в этот период на фронтах, требовала улучшения качества дисциплины и боевой подготовки. Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» так характеризовал положение дел в этот период:

«В результате потери Крыма, поражения наших войск в районе Барвенково, в Донбассе, под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ».

Более драматически ситуация в стране описывалась в известном приказе наркома обороны № 227 о мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещения самовольного отхода с боевых позиций от 28 июля 1942-го года:

«После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллиона металла в год. У нас нет теперь уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и вместе с тем и нашу Родину».

Верховный главнокомандующий видел выход в установлении в Красной Армии «строжайшего порядка и железной дисциплины».

«Отныне, — говорилось в приказе, — железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины».

И. В. Сталин призвал учиться методам укрепления дисциплины у противника: «После своего зимнего наступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им испустить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки

фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возыме-ли свои действия, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем мы дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом нам ними победу?

Я думаю, что следует».

Исходя из этого, Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывало военным советам армий и прежде всего командующим армиями первое, «безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии и, направлять их в военный совет фронта для предания военному суду», второе, сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной, третье, «сформировать в пределах армий от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Приказ следовало прочесть «во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах».

Соответственно командование Западного фронта издало приказ № 0627 по реализации приказа товарища Сталина и получило следующее донесение от командования 50-й армии:

«Командующему Западным фронтом тов. Жукову, члену Военного Совета тов. Булганину.

На Ваш № 0627 докладываю:

В первый же день работы по реализации приказа товарища Сталина директива Военсовета фронта разъяснена всем командирам, комиссарам и начальникам политотделов соединений, командирам и комиссарам отдельных частей армии.

Работа по доведению приказа до личного состава проводилась и проводится в соответствии с директивой Военсовета фронта. Случаев нарушения установленного порядка не было. До всех командиров, политработников и красноармейцев приказ НКО доведен под расписку. Незначительная часть людей находилась в командировках, в отдельные соединения прибыло пополнение. С этой категорией военнослужащих также проведена соответствующая работа и приказ доведен под расписку каждого бойца и командира. В частях имеются красноармейцы различных национальностей, не владеющие русским языком. Для разъяснения приказа среди них подобрана и проинструктирована специальная группа командиров и хорошо подготовленных красноармейцев соответствующих национальностей, знающих русский язык.

Командиры и политработники продолжают партийно-политическую боевую работу по реализации приказа НКО № 227».

Подписи: Болдин, Рассадин, Гришин.

1 августа командование Западного фронта издало директиву 0626 об

1. Немедленно приступить к формированию заградительных отрядов и закончить их организацию во всех армиях по одному отряду к утру 5 августа и дополнительно два отряда к 10-му августа. Отряды в исполнении приказа НКО № 227: сформировать по существующим штатам стрелковых рот и укомплектовать командным составом, персонально отобранным и утвержденным Военсоветом армии. Указанные отряды хорошо вооружить, использовать на их вооружение в качестве ручных пулеметов переделанные на автоматику винтовки СВТ.

2. Приступить немедленно к формированию штрафных рот. Отобрать и назначить командный состав и к утру 5-го августа во всей армии сформировать по одной штрафной роте. Развертывая дальнейшее формирование в соответствии с приказом НКО № 227 по мере надобности, руководствуясь при этом строгим и бес-

пошадным отношением к тем, кто подлежит направлению в эти штрафные роты.

3. Начальнику отдела кадров фронта генерал-майору Алексею оказать содействие в подборе командиров заградотрядов и проследить за правильным подбором командиров штрафных рот. Военным Советам армий о ходе исполнения настоящей директивы доложить.

Подпись: Жуков, Булганин

Первого же августа 1942-го года появился приказ по 50-й армии за № 1108 д.а.:

«В соответствии с приказом Наркома обороны т. Сталина от 28.07.42 № 227 приказываю:

1. Командирам 325 и 146 стрелковых дивизий немедленно приступить к формированию штрафных рот по штатам стрелковых рот. Формирование закончить к 05.08.42.

2. Командирам стрелковых дивизий штрафные батальоны ставить на наиболее трудные участки дивизии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной, как того требует приказ Наркома обороны т. Сталина.

3. По мере исправления и оправдания себя в боях или выполнения ими особо важных боевых заданий, бойцы и младшие командиры должны немедленно из состава штрафных рот отчисляться в свои подразделения для дальнейшего прохождения службы, со снятием судимости соответствующими организациями прокуратуры».

Подписи: Болдин, Сорокин, Гришин.

Как видим, в приказе командования 50-й армии предусмотрена процедура возвращения штрафников к их прежнему статусу.

Другой приказ наркома обороны, который имел большое значение для армии, № 306 «О совершенствовании тактики наступательного боя и о боевых порядках подразделений, частей и соединений». В нем пересматривались устаревшие пункты прежних уставов Красной Армии. Констатировалось, что поэшелонное построение боевых порядков в наступательном бою, густо эшелонированное в глубину, «не только не соответствует требованиям современной войны, но наносит еще вред, так как оно ведет к ненужным потерям, обрекает значительную часть войск на бездействие и лишает наши войска возможности обрушиться на противника всей силой всех огневых средств». Предлагалось «в основу построения боевых

порядков пехоты положить обязательное требование максимального и одновременного участия в бою пехоты и ее огневых средств от начала до конца боя. Отделение и взвод для боя развертывать в цепь. Интервалы между бойцами при движении 6-8 шагов. В стрелковой роте все взводы с началом наступления располагать в одном эшелоне. В зависимости от обстановки стрелковые взводы могут быть развернуты или в одну линию (все взводы рядом), или уступным порядком, например, один взвод впереди и два уступами за его флангами, но не в затылок головному, два взвода впереди и один сзади в интервале между ними. Стрелковые роты в батальоне развертывать также в одном эшелоне и в зависимости от обстановки вести их: или все роты в линию (рота с ротой рядом), или углом вперед (одна рота впереди и две роты на флангах головной роты), или углом назад (две роты в одной линии и одна рота сзади за интервалом между головными ротами), или уступом вправо (две роты в линии рядом и одна на уступе за правым флангом), или уступом влево (две роты в линии рядом и одна на уступе за левым флангом). Стрелковые батальоны в боевом порядке полка (бригады) развертывать: или все три батальона в линию, или углом вперед, или углом назад, или уступом вправо, или уступом влево. Стрелковые полки в боевом порядке дивизии располагать также в одном эшелоне (все полки к началу боя в боевой линии рядом один с другим).

Командирам батальонов, полков и дивизий предписывалось держать в своем распоряжении резервы, на направлении главного удара «кроме механизированных средств... иметь во втором эшелоне, в зависимости от состава ударной группы, по несколько дивизий (примерно — при наличии в армии 7 сд — 4 из них иметь в первом и 3 во втором эшелоне, при наличии 5-6 — три дивизии в первом эшелоне и две во втором). В зависимости от местности дивизии второго эшелона располагать в 7-12 км от боевых порядков дивизий первого эшелона».

В прежних уставах требовалось, чтобы командиры стрелкового взвода находились впереди своих боевых порядков и лично вели свои подразделения в бой. Теперь места командиров в бою определялись следующим образом; «командир отделения непосредственно в цепи своего подразделения, командир взвода, роты и батальона — за боевым порядком своего подразделения на месте, с которого каждый из них мог бы наблюдать за ходом боя как своего подразделения, так и на флангах соседей, видеть полностью свой боевой порядок и наблю-

дать за противником. Только в отдельных случаях боевой обстановки, когда все остальные способы воздействия на подразделение исключены, разрешать им выскакивать вперед перед боевым порядком и лично вести свои подразделения в бой. Командир полка и дивизии должен быть на командном пункте, там, откуда ему удобнее управлять боем и откуда он может наблюдать за полем боя и за действиями своего полка и дивизии, хотя бы на направлении главного удара».

Предполагалось усилить огневыми средствами пехоту на уровне роты и батальона. «Каждой роте передать из батальона взвод 50-мм минометов (три штуки). Окончательно закрепить за стрелковым батальоном роту 82-мм минометов (6 штук) ... Дополнительно ввести в штат стрелкового батальона взвод 45-мм пушек в составе двух орудий». Также в новых уставах повышалась роль залпового огня из винтовок, вводилась команда «Взвод (отделение, рота), по такой-то цели залпом, целиться туда-то, заряжай». «Взвод (отделение, рота), пли!»

Приказ наркома издан 8 октября 1942 года.

9 октября командование Западного фронта направило свой приказ за № 0186 командующим армий:

«1. Приказ наркома обороны № 306 изучить всем комсоставом и включительно до отдельного командира в пятидневный срок

2. Для изучения приказа провести: а) в армиях под руководством командарма с комдивами учение на местности с показом боевых порядков до полка включительно. Привлечь для этих показательных учений части, находящиеся в резерве армии и учебные батальоны дивизий;

б) в дивизиях — лично командиру дивизии аналогичные учения с комполками и комбатами. Порядок вызова комбатов определить в зависимости от обстановки очередями;

в) в полках под личным руководством комполка с ротными и батарейнными командирами;

г) в батальонах — лично комбат с комвзводами. Наглядно на местности с привлечением подразделений;

д) в ротах — лично комрот с младшим комсоставом с показом на местности, Младший состав комрот тренировать лично самим, твердо выполнять команды и все боевые порядки отделения.

3. В каждой части после предварительного изучения приказа комсоставом начать немедленно обучение войск новым боевым порядкам и применению их в действии.

4. Все подразделения, части, соединения, находящиеся в резерве, должны быть обучены новым боевым порядкам в недельный срок со дня получения приказа НКО.

5. О выполнении приказа НКО № 306 и настоящего моего приказа ежедневно доносить в боевых донесениях».

Подписи: Конев, Булганин, Соколовский.

10 октября командование Западного фронта получает донесение из 50-й армии, подписанное Болдиным, Рассадиным и Гришиным, в котором сообщается:

«В войсках армии с 09.10 с составом частей и подразделений приступил к изучению приказа НКО № 306. Во исполнение приказа 0186 войскам Западного фронта 13 и 14.10 провожу показательные учения с показом новых боевых порядков с командирами дивизий, бригад, отдельных частей и полков вторых эшелонов дивизий. Утвержден и опущен в войска план проведения показательных учений во всех звеньях командного состава армии».

16 октября вышел приказ наркома обороны «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». В нем давались указания о взаимодействии танковых соединений и пехоты:

«Отдельные танковые полки и бригады предназначаются для усиления пехоты на главном направлении и действуют в тесном взаимодействии с ней как танки непосредственной поддержки пехоты. Танки, действуя совместно с пехотой, имеют своей основной задачей уничтожение пехоты противника и не должны отрываться от своей пехоты более чем на 200-400 метров. В бою танковый командир организует наблюдение за боевыми порядками пехоты. Если пехота залегла и не продвигается за танками, командир танковой части выделяет часть танков для уничтожения огневых точек, препятствующих продвижению нашей пехоты вперед. Пехота для обеспечения действия танков должна подавлять всей мощностью своего огня, а также огнем орудий сопровождения противотанковые средства противника, разведывать и очищать минные поля, помогать танкам преодолевать противотанковые препятствия и заболоченные участки местности, бороться с немецкими истребителями танков, решительно следовать за танками в атаку, быстро закреплять рубежи, захваченные ими, прикрывать подвоз танкам боеприпасов, горючего и скрывать эвакуацию аварийных танков».

О взаимодействии артиллерии и танковых соединений:

«Артиллерия до выхода танков в атаку должна уничтожить противотанковые средства противника. В период атаки переднего края в глубине обороны противника подавлять по сигналам танковых командиров огневые средства, мешающие продвижению танков, для чего артиллерийские командиры обязаны руководить огнем артиллерии с передовых подвижных наблюдательных пунктов из радиальных танков. Артиллерийские и танковые командиры совместно устанавливают сигналы вызова и прекращения огня артиллерии. При появлении на поле боя танков противника основную борьбу с ними ведет артиллерия. Танки ведут бой только в случае явного превосходства в силах и выгодного положения».

Роль авиации: «Наша авиация своими действиями расстреливает танковую оборону противника, воспрещает подход к полю боя его танков, прикрывает боевые порядки танковых частей от воздействия авиации противника, обеспечивает боевые действия танковых частей постоянной и непрерывной авиаразведкой».

В конце 1942 – начале 1943 года в 50-й армии проводится несколько мероприятий по овладению новыми приемами наступательного боя в рамках разных образовательных программ. Сошлемся на приказ № 0146 д.а. от 12 ноября 1942 года:

«В последнее время в Полевом управлении и войсках недостаточно используются все возможности для практического выполнения приказа Наркома обороны т. Сталина № 130 по боевой подготовке комсоставов и штабов, занятия проводятся эпизодически, без плана и системы.

Приказываю:

В полевом управлении армии и соединений организовать с 18 ноября по 20 января 1943 года регулярные занятия с высшим, старшим комсоставом и штабами по прилагаемому тематическому плану и программе занятий.

Начальнику штаба армии и командирам соединений непосредственным руководством и помощью обеспечить

- а) регулярность занятий и их высокое качество;
- б) организацию материально-технической базы занятий;
- в) практическую помощь соединениям и штабам путем показа лучших методов подготовки в проведении учений войск и штабов;
- г) возможность индивидуальной подготовки комсостава, отстающего от общего уровня.

Занятия вести на базе изучения и восприятия боевого опыта Отечественной войны и глубоко изучить приказы №№ 306 и 325 как обобщение этого боевого опыта.

Занятия вести в соответствии с боевой обстановкой. Там, где по условиям обстановки, предоставляется возможность продлить это учение свыше 15 дней, распоряжением командиров соединений провести дополнительные занятия по слабо усвоенным темам.

О ходе занятий доносить через каждые 10 дней».

Подписи: Болдин, Гришин.

Вот боевые донесения И. Т. Гришина командованию Западного фронта с 9 по 11 декабря:

«В войсках армии проводились практические занятия по обучению подразделений новым боевым порядкам в наступательном бою по приказам № 306 и 124».

Другие боевые донесения от 13 и 14 декабря подписаны уже Болдиным, Рассадиным и Гришиным:

«В 146, 344, 413 и 69 стрелковых дивизиях проводились трехдневные сборы командиров».

Помимо руководства практическим освоением новых приемов наступления начальнику штаба приходилось давать отчет и о теоретической работе Генеральному Штабу по освоению опыта Великой Отечественной войны. О масштабе этой работы дает представление директива командования Западного фронта начальника штабов армий от 18 декабря 1942 года:

«Для включения в доклад Генеральному штабу Красной Армии данных о проделанной Вами работе по изучению, обобщению и использованию опыта войны, не позднее 23 декабря с.г. сообщить следующие сведения оперативному отделу фронта:

1. Какие проведены мероприятия по обеспечению выполнения директивы Генштаба № 1005216 и инструкции по изучению и использованию опыта войны.

2. В чем конкретно выразились улучшения работы по изучению опыта войны после получения этой директивы.

3. Сколько отработано за 1942 год обобщенных документов по изучению опыта войны и какие материалы находятся в разработке (приложить список с указанием — когда и кому разосланы).

4. Сколько издано и издается периодических документов — бюллетеней, брошюр, листов.

5. Сколько по использованию опыта войны издано директив, приказов, инструкций и по каким вопросам (указать основные документы).

6. Какие статьи написаны для центральной и фронтовой печати по вопросам изучения опыта войны в 1942 году. Какие темы освещались, особенно в центральной печати.

7. Какие темы разрабатываются по собственной инициативе для сборника по использованию опыта войны, когда будут закончены.

8. Сколько прочтено лекций или докладов по оперативно-тактическим вопросам и проведено занятий с комсоставом за 1942 год (количество и тематика).

9. Положительные примеры работы командиров по обобщению, анализу, доведению до войск и использованию боевого опыта.

10. Недостатки в работах по изучению опыта войны и предлагаемые мероприятия.

Все эти сведения выслать в указанный срок».

Подписи: Соколовский, Чирков.

Результаты боевой учебы предстояло проверить в Ржевско-Вяземской операции в марте 1943 года под кодовым названием «Суворов». Она носила своеобразный характер. Немцы после поражения под Сталинградом и прорыва нашими войсками блокады Ленинграда решили вывести свои армии с Ржевско-Вяземского плацдарма. Как сообщали пленные, взятые бойцами 50-й армии на допросах: «Отход объяснялся офицерами сокращением фронта и боязнью окружения в Вяземском мешке».

Вермахт планировал скрытно вывести свои части на новые рубежи обороны. Однако это не осталось тайной для Ставки ВГК, и 2 марта войска Калининского фронта, а 4 марта войска Западного фронта начали наступление с целью сорвать планомерный отход войск противника и нанести ему поражение. Но чем ближе к югу, к основанию Ржевско-Вяземского выступа, где находилась 50-я армия, действовавшая вместе с 49-й армией, тем позже начинали отход немецкие соединения, поскольку там скапливались части, уходившие с севера плацдарма, и новый рубеж обороны находился ближе, чем на северных участках.

Ф. Д. Панков утверждает, что гитлеровцы начали отводить войска на участке 50-й армии 11 марта. Но по донесениям Болдина

и Гришина, уже 8 марта части армии, взаимодействуя с 49-й армией, преследовали отступающих немцев с целью «отрезать пути отхода противника».

9 марта И. Т. Гришин сообщал в штаб фронта:

«Применяя широко минирование, заграждения, частые контратаки при поддержке арт. минометного огня противник пытался сдержать наступление частей с утра... Показания пленных: при отходе противник сохраняет благоустроенные блиндажи и постройки и оставляет в них сюрпризы, фугасы замедленного действия».

13 марта части армии овладели Фомино-1 и Фомино-2, за которые столько пролилось крови год назад, пересекли Варшавское шоссе. В донесении от 13 марта сообщалось:

«Противник в течение 13.03, продолжая выход на запад, отрядами прикрытия, усиленными артиллерией и минометами, сдерживал наступление наших войск левого фланга армии».

14 марта части Вермахта задержали продвижение наших войск взрывом плотины на озере Милятиновском, «в результате которого уровень воды Большая Ворона поднялся на расстоянии 1,5–2 километра, а ширина реки достигла 200 метров».

В донесении от 15 марта говорится, что «противник резко повысил сопротивление... в полосе наступления армии, отводя 3 пехотные дивизии (183, 267 и 31), создает большую плотность огня, широко использует частые контратаки, минные поля и заграждения, в ходе наступления наносит частям армии значительные потери в людском составе, особенно в 413 стрелковой дивизии, как действующей на главном направлении».

18 марта «в течение дня в полосе наступления армии выявлено до 11 артиллерийских и 5 минометных батарей, выпустившим по боевым порядкам наших войск до 4500 снарядов и мин».

19 марта подразделения армии вышли к Большой Каменке, где проходила новая линия обороны противника. В течение нескольких дней там шли бои. В донесении от 21 марта упоминаются погодные факторы, затруднявшие операцию: «Сильное снеготаяние, наличие в полосе действий войск армии большого количества разлившихся рек и ручьев, оттаивание грунта препятствует продвижению войск на поле боя, стесняет их маневр и особенно затрудняет передвижение и маневрирование танков и артиллерии».

В донесении от 24 марта оперативным отделом дается характеристика немецких частей, противостоящих 50-й армии:

«Характеризуя боеспособность и потенциал сопротивляемости частей 183-й и особенно 267-й пехотных дивизий и 10-й механизированной дивизии, надо признать их довольно высоким, что объясняется в первую очередь тем, что личный состав этих дивизий в основном составляют немцы в возрасте 21-28 лет. Эти части длительный период находились в обороне, физически не переутомлены и морально не потрясены длительными и напряженными боями...».

До 1 апреля у новой линии обороны немецко-фашистских войск шли бои. Донесение от 31.03 описывает положение наступавших дивизий армии:

344-я стрелковая дивизия – роща 1,5 километров западнее Большая Каменка, 139-я стрелковая дивизия – бой за Большую Каменку, 413-я стрелковая дивизия – бой за Новоселки, 58-я стрелковая дивизия – бой за Куземки.

На рубеже северо-восточнее и восточнее Спас-Деменска с 1 апреля армия перешла к обороне.

Работа И. Т. Гришина высоко оценивалась Военным Советом 50-й армии. По его представлению Президиум Верховного Совета СССР наградил Ивана Тихоновича орденом Красного Знамени. В наградном листе, подписанном Болдиным и Сорокиным констатировалось:

«Генерал-майор Гришин вступил в Отечественную войну с первых дней начала ее, командуя 137-й стрелковой дивизией. Будучи командиром этой дивизии, еще задолго до начала войны, он много работал над укреплением ее и сделал вполне боеспособным организмом. С самого начала военных действий провел дивизию через ряд боев, имея большие успехи, за что был представлен к правительственной награде, но награды не получил. В марте 1942 года назначен начальником штаба 50-й армии. В период март-июль 1942 года по заданиям Военного Совета принимал активное участие в разработке и проведении ряда операций. Хорошо руководит своим штабом и штабами соединений. Сам правильно понимает и настойчиво проводит в жизнь приказы высшего командования. Обладает волевыми и боевыми качествами, развито чувство ответственности за порученное дело.

Личным примером и высокой требовательностью воспитывает своих подчиненных, умело и твердо направляет их на выполнение боевых заданий. В боевой обстановке – смелый, решительный командир. Дисциплинирован.

Делу партии Ленина-Сталина предан. За умелое руководство боевыми действиями в период командования 137-й стрелковой дивизии, проявленные при этом мужество и отвагу, за хорошую организацию работы штаба 50-й армии и за успешное выполнение боевых задач командование, Военный Совет армии представляет генерал-лейтенанта Гришина к правительственной награде – ордену Красного Знамени».

По приказу командования Западного фронта в начале апреля 1943 года И. Т. Гришин занимает вакантную должность начальника штаба 16-й армии. По утверждению адъютанта Ивана Тихоновича М. Зюбина командующий 16-й армией И. Х. Баграмян «при помощи Г. К. Жукова «выписал» себе ... желанного начальника штаба».

И. Х. Баграмян в это время очень нуждался в опытном начальнике штаба, потому что принимал участие в разработке плана орловской операции. Над ним еще довлело воспоминание о поражении наших войск под Харьковом весной 1942 года, одним из виновников которого нарком обороны считал его. Но в ходе Ржевско-Вяземской операции весной 1943 года 16-я армия воевала успешнее других армий, проявила героизм, организованность и высокую дисциплину, за что удостоилась 16 апреля 1943 года звания 11-й гвардейской дивизии. Так что И. Т. Гришину пришлось помогать И. Х. Баграмяну в реорганизации 16-й армии в 11-ю гвардейскую в апреле-мае 1942 года.

Положение И. Х. Баграмяна осложнялось еще тем, что ему предстояло оспорить мнение двух командующих фронтами: Западного – генерал-полковника В. Д. Соколовского и Брянского – генерал-лейтенанта М. А. Рейтера. Он считал, что план разгрома орловской группировки противника, предложенный ими Ставке ВГК, связан со многими рисками. Они намечали широкий охват орловской группировки противника, несколько похожий на тот, который имел место под Сталинградом. Войскам, которые должны были замкнуть кольцо окружения, – 11-й гвардейской армии предстояло прорвать оборону противника южнее Козельска в Калужской области и дойти до Хотинца в Орловской области, а ча-

стям Центрального фронта пройти 120 километров из района Поньрей Курской области до Хотинца. И. Х. Баграмян опасался, что его армия, распространившись на большом пространстве потеряет свою наступательную мощь, может стать объектом сильных фланговых ударов, отсекающих ее от своих. В свою очередь, армии Центрального фронта должны были до того, как они придут в Хотинец, выдержать наступление мощной группировки немцев, ставившей задачей окружить и разгромить наши войска на Курском выступе.

Ивану Христофоровичу это несколько напоминало ситуацию под Харьковом, когда «недостаточный учет реального соотношения сил привел... тогда к неудаче».

Как разрабатывалась альтернатива плану командующих Западным и Брянским фронтами И. Х. Баграмян так описал в своей книге:

«Вместе с начальником штаба армии генерал-майором И. Т. Гришиным мы подолгу просиживали над картами и расчетами. У Ивана Тихоновича был солидный опыт командной и штабной работы. Чем больше мы вникали в дело, тем яснее видели уязвимые места в наметках штаба фронта, касающихся задач 11-й гвардейской».

В результате появился более реальный план: на первоначальном этапе окружения и уничтожения Болховской группировки врага ударами двух наших смежных армий по сходящимся направлениям — 11-й гвардейской из района к югу от Козельска и 61-й армии Брянского фронта с северо-востока. Это ставило под угрозу пути отхода всей орловской группировки противника и создавало благоприятные условия для дальнейшего продвижения наших войск на юг, во фланг и тыл орловской группировки врага.

В конце апреля на совещании в Кремле И. В. Сталин поддержал план, предложенный И. Х. Баграмяном. В это же время решился и вопрос о новом назначении И. Т. Гришина. По версии М. Зюбина, И. Х. Баграмяна спросили в Генштабе, справится ли Иван Тихонович с командованием армией. И Иван Христофорович не стал возражать против этого назначения своего начальника штаба, которое открывало новые возможности для раскрытия воинских талантов его подчиненного, хотя командарму 11-й гвардейской было не просто лишиться такого ценного единомышленника при реализации намеченного плана.

И. Т. Гришин пробыл в 11-й гвардейской армии до июня. Есть несколько его донесений как начальника штаба 11-й гвардейской

армии, которые показывают, что он сразу стал выполнять свою обычную работу по подготовке войск обороне и наступлению. Вот его донесение от 8 мая:

«Противник занимает прежний рубеж, в течение ночи и дня 08.05.43 на фронте армии активных боевых действий не проявлял. Войска армии, находясь в прежней группировке, совершенствовались и вновь производили инженерные сооружения по укреплению своих позиций. В частях второго эшелона и в резервных соединениях занимались боевой подготовкой и с группами истребителей танков противника специальной учебой, части 217, 108 стрелковой дивизии вели разведку, наблюдение, огнем пехоты и артиллерии подавляли обнаруженные огневые точки и живую силу противника. За 07.05.43 построено инженерных сооружений на ос новном рубеже, открыто ходов сообщения 2200 погонных метров, открыто стрелковых ячеек – 115, площадок для РП – 4, усовершенствованных траншей – 270 погонных метров, углубленой ходов сообщения – 220, установлено рогаток – 198 штук, установлено проволочного заграждения в два кола – 161 погонный метр, в один кол – 150 погонных метра, в районе Колодязи открыто траншей – 130 погонных метра, стрелковых ячеек – 15 штук».

Подписи: Баграмян, Куликов, Гришин.

Что касается плана Болховской операции, разработанного И. Х. Баграмяном и И. Т. Гришиным, то он с успехом реализовался в июле-августе 1943 года. Фланговый удар 11-й гвардейской армии оказался для немцев неожиданным, они стали стягивать с остальных участков части, чтобы противостоять ему, тем самым ослабляя эти участки и облегчая задачу Центрального и Брянского фронтов. 29 июля наши войска заняли Болхов, а 5 августа освободили Орел.

А И. Т. Гришина ждали свои победы на посту командующего 49-й армией.

Глава V

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 49-Й АРМИИ: 1943–1944 годы

И. Т. Гришин возглавил 49-ю армию за полтора месяца до начала подготовки Смоленской стратегической наступательной операции. Но он довольно быстро приступил к полноценному исполнению своих обязанностей благодаря тому, что его предшественник на посту командарма Иван Григорьевич Захаркин оставил ему крепко сколоченный боевой штаб. В общевойсковой армии ее состав в зависимости от проводимой операции мог меняться: то ее усиливали одной или несколькими дивизиями, то передавали дивизии из одной армии в другую. Поэтому от характера штаба зависело многое.

Маршал Монтгомери писал:

«Генерал должен создать боевую машину и выковать оружие по своему усмотрению. Это требует глубокого знания, как вести боевые действия и осуществлять обучение. Он также должен создать организацию в штабе, которая обеспечит верное действие оружия. Я быстро понял посредством трудного опыта, что административная ситуация в тылу должна соизмеряться с тем, что я хотел бы достичь в бою на переднем крае. Боевая машина должна быть приведена в движение в нужное время и должна достичь максимальной силы быстро. Войска должны быть брошены в бой с лучшими перспективами успеха, и войска должны знать это».

Уходил Иван Григорьевич Захаркин с поста командарма на повышение – заместителем командующего Центральным фронтом как раз накануне решающих сражений на Курской дуге, где ему предстояло активно участвовать.

Назначение Ивана Тихоновича командармом он приветствовал. Они были знакомы до войны, когда Захаркин являлся заместителем командующего войсками Московского военного округа, а Иван Тихонович начальником отдела боевой подготовки МВО. Тогда между ними сложились хорошие, деловые и, несмотря на разницу в возрасте, дружеские отношения.

Членом Военного Совета 49-й армии являлся опытный и знающий человек – Василий Андреевич Сычев. Г. К. Жуков знал его еще со времени боевых действий на Халхин-Голе в 1939 году.

Василий Андреевич оценил человеческие и профессиональные качества нового молодого командарма и способствовал его быстрому включению в сложившийся коллектив руководства армией.

В июне 1943-го года в 49-й армии еще идет будничная работа. В донесении Военному совету Западного фронта от 10 июня сообщалось:

«Части армии продолжали оборонительные работы на занимаемых рубежах, вели разведку и занимались боевой подготовкой. На 10.06.43 в полосе армии выполнены следующие оборонительные работы:

Основной рубеж –

а) открыто траншей по третьей линии 18 770 погонных метров, на рубеже дивизионных резервов 55 700 погонных метров, на рубеже дивизионных резервов отрывка траншей закончена, план выполнен на 101, 3%;

б) открыто ходов сообщения 92 329 погонных метров, опорных пунктов пулеметов – 3161;

в) оборудовано опорных пунктов минометов и артиллерии 1599;

г) оборудовано противотанковых опорных пунктов – 1080;

д) блиндажей – 1528;

е) установлено противотанковых мин 72 754, противопехотных мин – 64 220; проволочного заграждения 90603, МЗП 9774 погонных метров, электросети 3000 погонных метров.

Первый промежуточный армейский рубеж – открыто траншей 62 205 погонных метра, опорных пунктов пулеметов 332, оборудовано опорных пунктов минометов и артиллерии 185, противотанковых опорных пунктов 321, блиндажей 99. Установлено противотанковых мин 13 400.

Второй промежуточный армейский рубеж – отрыто траншей 22 457 погонных метров, опорных пунктов пулеметов 134, оборудовано опорных пунктов минометов и артиллерии 43, противотанковых опорных пунктов 81, блиндажей 10, установлено противотанковых мин 5068».

Донесение подписано И. Т. Гришиным, В. А. Сычевым и начальником штаба генерал-майором Н. В. Пастушихиным.

Имеется еще документ, подписанный И. Т. Гришиным о том, что «с 10 июня в частях дивизии армии проводятся занятия со всем командным составом по вопросам профилактики инфекционных заболеваний. В занятия включены вопросы: а) меры по борьбе с сыпным тифом, б) профилактика дизентерии и других желудочно-кишечных заболеваний, в) организация санитарно-эпидемиологической разведки, г) изучение приказов Ставки ВГК Западного фронта армиями о предупреждении инфекционных заболеваний. На 20 июня занятиями охвачено 1235 человек командного состава. В дивизиях занятия окончены. Последние продолжают занятия в отдельных частях и подразделениях. Занятия проводят медицинские работники санитарной службы дивизионных армейских учреждений».

В середине июля советское командование приступило к подготовке Смоленской стратегической операции. Штаб Западного фронта приказал соблюдать максимальную скрытность: осуществлять перемещение войск ночными маршами и сократить письменные приказы о смене дислокации войск. Три недели происходило укрепление армий фронта людьми и техникой.

Однако 49-й армии, которой должна была держать оборону на начальном периоде боевых действий, уделялось меньше средств, чем армиям ударной группировки. К началу операции армия И. Т. Гришина на фронте 42 километра имела всего четыре стрелковые дивизии общей численностью 32 381 человек, 504 орудия всех типов, 756 минометов и самоходных установок, ни одного танка. В то же время 10-я гвардейская армия ударной группировки на фронте 25 километров располагала 6 стрелковыми дивизиями численностью 74 637 человек, 926 орудиями всех типов, 1168 минометов и самоходных установок, 315 танками. 33-я армия ударной группировки на фронте 15 километров имела 6 стрелковых дивизий численностью 60953 человек, 728 орудий всех типов, 823 минометов и самоходных установок, 147

танков. 5-я армия ударной группировки на фронте 50 километров имела 6 стрелковых дивизий численностью 69 709 человек, 1031 орудий всех типов, 1337 минометов и самоходных установок и 61 танк.

Значение меньшей технической оснащённости 49-й армии становится очевиднее в свете тех выводов о Спас-Деменской операции, которые были сделаны оперативными работниками штаба фронта по горячим следам. Они писали:

«В августовских наступательных боях войск Западного фронта основную роль по прорыву обороны противника и обеспечению продвижения нашей пехоты и танков с исходного положения и на всю глубину обороны противника сыграла артиллерия всех видов и калибров, минометные батареи и установки ракетной артиллерии. С их же помощью было отбито множество контратак пехоты, танков, самоходных орудий противника».

И. Т. Гришин изыскивал собственные возможности для усиления армии. Михаил Зюбин рассказывает, что именно в этот период командарм послал в город Горький трех офицеров — начальника автомобильной службы, заместителя начштаба по политчасти и своего адъютанта за запасными частями для автомобилей. Рабочие горьковского автозавода во внеурочное время изготовили требуемое количество запчастей, а начальник военных сообщений Западного фронта генерал А. В. Добряков выделил необходимое количество вагонов и дал им «зеленую улицу» в район дислокации 49-й армии.

7 августа в 6.30 после интенсивной артиллерийской подготовки, которая продолжалась 1 час 50 минут, войска ударной группировки Западного фронта перешли в наступление, чтобы охватить Спас-Деменский плацдарм с северо-востока. Однако продвижение наших частей шло медленно.

Спас-Деменский оборонительный рубеж немцев представлял из себя целую систему инженерных сооружений и продуманную организацию огня. Приведем ее описание, данное оперативными работниками штаба Западного фронта, чтобы стало ясно, насколько трудно было ее преодолеть:

«Передний край обороны противника проходил по линии господствующих над окружающей местностью и важных в тактическом отношении высот, которые обеспечивали ему отличное наблюдение и организацию огня из всех видов оружия.

Участки лесисто-болотистой местности заранее предопределяли вероятные направления ударов наших войск, на основании чего немецкому командованию нетрудно было определить наиболее уязвимые направления и соответственно их укрепить.

Главная линия обороны противника (глубиной 2-3,5 км.) состояла из трех линий, находившихся между собой во взаимной огневой связи и надежно прикрытых противотанковыми и противопехотными препятствиями. Первая линия обороны состояла из одной-двух линий траншей на удалении всего 200-250 метров друг от друга с хорошо развитой системой ходов сообщения в глубину. Траншеи имели ряд небольших выступов для ведения фланкирующего огня в районе непосредственных к ним выступов.

Вторая оборонительная линия находилась в 500 метров от переднего края и состояла из одной линии траншей и ходов сообщения до ближайших укрытий. Эти линии обороны включали в себя ряд опорных пунктов, находившихся в ближайшей глубине.

Третья линия обороны находилась в 700-2000 метров от второй и состояла из сплошного противотанкового рва и одностороннего бруствера, приспособленного к обороне путем врезки стрелковых ячеек и пулеметных гнезд. Кроме того, ров был приспособлен к внутренней обороне.

В опорных пунктах и узлах сопротивления количество линий траншей доходило до 4-5.

Противотанковый ров с расположенной за ним основной массой артиллерийских средств замыкал всю эту систему главной полосы.

Оборонительные линии, находившиеся во взаимной огневой связи во всю глубину, требовали последовательного их преодоления при мощной поддержке артиллерии.

При общей глубине главной полосы обороны до 2-3,5 километров артиллерия, расположенная за противотанковым рвом и прикрывающая от танковых атак, имела возможность вести огневой бой во всей глубине обороны, не меняя огневых позиций.

Кроме того, противником был учтен лесисто-болотистый характер местности некоторых участков в глубине своей обороны, допуская действия танков только на отдельных направлениях. Эти танкоопасные направления были также прикрыты опорными пунктами.

В глубине обороны за противотанковым рвом все населенные пункты и командные высоты были опоясаны траншеями и приспособлены к обороне, а отдельные участки местности, дороги и направления обильно минировались.

Что касается противотанковой обороны в системе главной полосы обороны, то она заключалась в следующем: как перед первой линией, так и на главных направлениях перед второй линией располагались сплошные противотанковые минные поля, а далее в глубине проходил сплошной противотанковый ров. Противопехотные препятствия в обороне противника были прежних типов, однако расположение их было своеобразным. Так, например, передний край оборонительной полосы был прикрыт сплошными противопехотными препятствиями в 2-3 полосы, включающими в себя сеть на низких кольях, шириной до 8 метров, 2-3 ряда обычных проволочных заграждений и спотыкач.

Перед проволочными заграждениями и внутри них устанавливались противопехотные шрапнельные мины. Вторая линия траншей и отдельные опорные пункты также прикрывались проволочными препятствиями, усиленными противопехотными минами.

Траншеи представляли собой комплексное огневое сооружение, обеспечивающее широкое применение разных видов стрелкового вооружения и маневр, имея как по фронту, так и в глубину.

Ячейки для стрелков и автоматчиков были открыты через 5-6 метров, а пулеметные площадки через каждые 20-50 метров».

Части 33-й армии 7 августа овладели первой линией траншей и на отдельных участках ворвались во вторую линию. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление. В полосу наступления 5-й, 10-й гвардейской и 33 армии они ввели в бой 2-ю танковую, 36-ю и 56-ю пехотные дивизии и постоянно контратаковали, стремясь вернуть утраченные позиции. Но 9 августа с южной стороны Спас-Демянского выступа разведку боем начали части 10-й армии. 10 августа 290-я дивизия этой армии стремительным ударом прорвала фронт противника и овладела рядом населенных пунктов. Возникла угроза окружения немецких частей в районе Спас-Деменска силами 33-й и 10-й армий перед фронтом 49-й армии.

11 августа немецкое командование приняло решение отступить на следующий подготовленный оборонительный рубеж юж-

нее железной дороги Ельня—Спас-Деменск. Отход противника установила наша разведка, и наступил первый «звездный час» для командарма 49-й армии. 12 августа командование Западного фронта отдает приказ армии И. Т. Гришина наступать. Оперативные работники штаба Западного фронта зафиксировали успешные действия этой армии следующим образом:

«В 4.00, взаимодействуя с 33-й и 10-й армиями, перешла в наступление на всем фронте 49-я армия, под давлением частей которой противник поспешно вынужден был отходить в юго-западном направлении. К исходу дня части армии продвинулись на 17 километров, заняв 90 населенных пунктов, 5 железнодорожных станций и во взаимодействии с 33-й армией правофланговыми частями овладели городом Спас-Деменск».

Со стороны 33-й армии город освобождали 42-я дивизия и 256-я танковая бригада, а от 49-й армии действовала 146 стрелковая дивизия.

На железнодорожной станции Спас-Деменск наши части захватили 162 вагона с продовольствием, горючим и разным военным имуществом, 3 паровоза и 2 вагона с ранеными солдатами противника.

49-я армия приняла участие на втором этапе Смоленской стратегической операции. 28 августа после мощной артиллерийской подготовки в течение 90 минут ударная группировка Западного фронта в составе 10-й гвардейской, 21-й и 33-й армий нанесла удар в направлении Ельни. Нашим войскам удалось прорвать оборону противника и продвинуться на 6–8 километров. В этот же день в полосу 33-й армии ввели 5-й механизированный корпус, соединения которого вместе со стрелковыми частями продвинулись еще на 6–10 километров. Перед наступлением командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский поставил перед 49-й армией задачу перейти в наступление во взаимодействии с 33-й армией, расширяя ее прорыв, свертывая боевые порядки противника в южном направлении.

30 августа части 2-го гвардейского танкового корпуса и 10-й гвардейской армии освободили город Ельню. Гитлеровцы начали отвод войск в Дорогобужском направлении. 5-я армия перешла в наступление и 1 сентября овладела Дорогобужем.

Вклад 49-й армии в успех операции командующий Западным фронтом оценил в скупом телеграфном тексте:

«Соколовский Гришину. Спасибо, Иван Тихонович. Ставка вами довольна. Представляю вас к званию генерал-лейтенанта. Решительными действиями своей армии вы сорвали контрудар противника, который он замышлял на стыке между вами и Гордовым (В. Н. Гордов – командующий войсками 33-й армии – ред.). Теперь перед нами открывается дорога на Рославль. Не сбавляйте темпа наступления».

На третьем этапе Смоленской стратегической операции 49-я армия вместе с 10-й армией освободила Рославль – центральный город родных мест Ивана Тихоновича и, как сказано в приказе Верховного Главнокомандующего командующему Западным фронтом генералу В. Д Соколовскому, «оперативно важный узел коммуникаций и мощный оборонительный пункт обороны немцев на Могилевском направлении».

К сожалению, относительно того, какие части Красной Армии овладели Рославлем, до сих пор существует путаница. Некоторые авторы приписывают роль освободителя города только 10-й армии. Такое мнение сложилось из-за того, что эти авторы не учитывают существовавшую в годы Отечественной войны практику передачи по приказанию командующих фронтами дивизий из одной армии в другую. А это произошло перед началом наступления на Рославль, когда в состав 49-й армии перешли 139-я дивизия из 10-й армии и 49-я – из 50-й армии.

Командующий Западным фронтом приказал 49-й и 10-й армиям начать 11 сентября 1943 года преследование отходящих гитлеровских частей, чтобы помешать им укрепиться на новых рубежах. 12 сентября 277-я стрелковая дивизия 49 армии выбила противника из деревни Шуи и спасла узников Шуйского концентрационного лагеря от уничтожения. 344-я стрелковая дивизия 49-й армии перешла в наступление 13 августа и вышла на восточный берег Десны.

Там гитлеровцы имели сильно укрепленные пункты на прибрежных высотах. В ночь с 13 на 14 августа штурмовая группа из 18 человек из 718-го полка 139-й стрелковой дивизии захватила высоту 224,1 у деревень Плотино и Рубежанка и защищали ее до утра. В живых осталось только двое, когда подоспела помощь. Существует устойчивое мнение, что этот подвиг бойцов 139-й стрелковой дивизии послужил основой для написания песни «На безымянной высоте».

16 сентября части 139-й дивизии отличились при форсировании Десны. 17 и 18 сентября на западный берег реки переправились части 10-й армии, также 49-я и 344-я стрелковые дивизии 49-й армии.

344-й, а также 277-й стрелковой дивизии ставилась задача обойти Рославль с севера и перерезать железную и шоссейную дороги Рославль – Смоленск. 49-я стрелковая дивизия имела целью обойти Рославль с юга и выйти на Варшавское шоссе.

24 сентября начался штурм города. Его очищали от захватчиков 139-я и 49-я стрелковые дивизии 49-й армии и 326-я стрелковая дивизия и истребительно-танковая бригада 10-й армии. 25 сентября одновременно Рославль и Смоленск стали свободными. По приказу Верховного Главнокомандующего наименование «Рославльских» получили 247-я истребительная дивизия, 326-я стрелковая дивизия 10-й армии и 139-я, 49-я, 277-я и 344-я стрелковые дивизии 49-й армии.

Успех армии омрачило личное горе Ивана Тихоновича: его родную деревню Внуковичи фашисты сожгли, а его родителей и семью брата Павла расстреляли. Велико было горе, но война не оставляла времени для долгих личных переживаний. Армия наступала, и надо было безукоризненно выполнять свой долг командарма.

Освободив еще ряд городов – Хиславичи, Мстиславль, Дрибин и Рясну, 30 сентября 1943 года 49-я армия вышла на реку Проня.

2 октября 1943 года газета 49-й армии «За Родину» напечатала Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором наградами за успешное наступление отмечен командарм и его боевой штаб:

«За умелое и мужественное руководство боевыми операциями по захвату городов Смоленска и Рославля и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими оккупантами Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 28 сентября 1943 года наградил:

Орденом Суворова I степени генерал-лейтенанта Гришина И. Т.

Орденом Кутузова II степени генерал-майора Пастушихина Николая Васильевича» и других.

Значение полученного Иваном Тихоновичем ордена иллюстрирует тот факт, что такую же награду «за правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против

немецких захватчиков и достигнутые успехи» получил 7 ноября 1943 года по случаю 26-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции маршал Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

В своей автобиографии И. Т. Гришин писал, что армия, которой он командовал, «простояла в режиме активной обороны со 2 октября 1943 года до 23 июня 1944 года». В этот период до 12 апреля 1944 года она находилась в составе Западного фронта, а затем ее включили во вновь образованный 2-й Белорусский фронт.

В обороне у военных появились новые невоенные функции на освобожденных территориях. Политотделы дивизий должны были оказать помощь государству в организации местных органов советской власти. Весной 1944 года Политуправление Западного фронта издало директиву начальникам политотделов и политорганов, подчиненных непосредственно Фронту, о пропагандистской работе среди местного населения:

«Окажите на месте помощь районам партии, райисполкомам, сельсоветам и колхозам в подготовке и проведении весеннего сева.

Выделите знающих сельское хозяйство политработников и командиров для проведения (без ущерба боевой работе) массовой политической работы среди колхозного населения по месту дислокации частей. Широко разъясните колхозникам и мобилируйте их на выполнение задач, поставленных товарищем Сталиным, партией и Советским правительством в деле дальнейшего организованного укрепления колхозов, проведения сева и повышения урожайности».

Собственно военная деятельность частей в режиме активной обороны заключалась в первую очередь в совершенствовании оборонительных сооружений. О характере работ дает представление план оборонительного боя 49-й армии, составленный ее командованием 19 мая 1944 года:

«На основных позициях главной полосы обороны иметь две линии траншей полного профиля.

На занимаемых позициях главной полосы обороны, отсечных позициях и на первом промежутке рубежа иметь одну траншею полного профиля.

Командирам корпусов надежно обеспечить главные опорные пункты и узлы сопротивления огнем и сплошными полосами ми-

нированных участков, проволочных заграждений, засек, завалов, заболачиванием местности. Засеки и завалы усилить фугасами и минами. Тщательно на местности увязать систему артиллерийского и пехотного огня с инженерными заграждениями, отработать взаимодействие пехоты с поддерживающей артиллерией и минометами».

Подписи: Гришин, Сычев, Пастушихин.

В первом эшелоне обороны артиллерийские и минометные батареи обычно вели огонь по расположению противника с целью уничтожения там живой силы и техники. К ним присоединялась с огнем из своего оружия пехота. Части вторых эшелонов и учебные подразделения занимались боевой подготовкой. Разведгруппы отправлялись в ночной поиск, чтобы изучить систему обороны противника и взять пленных. Вот одно из боевых распоряжений от 1 декабря 1943 года:

«Командиру 392 ОПАБ усиленным отрядом в количестве 120 человек с 5.00 05.12.43 провести силовую разведку с задачей захватить пленного установить силу и группировку противника, систему огня и инженерных заграждений перед передним краем и в глубине обороны... При упорном сопротивлении противника и при невозможности продвигаться или закрепиться, разведотряд захватить пленного и под прикрытием артиллерийского, минометного и пулеметного огня отойти на исходное положение, не оставляя у противника своих убитых и раненых... С рядовым и сержантским составом на копии местности предстоящих действий проводить ежедневные занятия по захвату пленного».

Накопленный разведотрядами опыт обобщался в кратких сводках штаба армии. В сводке за январь 1944 года делались выводы об организации обороны противника, которые будут иметь значение в будущих наступательных действиях наших соединений:

«Оборона противника строится не на жестком удержании первой линии траншеи, а тщательно продуманном маневре огневых средств и живой силы с использованием заранее подготовленных позиций в исходных рубежах в глубине обороны».

Также наши войска отражали атаки гитлеровцев на отдельных участках фронта. В сводке штаба Западного фронта от 28 марта 1944 года сообщалось:

«Части 344-й стрелковой дивизии (49-я армия) минувшей ночью восстановили положение в районе Козлы, выбили противни-

ка из захваченных им траншей, уничтожив при этом до 100 немцев, 9 пулеметов, оружие ПТО; в бою на этом участке было взято 2 пленных 78-го пехотного полка 26-й пехотной дивизии».

Или сводка от 7 апреля 1944 года:

«Днем на правом фланге армии (49-й – ред.) в районе Застенок Юрьев отряд 200 человек пехоты противника при поддержке огня 5 артиллерийских и 3 минометных батарей атаковал позиции 174-й стрелковой дивизии, при этом небольшой группой (до 20 человек) ворвались в нашу первую траншею. После короткого траншейного боя ворвавшаяся группа была уничтожена огнем нашей обороны. Разведотряд противника был отброшен в исходное положение, понеся потери до 80 человек убитых и ранеными».

В штабах шла работа по изучению опыта Великой Отечественной войны. Командование 49-й армии принимала в этом активное участие. Об этом свидетельствует следующий документ от 3 апреля 1944 г., подписанный начальником штаба Западного фронта генерал-лейтенантом А. П. Покровским:

«Командующим армиями Западного фронта.

Копия: командарму 49-й армии.

В целях обмена опытом направляю разработанные 49-й армией «Указания по организации несения службы в обороне на переднем крае».

При оперативном отделе штаба Западного фронта проходили совещания, на которых прорабатывались следующие вопросы: методы прорыва траншейной обороны противника, организация и ведение наступления в зимних условиях, прорыв оборонительной полосы противника, артиллерия при прорыве оборонительной полосы противника, инженерные заграждения противника и преодоление их, организация и ведение разведки.

К сожалению, методические разработки штабов не приносили немедленно ожидаемых результатов. Пока 49-я находилась в состоянии активной обороны, другие армии Западного фронта вели наступление на сильно укрепленную линию обороны Вермахта на границе Смоленской области. С 12 октября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. они провели 11 наступательных действий в направлении Орши, Богушевска, Витебска. Эти операции не достигли цели, несмотря на многократный перевес в силах над противостоящим противником и привели к большим потерям.

Некоторые обескровленные дивизии, участвовавшие в наступательных действиях других армий, включали в обороняющуюся армию И. Т. Гришина, забирая другие. Вообще, за время активной обороны ее состав изменялся до неузнаваемости. Конечно, с таким постоянно меняющимся составом управлению армии было непросто осуществлять свои функции. Изменение состава 49-й армии накануне перехода ее во 2-й Белорусский фронт, поставило командарма в крайне трудные условия. 13 апреля по приказу 49-я армия расширила в свою полосу обороны по восточному берегу реки Прони, включив в свой состав 70-й и 38-й стрелковые корпуса, включавшие 64-ю, 139-ю, 385-ю, 49-ю, 290-ю, 330-ю стрелковые дивизии. О них Михаил Зюбин свидетельствовал: «общим недостатком для всех этих дивизий было то, что все они в предшествующих боях основательно растеряли младший и средний командный состав... Во многих подразделениях командовали призванные из запаса или переведенные из запасных полков офицеры и сержанты, не нюхавшие пороха». И рядовых имелся некомплект, и их ряды постоянно пополнялись нередко вовсе необученными новобранцами. Так, 14 апреля И. Т. Гришин получил следующую информацию от начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта А. П. Покровского:

«Военный Совет фронта решил 290-ю стрелковую дивизию вашей армии довести до состава 5680 человек из расчета укомплектования применительно к прилагаемому расчету.

Люди ориентировочно прибудут до 18.05.44.

К этому же времени будет подано недостающее вооружение и другое имущество».

Какие недостатки имелись при доукомплектовании, можно судить по характеристике 199-й армии, включенной в 70-й корпус 49 армии за две недели до начала операции «Багратион». В «Сводке обобщенного боевого опыта войск Западного фронта за март 1944 года» № 17 об этом сообщалось: «большинство бойцов пользоваться автоматическим оружием не умели в 617-м строевом полку 199 стрелковой дивизии, выделенном для атаки». Но это было еще полбеды. В одной из армий, действующей на Витебском направлении дивизию пополнили за 4-5 дней до начала наступления, серьезной работы по сколачиванию взвода, роты, батальона за этот короткий срок части провести не смогли. В ре-

зультате, «бойцы не знали тактики ведения боя, плохо ориентировались, о боевых порядках имели смутное представление».

В новом составе и предстала 49-армии перед генерал-полковником И. Е. Петровым, назначенным 12 апреля 1944 г. командующим 2-м Белорусским фронтом. Ивана Ефимовича знали как талантливого военачальника, но человека «полосатой» судьбы: за успехами нередко следовали неудачи. Как раз за неудачное проведение ряда операций (десанта на мысе Тархан и десанта в Керченском порту) его освободили от должности командующего Приморской армией, понизили до звания генерал-полковника. Были ли это случайные неудачи или зависели от каких-то черт его личности – на это нет ответа. На его беду членом Военного Совета 2-го Белорусского фронта назначили Л. З. Мехлиса, близкого И. В. Сталину человека, не специалиста в военном искусстве и также пониженного в должности за неудачи в Крыму, который любил прибегать к разносной критике старших офицеров. И. В. Сталин писал Л. З. Мехлису в 1942 году:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за положение дел...»

Вместе И. Е. Петров и Л. З. Мехлис, справедливо отмечая недостатки в 49-й армии, не смогли поначалу верно оценить деятельность Ивана Тихоновича как командарма.

29 апреля вышел приказ войскам 2-го Белорусского фронта «О состоянии разведки в 49-й армии». В нем говорилось:

«В период с 10 по 20 апреля 342-я пехотная дивизия (немецкая) была переброшена на Ковельском направлении.

Уход дивизии остался для 49-й армии совершенно незамеченным.

С 30.03.44, когда был взят один пленный, армия не имела ни одного пленного. Начальники корпусной и дивизионных разведок считают это нормальным, объясняя тем, что сильный огонь противника мешает действиям разведывательных партий, хотя сами не отрицают, что в разряженных боевых порядках противника имеются свободные промежутки по фронту протяженностью до километра. Эти офицеры не понимают, что в условиях лесисто-болотистой местности такое положение является идеальным для ведения разведки.

Такое дикое, ненормальное положение с разведкой прошло мимо внимания командующего 49-й армией генерал-лейтенанта

Гришина, не говоря уже об отсутствии внимания со стороны начальника штаба 49-й армии генерал-майора Пастушихина.

Приказываю:

Командарму 49-й генерал-лейтенанту Гришину в пятидневный срок навести порядок в разведывательной службе армии.

Организовать работу разведорганов так, чтобы не реже одного раза в два дня был обязательно взят контрольный пленный на участке каждого полка противника, стоящей перед армией в обороне».

Возможно, эта критика в адрес Н. В. Пастушихина объясняет его перевод из 49-й армии в начале июня накануне начала операции «Багратион» в 33-ю армию и назначение на его место генерал-майора С. И. Киносяна.

2 мая 1944 года последовал доклад И. Е. Петрова и З. Л. Мехлиса Верховному главнокомандующему, который мог бы повлечь организационные выводы, радикальные для судьбы И. Т. Гришина. В докладе, в частности, содержалась такая характеристика соединений 2-го Белорусского фронта по состоянию на 30 апреля 1944 года:

«Все эти дивизии в большом некомплекте по вооружению, транспорту, средствами связи. Особо тяжело с тягой для дивизионной артиллерии. В лучшую сторону выделяются дивизии 33-й армии (И. Е. Петров командовал этой армией с 13 марта по 12 апреля 1944 года – ред.), где укомплектование начато несколько раньше.

Боевая служба в дивизиях, занимающих первую линию обороны в ряде случаев поставлена плохо. Имеются крупные недочеты: а) в организации артиллерийского и минометного огня; б) в управлении войсками; в) в службе разведки и т.д.

Разведка поставлена крайне неудовлетворительно, особенно на участке 49-й армии. В течение марта-апреля эта армия не взяла ни одного пленного. Штабы соединений и армий сколочены, работать могут, но в работе инертны и вялы. Опять-таки особо плохо обстоит дело в 49-й армии, где руководящий состав в войсках бывает мало, состояние и службу войск знает недостаточно».

В докладе дается подробная характеристика состояния тыла фронта меньше чем за два месяца до начала операции «Багратион»:

«Операционный район, охватывающий территорию 2-го Белорусского фронта, совершенно не устроен. По всей полосе фронта

грунтовые дороги в зимний период построены не были. Весенняя распутица совершенно изолировала 33-ю и 49-ю армии. Имеющиеся две железнодорожные линии от Кричева к линии фронта восстановлены плохо, по своему техническому состоянию не обеспечивают потребности войск. Кроме того, станции Рославль и Кричев также нуждаются в развитии.

Имеющееся в полосе фронта Варшавское шоссе, в виду того, что предохранительных мер принято не было, в значительной части пришло в негодность.

Отсутствие дорог резко сокращает возможности фронта в смысле маневра, а на участках 33-й и 49-й армий положение усугубляется тем, что войска лишены гаубиц из-за отсутствия дорог».

И. Е. Петров просил Главкомандующего оказать следующую помощь:

«1. Приказать нарядить фронту 15 000 человек маршевого пополнения, по возможности с немедленной отправкой, чтобы своевременно пополнить части и освоить пополнение.

2. Отпустить фронту для укомплектования тягой дивизионную артиллерию и частично артиллерию усиления, 500 автомашин, из них 40% повышенной проходимости.

3. На укомплектование танковых бригад и самоходных полков 100 штук танков Т-34 и 40 самоходных орудий.

4. Усилить фронт одной артиллерийской бригадой и инженерным парком механизации, а также нарядить фронту 100 тонн колючей проволоки».

6 мая И. Е. Петров и З. Л. Мехлис еще раз «прошлись» по 49-й армии. В приказе «О результатах проверки состояния обороны и боевой службы войск 49-й армии» войскам 2-го Белорусского фронта сообщалось:

«В течение 30.04.44 – 04.05.44 произведена проверка боевой подготовки и обороны 385-й, 64-й стрелковых дивизий из 38-го стрелкового корпуса и 49-й, 330-й стрелковых дивизий из 70-го стрелкового корпуса 49-й армии».

По мнению командования 2-го Белорусского фронта, крупные недочеты в боевой готовности армии происходят, во-первых, из-за «поверхностного, неконкретного руководства» командующего армией генерал-лейтенанта Гришина и Военного Совета в целом, во-вторых, из-за безответственности командиров корпусов, дивизий, командующих артиллерией и начальников штабов,

в-третьих, из-за самоуспокоенности, благодушия, прямого разгильдяйства руководящего состава штаба армии, штабов корпусов и дивизий, в том числе и политорганов.

Приказывалось:

«Командующему армией генерал-лейтенанту т. Гришину до 10.05.44 исправить все недочеты, отмеченные при проверке в войсках. По инженерному оборудованию переднего края работы закончить к 15.05.44 г.

Обращаю внимание командующего армией генерал-лейтенанта т. Гришина, члена Военного Совета генерал-майора Сычева на серьезные и крупные нарушения в состоянии обороны и войск армии.

Объявляю выговор командующему артиллерийской дивизией.

Начальника разведывательного отдела подполковника Ханенко как не справившегося с работой, отстранить и назначить на самостоятельную работу».

Ивану Тихоновичу предстояло преодолеть это предубеждение командования 2-го Белорусского фронта, доказать на деле свое умение военного руководителя. Такая возможность представилась ему уже в процессе подготовки операции «Багратион».

4 мая 1944 года, когда Ставка приняла принципиальное решение о проведении летней кампании, командование 2-го Белорусского фронта издало приказ о плане боевой подготовки соединенный фронта (33-й, 49-й и 50-й армий) на май месяц. Основная часть этого приказа посвящена именно наступательным действиям:

«Для частей резерва и второго эшелона основной задачей является отработка наступательного боя. В пехоте отработать: наступление и атака взвода и роты — до 20.05.44, наступление и атака батальона — до 01.06.44. Добиться: (в частности): смелых и стремительных действий пехотных подразделений и частей с целью охвата флангов и обхода опорных пунктов и узлов сопротивления, используя при этом слабые и уязвимые места в обороне противника; четкого взаимодействия пехоты с артиллерией, танками и авиацией, и стрелковых подразделений со своим стрелковым оружием (станковыми пулеметами и минометами); научить пехоту наступать и атаковать с ведением огня из всех видов пехотного оружия; тренировать в преодолении проволочных заграждений, минных полей с помощью подручных средств (маты, штурмовые мостики, резка проволоки); добиться, чтобы пехота не задерживалась в траншеях противника, а с хода непрерывно бы развивала

наступление дальше; до 01.06.44 в составе усиленной стрелковой роты пропустить через боевые стрельбы все взводы и роты, при проведении боевой стрельбы особое внимание обратить на умение пехоты наступать непосредственно за разрывами своих снарядов и мин; отработать не менее одной темы для роты и батальона по преодолению водной преграды».

Подготовка штабов включала следующие темы:

«Организация и управление наступательным боем; организация и управление боем при форсировании реки».

При этом слова «наступление» при посторонних старались избегать. Для армейской печати командование 2-го Белорусского фронта издало специальный приказ 02.06.44, в котором говорилось:

«В красноармейской печати главное место отвести оборонительной тематике, категорически запретить помещение статей и заметок, освещающих вопросы наступательных действий».

На основе приказа командования фронта И. Т. Гришин издал приказ по 49-й армии 05.05.44 о плане боевой подготовки на май месяц, который конкретизировал указания командования фронта. Он предусматривал командно-штабные учения с генералами и старшими офицерами; для обучения в каждом полку строительства учебного поля с тремя линиями траншей, ходами сообщения и другими боевыми сооружениями, с обеспечением стрельбища учебными приборами и пособиями; подготовку пулеметчиков, снайперов, истребителей танков, артиллеристов; до 10.05.44 укомплектование ячеек управления командиров батальонов и рот лучшими красноармейцами и организовать с ними занятия; проведение лично командирами корпусов и дивизий учений со всеми батальонами на тему: «Атака укрепленной полосы противника», а командирам полков по этой же теме пропустить лично все роты. Приказывалось боевую подготовку проводить не менее 10 часов в сутки, как днем, так и ночью.

И. Е. Петров, наблюдая за руководством боевой учебой в 49-й армии, довольно быстро осознал ошибочность своих первых впечатлений о И. Т. Гришине. Об этом можно судить по следующим фактам.

Так, 10 мая 1944 г. в своем донесении Верховному Главнокомандующему И. Е. Петров отмечал как заслуживающую внимание подготовку в 49-й армии:

«В войсках резерва и во вторых эшелонах проводились занятия по боевой подготовке. Отрабатывались темы «Наступление стрелковой роты с преодолением водной преграды на сильно укрепившегося противника и бой в глубине обороны; наступление стрелкового батальона на обороняющегося противника и батальон в оборонительном бою; бой стрелкового полка в глубине обороны противника».

В мае Генеральный штаб разрабатывал в деталях операцию по освобождению Беларуси от фашистских захватчиков. В тесном контакте с ним работали штабы фронтов. В середине мая И. Е. Петров прислал в Генштаб свое обоснование необходимости главного удара на Могилевском направлении именно в полосе 49-й армии.

Есть еще свидетельство М. Зюбина, который утверждает, что между И. Е. Петровым и И. Т. Гришиным сложились со временем «теплые» взаимоотношения. Он объясняет это тем, что многое в характере И. Е. Петрова «перекликалось с чертами И. Т. Гришина». В частности, «Петров был строг, но вежлив. Требовательность его была разумная, добрая».

Однако с 7 июля командующим 2-м Белорусским фронтом стал Георгий Федорович Захаров. Бывший тогда начальником оперативного отдела Генерального штаба С. М. Штеменко придерживался мнения, что замена И. Е. Петрова на Г. Ф. Захарова накануне наступления произошла по личному распоряжению И. С. Сталина. Л. З. Мехлис в своем донесении Верховному Главнокомандующему писал о «мягкотелости» Ивана Ефимовича Петрова, о его будто неспособности обеспечить успех предстоящей операции. Однако есть некоторые совпадения, которые позволяют предполагать причастность к этой замене и Г. К. Жукова. Ведь он координировал действия войск 2-го Белорусского фронта, а Г. Ф. Захаров считался «его креатурой», жестко выполнявшим указания Георгия Константиновича.

С. М. Штеменко характеризует Г. Ф. Захарова как «человека весьма своенравного и не в меру горячего». Член Военного Совета 2-го Белорусского фронта А. Д. О कोरोков в своей книге «Слово, ведущее в бой» более обстоятельно останавливается на чертах личности нового командующего фронтом: «Георгий Федорович зла не держал и был отходчив. После очередной вспышки он брал себя в руки, проявляя достаточно такта, и взаимоотношения с

подчиненными вновь переходили в нормальное русло. Что же касается настойчивости и упорства, то этих качеств генералу Захарову было не занимать — он неуклонно требовал полного выполнения боевых задач».

Первым делом, вступив в должность, чуть не лишил армию И. Т. Гришина руководящей роли в наступлении. Даже не изучив, как следует, местности предстоящих боевых действий, он настаивал на перенесении главного удара в Могилевском направлении в полосу 50-й армии. С. М. Штеменко, который по поручению Г. К. Жукова осуществлял непосредственный контроль за подготовку операции на 2-м Белорусском фронте, еле убедил его не менять решение, утвержденное Ставкой. В воспоминаниях Г. К. Жукова имеется любопытная фраза о том, что «генерал С. М. Штеменко хорошо помог генералу Г. Ф. Захарову, только что вступившему в командование фронтом».

И. Т. Гришин в полной мере ощутил нрав Г. Ф. Захарова. Как мы увидим, командующий фронтом нередко отражал в приказах свое нетерпеливый нрав.

Цель Белорусской операции, получившей название «Багратион», согласно замыслу Ставки, заключалась в том, чтобы окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы немецко-фашистской армии «Центр». Этому предшествовал одновременный разгром группировок противника на флангах — витебской и бобруйской, а также войск, сосредоточенных под Могилевым. Для достижения вышеуказанных целей привлекались силы четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

В крупномасштабной военной операции участвуют сотни тысяч людей, и задача командарма состоит в том, чтобы, с одной стороны, неукоснительно соблюдать приказы вышестоящих инстанций, с другой, дополнять план и уметь самостоятельно действовать в нетерпящих отлагательств ситуациях, которые невозможно предусмотреть в любом, даже идеальном, плане.

6 июня в командование 2-го Белорусского фронта пришла директива Верховного Главнокомандующего, в которой ставилась задача прорвать оборону противника в направлении на Могилев. Необходимо было выйти на реку Днепр, захватить плацдарм на его западном берегу, овладеть Могилевым и дальше развивать наступление в общем направлении на Березину.

Начальник штаба фронта Александр Николаевич Боголюбов, исходя из этой директивы, разработал конкретный план наступления, который 10 июня утвердили Г. Ф. Захаров и Л. З. Мехлис. По плану 49-я армия должна была нанести главный удар в направлении Затоны, Шестаки, Василевичи, Озеры, Барсуки. После форсирования реки Прони к исходу первого дня операции ей предстояло главными силами ударной группировки выйти на реку Бася.

В первый день во время артиллерийской подготовки предусматривалось выделение от каждого стрелкового полка первой линии по одной усиленной стрелковой роте, задачей которых будет ориентировочно в середине артподготовки перейти в наступление и захватить первую траншею. В этот момент артиллерия перенесет свой огонь в глубину, а эти роты должны будут вскрыть полностью огневую систему противника и обеспечить плацдармы на западном берегу реки Проня для действий главных сил.

Расписан был график наступления во второй, третий, четвертый день с тем, чтобы на пятый день ударом с севера и северо-запада овладеть Могилевым. Намечалось войска ударной группы вывести в исходное положение за двое суток до начала операции.

План содержал общие указания, которых должны были придерживаться войска:

– в подготовительный период к операции тщательно отработать на местности с войсками и штабами вопросы наступления с форсированием реки; особое внимание обратить на преодоление водной преграды, для чего ежедневно тренировать в переправе на реках в районе расположения дивизий;

– в каждой стрелковой дивизии ударной группы предусмотреть создание подвижных отрядов, которые после прорыва тактической глубины обороны противника использовать для захвата плацдармов на реках Бася и Днепр.

Во главе отрядов поставить зам. командиров дивизий;

– к 18.06.44 закончить подготовку исходного плацдарма и на каждый строевой полк первого эшелона иметь не менее одного хода сообщения.

– к 18.06.44 закончить подготовку подручных средств для форсирования реки.

– принять самые жесткие меры маскировки районов расположения войск (ежедневно днем и ночью поверять маскировку с земли и воздуха).

– непрерывно вести разведку противника. Силую разведку боем провести за один-два дня до операции на участке каждой армии с задачей уточнить передний край противника, его огневую систему и группировку сил».

Как видим, план разработан достаточно детально. Мы специально практически полностью приводим его, чтобы потом можно было видеть, что получилось, а что не получилось, и к каким непредусмотренным планированием мерам пришлось прибегать командарму. Ведь известно еще со времен Крымской войны 1853-1856 годов стихотворение Л. Н. Толстого: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Преодоление водной преграды отрабатывалось на протекавших в полосе 49-й армии речках Вербовка и Кошанка. С помощью запруд их ширину и глубину довели до параметров Прони. На Вербовке развернули табельные средства понтонно-мостового батальона и доставили лодки, чтобы обучать соединения основным приемам переправы.

И. Т. Гришин уделил особое внимание тому, о чем не говорилось в особых указаниях к плану, а именно, обучению нового пополнения. Велась работа по сколачиванию подразделений. В частях первой линии шли занятия по теме «Ведение оборонительного боя» об умении отражать атаку пехоты противника с танками и авиацией. Бойцов учили эффективно использовать огонь автоматического оружия и пулеметов в траншеях.

Во вторых эшелонах и частях резерва отрабатывались темы наступательного боя на специально оборудованных дивизионных и корпусных учебных полях. На них воспроизводились оборонительные сооружения и заграждения немцев в полосе предстоящих боевых действий: несколько линий траншей, с сетью ходов сообщения, отсечных позиций, наблюдательных и командных пунктов, дзотов. Нашлись хитрецы, которые хотели облегчить себе задачу – проволочные заграждения и минные поля обозначать условно. И. Т. Гришин, который постоянно выезжал на места занятий, заставил их своим распоряжением поправить дело и приблизить максимально условия на учебных полях к реальным. Бойцы учились преодолевать проволочные и минные заграждения с помощью подручных средств.

При обучении пехоты жестко требовалось, чтобы она не задерживалась в первых траншеях противника и быстро продвигалась

вперед. Ставилась задача, чтобы пехотинцы преодолевали полосу обороны противника в 1 километр за 10 минут, а 3 километра с водной преградой за 30 минут. За период подготовки каждое соединение провело до 12 батальонных и полковых учебных занятий с форсированием водной преграды. Два тренировочных занятия прошло с боевой стрельбой, по два-три занятия – с танками.

Особых усилий потребовало обучение боевому порядку «волнами». 12 июня И. Т. Гришин лично провел для офицерского состава показательные учения силами 113 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии, который лучше других усвоил новый боевой порядок. На учении рота выходила на рубеж атаки повзводно, с интервалом между взводами 150-200 метров, а по времени – через 1,5-2 минуты. После форсирования реки направляющий взвод автоматчиков разворачивался в цепь, следующий за ним взвод двигался за ним на расстоянии 150-200 метров, далее уступом влево и вправо следовали остальные взводы.

Также «волнами» переправлялось через реку тяжелое оружие пехоты.

В 49-й армии применялся своеобразный прием маскировки. На месте нанесения главного удара производилось мало инженерных работ. Если в 33-й армии вырыли почти 35 километров траншей, в 50-й армии – 65 километров, то 49-й армии – всего 13,7 километров. Так стремились дезориентировать противника.

9 июня для изучения переднего края и глубины обороны немцев в 49-ю армию приехал Г. К. Жуков вместе с командующим 2-м Белорусским фронтом Г. Ф. Захаровым, начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии Н. Д. Яковлевым, начальником оперативного отдела Генштаба С. М. Штеменко. Об этом эпизоде Георгий Константинович сообщает кратко в своих мемуарах:

«В первую очередь, мы побывали на наблюдательном пункте командира 70-го стрелкового корпуса В. Г. Терентьева, который подробно и со знанием обстановки доложил свои соображения.

В конце дня мы имели возможность окончательно сформулировать ближайшие задачи по доразведке огневой системы, планированию артиллерийского наступления, авиационного удара и оперативно-тактическому построению войск для атаки и наступления».

10-11 июня И. Т. Гришин занимался с командирами корпусов, дивизий и частей усиления. Проводилась рекогносцировка

местности предстоящих боевых действий. 13-14 июня командиры корпусов организовывали взаимодействие разных родов войск на местности, 15 июня то же самое делали командиры дивизий, а 16 июня – командиры полков.

Группа генералов от Ставки присутствовала в 49-й армии на занятиях по розыгрышу предстоящей операции. Как пишет Г. К. Жуков, в ходе занятий «детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Основное внимание сосредоточивалось на тщательном изучении особенностей характера местности в полосе предстоящих действий войск, организации обороны противника...»

Такая тщательная боевая подготовка наступательной операции явилась, пожалуй, первой на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Но она объяснялась сложностью прорыва немецкой, так называемой Днепровской, системы обороны, которую немцы считали неприступной. Ее описание дал военный аналитик А. А. Сидоренко в монографии «На Могилевском направлении».

Общая глубина этой обороны составляла 60 километров. Главная полоса глубиной 5-6 километров имела три позиции. На первой позиции были вырыты от 3 до 4 траншей, соединенных ходами сообщения до двух километров в глубину. Вторая позиция с двумя траншеями полного профиля находилась на удалении до 3 километров от переднего края. Третья позиция с одной или двумя прерывными траншеями проходила на глубине 4-5 километров.

В траншеях имелись стрелковые ячейки и через каждые 50-100 метров открытые пулеметные площадки. Перед первой линией траншей проходил усиленный проволочный забор в два ряда на расстоянии 20-30 сантиметров ряд от ряда, проволочная сеть в два ряда кольев, местами спираль Бруно. Перед проволочными заграждениями и за ними устанавливались минные поля.

За второй позицией располагалась артиллерия в глубину до 6 километров. Огневые средства на переднем крае обеспечивали прострел всех подступов.

Вторая полоса обороны проходила по западному берегу реки Бася и имела две линии траншей.

Далее на расстоянии 25-30 километров от переднего края на западном берегу реки Реста находился промежуточный рубеж обороны.

Наконец, тыловой рубеж на западном берегу Днепра имел 2-3 траншеи полного профиля, большое количество ходов сообщения, дзотов, различных заграждений. Его немцы строили с августа 1943 года, принуждая местное население, военнопленных и привлекая свои резервные части.

Еще один рубеж обороны гитлеровцев – населенные пункты, которые они стремились превратить в неприступные крепости. Воевавший в Белоруссии В. Ермоленко описал в своем «Военном дневнике старшего сержанта» обычное укрепление вокруг сел:

«Каждый участок обнесен в два-три ряда колючей проволокой, потом двухметровый вал с бойницами и площадками для пушек и пулеметов».

Могилев прикрывался оборонительными обводами с востока, включавшими траншеи, противотанковый ров, проволочные препятствия. Один обвод на расстоянии 5-15 километров от города, второй – в 3-4 километрах, третий представлял собой минные поля на окраине Могилева. Дома приспособлялись под огневые точки.

Характер местности не благоприятствовал нашим войскам. Передний край обороны немцев проходил на западном берегу Прони по ряду высот, господствующих над рекой. Ее пойма покрыта заболоченными, иногда вовсе непроходимыми лугами. Поймы рек Баси и Ресты также представляют собой заливной луг. На Днепре на участке Орша – Шклов берега высокие и крутые, а пойма местами заболочена и изобилует протоками и заводьями.

Дивизии Вермахта первого эшелона имели большое количество артиллерии и противотанкового вооружения. Немецкий солдат, несмотря на поражения гитлеровцев под Сталинградом и на Курской дуге, сохранял свои боевые качества и способность к отчаянному сопротивлению. Немецкое командование уверяло солдат в возможности успешно противостоять Красной Армии. Процитируем приказ от 20 июня 1944 года генерал-майора Шенемана, обращенный к 337-й пехотной дивизии:

«Подготовка противника перед нашим фронтом дает нам возможность предположить, что противник скоро начнет большое наступление. Таким образом, дивизия примет участие в борьбе

немецкого народа на одном из решающих участков. Борьба будет ожесточенной. Противник поставит на карту все, чтобы только победить нас. Эта борьба — дело каждого солдата дивизии, от бойца на передовой в окопах и до последнего солдата в службах тыла; она потребует от каждого полной боевой готовности и напряжения всех сил и энергии. Лозунг сейчас тот же что всегда: «Не отдать ни одной пяди земли, оказывать упорное сопротивление!»

Дивизия имеет большое количество артиллерии, вполне достаточное количество противотанкового вооружения, большие резервы и занимает хорошо оборудованный и благоприятный для обороны рубеж. Таким образом, у нас есть все предпосылки для упорных боев».

Гитлер приказал удерживать Могилев любой ценой. Комендант города генерал-майор Эрдмансдорф подписал обязательство в трех экземплярах, что он обязуется удерживать укрепленный район города Могилева до последнего солдата, даже при условии окружения.

По мнению С. М. Штеменко, на участке 49-й армии плотность обороны немецко-фашистских войск являлась большей, чем в соседней 50-й армии. Поэтому командующий 2-м Белорусским фронтом принял решение сосредоточить на направлении главного удара основные силы фронта. 49-я армия включала в момент наступления 13 стрелковых дивизий из 22, все 3 пушечные бригады, 3 из четырех корпусных артиллерийских полков, все 9 гаубичных артиллерийских полков, 2 из четырех минометных полков, 3 из 4 истребительно-противотанковых бригад, 2 из трех истребительно-противотанковых полков, все 4 танковые бригады, 8 из десяти самоходных артиллерийских полков, все 5 гвардейских минометных полков, 1 из двух зенитных артиллерийских дивизионов и принадлежащие фронту в единственном числе гвардейскую минометную бригаду, отдельный танковый полк, тяжелую гаубичную бригаду, зенитную артиллерийскую дивизию, корпусную артиллерийскую бригаду, артиллерийскую бригаду БМ.

В тот же день, 20 июня, когда немецкий генерал-майор Шенеман издавал приказ 337-й пехотной дивизии об отчаянном сопротивлении, командующий 2-м Белорусским фронтом приказал И. Т. Гришину всю подчиненную командующему 49-й армией военную силу готовить к наступлению: вывести первые эшелоны ударной группы на исходное положение в ночь с 20 на 21 июня,

вторые эшелоны стрелковых корпусов вывести в назначенные районы 23 июня к 2.30. Танковые и самоходные установки должны были скрытно и рассредоточившись выйти сначала на выжидательную позицию 22 июня к 2.30, а затем на исходное положение в ночь на 23 июня к 23.00 под прикрытием ночной авиации. Г. Ф. Захаров потребовал «организовать жесткий контроль за порядком в первой линии обороны, исключить всякую возможность выхода одиночек с переднего края в сторону противника».

Кроме того, предписывалось провести разведку в ночь с 21 на 22 июня мелкими группами и разведку усиленными ротами (по одной от каждой стрелковой дивизии первой линии) в ночь с 22 на 23 июня.

22 июня И. Т. Гришин получил краткий приказ от командования фронта:

«1. 23.06 перейти в решительное наступление.

2. Артподготовку по плану начать ровно в 7 часов 23.06.44.

3. Задачу до рядового и сержантского состава довести за два часа до артподготовки.

Получение подтвердить».

Подписи: Захаров, Мехлис, Боголюбов.

И. Т. Гришин решил осуществить прорыв всеми четырьмя корпусами – 69, 81, 70 и 62. В первой линии от каждого корпуса ставилась одна стрелковая дивизия, которая выстраивала полки в одну линию. Все корпуса должны были прорывать оборону противника на узких участках (около 3 километров). Такое сосредоточение сил обеспечивало преимущество над противником по пехоте в 7, 6 раза, по танкам – 3, 5 раза, по артиллерии – 7, 5 раза.

Таким образом, И. Т. Гришин несколько видоизменял боевой порядок войск, разработанный А. Н. Боголюбовым и одобренный командованием 2-го Белорусского фронта. По свидетельству А. Д. Окорокова, начальник штаба фронта предлагал порядок корпусов установить в три эшелона по одной дивизии в каждом. При этом дивизиям первого эшелона предстояло в свою очередь построить боевые порядки в два эшелона.

И А. А. Сидоренко, и М. Зюбин считали рискованным то, что И. Т. Гришин не оставил общевойскового резерва. Это привело к некоторым осложнениям при наступлении, например при форсировании Днепра, когда не хватало переправочных средств, но в целом не помешало успеху операции в целом. Так что со стороны

командующего 49-й армией это было смелое самостоятельное решение.

Как пишет С. М. Штеменко, при планировании операции «Багратион» родилась идея наносить поражение основной массе войск противника прежде всего мощным артиллерийскими и авиационными ударами. Поэтому в полосе 49-й армии 22 июня с наступлением темноты началась бомбардировка выявленных артиллерийских и минометных батарей противника и его живой силы. Самолеты заходили эшелонами. Первые бросали зажигательные бомбы с целью осветить район поражения, за ними шли бомбардировщики с фугасными и осколочными бомбами, уничтожающие зенитные батареи противника, третьи разрушали оборонные сооружения и громили живую силу Вермахта. Бомбардировка продолжалась до рассвета. И днем штурмовики сопровождали атакующую пехоту, нанося удары по войскам противника.

Утром командование 2-го Белорусского фронта разрешило перенести начало артиллерийской подготовки на 9 часов, так как шел мелкий дождь и из-за тумана плохо просматривался передний край противника. Начавшись, она длилась почти два часа и состояла из нескольких компонентов. Сначала в течение 10 минут был огневой налет по главной полосе и важнейшим объектам в тактической глубине, затем 65 минут шел методический огонь на разрушение, далее 5 минут обрушивался огневой налет по первой и второй траншеям, по ходам сообщения и наблюдательным пунктам, следующие 10 минут – ложный перенос огня на третью и четвертую траншеи, за ним 5 минут – мощный огневой налет по переднему краю, его сменяют 20 минут на подавление и разрушение и в конце 5 минут продолжался огневой налет всей артиллерии по живой силе и огневым средствам противника в первой позиции, по его артиллерийским и минометным батареям и по наблюдательным пунктам.

Как полагает А. А. Сидоренко, имевшаяся в армии плотность – 90 орудий калибра от 76 миллиметров и выше на 1 километр наступления не обеспечивала полного подавления сил и средств противника на второй и третьей позиции и между ними. Однако артиллерийская подготовка в значительной степени деморализовала гитлеровцев, расстроила огневую систему их обороны, и, когда наши войска пошли в атаку, немцы не смогли оказать вна-

чале сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Через полчаса после начала артиллерийской подготовки усиленные стрелковые роты быстро форсировали реку Проню и почти без потерь достигли третьей траншеи. Немцы в панике убегали в глубь обороны. Саперы в это время навели 78 штурмовых мостиков, проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. По штурмовым мостикам, на подручных средствах и даже вплавь с 9.30 — 9.50 начали переплываться на западный берег реки главные силы ударной группировки, которые в течение артподготовки заняли первую, вторую и достигли третьей траншеи.

Однако сбой произошел в самом неблагоприятном для темпа наступления обстоятельстве. И. Т. Гришин требовал в своем распоряжении доставлять на западный берег Прони одновременно с пехотой танки и самоходные орудия. В 10.00, когда еще продолжалась артподготовка, он приказал немедленно переправлять по одному танку и по одной самоходной установке и ставить их в боевых порядках на западном берегу. Командарму доложили, что переправы готовы, и танки и СУ переправляются согласно приказу. Однако через час выяснилось, что только в 69-м и 70-м стрелковых корпусах на западном берегу Прони оказались отдельные танки и самоходные установки, остальные засели в пойме реки. Из 4 переправ под тяжелые грузы две в 81-м и 62-м стрелковых корпусах вышли из строя. Оказалось, что инженерные службы изучили только русло реки, а двухкилометровой, болотистой пойме не уделили должного внимания. В результате почву в пойме разрушили первые переправившиеся машины, а для остальных она стала непроходимой.

А ведь 81-й корпус обеспечивал главное направление и имел больше всего техники. Командарм срочно направил туда 5 рот саперов, которые под огнем противника подносили к месту переправы хворост и бревна с расстояния 900 метров. Еще не задействованные танки и тяжелые самоходные установки он распорядился отправить на переправу 70-го стрелкового корпуса. Лишь к 16.00 застрявшие в пойме танки вышли на берег.

Противотанковые орудия и орудия полковой артиллерии переплавлялись подручными средствами.

А поскольку танки и самоходные установки отстали, то наступающие части особенно в звене батальон, полк лишились средств

усиления, и дальнейшее продвижение их замедлилось. Это дало возможность гитлеровцам подтянуть резервы и организовать сопротивление. Они провели ряд контратак, которые, однако, не принесли им особенного успеха. С 13.00 И. Т. Гришин ввел в бой дивизии вторых эшелонов, но это не привело к усилению темпов наступления, так как только к 18.00 основная масса наших танков и артиллерии переправилась на западный берег и заняла свои места в боевых порядках пехоты. Еще командарм в 16.00 приказал выбросить подвижные отряды для захвата плацдарма на западном берегу реки Баси.

В первой половине дня в течение трех часов боя наши части полностью разгромили соединения противника на переднем крае. Пленные говорили, что в немецких ротах, которые до 23 июня насчитывали по 80-100 человек, осталось не более 15-20. За день части 49-й армии прорвали главную полосу обороны и захватили плацдарм в 6-8 километров в глубину и расширили прорыв до 25 километров.

В документах мы встречаем разные оценки боевых действий 49-й армии 23 июня 1944 года. В «Журнале боевых действий» утверждается, что в первый день операции войска поставленную задачу не выполнили, так как инженерные части не сумели обеспечить своевременную переправу через реку Проню танков и артиллерии. Начальник оперативного управления Генштаба генерал-полковник С. М. Штеменко и начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов пришли к единому мнению, что задачу по прорыву обороны войска фронта выполнили, так как важнейшей задачей являлось форсирование реки.

Достижение 49-й армии становятся понятнее, когда мы сравним их с действиями двух других армий фронта – 33-й и 50-й. Они тоже предприняли 23 июня наступление, но успеха не имели.

Все же в первый день нарушилось взаимодействие пехоты, артиллерии и танковых соединений, по темпу войска отстали от намеченного по плану. Поэтому командующий фронтом и И. Т. Гришин приняли каждый свои меры, чтобы успешно продолжать наступление.

Г. Ф. Захаров в приказе 24 числа отметил, что командир 81-го стрелкового корпуса генерал-майор В. В. Панюхов «показал себя безвольным, не сумел использовать успех своих соседей, потерял управление и боевой задачи не исполнил». Поэтому командую-

ший фронтом отстранил его от руководства корпусом и назначил новым корпусным командиром заместителя И. Т. Гришина генерал-майора Ф. Д. Захарова.

Командующий фронтом поставил перед главной группировкой следующие задачи на 24 июня:

«1. В течение ночи 24.06.44 подтянуть в боевые порядки артиллерию, танки, самоходные установки, боеприпасы;

2. К 3.00 26.04.44 восстановить управление войсками во всех звеньях;

3. В течение ночи на 24.06.44 действовать усиленными батальонами от каждой стрелковой дивизии и в случае отхода противника немедленно его преследовать;

4. Наступление ударной группы продолжать с 6.00 24.06.44 по прежнему плану. К исходу дня выйти главными силами на реку Басю и захватить переправы на правом берегу реки Баси».

Распоряжением Г.Ф. Захарова 330-я стрелковая дивизия вместе со 144-й полковой артиллерийской бригадой передавалась 50-й армии. Для дальнейшего продвижения 49-й армии необходимо было устранить угрозу на ее левом фланге со стороны чаусской группировки противника. Ее уничтожением и занялась 50-я армия.

И. Т. Гришин принял приказ командующего фронтом к исполнению и в течение ночи приводил части в порядок. Он потребовал, чтобы в ходе наступления командные пункты корпусов находились в непосредственной близости от боевых действий.

Утром после 30-минутной обработки очагов сопротивления гитлеровцев в 7.30 наши войска возобновили наступление. Во второй день установилось тесное взаимодействие на поле боя всех родов войск. Артиллерия и самоходные артиллерийские установки передвигались в боевых порядках пехоты. Танки шли впереди пехоты. На каждом танке находилась специальная группа сапёров, помогавшая преодолевать минные поля.

Терпя поражение, в 13.00 противник начал отход к западному берегу реки Баси. «На плечах» отступавших немцев передовой отряд 42-й стрелковой дивизии форсировал реку Басю и не дал им закрепиться на заранее подготовленных позициях. Передовой отряд 290-й дивизии также сходу форсировал реку Басю и захватил траншеи на ее западном берегу. За день главные силы ударной

группировки продвинулись на 15-17 километров и расширили прорыв первого дня операции до 60 километров по фронту и до 20 километров в глубину.

24 июня в состав 49-й армии вошла мотомеханизированная группа генерал-лейтенанта Тюрина, включавшая 23-ю гвардейскую танковую бригаду, 1434 самоходный артиллерийский полк, 13-ю истребительную противотанковую бригаду, 2-й саперный батальон и 1-ю гвардейскую инженерную бригаду. Начальник штаба фронта А. Н. Боголюбов поставил перед ней задачу стремительным броском к утру 26 июня захватить плацдарм на западном берегу Днепра. И. Т. Гришин приказал стрелковым подразделениям, не менее 5 артиллерийским полкам и одному гвардейскому минометному полку содействовать прорыву мотомеханизированной группы в тыл противника.

Еще 24 июня И. Т. Гришин издал боевое распоряжение 003:

«Армия, прорвав оборону противника на всю ее тактическую глубину, имеет задачу уничтожить отходящие части противника на восточном берегу реки Днепр, форсировать реку Днепр на участке Реполово, Подковичи. Подвижной группе генерал-лейтенанта Тюрина и отрядами овладеть 25.06.44 переправами и плацдармом на западном берегу реки Днепр. В дальнейшем форсировать главными силами реку Днепр, ударом в юго-западном направлении овладеть г. Могилев».

Командующий фронтом приказал командующему 49-й армией 24.06.44 в 21.00 в ночь на 25.06.44 форсировать реку Басю. Одновременно он распорядился передать 33-й армии, чтобы поддержать ее наступление, 222-ю дивизию вместе с 347-м и 393-м отдельными полковыми артиллерийскими батальонами и 142-й артиллерийской бригадой.

49-я армия в ночь на 25.06.44 форсировали реку Басю и в 6.00 начала развивать наступление по всему фронту. Теперь вместе с ней шли вперед 33-я армия левым флангом и 50-я армия правым флангом. За день части армии И. Т. Гришина продвинулись от 6 до 14 километров и вышли к реке Ресте. В целом за три дня наступления они прорвали оборону противника на глубину до 30 километров и расширили фронт до 60-70 километров.

Командование 2-го Белорусского фронта послало Верховному Главнокомандующему тов. Сталину боевое донесение за 23-25.06.44, в котором с гордостью отмечало:

«Войска 2-го Белорусского фронта ударной группировкой 49-й армии в последующем – правое крыло 50-й армии, перейдя в наступление 23.06.44 на Могилевском направлении, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильно укрепленную и развитую в глубину оборону противника на западном берегу реки Прони на фронте Халепы, Старый Перевоз.

За три дня боев отразили многочисленные атаки пехоты противника, поддержанные танками, самоходными орудиями и авиацией.

Форсировали водные преграды, реки Проню, Басю, преодолели противопехотные и противотанковые заграждения и завалы в лесных массивах и продвинулись в Могилевском и Чаусском направлениях вперед до 30 километров, расширив фронт прорыва до 80 километров по фронту.

Войсками фронта очищено от противника до 850 квадратных метров, до 800 населенных пунктов...

В боях уничтожено более 5000 фашистов, захвачено в плен 300 солдат и офицеров; трофеи: танков – 9, орудий и минометов разных калибров – 60, пулеметов и автоматов – 375, винтовок – 2700 и другое военное имущество».

В донесении перечислялись армии и командиры разных родов войск, которые отличились в операции. Из армий назывались войска генерал-лейтенанта Гришина и генерал-лейтенанта Болдина.

В тот же день Верховный Главнокомандующий издал приказ генерал-полковнику Захарову, из которого видно, какое большое значение Ставка придавала прорыву обороны на реке Проне. Ведь операция еще дошла только до своей середины, а Верховный Главнокомандующий посчитал уместным отметить промежуточный успех в ее осуществлении. В приказе, в частности, говорилось:

«Войска 2-го Белорусского фронта, форсировав реку Проню западнее г. Мстиславля, при поддержке мощных ударов артиллерии и авиации прорвали сильно укрепленную оборону немцев, прикрывающую Могилевское направление на участке протяженностью 45 километров и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до 30 километров, расширив прорыв до 75 километров по фронту».

В приказе назывались армии, в их числе 49-я, и командиры разных родов войск, отличившиеся при прорыве обороны, указанные в донесении командования 2-го Белорусского фронта. Завершение приказа было следующим:

«В ознаменование победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к награждению орденами.

Сегодня, 25 июня, в 22 часа столица нашей Родины Москва салютует доблестным войскам 2-го Белорусского фронта, форсировавшим реку Проню и прорвавшим оборону немцев на Могилевском направлении, — двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым вами войскам, участвовавшим в боях при форсировании реки Прони и прорыве обороны противника.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!»

Командование фронта считало, что необходимо ускорить темп продвижения вперед. В день, когда было отправлено донесение Верховному Главнокомандующему об успехах войск фронта и получена от него благодарность, Военный Совет 2-го Белорусского фронта в приказах высказал ряд серьезных замечаний по поводу действий танковых и механизированных частей (копия приказа была направлена в Генштаб и командармам 49-й и 50-й армий):

«Практика двухдневных наступательных боев показала, что танковые части и самоходные артчасти свои задачи не выполнили и пехоту в полной мере не поддержали.

В первый период атаки переднего края обороны противника танки и СУ отстали от пехоты и артиллерии на реке Проне.

Во время боя в глубине обороны противника приняли участие только отдельные танки и СУ. Основная же масса танков и СУ плелась в хвосте пехоты, «маскировались» в кустах и оврагах и реальной помощи пехоте не оказали.

В третий период боя — преследования — танки и СУ не были выброшены вперед вместе с подвижными отрядами стрелковых дивизий, по-прежнему болтались в боевых порядках пехоты, продвигающейся вперед без особого сопротивления.

Оборона противника была подавлена и сопротивление его быстро сломлено в результате мощного авиационного налета и

усиленно проведенного артнаступления, и несмотря на это, танковые части и самоходные полки за два дня боя потеряли 37,1 % материальной части.

Из общего числа потерь танков и самоходных установок подбито 32,6%, сгорело 31,5%, по техническим неисправностям 36,9%».

Командование фронта видело в этих беспорядках только три причины – «нерешительность действий командиров танков и самоходных частей и непонимание ими обстановки, резервирование этих частей (около 50% все время находятся в резерве), плохое состояние материальной части». Поэтому предписывались следующие меры:

«Резервирование прекратить, танки и самоходные части должны использовать в полном объеме.

Войска ударной группировки фронта сейчас преследуют противника. Танковые и самоходные части в этом преследовании должны играть решающую роль. Действовать решительно, дерзко, не оглядываясь на пехоту, а расчищать пехоте дорогу и энергично тянуть ее за собой.

В каждый подвижной отряд стрелковой дивизии придать несколько танков и самоходных установок и потребовать от этих отрядов стремительного броска вперед.

От всех танковых и самоходных экипажей требую смелых, инициативных и дерзких действий.

Противник разбит и отступает.

Экипажи, отлично выполняющие свои боевые задачи, смело и решительно представлять к высшим наградам. Этот пункт приказа довести до сведения всех танковых и самоходных экипажей.

Предупредить командиров танковых бригад и самоходных арtpолков, что им личную оценку буду давать, исходя из результатов боевых действий бригад, полка в целом и из состояния материальной части».

Подписи: Захаров, Мехлис, Боголюбов.

Досталось руководителю мотомеханизированной группы генерал-лейтенанту Тюрину (копия командарму 49-й армии):

«Ваши действиями недоволен. Вместо решительного смелого броска на реку Днепр вы топчетесь на месте, путаетесь в боевых порядках пехоты и не можете ее обогнать.

Противник на всем фронте ударной группы отступает, ему нельзя дать возможность закрепиться на Днестре. Поймите это.

Требуя принять самые энергичные меры и выполнить поставленную Вам задачу.

Подписи: Захаров, Мехлис, Боголюбов.

Через несколько часов генерал-лейтенанту Тюрину пришло второе послание:

«Вторые сутки вы топчетесь в тылу своей пехоты... Предупреждаю Вас, если не выполните поставленной задачи в срок, будет поставлен вопрос о Вашем служебном соответствии».

Имели место замечания командования фронта по поводу взаимодействия наземных войск и авиации. Командармам 33-й, 49-й и 50-й армий приказывалось на 26 июня «немедленно принять меры по обозначению войсками своих положений. Каждый случай бомбежки своих войск строго расследовать и виновных наказывать».

И. Т. Гришин к исходу дня 25 июня издал приказ 004, в котором ставил своим войскам задачу – с утра 26.06.44 прорвать оборонительный рубеж противника на реке Ресте, главными силами к концу дня овладеть шоссе Орша-Могилев, передовыми отрядами захватить плацдарм на западном берегу реки Днестр.

26.04.44 с четырех часов утра немецко-фашистские войска начали основными силами отходить на западный берег Днестра, прикрываясь усиленными арьергардными отрядами.

Когда разведка установила это, в 6.00 наши части перешли к преследованию отступавшего противника. За день они продвинулись в глубину от 10 до 35 километров. Соединения 49-й и 50-й армий прорвали оборону противника на реке Ресте, утром вышли основными силами на восточный берег Днестра и захватили передовыми отрядами плацдармы на западном берегу реки Днестр.

Неудачи преследовали мотомеханизированную группу. При форсировании реки Ресты она потеряла подбитыми 7 танков Т-34, 4 самоходных установки СУ-76 и 8 автомашин с противотанковыми пушками. В связи с прошедшими дождями грунтовые дороги в полосе наступления войск фронта в низменных и болотистых местах затрудняли передвижение артиллерии и обозов. Инженерные войска и артиллерия отставали от стремительно двигавшейся пехоты. Без понтонных батальонов наши части не могли преодолеть такую большую водную преграду, как Днестр, и задержались на его восточном берегу на целый день.

27 июня командующий фронтом издал распоряжение, в котором высказал упрек И. Т. Гришину в «нерешительности действий по форсированию реки Днепр и плохой организованности (отставание понтонных батальонов)» и поставил задачу «в течение ночи форсировать главными силами 69, 81, 70 стрелковых корпусов реку Днепр... городом Могилев овладеть к 10 часам 27. 06. 44».

Подвижную мотомеханизированную группу генерал-лейтенанта Тюрина он приказал расформировать и передать находившиеся в ее составе части в распоряжение И. Т. Гришина.

Выполняя распоряжение командующего фронтом, командарм издал боевое распоряжение 006, в котором поставил задачу своим соединениям в ночь на 27 июня закончить форсирование реки Днепр. Два стрелковых корпуса должны были наступать в западном направлении, а 70-й и 62-й участвовать в освобождении Могилева. Из расформированной группы генерал-лейтенанта Тюрина командарм решил создать подвижную группу, чтобы отрезать пути отхода частей Вермахта из Могилева.

К утру 27 июня только часть сил основной группировки на правом фланге и в центре форсировали Днепр. И. Т. Гришин с группой офицеров штаба выехал к месту переправы, чтобы лично руководить продолжающимся форсированием реки и боями за Могилев.

Поскольку артиллерия отставала, она не смогла подавить огневую систему противника на западном берегу Днепра. Переправляющиеся туда наши части встречали упорное сопротивление огнем и контратаками. Против наступавших действовали до 18 артиллерийских и минометных батарей.

199-я дивизия 70-го стрелкового корпуса вместе с подвижной группой 23-й гвардейской танковой бригадой и 1434-м самоходным артиллерийским полком сломила отчаянное сопротивление противника, обошли город Могилев и отрезали пути отхода немцам в западном направлении.

290-я стрелковая дивизия с танковой бригадой и самоходными полками к 17.00 ворвалась на северную окраину Могилева. К этому времени соединения 62-го стрелкового корпуса, разгромив части противника на подступах к городу, вошли в него с востока и завязали уличные бои.

Также части 121-го стрелкового корпуса 50-й армии приступили к очищению Могилева от фашистских захватчиков.

К 19.40 город оказался полностью окруженным двумя армиями. Ночью и следующий день на его улицах шли кровопролитные бои. Здания гитлеровцы превратили в крепости, осыпая наступающих из окон и подвалов автоматным, пулеметным и артиллерийским огнем. Чтобы подавить их сопротивление, каждый стрелковый полк выделил штурмовые группы по 50-60 человек с противотанковыми орудиями, которые бойцы тянули на лямках, и 82-миллиметровыми минометами. Каждая такая группа разбивалась еще на 2-3 подгруппы. Огневые точки противника в окнах и подвалах уничтожались огнем из противотанковых пушек и орудий прямой наводки.

28 июня к 18.00 остатки немецкой 12-й пехотной дивизии и 622-го охранного полка сдались в плен во главе с командиром дивизии генерал-лейтенантом Бамлером и комендантом города генерал-майором фон Эрмансдорфом. Бамлер признался:

«Стремительный и бурный темп русского наступления ошеломил нас».

Докладная записка Военного Совета 49-й армии содержит дополнительные подробности о событиях 27 июня:

«Военному Совету 2-го Белорусского фронта.

Докладываю:

1) Войска 49-й армии в результате стремительного удара форсировали Днепр и 22.40 27. 06 овладели г. Могилев.

2) Противник, потеряв основной рубеж своей обороны по зап. Берегу р. Проня, под ударами наших частей поспешно отошел и занял рубеж обороны по зап. берегу р. Днепр, оказавшемуся заранее подготовленным, как тыловой оборонительный рубеж.

Уничтожая и преследуя отходящие части противника, 42, 153, 32, 95, 199, 290 сд к исходу 26.06.44 достигли рубежа р. Днепр и немедленно приступили к его форсированию.

100-120 м. ширины, 2-3 м. глубины р. Днепр многие офицеры и бойцы, выполняя приказ своих командиров, преодолели вплавь и на подручных переправочных средствах.

Понтонные парки и другие тяжелые переправочные средства значительно отстали от своих войск, что помешало частям схода атаковать позиции противника на западном берегу реки.

Преодолевая упорное сопротивление противника, части 42 сд форсировали р. Днепр и, отбрасывая противника из его траншей, постепенно стали расширять плацдарм в стороны флангов и на запад.

К утру 27.06.44 42 сд полностью, а остальные дивизии частью сил прочно заняли плацдарм на западном берегу реки и под их прикрытием навели мосты и переправы.

Противник огнем пехотного оружия из траншей, артиллерии и минометов из глубины и контратаками пехоты, танками и самоходными орудиями стремился воспрепятствовать форсированию реки.

К 14 - 15.00 27.06.43 на западный берег р. Днепр через наведенные уже понтонные мосты, на парамах и другими переправочными средствами на берег были переправлены почти вся малокалиберная и дивизионная артиллерия, танковые части и самоходные арт. полки; артиллерия тяжелого калибра была подтянута к Днепру и подерживала пехоту и танки, подавляя огневую систему противника.

Войскам была поставлена задача – обходным маневром овладеть г. Могилев, для чего:

а) 69 ск* (42 и 153 сд), прикрывая открытый правый фланг армии (33-я армия отставала), решительным наступлением в западном и юго-западном направлении отбросил противника на 18 км от реки;

б) Подвижная группа (тбр**, самоходно-артиллерийский полк, иптабр*** два батальона пехоты в качестве танкового десанта) была брошена в южном направлении в обход г. Могилев с северо-запада;

в) Одновременно с востока перешел в атаку на Могилев 62 ск в составе 64 и 389 сд, взаимодействуя с правифланговыми частями 50 армии.

В 19.30 танки и полки самоходной артиллерии ворвались в северо-западную часть города, а части 62 ск приступили к штурму города с востока.

Противник, не выдержав натиска наших войск, начал поспешный и беспорядочный отход на запад.

В 21.40 в основном город от противника был очищен.

К исходу 27.06.44 части армии вышли на рубеж р. Лохва.

Таким образом, поставленная задача армией выполнена на 4-й день операции с прорывом в глубину на 80 км, по фронту 30 км с освобождением г. Могилев.

3) За овладение г. Могилев и при форсировании р. Днепр отличились:

* Ск – стрелковый корпус

** Тбр- танковый батальон (рота)

*** Иптабр – истребительно-противотанковая артиллерийская бригада

Части 69-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Мультиан и особенно – 42-й стрелковой дивизии под командованием полковника Слици.

Первыми ворвались в город части армейской подвижной группы под командованием командира 23-й Гвардейской танковой бригады полковника Ершова, части 70-го стрелкового корпуса генерал-майора Терентьева (199 и 290 сд) и 62-го стрелкового корпуса генерал-майора Наумова (64 и 369 сд).

В боях за овладение Приднепровским рубежом в период с 23.6 по 27.6 разгромлены: 337-я, 12 пд*, 113-я боевая дивизия, дивизия «Фельдхернхалле».

Захвачено в плен свыше 2000 человек.

Уничтожено и захвачено: орудий разного калибра – 170, танков и самоходных орудия – 70, минометов разного калибра 120, пулеметов – 300, автомашин – 1125, железнодорожных эшелонов – 3, самолетов – 10».

Подписи: командующий войсками 49-й армии генерал-лейтенант Гришин, член Военного Совета 49-й армии генерал-майор Сычев, начальник штаба 49-й армии генерал-майор Киносян.

28 июня в 12.00 штаб 2-го Белорусского фронта направил Верховному Главнокомандующему маршалу Советского Союза боевое донесение, в котором, в частности, сообщалось:

«Обходным маневром войска 49-й и 50-й армий с севера, юга и юго-запада и штурмом с уличными боями в течение суток овладели мощным опорным пунктом немцев, крупным узлом железных и шоссейных дорог, областным центром Советской Белоруссии г. Могилев».

В тот же день последовал приказ Верховного Главнокомандующего генерал-полковнику Захарову:

«Войска 2-го Белорусского фронта, форсировав Днепр, на участке протяжением 120 километров, прорвали вторую оборонительную полосу немцев, подготовленную на западном берегу реки и сегодня 28 июня штурмом овладели крупным областным центром Белоруссии – г. Могилевым – оперативно-важным узлом обороны немцев на Минском направлении, а также с боями заняли города Шклов и Быхов.

В боях при форсировании Днепра и овладении городами Могилев, Шклов и Быхов отличились войска генерал-лейтенанта Болдина, генерал-лейтенанта Гришина...

* Пд – пехотная дивизия

В ознаменование одержанной победы представить к присвоению наименований «Верхнеднепровских», «Могилевских» и награждению орденами.

Сегодня 28 июня в 22.00 столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий».

Пятнадцать лет спустя после окончания Великой Отечественной войны, в 1959-м году, военный аналитик А. В. Сидоренко опубликовал монографию «На Могилевском направлении». В ней он подчеркнул ценность для военной науки опыта 49-й армии в операции «Багратион». По его мнению, «прорыв вражеской обороны осуществлялся силами одной общевойсковой армии на самостоятельном направлении». Он считал, что операция 49-й армии не потеряла своей актуальности и продолжает представлять интерес для изучения и творческого использования ее опыта.

Представитель Ставки во 2-м Белорусском фронте Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» в урезанном виде упомянул об успехах 49-й армии в операции «Багратион»:

«Хорошие результаты были достигнуты и 2-м Белорусским фронтом, где 49-я армия генерала И. Т. Гришина, успешно прорвав оборону на Могилевском направлении, с ходу захватила плацдарм на Днепре».

Почему-то вне поля внимания маршала оказалось более важное событие — умелый маневр командарма по овладению городом Могилевым.

В документах военного времени — приказах, сводках, донесениях — можно встретить суждения, высказанные под влиянием момента, ситуации, настроения, намерения. Проблема в том, что нередко трудно восстановить истинное положение дел.

29 июня 1944 года директивой командующего фронтом Г. Ф. Захарова командарму 49-й армии предписывалось 30.06.44 выйти главными силами на рубеж реки Березины, кроме того, выделить две дивизии с подвижными средствами усиления, которые должны будут к утру 1 июля захватить плацдарм на западном берегу реки.

И. Т. Гришин включил в состав подвижной группы под управлением 70-го корпуса 64-ю и 199-ю стрелковые дивизии, усиленные танками, самоходными установками, истребительной противотанковой артиллерией, автотранспортом. Но и подвижная

группа, и главные силы двигались медленнее, чем предписывала директива командующего фронтом. Авторы «Журнала боевых действий» объясняли запаздывание армии трудностями передвижения по сильно пересеченной местности с большим количеством рек и болотистых лесных массивов, а также упорным сопротивлением противника, который, отступая, уничтожал переправы и выставлял усиленные заслоны на немногочисленных дорогах.

2 июля 49-я армия еще только выходила к Березине, а 50-я армия уже форсировала ее и продвинулась в западном направлении. Г. Ф. Захаров посчитал это обстоятельство достаточным поводом, чтобы устроить нагоняй командармам двух других армий фронта. Он издал 2 июля приказ, в котором отметил «смелое и решительное продвижение войск 50-й армии», объявлял благодарность генерал-лейтенанту Болдину, командирам подчиненных ему корпусов и дивизий и руководимым ими войскам.

По поводу двух других армий утверждалось:

«33-я армия во главе с генерал-лейтенантом т. Крючковым и 49-я армия во главе с генерал-лейтенантом т. Гришиным плетутся в хвосте противника; в этих армиях нет дерзости и смелости. 2-й стрелковый корпус 33-й армии более 12 часов топчется на месте перед группами автоматчиков; 42-я, 32-я стрелковые дивизии 49-й армии «воюют» с одним, двумя батальонами в районе Вяшевка, Погост и в течение 15 часов также топчутся на месте. Для ликвидации этих батальонов вводится дополнительная третья стрелковая дивизия – 95-я.

Считаю действия 33-й и 49-й армий неудовлетворительными и в первую очередь потому, что их командиры не понимают маневра (подвижных форм боя) и не выполняют приказ не ввязываться в бой главными силами с мелкими группами».

Характерной манерой командования Г. Ф. Захарова являлось применение одного и того же метода управления – отыскивать причины неисполнения его приказов исключительно в личных качествах подчиненных ему командиров. Он часто приписывал им «нерешительность», «отсутствие смелости» и прочее в таком же роде – других причин не искал.

Исполняя приказ зам. Верховного Главнокомандующего Советского Союза т. Жукова, Г. Ф. Захаров приказывал командарму 50-й армии вместе с 3-й армией генерала А. В Горбатова принять участие в освобождении Минска. И. Т. Гришин должен был

передать в состав 50-й армии 70-й стрелковый корпус с танками, артиллерией, саперами, понтонным батальоном и обеспечить технику горюче-смазочными материалами, боеприпасами, а людей – продфуражем на 5 суток.

В ночь на 3 июля 49-я армия двумя оставшимися корпусами (69-м и 81-м) форсировала реку Березину. Задача, поставленная перед армией по разгрому Могилевской группировки, подошла к концу.

4 июля командующий фронтом приказал этим двум корпусам пересечь Минскую область и к исходу 8 июля выйти в Гродненскую область на рубеж Рудня, Налибоки. Г. Ф. Захаров потребовал во время марша в бой с крупными силами не ввязываться, для разведки иметь впереди сильный подвижной отряд на расстоянии 30-50 километров, в каждом соединении иметь передовые отряды на удалении 15-20 километров, на марше соблюдать строгую дисциплину, всемерно облегчать бойцов, совершать марш в прохладное время, командирам двигаться во главе своих войск и для связи иметь при себе рацию. В каждой части иметь не менее половины боекомплекта, 2 заправки горюче-смазочных материалов, 5 сутокных дач продфуража.

Дополнительно в состав 49-й армии включили 43-ю гвардейскую танковую бригаду, 1819-й самоходный артиллерийский полк и 27-ю истребительную противотанковую артиллерийскую бригаду.

И. Т. Гришин распорядился 6 июля к 14.00 захватить и удержать переправы через реку Неман.

Когда 69-й и 81-й стрелковые корпуса вышли к утру 9 июля на реку Неман, распоряжением командующего фронтом их передали со средствами усиления в состав 50-й армии. Так И. Т. Гришин в течение недели лишился трех стрелковых корпусов, с которыми совершал главный удар в Могилевском направлении.

Но командующего 50-й армией не миновали неприятности, которые раньше испытал И. Т. Гришин. Двум армиям – И. В. Болдина и А. В. Горбатова – был отдан приказ в течение 9 июля преследовать отходящего в западном направлении противника, и 3-я армия А. В. Горбатова добилась больших успехов, чем 50-я. Немедленно последовал приказ Г. Ф. Захарова И. В. Болдину:

«Вы отстаете от Горбатова, а соединения, принятые от Гришина на 18.00 09.07.44 вы показали на том же месте, где они были у

Гришина в 18.00 09.07. В чем дело? Немедленно донесите. Особенно медленно движется Ваша подвижная группа».

На следующий день 10 июля командующий фронтом в более вежливой форме, чем он обходился с И. Т. Гришиным, в 12.40 издает распоряжение, в котором, в частности, заявляет:

«Мне непонятна медлительность движения вашей армии...

Непонятно, с каким противником Вы боритесь в тылу Горбатова...

Вы приняли 69 ск и 81 ск и вторые сутки не знаете их положения, и не руководите ими».

В это время 49-я армия, которой командование фронта передало 9 июля 38-й стрелковый корпус, занималась окончательным уничтожением группировки немецко-фашистских соединений, попавших в окружение юго-восточнее Минска после того, как 3 июля войска 1-го и 3-го Белорусского фронта замкнули вокруг них гигантские клещи. Гитлеровцы пытались вырваться из окружения, нападали на тылы и штабы нашей армии. Так, 6 июля группа в 600 человек вышла на штаб 49-й армии, расположенный в населенном пункте Криница. Начальник штаба генерал-майор С. И. Киносян лично повел в бой роту охраны и всех имевшихся под рукой офицеров, связистов, писарей. В течение четырех часов группа нападавших была полностью разгромлена.

7 и 8 июля специально выделенные соединения 49-й и 50-й армий пресекали попытки окруженных немцев выйти из окружения и громили их по частям. 9 июля в 16.00 сдалась в плен большая группа гитлеровцев численностью свыше 3500 солдат и офицеров во главе с временно командующим генерал-лейтенантом Мюллером. Перед сдачей он обратился к подчиненным со следующим приказом:

«После нескольких тяжелых боев наше положение стало безнадежным. Мы выполнили свой долг. Наша боеспособность снизилась до минимума, у нас нет надежды на снабжение. Переправы через реки для нас закрыты. Нет надежд на завоевание нашими силами и средствами. Мы имеем огромные потери ранеными, разбежавшимися.

Русское командование обязалось:

- а) Взять на себя заботу о раненых.
- б) Оставить офицерам холодное оружие и награды, солдатам — награды.

От нас требуется:

Все оружие и снаряжение должно быть собрано и сдано в хорошем состоянии.

Конец бессмысленному кровопролитию.

Я приказываю поэтому: приостановить с настоящего времени военные действия. Повсюду должны быть созданы под руководством офицеров и унтер-офицеров группы от 100 до 500 человек. Раненые должны примыкать к этим группам. Взять себя в руки, показать нашу дисциплину и помочь провести мероприятия по обеспечению приказа».

Командующий 2-м Белорусским фронтом поручил 9 июля одной 49-й армии ликвидировать к исходу 11 июля остатки окруженной группы немецких войск в полосе фронта к востоку от реки Неман, а затем форсированным маршем двигаться в направлении Турец, Новогрудок. В состав армии ввели из резервов фронта 307-ю и 343-ю стрелковые дивизии. Помимо этих соединений армия И. Т. Гришина на этот момент включала еще 5 стрелковых дивизий: 324, 369, 380 и из 38-го стрелкового корпуса — 385 и 110.

Верховному Главнокомандующему командование 2-го Белорусского фронта отправило 11 июля в 20.40 донесение, что в этот день 49-я армия в основном закончила уничтожение остатков соединений Центральной германской армии к югу и юго-западнее Минска.

Военные аналитики, обобщавшие опыт Могилевской операции по горячим следам, считали, что ликвидация окруженной группы противника численностью в 60 тысяч впервые проводилась в таких масштабах в глубоком тылу, и в ней наши войска применили ряд оригинальных приемов, а именно, выбрасывали заградительные отряды на вероятных направлениях отхода противника, устраивали засады на дорогах и в лесах, привлекали себе в помощь партизанские отряды, прочесывали леса и посеы ржи, вылавливая мелкие группы и одиночек, наконец, засылали в окруженные группы сдавшихся добровольно в плен и специально подготовленных немецких солдат для пропагандистской работы.

При ликвидации окруженных гитлеровцев наибольшую эффективность показали армейские небольшие отряды (стрелковые роты с батареей противотанковых орудий и ротой 82 мм минометов), посаженные на автомашины. Иногда к таким отрядам при-

соединяли 2-3 танка или самоходных орудия с десантом автоматчиков.

В целом, в районе к югу и юго-восточнее Минска наши войска уничтожили управления 4 немецких корпусов, остатки 2 штурмовых, 11 пехотных, 3 моторизованных, одной охранной и одной зенитных дивизий, 2 танковых батальонов, одного батальона штурмовых орудий, одной истребительно-противотанковой бригады и одного истребительно-противотанкового дивизиона, 2 тяжелых артиллерийских дивизионов, 2 инженерных батальонов и одного охранного железнодорожного полка.

В плен 49-я армия взяла 17050 пленных, в том числе и 6 генералов.

Они составили значительную часть колонны побежденных, которую под конвоем солдат Красной Армии провели по улицам Москвы 17 июля 1944 года, свидетельствуя всему миру о скором неминуемом крахе фашистской Германии.

С 23 июня по 14 июля 1944 года войска 49-й армии прошли с боями 359 километров.

О Могилевской операции в целом, включая и ликвидацию окруженной группировки около Минска, ее современники – военные аналитики с восхищением писали:

«Военная история не знает таких быстротечных операций, подобной Могилевской, в которой форсирование такого большого количества рек (в том числе Прони, Днепра, Друти, Березины, Свислочи) с широкими сильно заболоченными поймами и большим количеством болот, проведенное в течение 20 дней с такой смелостью и стремительностью, привело бы к таким ошеломляющим успехам».

Выполняя приказ командующего фронтом, 49-я армия к 15 июля прибыла форсированным маршем в район Новогрудок. К этому моменту уже десять дней войска 2-го Белорусского фронта вели наступление на Белосток. 14 июля 3-я армия генерала А. В. Горбатова овладела городом Волковыск, а 16 июля 50-я армия И. В. Болдина – городом Гродно.

Когда 49-я армия сосредоточилась в районе Новогрудок, командующий фронтом поставил перед ней задачу двигаться форсированным маршем в западном направлении, имея в виду в случае задержки наступления 3-й армии на Белосток, обойти город с запада и во взаимодействии с 3-й армией и 3-м гвардейским кавалерийским корпусом овладеть им.

16-18 июля армия И. Т. Гришина двигалась форсированным маршем по 40 километров в сутки.

Командующий 3-й армией А. В. Горбатов отмечал в своих воспоминаниях «Годы войны. Записки командарма», что после долгих боев, требовавших от всего личного состава невероятного напряжения воли и всех душевных сил, маршевая дисциплина понижалась: «артиллерия, минометы и даже пулеметы иногда двигались отдельно от пехоты, а некоторые батальоны шли просто толпой. Бывали случаи, когда разведка и охранение не высылались, причем командиры объясняли это усталостью людей, а также надеждой на то, что противник не нападет, тем более что впереди идут армейские передовые отряды. К рекам и выгодным для обороны рубежам соединения и части подходили, зачастую не задумываясь о том, как обеспечить их захват».

И. Т. Гришин требовал от командиров корпусов и дивизий строгого соблюдения порядка на марше, и особенно при переправе через Неман, обязательной высылки командирской разведки дорог, районов привалов и ночлега, а также высылки саперов на ремонт и восстановление мостов, дорог и переправ, обязательной и постоянной организации охранения как на марше, так и на привале.

С приходом главных сил 49-й армии к реке Свислочь 19 июля Г. Ф. Захаров приказал И. Т. Гришину дополнительно к имеющемуся у него 38-му стрелковому корпусу (включающему 385, 110, 343 дивизии) принять от 50-й армии 70-й стрелковый корпус в составе 64 и 199 и 380 стрелковых дивизий и сменить на восточном берегу реки Свислочь три стрелковых дивизии 3-й армии одной своей стрелковой дивизией. Кроме того, командующий фронтом выделил в распоряжение командарма средства усиления – 19-ю минометную бригаду, 2-ю корпусную артиллерийскую бригаду, 31-ю тяжелую артиллерийскую бригаду, 55-ю, 1273-ю гаубичные артиллерийские полки, 41-й корпусной артиллерийский полк, 49-ю зенитную бригаду.

Г. Ф. Захаров поставил армии задачу прорвать фронт противника на участке Огородники, Рогачи. И. Т. Гришин в боевом приказе № 009/ОП от 19 июля определил силы и конкретные способы исполнения этого приказа. Он решил прорвать оборону немцев силами 70-го стрелкового корпуса и одной дивизии 38-

го стрелкового корпуса при поддержке всей артиллерии. Артподготовка должна была длиться 30 минут. Ее цель состояла в том, чтобы подавить систему артиллерийского, минометного и пехотного огня на переднем крае и в глубину на 3-4 километра. Затем сопровождать наступающую пехоту, уничтожая вероятные узлы сопротивления противника и не допустить возможных контратак танков и пехоты противника.

20 июля командующий 2-м Белорусским фронтом подчинил командарму 49-й еще и подвижной отряд в составе 42-й танковой бригады, 290-го истребительно-противотанкового полка, двух мотобатальонов, 6-го инженерного батальона.

Такое сосредоточение сил и средств на участке прорыва диктовалось несколькими обстоятельствами. Противник заранее подготовил оборонительный рубеж, состоявший из нескольких траншей, тщательно замаскированных огневых средств, минных полей, лесных завалов. Начиная с 10 июля, немецкое командование начало вводить в бой на Белостокском направлении свежие части, взятые с других участков советско-германского фронта, а также из других стран. Так полк «Митте» прибыл из Германии, 3-я танковая дивизия «СС» «Мертвая голова» — из Румынии. Наши же части в результате предшествующих боев и стремительного продвижения были малочисленны: в стрелковых ротах насчитывалось по 8-12 человек. Остро ощущался недостаток боеприпасов. Когда в результате форсированного марша 49-я армия достигла район Новогрудок, то осталось 0, 3 боекомплекта, горюче-смазочных материалов не было вовсе.

21 июля первая атака переднего края обороны гитлеровцев, начатая в 6.30, успеха не имела. Были недостаточно разведаны узлы сопротивления противника, который создал плотную систему ружейного, пулеметного, артиллерийского и минометного огня, дополняя ее контратаками. В 11.00 огневой бой с противником прекратился.

И. Т. Гришин потребовал провести более тщательную разведку опорных точек немцев, поставить орудия на прямую наводку для сопровождения пехоты и в 14.00 повторить атаку. Он лично проверял готовность войск перед ее началом.

На этот раз атака увенчалась успехом. К 17.00 наши части овладели несколькими населенными пунктами и вели бой на подступах к городу Индура Гродненской области.

За этот успех Г. Ф. Захаров поощрил И. Т. Гришина, передав ему 21 июля с 24.00 во временное подчинение из 50-й армии 121-й стрелковый корпус (238 и 139 стрелковые дивизии).

И так совпало, что в тот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и достигнутыми в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» И. Т. Гришина наградили орденом Кутузова I степени, начальника его штаба С. И. Киносяна – орденом Богдана Хмельницкого I степени, члена Военного Совета В. А. Сычева и командира 70 стрелкового корпуса В. Г. Терентьева – орденом Суворова II степени, члена Военного Совета Г. Р. Бранта – орденом Красного Знамени.

22 июля с утра Вермахт начал отводить свои разбитые части в западном направлении, организуя яростное сопротивление в значимых для него местах. Особенно упорные бои завязались за железнодорожную станцию Кузница. 23 июля командующий 2-м Белорусским фронтом передал в состав 49-й армии отдельный батальон химзащиты, а также 342 самоходный артиллерийский полк.

В тот же день И. Т. Гришин потребовал «организовать в ходе наступления противотанковую оборону частей, используя артиллерию всех калибров на уничтожение танков и самоходных орудий противника».

24 июля 343-я стрелковая дивизия овладела городом и железнодорожной станцией Сокулка, вошедшую позже в состав Польши..

24 июля Верховному Главнокомандующему поступило донесение:

«Войска 2-го Белорусского фронта овладели крупным узлом шоссежных и железнодорожных дорог Сокулка. Это сделала 49-я армия».

Г. Ф. Захарова не устраивал темп продвижения войск фронта. 24 июля в 22.35 он издал приказ, в котором использовал свои любимые выражения:

«Наступление 49-й и особенно 50-й армии идет чрезвычайно медленно. Объясняется это нерешительностью действий, плохим управлением и недостаточной настойчивостью в выполнении задач».

Он требовал от командарма 49-й армии сломить сопротивление противника на линии Кузница, Сокулка и придавал на

усиление армии 722 и 119 самоходные артиллерийские полки. Одновременно передал из 49-й армии в подчинение 3-й армии 4 гвардейскую минометную бригаду.

И. Т. Гришин принял меры для улучшения управления. 28 июля в распоряжении по армии были указаны «типичные недостатки и ошибки в работе штабов», а именно, плохая организация контроля за выполнением боевых приказов, задержка их передачи из штабов корпусов (при наличии телефонной и радиосвязи приказы доходят до дивизий через 4-5 часов), разноречивой и путаница в докладах и донесениях о положении войск, несоблюдение сроков их подачи, нарушение управления при передислокации штабов и командных пунктов, недостаточное количество и нередко плохая подготовка офицеров связи, плохое использование радиосвязи (допускались переговоры открытым текстом), пользование примитивными переговорными таблицами и примитивной кодировкой, что приводило к перехвату противником оперативных распоряжений.

Командарм приказал командирам корпусов и дивизий в трехдневный срок устранить указанные недостатки и наладить управление войсками в строгом соответствии с Постановлением по полевой службе штабов, директивами и указаниями Ставки Верховного Главнокомандующего и Генштаба Красной Армии.

В ходе наступления в армии продолжал остро ощущаться недостаток боеприпасов, поэтому немецким частям удавалось довольно долго удерживать свои позиции. Так, 26 и 27 июля артподготовка длилась всего по 15 минут. В результате огневой системы противника не наносился существенный ущерб.

27 июля 3-я армия овладела польским городом Белосток.

Немцы, отступая, стали минировать городские постройки. Поэтому командарм с целью избежать потерь от мин замедленного действия 30 июля приказал:

«1. Запретить размещение войск и учреждений тыла в городах и зданиях городского типа ранее 32-дневного срока с момента оставления их противником.

2. Проводить особо тщательную проверку освобожденных городов и поселков на минирование минами замедленного действия, выделив для этой цели наиболее опытных саперов и офицеров».

49-я армия, несмотря на случающийся дефицит боеприпасов и малочисленность рядов пехоты, ведя упорные бои, с 27 по 30 июля продвинулась вперед на 70 километров, прорвала три оборонительных рубежа противника, освободила 467 населенных пункта.

Но Захаров ставил перед командармом И. Т. Гришиным еще более амбициозные задачи. В приказе от 30 июля он приказывал выйти 2 августа главными силами на восточный берег реки Бебжа, а одним корпусом захватить плацдарм на южном берегу реки Нарев.

31 июля 49-я армия частью сил форсировала реку Бжозувку – правый приток Бебжи. Во второй половине дня Иван Тихонович вместе с командирами соединений произвел тщательную рекогносцировку на местности, отработал вопросы взаимодействия родов войск и организации боя. Но 1 августа оказалось, что войска не обеспечены горючим, его не имелось не только в действующих соединениях, но и на складах. Командарм устно доложил об этом Г. Ф. Захарову и получил указание перенести начало наступления на 3 августа. Однако И. Т. Гришину пришлось отодвинуть начало наступления на 4 августа, так как не завезли достаточного количества боеприпасов из-за дождей, которые резко ухудшили состояние дорог.

3 августа в 23.15 командарм приказал командирам соединений провести 4 августа в 7 часов утра артиллерийскую подготовку в течение получаса, затем поднять пехоту в атаку с началом последнего пятиминутного артналета с таким расчетом, чтобы она к концу артналета достигла переднего края, прижимаясь к разрывам своих снарядов. Там, где передний край противника удален больше, чем на 500 метров, пехоте следовало произвести два скачка: первый в 300-400 метров во время первого артналета и второй во время последнего артналета. Командарм потребовал от командиров лично руководить техникой движения пехоты, считая это главной задачей.

В результате двухдневного упорного боя 5 августа к 21.00 части левого фланга 49-й армии очистили от противника районный центр – город Кнышин. Немецкие войска ввели новшество в свои оборонительные бои. Чтобы предупреждать обход нашими войсками их опорных пунктов, они создали резервы из групп численностью рота-батальон с 5-10 танками и самоходными уста-

новками, которые контратаками изматывали силы нашей пехоты. Так, по сводкам 4 августа наши части отразили 9 контратак, 5 августа – 18 контратак.

6 августа командующий фронтом приказал командованию 49-й и 50-й армий отбросить осовецкую группировку противника за реку Бебжу и к исходу 11 октября выйти на ее восточный берег, овладев опорными пунктами Гонендз, Осовец. По приказу необходимо было обеспечить себя боеприпасами: патронами – 1 боекомплект, минами 82 мм – 2 боекомплекта, минами 120 мм – 1,5 боекомплекта, снарядами – 1 боекомплект.

На основе этого боевого приказа И. Т. Гришин издал свое распоряжение 0042 от 06.08.44, в котором потребовал закрепиться на достигнутом рубеже и организовать систему артиллерийского, минометного и пехотного огня, достаточного, чтобы не допустить прорыва танков и пехоты противника.

Командиры соединений должны были представить командарму план вывода из боя от каждой дивизии по два полка с целью их пополнения и приведения в порядок. Они также в течение 6 августа обязаны были пересмотреть рядовой и сержантский состав, не принимавший участия в боях и состоявший при штабах, в тыловых учреждениях и вернуть всех, кто незаконно содержался за счет строевых подразделений, в строй. Ликвидировать все нештатные команды, не положенные соответствующими приказами Народного комиссариата обороны (ординарцев, связистов и др.) Для личной охраны командирам дивизий и корпусов кроме ординарцев иметь только по одному бойцу.

Для проверки исполнения распоряжения приказывалось командирам корпусов во всех соединениях назначить комиссии.

По распоряжению командарма предусматривалось 7 августа ввести в строевые подразделения, преимущественно в строевые роты, обмундированное и обученное пополнение, чтобы в ротах имелось не менее 50-60 человек.

С пополнением существовали свои проблемы. Большинство поступавших в армию состояли из необученных новобранцев, не имеющих обмундирования. Например, с 28 июля по 7 августа в 139-ю дивизию прибыло 382 обмундированных и 1076 необученных, в 64-ю – 300 обмундированных и 1151 – необученных. Обмундированных бойцов из запасного полка сразу направляли в подразделения, а необмундированных сводили в отдельные ко-

манды и в ожидании обмундирования их на ходу усиленно учили во втором эшелоне искусству боя.

7 августа И. Т. Гришин издал еще одно распоряжение, касающееся будущего наступления. Вначале он охарактеризовал силы и намерения немцев:

«Противник частями 50-й пехотной дивизии, 12-й танковой дивизии и 367-й пехотной дивизии, усиленный танками и самоходными орудиями, перешел к обороне по западному берегу реки Бжозувка, стремясь не допустить прорыва наших войск к главной полосе обороны по западному берегу реки Бебжа».

Он предполагал прорвать оборону гитлеровцев шестью дивизиями, наделенными всеми средствами усиления. Во втором эшелоне оставались две дивизии: одна для жесткой обороны и другая для обеспечения левого фланга во время наступления. Предусматривался расход боеприпасов на день боя 0,8 боекомплекта, на артподготовку — 0,5 боекомплекта.

Командующий фронтом приказал начать боевые действия 10 августа. После 35-минутной артиллерийской подготовки в 12.35 части 121-го и 70-го стрелковых корпусов 49-й армии перешли в наступление. Во взаимодействии с авиацией они прорвали оборону противника и продвинулись вперед на 8-12 километров.

11 августа они, отбив 10 контратак противника, продвинулись еще на 4-6 километров и подошли к городу Тыкочину. Г. Ф. Захаров, стремясь ускорить наступление, в 22.30 приказал 199-ю и 343-ю стрелковые дивизии из 121-го стрелкового корпуса подчинить непосредственно И. Т. Гришину, в каждой из них выделить по два передовых отряда с целью быстрейшего захвата плацдармов на западном берегу Бебжи. Им предписывалось не ввязываться в бой на восточном берегу реки Бебжа и продвигаться вне дорог по болотистым районам.

12 августа войска 49-й армии продолжали боевые действия ночью и днем, преследуя отходившего противника и не давая ему возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Приходилось преодолевать минные поля, инженерные сооружения, сопротивление подразделений автоматчиков вдоль дорог. Войска продвинулись на 10-12 километров и овладели городом Тжцинне.

13 августа части 238-й стрелковой дивизии 49-й армии, наступая вдоль шоссе Кнышин-Осовец, в 7 часов утра вышли к валу вдоль опушки леса, растущего перед крепостью Осовец. Лес,

окруженный железной изгородью, состоял из сплошных завалов с колючей проволокой. В городе и на подступах к городу имелись многочисленные минные заграждения. Артиллерию и минометы крепости поддерживали минометным и артиллерийским огнем войска противника с западного берега реки Бебжа.

Штурму крепости, который начался в 15.00 частями правого фланга 49-й армии и левого фланга 50-й армии, предшествовали мощные удары нашей авиации и часовая артиллерийская подготовка. Большинство наших орудий вели огонь прямой наводкой с открытых позиций. Части Вермахта под натиском наших войск в 5 часов утра 14 августа стали отходить за реку Бебжа. В 9 часов утра старинная крепость, заложенная российской императорской армией в 1795 году, была очищена от гитлеровцев.

В 12.45 ушло боевое донесение Верховному Главнокомандующему маршалу Советского Союза т. Сталину:

«Войска 2-го Белорусского фронта 10.08.44 прорвали оборону противника северо-западнее Белостока на рубеже Бжозово-Кнышин и, стремительно преследуя противника, к 9.00 13.08.44 обходным маневром и штурмом овладели крепостью Осовец, крупным узлом коммуникаций и мощным пунктом обороны, прикрывающим пути в Восточную Пруссию.

В этом многосуточном, непрерывном сражении на подступах к завладению крепостью Осовец, отличились войска генерал-полковника Болдина (командующий 50-й армией), генерал-лейтенанта Гришина (командующий 49-й армией)...»

На это последовал приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Захарову:

«Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление, сегодня 14 августа штурмом овладели городом и крепостью Осовец – мощным укрепленным районом обороны немцев на реке Бобр, прикрывающем подступы к границе Восточной Пруссии.

В боях за овладение городом и крепостью отличились войска генерал-полковника Болдина, генерал-лейтенанта Гришина...

Сегодня 14 августа в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Белорусского фронта, овладевшим городом и крепостью Осовец – 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Осовца».

И. Т. Гришин распорядился 14 августа в течение дня закончить разминирование и ликвидировать заграждения на дорогах в крепости в полосе корпусов и стал готовить части к захвату плацдармов на западном берегу реки Бебжи. Однако у Г. Ф. Захарова существовали свои планы. Он приказал 49-й армии сдать свои боевые участки 50-й армии, передать последней 199 и 343 стрелковые дивизии и ввести 42 и 110 стрелковые дивизии из резервов фронта в 49-ю, придал ей средства усиления – минометную бригаду, истребительно-противотанковую бригаду, гаубичные полки, танковую бригаду и самоходные полки, инженерную штурмовую бригаду и зенитную дивизию. В своем новом составе армия И. Т. Гришина была скрытно переведена на южный берег реки Нарев, чтобы к 19 августа принять часть полосы 3-й армии. Командующий фронтом требовал перегруппировку вести скрытно и только ночью. Перед армией ставилась задача с утра 21 августа во взаимодействии с правым крылом 3-й армии перейти в наступление в направлении Ломжи, Новогруд и там быть готовой форсировать реку Нарев.

Ситуацию и настроения того времени во вражеских и в наших частях характеризуют некоторые приказы. Генерал-фельдмаршал В. Модель, которого Гитлер посылал спасать немецко-фашистские войска в самых критических ситуациях, требовал:

«Враг стоит у ворот Пруссии... Теперь ни шагу назад. Никто не должен колебаться. Каждый на своем месте должен сделать все, что только от него зависит».

Личный состав Вермахта продолжали уверять в непобедимости немецкого оружия. Вот приказ по 427-му пехотному полку от 19 августа 1944 года:

«Каждому офицеру, унтер-офицеру и солдату должно быть совершенно ясно, что полк находится теперь в непосредственной близости от государственной границы, и что дальнейший отход на другой тыловой рубеж не может иметь места. Отход назад означает трусость и позор.

Немецкий солдат имеет лучшее оружие, чем большевики. При прицельном пулеметным, ружейным огнем атака вражеской пехоты сейчас же захлебывается. Боеприпасов у нас вполне достаточно. Ни один большевик не может двигаться перед окопами, не будучи обстрелянным.

У вас самое лучшее оружие на всем свете, и немецкого пехотинца ни один солдат в мире не может превзойти по мужеству, выдержке, боевому духу и воле».

21 августа в наших войсках распространена Директива Ставки Верховного Главнокомандования для доведения ее до всего личного состава соединений и отдельных частей. В ней говорилось:

«Придавая большое значение делу форсирования реки Нарев на участке Остроленка до Нов. Двур (устье реки Западный Буг), и созданию достаточно широких и прочных плацдармов на этом участке, дающих возможность развернуть крупные наступательные операции за рекой Нарев против Восточной Пруссии, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает довести до сведения командиров, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании реки Нарев и захвата указанных плацдармов, получат специальные награды орденами, вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза».

Командовавший войсками 3-й армии генерал А. В. Горбатов в своей книге «Годы и войны. Записки командарма» вспоминал:

«Каждый офицер, сержант, рядовой Советской Армии считал за честь, мечтал первым перейти границу Восточной Пруссии».

49-я армия оказалась на ответственном участке на подступах к Восточной Пруссии. Ее ожидало с каждым днем нарастающее сопротивление прижатых к собственной границе немецко-фашистских войск. Это почувствовалось уже в самом начале продвижения армии.

Имея в виду скорое наступление, И. Т. Гришин 19 августа издал приказ командирам корпусов и дивизий:

«Практика последних боев выявила следующие основные недостатки в работе штабов:

Штабы полков и дивизий, а иногда и корпусов в период наступления частей отставали от войск настолько, что часто теряли связь с подчиненным штабом и частями. Вследствие этого, положение частей и характер их действий вышестоящие штабы или вовсе не знали, или занимались отсебятиной».

Командарм приказал:

«В процессе наступления штабам располагаться от передовой линии войска: штабам полков — не далее 1,5-2 километра; штабам дивизий — не далее 3 километров; штабам корпусов — не далее 5 километров. Наблюдательный пункт выбирать на таком удале-

нии, чтобы каждый командир части или соединения обязательно мог видеть поле боя своей части или соединения и влиять на ход его развития».

20 августа И. Т. Гришин принял решение нанести главный удар пятью стрелковыми дивизиями со средствами усиления в направлении города Снядово.

21 августа усиленные батальоны 238-й, 110-й и 42-й стрелковых дивизий вели разведку боем. Севернее города Замбрув они ворвались в траншеи противника и сбили его с занимаемого рубежа. В тот же день командующий фронтом издал приказ о наступлении 22 августа в 9.00. В этом приказе все действия всех подразделений были расписаны по минутам.

Но противник с утра 22 августа опередил наши действия. Стремясь вернуть утраченные позиции, он с 5.00 до 8.00 трижды контратаковал подразделения 110-й и 42-й стрелковых дивизий. Противотанковая артиллерия прямой наводкой подбила и уничтожила 18 танков противника.

Начав атаку в 9.00, наши части прорвали оборону противника, форсировали реки Яблонку и Гаць и вышли к траншеям и окопам на западных берегах рек. Но оказалось, что артподготовка при всей ее систематичности не подавила огневые точки врага, так как они не были достаточно хорошо разведаны. Уцелевшие орудия и минометы противника открыли мощный заградительный огонь. Кроме того, на западном берегу реки Яблонки гитлеровцы ввели в бой до 100 танков и самоходных орудий, значительная часть которых были врыта в землю и действовала как огневые точки прямой наводки.

До 15 часов длилась огненная дуэль наших и немецких войск, во время которой наше командование проводило мероприятия по дополнительной разведке огневой системы противника, увязывало вопросы взаимодействия разных родов войск. Часть орудий поставили на прямую наводку. И. Т. Гришин лично выезжал в 42-ю, 110-ю и 238-ю стрелковые дивизии, где определял задачи пехоте и танковым соединениям и частям.

В 15.00 наша пехота при поддержке авиации и танков поднялась в атаку и прорвала оборону гитлеровцев на западном берегу реки Яблонки.

В этом бою было замечено, что немецкое командование вводит в бой тяжелые танки и самоходные орудия «Тигр» и «Ферди-

нанд». Нашим частям удалось сжечь 5 «Тигров», после чего они стали отходить.

В 15.30 Г. Ф. Захаров отдал распоряжение придать 49-й армии для борьбы с тяжелыми танками 76-й гвардейский танковый полк «ИС» (Иосиф Сталин – ред.)

Понеся большие потери, немецко-фашистские войска стали отходить с утра 23 августа в северо-западном направлении и к 12 часам всего в 6 километрах от ранее занимаемой позиции заняли заранее подготовленный рубеж на высотах со сплошными траншеями, проволочными заграждениями и множеством опорных пунктов. Наши части, преследовавшие противника, наткнулись на огонь 12 артиллерийских и 8 минометных батарей, 30 танков и самоходных орудий и множества пулеметов. Повторная атака позиций противника с 16.30 до 17.00 успеха не принесла из-за слабой артиллерийской подготовки.

24 августа дерзким маневром 49-я армия овладела городом Снядово. И. Т. Гришин приказал посадить десант автоматчиков на танки и самоходные орудия и стремительным ударом прорвать боевые порядки немецкой пехоты на подступах к городу. Ошеломленный противник стал отходить. Десант захватил город, отбил контратаки пришедшего в себя противника и удержал город до подхода основных сил.

Начальник оперативного управления штаба 2-го Белорусского фронта генерал-майор Котов рекомендовал «быстрейшим» образом передать опыт этого танкового десанта во все части.

25 августа наши войска при поддержке авиации продвинулись всего на 2-3 километра. Противник вводил в бой все новые резервы, до 50 танков обороняли позиции гитлеровцев. Немецкие самолеты бомбили боевые порядки наших частей. Но к 24.00 110-я стрелковая дивизия 70-го стрелкового корпуса завладела опорным пунктом на большаке, ведущем к основной магистрали Ломжа– Остроленка -Хоментово.

26-27 августа шла упорная борьба за Хоментово. Деревня переходила из рук в руки, пока наши войска не овладели ею окончательно к 14.00 27 августа. Противник, опираясь на «ломжинский вал» и опорные пункты, расположенные южнее, стремился не допустить обхода нашими войсками Ломжи с юго-запада. На отдельных участках продвижение наших частей за день было не более 300-400 метров.

29 августа командующему 2-м Белорусским фронтом пришла директива Ставки:

«1. Правому крылу войск фронта с получением настоящей директивы перейти к жесткой обороне. Силами 49-й и 3-й армий не позже 4-5 сентября выйти на реку Нарев, захватив плацдарм на западном берегу реки в районе Остроленка, после чего перейти к жесткой обороне.

2. Оборону создать глубоко эшелонированную, подготовить в полосе фронта не менее 3 оборонительных рубежей с общей глубиной 30-40 километров, имея на основных направлениях сильные корпусные, армейские и фронтовые резервы».

Подписи: Сталин, Антонов.

30 августа 49-я армия получила в свой состав 343-ю и 290-ю стрелковые дивизии и заняла часть полосы 3-й армии.

31 августа И. Т. Гришин издал распоряжение в 14.45 за номером 0058, в котором приказал командирам 199-й стрелковой дивизии и 121-го стрелкового корпуса:

«199-й перейти к жесткой обороне на занимаемом рубеже. На переднем крае иметь траншеи полного профиля с ходами сообщения, оборудованными НП, землянками на каждом отделении, медпункт, банями, ровиками и прочее.

При организации оборонительных работ тщательно спланировать огонь артиллерии и минометов по районам вероятного скопления танков, систематически тренируя артиллерийские инженерные части в вызове и сосредоточении огня как днем, так и ночью.

Противотанковую оборону иметь глубиной 6-8 километров с плотностью на танкоопасных направлениях 25-30 орудий на 1 километр фронта, широко используя минные поля.

В каждой дивизии иметь подвижные отряды заграждения с запасом 2000 противотанковых и противопехотных мин».

1 сентября Г. Ф. Захаров распорядился подключить к жесткой обороне еще 380-ю и 385-ю стрелковые дивизии. Наступление 3-й армии и левого фланга 49-й армии, состоявшего из 4 стрелковых дивизий, он перенес на 3 сентября, чтобы для предстоящих боевых действий накопить необходимое количество боеприпасов и дать время для подготовки операции. Армии И. Т. Гришина предписывалось нанести главный удар в направлении Остроленка, одновременно наступая в северном направлении и отбрасывая противника на север и северо-запад. Командарм возложил

задачу наступления вместе с 3-й армией на 70 стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий, а одну стрелковую дивизию выделил для наступления во вспомогательном направлении.

Если армия А. В. Горбатова успешно шла вперед, то 70-й стрелковый корпус, отражая многочисленные контратаки противника, продвигался медленно. Но сковывая своими активными действиями значительные силы противника, он содействовал наступлению ударной группировки 3-й армии и обеспечивал ее правый фланг.

4 августа стрелковые дивизии И. Т. Гришина овладели городом Трошиным.

В ночь на 5 августа войска Вермахта начали отход в северо-западном и западном направлении. В 4 часа утра их начали преследовать части 3-й армии и днем вышли к внешнему обводу города Остроленка. В 5 часов утра к преследованию отходящего противника подключились и соединения 49-й армии. В 12 часов дня Г. Ф. Захаров приказал повернуть 70-й корпус в северном направлении с целью наступать на Новогруд, чтобы обойти город Ломжу с юго-запада. По разграничению, установленному командующим 2-м Белорусским фронтом 4 августа, город Остроленка заключался в полосу 3-й армии. И брали его штурмом 35-я и 41-й стрелковые корпуса армии А. В. Горбатова.

В ходе наступления на город Остроленка наши войска впервые имели дело с долговременными железобетонными огневыми точками с несколькими амбразурами для кругового обстрела. Способ борьбы с ними заключался в следующем: артиллеристы вели огонь по амбразурам прямой наводкой с коротких дистанций, а пехотинцы забрасывали амбразуры гранатами, а затем врываются внутрь и уничтожали вражеские гарнизоны.

6 августа в 12.30 в Москву полетело донесение командования 2-го Белорусского фронта:

«Верховному Главнокомандующему маршалу тов. Сталину
Маршалу тов. Жукову
Маршалу тов. Василевскому.

Первое. Войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника юго-западнее Ломжи и развивая наступление к 10.00 06.09.44 штурмом овладели городом и крепостью Остроленка, крупным узлом коммуникаций и мощным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути в Восточную Пруссию.

Одновременно освобождено до 300 населенных пунктов, среди которых узловая станция Остроленка, районный центр Говорово, Гродзиск и другие.

Войска фронта вышли на восточный берег реки Нарев на участке Остроленка, Рожан.

В напряженных четырехдневных боях на подступах и за освобождение городом и крепостью Остроленка отличились войска генерал-полковника Горбатова, генерал-лейтенанта Гришина...»

Последовал приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Захарову:

«Войска 2-го Белорусского фронта сегодня 6 сентября штурмом овладели городом и крепостью Остроленка – важным опорным пунктом обороны немцев на реке Нарев.

В боях за овладение городом и крепостью Остроленка отличились войска генерал-полковника Горбатова, генерал-лейтенанта Гришина...»

6 сентября в 21 час столица салютовала в честь доблестных войск 2-го Белорусского фронта 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

О Ломжинской операции И. Т. Гришин писал в своей автобиографии:

«Выигрыш фланга в боях за Остроленка, в результате чего, вопреки директиве сверху, армия овладела сильно укрепленной, многополосной обороной Ломжинского плацдарма немцев, городом Ломжа и крепостью Новогруд».

Действительно, согласно директиве Ставки от 29 августа, наши войска после овладения районом Остроленка, должны были приступить к жесткой обороне.

В «Журнале боевых действий» 2-го Белорусского фронта за сентябрь месяц имеются два приказа штаба фронта И. Т. Гришину от 7 и 8 сентября, посвященных исключительно этой задаче. В 16.00 7 сентября начальник штаба А. Н. Боголюбов по поручению командующего фронтом потребовал:

«Немедленно приступить к боевой подготовке. Укрепить стрелковые роты, вернуть из тылов всех годных к строю. Из резервов фронта Вам наряжаю 2000 человек. Первое 1000 человек пополнения прибудет к Вам на автомашинах 10. 09. 44.

Занимаемый рубеж подготовить к круговой обороне».

8 сентября в 00.50 начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор Котов передал приказ Г. Ф. Захарова:

«Отрекогносцировать Осовецкий узел обороны и к 15.09.44 закончить все оборонительные работы, создав в Осовец неприступную крепость. Планы работ и рекогносцировки представить в штаб войск фронта 11.09.44.

Рекогносцировкой определить возможность использования оставшихся сооружений в системе рубежей обороны.

Все сооружения, непригодные к использованию засыпать и разрушить. Работы выполнить силами местного населения. Срок окончания работ 25.09.44.

В ежедневных донесениях указывать выход на работы от войск и местного населения».

Но когда наши войска очистили от частей Вермахта район Остроленка, то стало ясно, что наличие плацдарма на левом берегу реки Нарев в районе южнее Ломжа, Новогруд нарушает план нашего командования организовать жесткую оборону по всему фронту от канала Августовский по реке Бебжа и реке Нарев. Войска противника, расположенные на этом плацдарме, угрожая правому флангу 49-й армии, могли сковывать ее своими частыми контратаками.

Из имеющихся архивных документов можно сделать вывод, что было решено, вероятнее всего, негласно и на уровне Ставки, дать 49-й армии, «выигравшей фланг», шанс дополнить директиву от 29 августа – овладеть районом Ломжа, Новогруд.

Участок обороны немецко-фашистских войск в изгибе реки Нарев представлял ряд серьезных препятствий для наступления наших войск. Минные заграждения в некоторых местах достигали плотности 24 тысячи мин на 1 квадратный километр. Часть мин зарывали в грунт и тщательно замаскировывали, а часть разбрасывали в беспорядке по поверхности, чтобы скрыть зарытые в землю. Много мин устанавливали под копнами сена и снопами сжатого хлеба.

На подступах к городам и выходам к реке Нарев предместья составляли целые полосы опорных точек. В них имелись старинные форты и бастионы.

Траншеи, хода сообщения, огневые позиции артиллерии и минометов замаскировывались так, что их можно было заметить только на расстоянии 200-300 метров.

Пленные показывали, что в районе Ломжи противник произвел перегруппировку войск перед левым флангом 49-й армии и значительно уплотнил свои боевые порядки.

Судя по имеющимся приказам И. Т. Гришина, наступление на ломжинский плацдарм он начал готовить 5 сентября. 70-му стрелковому корпусу он поставил задачу выйти к устью реки Рузь и левый берег реки Нарев, для чего выделить по одному полку от 110-й, 139-й и 2 полка от 42-й стрелковых дивизий, также всю артиллерию корпуса и приданные ему танки и самоходные орудия. В дополнение к этому распоряжению И. Т. Гришин 6 августа приказал:

«1. 70-му стрелковому корпусу, согласно утвержденному плану, к утру 7 сентября отработать все вопросы по организации боя и взаимодействия, тщательно подготовить артиллерию и минометы, вести разведку с целью установления системы огня обороны противника.

Готовность к наступлению к 7.00 08.09.44.

2. Командиру 121-го стрелкового корпуса подготовить один полк 238-й стрелковой дивизии с задачей овладеть лесом северо-западнее Тарново.

Полку занять исходное положение к утру 07.09.44».

Согласно шифротелеграмме командарма от 7 сентября левофланговому полку 238-й стрелковой дивизии и 70-му стрелковому корпусу предстояло перейти в наступление 8 сентября.

Атака пехоты должна была начаться в 9 часов 35 минут.

Артиллерии с 9 часов до 9.05 произвести налет по переднему краю обороны противника; с 9.05 до 9.35 вести огонь по подавлению выявленных огневых точек; с 9.35 до 9.45 повторить налет по переднему краю и тактической глубине врага, в 9.35 дать залп реактивных установок, что будет сигналом атаки.

Танки и самоходные установки должны занять исходное положение за пехотой не далее одного километра. Самоходные орудия 152 мм и 122 мм иметь во втором эшелоне.

«Атаку произвести с танками и самоходными установками решительно и быстро, не останавливаясь в первой траншее противника, первый бросок сделать на глубину 3-4 километра».

8 сентября части 110-й и 139-й стрелковых дивизий при поддержке танков и самоходных установок прорвали оборону противника и продвинулись на 4 километра. 42-я стрелковая дивизи-

зия захватила траншею на переднем крае. Гитлеровцы отошли на заранее подготовленный рубеж за сплошным противотанковым рвом, и там сильным артиллерийским и минометным огнем и контратаками с танками задержала наступление 110, 139 и 42 стрелковых дивизий.

В ночь на 9 сентября 2 усиленных батальона 830-го и 843-го стрелковых полков скрытно подошли к проволочным заграждениям на переднем крае противника, заложили заряды и взорвали их в 5.00 утра. После этого ворвались в первую и вторую траншеи противника. Правофланговый батальон от 843-го стрелкового полка занял лес северо-западнее Тарново. Усилив его другими подразделениями, 238-я стрелковая дивизия вклинилась в оборону противника на глубину 5 километров.

Оценив сложившуюся обстановку, И.Т. Гришин решил перенести направление главного удара на участок 238-й стрелковой дивизии восточнее реки Рузь и перегруппировал сюда основные силы 70 стрелкового корпуса.

9 сентября 49-я армия подошла к внешнему Ломжинскому обводу, состоявшему из нескольких линий траншей полного профиля с ходами сообщения и бетонированными площадками для колпаков. За ними тянулся противотанковый ров шириной 6 и глубиной до 3 метров.

10 сентября после ожесточенных боев соединения 70-го стрелкового корпуса и 238-й стрелковой дивизии 121-го стрелкового корпуса овладели сильно укрепленными предместьями Ломжи и перерезали шоссе Ломжа-Виктория. Дальнейшее продвижение наших войск могло расколоть всю ломжинскую группировку врага на две части.

Г. Ф. Захаров 10 сентября приказал передать в оперативное подчинение командарма 1902-й самоходный артиллерийский полк. Он потребовал, чтобы полк двигался «наикратчайшим» маршрутом в сопровождении ответственного представителя штаба фронта.

На рассвете 11 сентября немецкое командование приступило к частичному отводу своих войск к городу Ломжа. Части 380-й и 385-й стрелковых дивизий, преследуя их, сбили группы прикрытия и к исходу дня подошли к Ломже на расстояние 5-6 километров. Артиллерия 121-го стрелкового корпуса начала обстреливать город.

11 сентября в 22.40 И. Т. Гришин приказал 121-му стрелковому корпусу сосредоточить главные усилия на левом фланге и ударом с запада и северо-запада захватить Ломжу, 70-му стрелковому корпусу наступать на Новогруд.

После пяти дней боев противник потерял все свои выгодные позиции на подступах к Ломже и Новогруду, понес большие потери. В ночь на 13 сентября он стал отходить за реку Нарев. Передовые отряды 380-й стрелковой дивизии ворвались ночью в город Ломжу и очистили его от гитлеровцев.

В Москву 13 августа в 14.30 отправилось донесение командования фронта:

«Верховному Главнокомандующему маршалу тов. Сталину
Маршалу тов. Жукову
Маршалу тов. Василевскому.

Войска 2-го Белорусского фронта 08.09.44 перешли в наступление южнее Ломжа-Новогруд. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника на заранее подготовленном оборонительном рубеже Ломжинского плацдарма, прорвали внешний и внутренний обвод Ломжинского и Новогрудского укрепленного района и утром 13.09 штурмом овладели городом и крепостью Ломжа – крупным узлом коммуникаций и мощным пунктом обороны немцев на реке Нарев.

Одновременно освобождено до 200 населенных пунктов. Войска фронта к 9.00 13.09 ведут бой на подступах к Новогруд.

В многосуточном напряженном сражении на подступах и за овладение овладели городом и крепостью Новогруд

Генерал-лейтенанта Гришина И. Т.,
Генерал-майора Смирнова (121 ск),
Генерал-майора Терентьева (70 ск),
Генерал-майора Кустова (380 сд),
Полковника Супрунова (385 сд),
Генерал-майора Красноштанова (238 сд),
Генерал-майора Кирилова (139 сд),
Генерал-майора Кроник (343 сд),
Полковника Тарасова (110 сд),
Генерал-майора Слици (42 сд)».

Перечисленные командиры – все представители 49-й армии.

13 сентября в 21.00 столица Советского Союза по приказу Верховного Главнокомандующего отмечала победу 49-й армии 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

14 сентября соединения 70-го стрелкового корпуса после короткого огневого налета атаковали части Вермахта, оборонявшие внешний обвод города Новогруд. После двухчасового боя они сломали упорное сопротивление противника и к 13.00 подошли к внутреннему обводу города, проходившему на расстоянии 300-500 метров от его окраины. На обводе имелись сплошные траншеи с площадками для пулеметов, а ходы сообщения связывали обвод с каменными зданиями на окраине города, приспособленными для ведения огня.

Части 343-й и 110-й стрелковых дивизий стремительной атакой прорвали укрепления внутреннего обвода. В 14.30 356-й стрелковый полк ворвался на юго-восточную окраину Новогруд, а 370-й стрелковый полк — на юго-западную. Во взаимодействии со 110-й стрелковой дивизией они выбивали с помощью орудий прямой наводки гитлеровцев, засевших в каменных зданиях. К 17.00 город был очищен от захватчиков.

Не прекращая наступательных боев, части 121-й и 70-й стрелковых корпусов 15 сентября к 10 часам полностью освободили от остатков немецко-фашистских войск левый берег реки Нарев.

На этом завершилось участие армии И. Т. Гришина в операции «Багратион». О ее значении для совершенствования своего полководческого опыта Иван Тихонович писал в автобиографии:

«Характерным для этой операции («Багратион») для меня было следующее:

- организация и проведение прорыва сильно укрепленной полосы позиционной обороны противника;
- своевременное введение в бой вторых эшелонов и резервов армии и обеспечение их средствами усиления и поддержки;
- удачное использование подвижной мехгруппы при взятии города Могилева и важного железнодорожного узла Кузница;
- отражение и уничтожение танкового контрудара противника южнее города Гродно (танковой дивизии «Мертвая голова» с двумя полками пехоты на бронетранспортерах и артиллерией);
- уничтожение крупной окруженной группировки врага в районе города Минска;

– выигрыш фланга в боях за Остроленка, в результате которого вопреки директиве сверху, армия овладела сильно укрепленной, многополосной обороной Ломжинского плацдарма немцев, городом Ломжа и крепостью местечка Новогруд;

– организация надежного бесперебойного управления войсками и взаимодействия с авиацией на всем протяжении операции.

Эта успешно проведенная операция была весьма поучительной для меня, из которой я извлек наибольший практический опыт в вопросах планирования, подготовки и проведения армейской операции».

Есть мнение, что в Белоруссии немецко-фашистские войска потерпели свое самое крупное поражение в Великой Отечественной войне. Операция «Багратион» считается триумфом советского военного искусства. Иван Тихонович Гришин не только внес свою лепту в это достижение, но и смог научиться многому новому и подняться на новый уровень полководческого мастерства.

Глава VI

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 49-Й АРМИИ: 1944–1945

Г. К. Жуков вспоминает в своих мемуарах, что рассмотрение завершающих операций Великой Отечественной войны началось в Ставке Верховного Главнокомандующего в октябре 1944 года. И стратегический план действий Красной Армии в этот период определился в ноябре того же года. В соответствии с этим планом Верховный Главнокомандующий приступил к перестановке кадров. На пост командующего 1-м Белорусским фронтом, которому будет поставлена задача взять столицу Германии Берлин, он назначил своего заместителя маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Г. Ф. Захарова на посту командующего 2-м Белорусским фронтом сменил маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. И. В. Сталин по телефону сообщил Г. Ф. Захарову, что тот будет заместителем Г. К. Жукова.

За пять месяцев, пока Георгий Федорович командовал 2-м Белорусским фронтом, он лучше узнал И. Т. Гришина и составил о нем вполне объективное мнение. Об этом можно судить по той характеристике, которую он дал Ивану Тихоновичу в 1945 году при присвоении командующему 49-й армией звания генерал-полковника. Приводим соответствующую выписку из аттестационного листа:

«Генерал-лейтенант тов. Гришин в Красной Армии с 1920 года. Участник Великой Отечественной войны с начала ее действий. В должности командующего армией с июня 1943.

49-я армия, действуя на главном направлении, благодаря умелому и мужественному руководству генерал-лейтенанта тов. Гришина решила поставленную перед ней задачу прорыва силь-

но укрепленной обороны противника. За 10 дней боев с 22.06 по 02.07.1944 г. армия прорвала оборону противника и углубилась на 160 километров, форсировав реку Березину. Умело маневрируя и обходя фланги частей противника, войска армии окружили и уничтожили противостоящего противника по частям, не давая ему закрепиться на рубежах, с хода овладели переправами крупных речных преград, форсировали реки Проня, Днепр, Друть и Березину.

Кроме того, в ходе боев умелым обходным маневром овладели городом Могилев и районным центром Могилевской области Бельниччи, городами Ломжа, Новогруд.

В результате умело проведенных боевых операций войскам армии противника нанесен значительный ущерб в технике и живой силе. За период с 23.06 по 01.10 1944 года войсками армии взято пленных солдат и офицеров 21642, убито 79235, захвачены трофеи: танков и самоходных орудий – 48, орудий разного калибра – 592, минометов – 180, пулеметов – 543, винтовок и автоматов – 13428, снарядов – 15000, автомашин – 1552, тягачей и тракторов – 13, мотоциклов – 130, лошадей – 2472 и складов разных – 96.

Уничтожено в боях: танков и самоходных орудий – 310, орудий разного калибра – 1188, минометов – 321, пулеметов разных – 1445, самолетов – 14, автомашин – 3611, тягачей и тракторов – 22, мотоциклов – 375, лошадей – 4412, складов разных – 38.

Генерал-лейтенант Гришин обладает достаточной инициативой, волей и командирской требовательностью.

Должности командующего армией соответствует.

Достоин присвоения воинского звания «генерал-полковник».

И. Т. Гришин и К. К. Рокоссовский лично не знали друг друга, но Иван Тихонович был осведомлен армейской молвой о том, что новый командующий фронтом уважительно относится к подчиненным и поощряет их инициативу.

22 ноября командование 2-го Белорусского фронта направило своим соединениям директиву о боевой подготовке № 086/ОП.

23 ноября вышел приказ по 49-й армии:

«1. Директиву принять к немедленному исполнению и руководству при планировании и проведении боевой подготовки на декабрь 1944 года.

2. Планы боевой подготовки составлять из расчета 15 учебных дней: для дивизий первого эшелона – по программе обороны, для

резервных частей – по программе наступления. Смену соединений и частей первого эшелона производить через каждые 12-15 дней по особому мною утвержденному плану. Количество тем и объем программных вопросов последовательно отрабатывать в зависимости от количества дней пребывания соединений и частей в обороне или резерве.

3. Для резервных дивизий и полков второго эшелона первой линии установить 10 учебных часов в день; в частях, находящихся в первой линии, для занятий отводить 4 часа в сутки.

4. К 01.12 в каждой резервной дивизии оборудовать по одному учебному пункту для обучения войск и форсированию водной преграды на подручных и табельных переправочных средствах.

5. В резервных дивизиях программу тактической подготовки закончить: стрелковых рот – к 01.12, стрелковых батальонов – к 06.12, полков – к 10.12.

Последние учения рот, батальонов и полков провести на тему: «Наступление усиленной роты, батальона и стрелкового полка с боевой стрельбой в обстановке, максимально приближенной к боевой действительности. Эти учения считать зачетами.

6. Распорядок дня во всех частях пересмотреть в сторону улучшения качества проводимых учебных мероприятий в полном соответствии с директивой 086/ОП командующего фронтом. Утренний осмотр, физзарядку, вечернюю поверку и пение Гимна Советского Союза проводить регулярно и обязательно в присутствии всего офицерского состава.

7. Всякий отрыв личного состава от занятий в учебное время, по каким бы то ни было причинам (кроме болезни и наряда) категорически запретить; всякого рода собрания, совещания в учебные часы не проводить, отведя для этих мероприятий внеучебное время, во второй половине дня.

8. На учениях все вопросы отрабатывать практически, не занимаясь словесностью.

11. Перед проведением каждого тактического учения с боевой стрельбой добиться, чтобы бойцы были обучены ведению прицельного огня, залпового огня, переносу огня по фронту и стрельбе сходу.

12. Из числа лучших стрелков в каждой стрелковой роте отобрать 5 снайперов и до 10.12 провести с ними недельные сборы по ранее высланной программе.

15. Учебу с офицерским составом спланировать раз в неделю по 8 учебных часов в день».

Подписи: Гришин, Сычев, Киносян.

На занятиях по боевой подготовке отрабатывались следующие темы: «Атака усиленной стрелковой ротой переднего края обороны противника и бой в глубине», «Наступление стрелковой роты на населенный пункт», «Атака стрелковой ротой переднего края обороны противника ночью», «Атака усиленным стрелковым батальоном противника, поспешно перешедшего с марша к обороне», «Наступление усиленного стрелкового батальона на сильно укрепленную оборону противника», «Усиленный стрелковый батальон в наступлении на сильно укрепленную полевую оборону противника с боевой стрельбой», «Наступление и атака стрелкового батальона ночью».

Отработка тем производилась вначале по отдельным частям, затем в комплексе и завершалась итоговыми учениями с боевой стрельбой.

И. Т. Гришин лично провел показное учение на тему «Прорыв переднего края оборонительной полосы противника и бой в глубине его обороны», в котором показал, как надо управлять боем в полку и батальоне в сложной обстановке».

В армейской газете «За Родину» в ноябрьских номерах появились лозунги «Готовься к боям на немецкой земле!», «Готовься к решающим боям каждую свободную минуту!».

Был напечатан приказ № 220 Верховного Главнокомандующего тов. Сталина, в котором, в частности, заявлялось:

«Красная армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединенных Наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию».

Организации ВКП(Б) проводили массовую идейно-политическую работу. Чтобы понять ее значение, надо знать, что 5 декабря 1944 года общая численность 49 армии составляла 63319 человек, а число членов и кандидатов армии равнялось 22223, то есть, почти каждый третий принадлежал ВКП(б).

28 ноября К. К. Рокоссовский получил лично от И. В. Сталина директиву Ставки для 2-го Белорусского фронта. Перед войсками фронта ставилась задача разгромить Пшаснышско-Млавскую

группировку противника, на десятый-одиннадцатый день овладеть городами Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзядлово и в дальнейшем наступать на Мариенбург. Преследовалась цель отрезать восточно-прусскую группировку противника, представлявшую серьезную угрозу для армий 1-го Белорусского фронта, которые будут наступать в берлинском направлении, от остальных немецко-фашистских войск.

Чтобы обеспечить действия главных сил 2-го Белорусского фронта от возможного удара с севера, директива предписывала одной армии фронта наступать на Мышинецком направлении, а 50-й армии держать прочную оборону по реке Нарев на участке Августов, Ломжа, Остроленка.

17 декабря К. К. Рокоссовский представил Верховному Главнокомандующему план операции по директиве от 28 ноября. 22 декабря этот план был утвержден с некоторыми дополнительными указаниями.

К. К. Рокоссовский решил нанести главный удар с Рожанского плацдарма силами усиленных четырех общевойсковых армий — 2-й ударной, 3-й, 65-й и 70-й, усиленных одной танковой армией, одним танковым корпусом и одним механизированным корпусом. Второй удар с Сероцкого плацдарма наносили две общевойсковые армии и один танковый корпус.

Относительно 49-й армии в плане, представленном К. К. Рокоссовским, высказывалось следующее мнение:

«На правом крыле фронта с задачей жесткой обороны на участке Августов, Осовец, Ломжа, Новогруд поставлена 50-я армия в составе 7 стрелковых дивизий и 3 укрепрайонов. Растяжка левого фланга 50-й армии до Остроленки невыгодна. Целесообразно участок от Новогрудок до Остроленки оставить 49-й армии, которая, наступая на Мышинец, будет свертывать оборону противника по западному берегу реки Нарев, и к исходу 10-11 дня операции своим правым флангом должна выйти западнее Новогрудок».

В соответствии с этой мыслью командующего фронтом И. Т. Гришин разработал план участия 49-й армии в предстоящей операции. 124-му стрелковому корпусу предстояло активными оборонительными действиями сковывать противостоящего противника, готовясь по мере продвижения ударной группировки наших войск к наступлению на северном направлении. Одной дивизии 121-го стрелкового корпуса также занимать оборону,

имея в виду в случае успеха головной группировки наступление в северном и северо-восточном направлении. Остальные дивизии 121-го стрелкового корпуса вместе с 70-м стрелковым корпусом должны наносить главный удар в направлении на Мышинец.

При этом командарм направил К. К. Рокоссовскому свои соображения к плану предстоящей операции:

«1. По плану операции 49-я армия одним СК (124 в составе 51, 208 и 216 сд) выполняет задачу обороны рубежа от м. Новогруд до Хелсты (протяжение фронта 51 км), не имея артиллерии усиления. Дивизионная артиллерия и временно приданный истребительно-противотанковый артиллерийский полк дает плотность лишь 4 орудия на 1 километр фронта. На случай активных действий со стороны противника на участке м. Новогруд, Остроленка, не представляется возможности массировать огонь в нужных направлениях.

2. Выделенная армии артиллерия усиления (2 гаубичных и 1 корпусный артиллерийские полки) едва обеспечит ввод 121 ск и бой его в глубине обороны противника; с вводом в бой соединенный 70 ск я вынужден буду переключить всю, или большую часть артиллерии усиления на обеспечение частей 70 ск; в этом случае 121 ск останется почти без артиллерийского усиления.

3. По характеру задачи фронт наступления армии все время будет уширяться и к концу ее достигнет до 85 километров; тогда как средства усиления армии остаются без изменения.

Учитывая, что соединения армии к концу операции значительно ослабнут, потребуется усиление армии на последующем этапе артиллерией и боеприпасами.

4. Докладывая о вышеуказанном, прошу:

а) 124-й ск усилить хотя бы одним артиллерийским полком корпусного типа;

б) с вводом в бой 70-го ск (ориентировочно на третий день операции) придать армии дополнительно 2-3 гаубичных артиллерийских полка и один корпусный артиллерийский полк усиления;

в) одновременно прошу усилить армию одной инженерно-саперной бригадой № 001/ОП».

Пока разрабатывались планы, в декабре и первой половине января шла интенсивная подготовка к наступлению.

В декабре велась усиленная разведка. Наблюдением и действием небольших разведгрупп числом 12-20 человек, захватом

пленных, аэрофотосъемкой подробно изучался характер обороны противника, системы его огня и инженерных сооружений на переднем крае и на глубину до 100 километров. Схемы оборонительных рубежей немецко-фашистских войск, схемы минных полей врага были размножены и доведены до командиров батальонов включительно.

Армия пополнялась личным составом. В середине сентября 1944 года после боев стрелковые дивизии имели в среднем по 3900-4600 человек. Прибывшие в состав армии в начале декабря 1944 года 51-я, 208-я, 216-я стрелковые дивизии имели в среднем по 3000 человек. К началу наступления число бойцов увеличилось в дивизиях от 5931 до 6773.

В каждом стрелковом полку готовили по одному батальону для ночных действий, чтобы дать отдых нашим частям после дневного боя и держать противника в постоянном напряжении, изматывая его и понижая его боеспособность.

Большое внимание придавалось обучению специалистов — станковых и ручных пулеметчиков, разведчиков. Для пехотинцев организовали подвижные классы, на которых обучали их саперному делу. Пехоту учили ведению огня с хода во время атаки. Добивались, чтобы батальоны преодолевали полосу обороны противника глубиной до 3 километров за 25-30 минут, а глубиной до 5 километров — за 45-50 минут.

Для лучшей организации взаимодействия артиллерии с поддерживаемой ею пехотой сформировали 4 подвижных наблюдательных пункта, в состав которых входили офицер-артиллерист, общевойсковой офицер, наблюдатели и радисты с рацией.

Проводились командно-штабные учения на местности со средствами связи.

Чтобы обеспечить бесперебойное движение к армейской переправе через реку Нарев, построили колеиную дорогу для двухстороннего движения протяженностью 15 километров.

Были заготовлены детали для построения 10 мостов через реку Нарев.

14 января 1945 года за несколько часов до начала наступления в подразделениях, частях и соединениях прошли митинги. На них зачитывалось следующее обращение Военного Совета фронта:

«Дорогие товарищи!

Боевые друзья!

Верные сыны Советской Родины — красноармейцы, сержанты, офицеры, генералы!

Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза товарищ Сталин приказал войскам 2-го Белорусского фронта перейти в решительное наступление и нанести врагу смертельный удар. Настало время рассчитаться с злейшими врагами нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками за все их зверства и злодеяния, за страдания и муки нашего народа, за кровь и слезы наших отцов и матерей, жен и детей, за уничтоженные и разграбленные врагом советские города и села.

Красная Армия с честью выполнила свой долг перед народом, очистив всю советскую землю от фашистской нечисти. Русские, украинцы, белорусы, молдаване, латыши, литовцы и другие народы Советского Союза с благодарностью смотрят на вас. Но наш героический советский народ не может быть спокоен до тех пор, пока на свете существуют злобные враги человечества — гитлеровские изверги.

Теперь перед нами стоит одна задача — выполнить с честью приказ Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина «добить фашистского зверя в его собственной логове» и водрузить над Германией знамя Победы.

Дорогие товарищи!

Наша великая Родина ждет от своих любимых сынов — воинов Красной Армии быстрейшего выполнения приказа товарища Сталина, чтобы навсегда обезопасить дорогое Отечество от угрозы немецкого нападения, чтобы наши дети и внуки никогда не видели немецкого разбойника, покушающегося на их жизнь и мирный счастливый труд.

Для достижения победы нам дано все необходимое. У нас вполне достаточно мощной боевой техники: артиллерии, авиации и танков. Священный долг артиллеристов, танкистов и летчиков — обрушить всю мощь своего оружия на врага и расчистить путь доблестной пехоте.

Нашим мужественным пехотинцам и кавалеристам под водительством испытанных в боях офицеров и генералов — полностью использовать мощный удар нашей техники и нанести врагу сокрушительное поражение.

Враг не выдержит этого удара. Силы его, в результате многих поражений, поколеблены. Войска Красной Армии успешно наступают в Венгрии и Чехословакии. Союзные англо-американские войска на западе вторглись в ряде мест на территорию Германии. Берлога фашистского зверя обложена со всех сторон, и никакие ухищрения врага не спасут его от неизбежной гибели.

Славные воины 2-го Белорусского фронта!

В этот решающий час наш Великий Советский народ, наша Родина, наша родная партия Ленина-Сталина призывают вас с честью выполнить свой воинский долг, воплотить всю силу своей ненависти к врагу в единое желание быстрее разгромить немецких захватчиков.

Новым мощным ударом ускорим гибель врага! Ваш боевой клич отныне должен быть только один:

Вперед на разгром врага!

Вперед на Берлин!

Смело бросайтесь вперед, взламывайте вражескую оборону, окружайте и беспощадно уничтожайте живую силу и технику противника. Не давайте врагу отходить на промежуточные тыловые позиции.

Военный Совет фронта уверен, что доблестные войска фронта с честью выполнят приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина – добьют немецкого зверя в его логове и водрузят знамя Победы над Берлином.

Так вперед же, советские богатыри! Вас ждет Победа!

Пусть осенит вас в этом бою победоносное знамя Ленина-Сталина!

Да здравствует наша победа!

Смерть немецким захватчикам!»

Подписи: Рокоссовский, Субботин.

14 января в 11.00 после часовой артподготовки пошли в наступление войска соседней с 49-й армией 3-й армии генерала А. В. Горбатова. Сильный туман ограничивал видимость до 150-200 метров и снизил эффективность действия артиллерии и минометов. На правом фланге 3-й армии, примыкающем к участку армии И. Т. Гришина, гитлеровцы оказывали особенно сильное сопротивление, и войска А. В. Горбатова продвинулись всего на 2-3 километра. Это не дало возможности ввести в бой 121-й стрелковый корпус 49-й армии.

Он начал наступать 15 января и к исходу 16 января, отразив 11 контратак, прорвал оборону противника на глубину до 6 километров. К. К. Рокоссовский так оценил этот успех 121 корпуса в своих мемуарах «Долг солдата»:

«Настал третий день операции. Ввод части сил 49-й армии между 50-й и 3-й армиями вообще улучшил положение на этом участке фронта, создав условия для продолжения наступления войск А. Горбатова (3-й армии), которые к вечеру продвинулись до 5 километров, блестяще выполнив свою задачу».

Войскам 49-й армии приходилось преодолевать главную полосу немецкой обороны, которая состояла из 3-4 траншей на переднем крае с проволочными заграждениями, минными полями и узлами сопротивления. В трех-четыре километра от переднего края проходил сплошной противотанковый ров. В 14-16 километрах – второй оборонительный рубеж полевого типа с 2-3 линиями траншей и противотанковым рвом.

По мнению авторов «Краткого теоретического обзора январской наступательной операции 49-й армии», армия И. Т. Гришина обладала «совершенно недостаточной для прорыва сильно укрепленной обороны противника» артиллерией и вовсе не имела танков. Правда, 15 января К. К. Рокоссовский, сочтя разумными предложения командарма, приказал передать из 2-й ударной армии в подчинение И. Т. Гришину 1-ю артиллерийскую дивизию прорыва из резерва Главного командующего. Это усилило пробивную способность армии.

Наши наступавшие части, вгрызаясь в оборону противника, наносили ему удары днем основными силами, а ночью подвижными ночными батальонами, изматывая и обескровливая его. По показаниям пленных, только с 15 по 16 января подразделения Вермахта потеряли в боях с 49 армией от 40 до 60% своего состава, в связи с чем часть рот была расформирована.

В «Журнале боевых действий 2-го Белорусского фронта за январь 1945 года» имеется запись от 19 января, что 49-я армия, продолжая наступление во взаимодействии с частями 5-го гвардейской танковой армии, овладела Дзядово, Хлава. За 19.01 войска армии, преследуя части 299-й, 7-й пехотных дивизий, танковой дивизии «Великая Германия» и 18-й механизированной дивизии, отходившие в северном и северо-западном направлении, продвинулись до 30 километров.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 19 января отмечается взятие города Дзядово (Зольдау), но не упоминается 49-я армия в числе отличившихся армий.

В этот же день И. Т. Гришин получил распоряжение командования фронта «с прежними средствами усиления продолжать наступление на Мышинец, Фридрихсхоф».

На территории Восточной Пруссии армии предстояло столкнуться с системой долговременных укреплений. Там имелись ряды блокгаузов, построенных еще в годы первой мировой войны. Траншеи, противотанковые рвы, проволочные заграждения, минные поля дополнялись дотами, бронеколпаками, противотанковыми ежами и железобетонными надолбами.

Сержант В. Ермоленко в своем «Военном дневнике» так описал доты в Восточной Пруссии:

«Они очень крепкие. Некоторые даже тяжелая артиллерия не берет с первого снаряда. Приходится стрелять прямой наводкой несколько раз, чтобы сокрушить один дот. Дело пошло немного лучше, когда нам подвезли ящики с горючей жидкостью. Вот мы и выкуривали фрицев из бетонных колпаков бутылками с горючей смесью».

Однако 20 января из 49-й армии перевели во 2-ю ударную армию 1-ю артиллерийскую дивизию, оставив из нее лишь две бригады.

21 января армия И. Т. Гришина с боями вышла на территорию Восточной Пруссии. Через два дня в ночь на 23 июня она овладела крупным узлом сопротивления городом Кадзидло на промежуточном рубеже немецкой обороны.

23 января 1945 года издан приказ Верховного Главнокомандующего Рокоссовскому:

«Войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление, сегодня 23 января, с боем овладели городами Восточной Пруссии – Вилленбергом, Ортельсбургом, Морунген, Заальфельд и Фрайштадт – важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев.

В боях за овладение названными городами отличились войска генерал-полковника Горбатова, генерал-полковника Федюнинского, генерал-лейтенанта Гришина, генерал-майора Киносяна, генерал-лейтенанта Терентьева...»

В 21.00 столица салютовала доблестным войскам 2-го Белорусского фронта.

25 января в час тридцать И. В. Сталину поступило боевое донесение командования 2-го Белорусского фронта, в котором о роли армии И. Т. Гришина говорилось следующее:

«49-я армия после многодневных ожесточенных боев сломила сопротивление противника на подготовленных промежуточных рубежах обороны. В течение дня продвинулись до 20 километров. Овладела городами Мышинец, Фридрихсхоф».

И. Т. Гришину приходилось по ходу наступления корректировать неумелые действия своих подчиненных. Примером тому является его приказ от 3 февраля 1945 года в связи с овладением городом Бишофсбургом, приспособленным для круговой обороны, окруженным лесными массивами, заранее пристреленными огнем противника, тремя линиями траншей, проволочными заграждениями, минными полями, с каменными строениями, предназначенными для долговременной обороны.

28 января подвижной отряд 70 стрелкового корпуса сумел внезапной атакой захватил город, но не был своевременно поддержан основными силами. 29 января гитлеровцы, опомнившись, смогли вытеснить подвижной отряд из Бишофсбурга. Только повторной атакой, стоившей жертв, нашим войскам удалось овладеть городом в ночь на 30 января.

В приказе командарма 49-й армии акценты были расставлены следующим образом:

«28.01.45 подвижной отряд 70-го стрелкового полка в составе 7-го танкового полка 1819-й самоходной артиллерийской дивизии, батальона пехоты, роты автоматчиков и двух батарей истребительно-противотанкового артиллерийского полка под командой зам. командира корпуса полковника Огиенко стремительной атакой ворвался в Бишофсбург и овладел им.

Успех отряда наступающей пехотой 385-й и 238-й стрелковой дивизии использован не был и противнику удалось закрыть прорыв и контратаками к утру 29.01.45 выбить отряд из города. Причинами такого позорного явления, как сдача города противнику обратно, является:

1. Командир 70-го корпуса генерал-лейтенант Терентьев, поставив задачу подвижному отряду, не обеспечил своевременную поддержку отряда пехотой, начальник штаба корпуса полковник Файдун не организовал бесперебойную связь и управление

частями и особенно отрядом, что не обеспечило своевременно и точно знать обстановку в районе города Бишофсбург.

Неточное знание командиром и штабом корпуса привело к тому, что вместо принятия энергичных мер к закреплению за собой города, командир корпуса доложил мне о том, что город занят и подвижной отряд связался с пехотой, а в действительности пехота опоздала и в город не вошла.

2. Зам. командира корпуса полковник Огиенко не сумел организовать управление подвижным отрядом, не принял мер по организации обороны города и без приказа решил отвести отряд, оставив город противнику.

3. Командир 830-го стрелкового полка 238-й стрелковой дивизии подполковник Смурьгин, получив приказ командира дивизии – энергичным движением за подвижным отрядом войти в город – остановился в двух километрах и дальше не пошел, мотивируя невозможностью наступать вследствие сильного огня противника, тогда как в это время через боевые порядки полка проходил и вошел в город 593-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

4. Командиры 385-й и 238-й стрелковых дивизий также нечетно знали о создавшейся обстановке в районе Бишофсбурга, отстали от войск и поэтому не могли использовать успех подвижного отряда.

Все это могло произойти вследствие плохой организации боя и управления частями в 70-м стрелковом корпусе.

Приказываю:

1. Обратить внимание командира 70-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Терентьева и начальника штаба Файдуна на неудовлетворительное управление подчиненными частями в бою и требую в будущем более серьезного анализа обстановки и принятия своевременных мер воздействия на подчиненных.

2. За плохое руководство боем подвижного отряда и оставление Бишофсбурга без приказа – зам. командира 70-го стрелкового корпуса полковнику Огиенко – объявить выговор и предупредить о неполном служебном соответствии.

3. Командира 830-го стрелкового полка подполковника Смурьгина за невыполнение боевого приказа командира дивизии – отстранить от занимаемой должности и назначить зам. командира полка.

4. Предупреждаю командиров 385-й и 238-й стрелковых дивизий о слабой организации взаимодействия и требую более ответственного отношения к делу управления частями в бою.

5. Приказ довести до командиров полков включительно».

Подписи:

генерал-лейтенант Гришин, генерал-лейтенант Сычев, генерал-майор Киносян.

К. К. Рокоссовский утвердил этот приказ с оговоркой, что считает возможным согласиться с решением командарма, поскольку город взят обратно, и распорядился разослать документ всем армиям фронта.

Говоря о трудностях, которые преодолевали наши войска, особо стоит сказать о работе инженерных частей. Немцы, отступая, минировали дороги всеми типами мин, устанавливая их на дороге в шахматном порядке на расстоянии 20-30 метров одна от другой. Противотанковые мины прятали под снегом или сухой травой на обочинах дорог, в кюветах, за кюветами. Встречалось большое количество фугасов нажимного действия весом 100-150 килограмм. В конструкциях мостов подвязывали заряды.

За время операции усилиями инженерной разведки было снято и обезврежено 5036 противотанковых мин, 4070 противопехотных, 165 фугасов общим весом 2930 килограмм, разминировано 2 моста.

В последние дни января Иван Васильевич Болдин, столько лет воевавший бок о бок с И. Т. Гришиным, совершил ошибку, которая повлияла как на его судьбу, так и на планы К. К. Рокоссовского относительно 49-й армии. Войска 50-й армии, перешедшие от обороны к наступлению 22 января, успешно продвигались вперед в западном направлении. Еще 26 июня они упоминались в приказе Верховного Главнокомандующего как отличившаяся при взятии восточнопруссских городов Ликка, Ноендорфа, Билла. О том, что произошло потом, К. К. Рокоссовский писал:

«Совершив поворот на север и северо-восток, мы довольно быстро продвигались к морю. Чтобы задержать войска 2-го Белорусского фронта, враг стал стягивать на это направление силы южных участков своей обороны, проходившей по Августовскому каналу, оставляя там лишь слабое прикрытие. Командование 50-й армии не заметило этого маневра и продолжало докладывать в штаб фронта, что неприятель держится крепко. Только через два дня разведка боем показала, что перед армией — пустое ме-

сто. Последние группы гитлеровцев поспешно уходили на север. Такое упущение нельзя было простить командарму. В командование армией вступил начальник штаба генерал Ф. П. Озеров.

Неверная информация дорого нам стоила. Мы были вынуждены раньше времени ввести в бой 49-ю армию, которая, не случись этого, могла бы быть использована более целесообразно».

К сожалению, К. К. Рокоссовский не раскрыл в книге свои замыслы относительно действий 49-й армии, не случись промаха И. В. Болдина. Факт тот, что 30 января армия получила от него приказ совершить марш в район нижней Вислы. Это было необходимо, по словам командующего, для усиления левого фланга 2-го Белорусского фронта, «чтобы своевременно оказать помощь 1-му Белорусскому фронту». Но не только.

Об этом эпизоде в истории армии И. Т. Гришин написал в автобиографии следующее:

«Соединившись с войсками 3-го Белорусского фронта северовосточнее Алленштайн (ныне польский Ольштын — ред.), армия получила новую боевую задачу по ликвидации прорвавшейся из окружения Торинской (Торуньской — ред.) группировки немецко-фашистских войск. Совершив в зимних условиях 150-километровый сложный фланговый марш в район Кульм, армия с ходу переправилась через реку Вислу и тем самым отрезала пути отхода Торинской группировки немцев, а затем совместно с войсками 70-й армии ликвидировала эту группировку».

П. И. Батов, командовавший тогда 65-й армией, в книге «В походах и боях» рассказал об этом случае так:

«Тем временем на левом крыле фронта, уже за Вислой, успешно продвигалась 49-я армия. Командующий повернул один ее корпус к нашему плацдарму. Его дивизии наносили удар по немецким тылам, идя навстречу частям Эрастова (командира 46-го стрелкового корпуса — ред.). Зажатый в тиски противник был разбит. 8 февраля прекратила существование и Торуньская группировка, расчлененная на части. Вырваться из окружения удалось немногим. 8 тысяч немцев сдались в плен».

К. К. Рокоссовский высоко оценил действия армии И. Т. Гришина при Торуне в своих мемуарах:

«В отражении гитлеровцев, атаковавших части 65-й армии на западном берегу Вислы, принял участие корпус 49-й армии. Он оказал большую помощь войскам Батова».

Каких усилий стоил зимний марш армии И. Т. Гришина рассказано в «Дневнике боевых действий 49-й армии». Сначала 70-й и 121-й стрелковые корпуса с частями усиления с 30 января по 3 февраля 1945 года двигались в район юго-западнее города Фрайштадт:

«Соединения армии совершали марш в непосредственной близости к фронту в трудных условиях: метель, снежные заносы, гололедица. По этим же маршрутам совершали марш соединения и части других армий, образовывались пробки. Но темп движения не был замедлен. В соединения были направлены офицеры штаба армии. На путях движения работали офицерские посты регулирования.

На марше протяженностью 130-140 километров личный состав армии показал натренированность и выносливость».

3 февраля, едва бойцы И. Т. Гришина прибыли на место, указанное приказом, от командования фронта поступило распоряжение двигаться в район Кульм, соблюдая меры предосторожности. Опять процитируем «Дневник боевых действий 49-й армии»:

«Марш совершался с 4 по 7 февраля преимущественно в ночное время. На дневках районы расположения частей тщательно маскировались, выставлялось сторожевое охранение и организовывалась противовоздушная оборона.

Командиры соединений и частей следовали в голове своих колонн, периодически останавливались и пропускали мимо себя для контроля двигавшиеся подразделения и части.

В каждой роте были назначены из сержантского состава люди, которые следили за порядком и не допускали самовольного отставания.

Обозы частей разгружены от ненужного трофейного имущества, сведены в полковые колонны и под командой помощников командиров полков по материальному обеспечению следовали за стрелковыми и конно-артиллерийскими подразделениями. Артиллерия на механической и мототяге следовала отдельными скачками, чтобы избежать вклинивания в пехотные колонны. За батальонными колоннами следовали по две повозки для перевозки заболевших в пути следования».

Пока 49-я армия совершала свой марш и участвовала в разгроме Торуньской группировки, в высших эшелонах командования созрел план восточно-померанской операции. Еще 31 января

Г. К. Жуков послал Верховному Главнокомандующему донесение, в котором констатировал, что фронт 1-го Белорусского фронта растянулся на 500 километров, чем могут воспользоваться немецко-фашистские войска и начать активные действия против его правого фланга. Он просил И. В. Сталина приказать 2-му Белорусскому фронту немедленно наступать в западном направлении.

8 февраля Ставка Верховного Главнокомандующего издала директиву, согласно которой центр и левое крыло 2-го Белорусского фронта (2-я ударная, 65-я, 49-я и 70-я армия) должны были перейти в наступление к западу от реки Висла, в конечном итоге овладеть районом Данциг-Гдыня и очистить от гитлеровцев побережье Балтийского моря вплоть до Померанской бухты.

9 февраля 49-я армия приняла участок от 70-й армии. Ей предстояло наступать в направлении города Черск. И десятого февраля в 12.15 после всего лишь 15-минутной артиллерийской подготовки части армии пошли в атаку. Но в этот же день К. К. Рокоссовскому из Ставки преподнесли сюрприз, передав четыре армии его фронта (50-ю, 3-ю, 48-ю и 5-ю гвардейские армии) 3-му Белорусскому фронту, перед которым стояла задача разгрома восточно-прусской группировки, прижатой к Кенигсбергу.

Константин Константинович так прокомментировал этот приказ Ставки в своих мемуарах:

«Но в каком положении оказались мы? И без того нам было трудно, а теперь у нас забрали сразу половину войск, в том числе такую ударную силу, как пятая танковая армия!»

Частям 49-й армии приходилось действовать в местности, где населенные пункты разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и расположены в основном на заболоченных пространствах между лесными массивами вдоль немногочисленных шоссе и железных дорог. К тому же из-за раннего потепления и оттаивания грунта проселочные дороги в феврале стали почти непроходимыми.

Наступление наших войск развивалось медленно. Армии И. Т. Гришина пришлось помогать 65-й армии П. И. Батова, которая не имела успеха в продвижении на своем левом фланге. К. К. Рокоссовский ввел в состав 49-й армии 19-ю стрелковую дивизию, чтобы после взятия района Оше последняя нанесла удар в восточном и юго-восточном направлении и способствовала успешному движению армии П. И. Батова.

15 февраля К. К. Рокоссовский представил доклад на имя начальника Генерального штаба маршала А. В. Василевского, в котором предложил использовать на левом крыле своего фронта 19-ю армию из резерва Ставки и 3-й гвардейский танковый корпус, чтобы разрезать померанскую группировку немцев вплоть до побережья Балтийского моря. Он считал, что левое крыло фронта надо усилить еще двумя общевойсковыми армиями. Относительно правого фланга фронта он писал:

«Армии правого крыла фронта, ведущие напряженные наступательные бои в течение месяца понесли большие потери и стали малочисленными, насчитывается в среднем трехтысячных 26 стрелковых дивизий и 8 стрелковых дивизий четырехтысячных.

Для пополнения этих дивизий хотя бы до 6 тысяч человек необходимо централизованное обученное пополнение до 80 тысяч человек и для пополнения специальных родов войск до 20 тысяч человек».

17 февраля в ответ на доклад К. К. Рокоссовского ему пришла директива Ставки ВГК. Предложение о характере действий 19-й армии и 3-го гвардейского танкового корпуса было принято. Также сообщалось, что, начиная с 19 февраля, правый фланг 1-го Белорусского фронта перейдет в наступление

17 февраля распоряжением командующего войсками 2-го Белорусского фронта в состав армии И. Т. Гришина вошел 114-й стрелковый корпус (76-я гвардейская и 160-я стрелковая дивизия).

Немецкие войска оказывали отчаянное сопротивление армии. С 10 по 18 февраля они провели до 75 контратак силой от роты до двух батальонов пехоты при поддержке 2-12 танков и самоходных орудий. Но наши части успешно отбивали их, особенно эффективно с помощью минометов, и шли вперед. 21 февраля они очистили от противника город Черск. Город взяли ночной атакой подвижного отряда из трех самоходных установок и взвода автоматчиков. Они зашли в тыл противнику и заняли высоту, оборонявшую город. Гитлеровцы стали отводить свои войска из Черска, и части 199-й стрелковой дивизии на плечах отходивших частей врага ворвались в город.

В этот же день последовал приказ Верховного Главнокомандующего № 283, в котором сообщалось, что войска 2-го Белорусского фронта, продолжая наступление сегодня, 21 февраля с боем

овладели городом Черск – важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев в северо-западной части Польши и что отличились войска генерал-лейтенанта Гришина.

В Москве в честь этого события в 20.00 салютовали из 124 артиллерийских орудий.

С 25 февраля немцы произвели перегруппировку войск, пополнили потрепанные части за счет маршевых рот, сосредоточили на узких участках пехоту и танки и с помощью контратак потеснили части 49-й армии и вновь овладели ранее занятым армией И. Т. Гришина населенным пунктом Оссово. С 26 февраля они стали ускоренно создавать здесь оборонительный рубеж.

К. К. Рокоссовский так упомянул об этом в своих воспоминаниях:

«Противник несколько потеснил и занял Оссово. Упрекать командарма мы не могли. Войска его были ослаблены: мы взяли отсюда один стрелковый корпус для усиления нашего левого фланга».

К тому же в войсках явственно обнаруживалась усталость. Вот что сообщал об этом в оперативный отдел 589-й стрелковой дивизии один из проверяющих ее состояние офицеров:

«Движение личного состава и транспорта происходит беспорядочно, толпой, шум, гам, крик и в ночное время курят.

Командир полка сказал проверяющему офицеру: «Не вмешайтесь в мое управление войсками, я сам знаю, что делаю».

Офицер ему говорит: «Приказ надо выполнять!»

Командир полка: «Отдать приказ легче всего, а люди вторые сутки не спали».

Выдержка из доклада в оперативный отдел офицера, проверявшего 189-ю стрелковую дивизию 70-го стрелкового корпуса:

«Настроение пассивного преследования широко распространено в дивизии. Так, даже начальник политического отдела подполковник Двоськин в 18.30 на мой доклад о наличии небольшого сопротивления противника и необходимости организовать бой, заявил: «Ну, может ночью уйдет, бой организовывать нам нечем, людей у нас нет».

В докладе оперативному отделу 49-й армии майора Никулина приводятся данные о численном составе 191 стрелковой дивизии на 12 марта 1945 года. По штату числится 4277 человек, фактически – 3813, количество стрелковых рот по штату 12, фактически – 10, в ротах по штату записано 912 человек, на самом деле – 474.

Майор Никулин констатировал низкий уровень дисциплины в дивизии:

«Внешний вид личного состава неудовлетворительный; строевая выправка отсутствует, форма нарушается использованием трофейного, часто гражданского платья.

Распорядок дня в частях и подразделениях не введен, требовательность офицерского состава низкая, особенно в стрелковых ротах».

Все это надо было учитывать И. Т. Гришину и принимать меры, чтобы части армии оставались боеспособными. Последние дни февраля его армия имела незначительное продвижение. Как отмечал К. К. Рокоссовский, соединения фронта оборону немцев прорывали одними стрелковыми дивизиями, поддержанными мощной артиллерией, однако с малым количеством танков. Но 1 марта в наступление перешли войска 1-го Белорусского фронта, главной ударной силой которого были 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. По словам Г. К. Жукова, «в связи с мощным ударом этой группы войск наступление 2-го Белорусского фронта резко возросло».

«49-я армия в результате упорного боя вернула Оссово», — особо упомянул в своих воспоминаниях К. К. Рокоссовский.

В аналитической записке этого времени, обобщавшей опыт Восточно-Померанской операции, 5 марта 1945 года обозначалось как завершение первого этапа наступления частей 2-го Белорусского фронта:

«05.03.45 войска фронта вышли на побережье Балтийского моря в районе севернее и северо-западнее города Кезлин на участке шириной 20 километров. Группировка противника в Восточной Померании была полностью отрезана от основных сил германской армии. В этот же день соединения правого крыла фронта полностью овладели городом Грауденц.

Смелость и решительность рассекающего удара не позволили противнику использовать благоприятные условия лесистой местности, а также заранее подготовленные оборонительные рубежи, так как они были обойдены.

Противник начал отвод правофланговых соединений 2-й армии в восточном направлении на Данциг и Гдыню».

5 марта командованию 2-го Белорусского фронта Ставка Верховного Главнокомандующего поставила дополнительные задачи:

«1. Разгромить группу противника в районе Данциг, Штольц, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20.03.45 выйти в полосу фронта на побережье Балтийского моря.

2. Для выполнения этой задачи войскам фронта продолжать наступление правым крылом по западному берегу реки Висла на Данциг, левым крылом в направлении Лауэнбург, Гдыня».

В свете этой директивы К. К. Рокоссовский поставил перед 49-й армией конкретную цель наступать на город Берент.

8 марта появился приказ Верховного Главнокомандующего № 296, в котором сообщалось, что войска 2-го Белорусского фронта 8 марта овладели городами Бытув (Бютов) и Косьцежина (Берент) – важными узлами железных и шоссейных дорог и сильными опорными пунктами обороны немцев на пути к Данцигу, и что отличились войска генерал-полковника Попова и генерал-лейтенанта Гришина.

И опять столица в 21 час салютовала доблестным войскам фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

А через день 10 марта следует приказ Верховного Главнокомандующего № 298, отмечающий взятие войсками генерал-лейтенанта Романовского и генерал-лейтенанта Гришина городов Лауэнбург и Картузы (Картхауз).

Эту новость донесли до жителей Москвы 20 залпов из 224 орудий.

Рокоссовский решил разъединить войска противника Данцигского и Гдыньского оборонительных районов ударом на город Цоппот (польск. Сопот – ред.). Выполнить эту задачу он приказал 1-му гвардейскому танковому корпусу и 49-й армии.

С 14 по 22 марта наши войска вели тяжелые наступательные бои, прорывая внешний оборонительный обвод Данцигско-Гдыньского укрепленного района, состоявшего из трех линий траншей, проволочных заграждений, дотов, батарей, множества опорных точек. В аналитическом обзоре «Восточно-Померанской операция» сказано:

«Бои носили исключительно ожесточенный характер, некоторые населенные пункты и высоты по несколько раз переходили из рук в руки. Противник предпринимал ежедневно до 40 контратак».

Иногда продвижение вперед исчислялось лишь сотнями метров. Временами уничтожение крупных опорных пунктов немецкой обороны занимало несколько суток.

Командование Вермахта организовало подвоз по морю из Либавской группировки и из центральных районов Германии до 30 тысяч войск, также танков и боеприпасов. Против наших частей действовали специальные батальоны и подразделения «Фольксштурма», авиадесантный полк «Герман Геринг», формирования из саперов и полицейских Данцига.

Частично бои проходили в лесистой местности. В аналитической записке того времени о боевом опыте 49-й армии рассказывается о системе обороны немцев в лесисто-озерной местности и о методах ее преодоления нашими войсками:

«В лесу противник обычно организовывал круговую оборону отдельных участков, широко применял завалы на лесных дорогах и просеках, часто устраивал засады автоматчиков и «фаустников» для борьбы с нашими танками и самоходными установками. На вершинах деревьев укрывались снайперы «кукушки», которые своим огнем простреливали поляны, просеки и лесные дороги».

Части армии вели непрерывную разведку, отыскивая слабые места в обороне противника, чтобы в лесистой местности применить маневр. За передний край высылались небольшие группы, которые добывали необходимые сведения и передавали их штабам по радио.

Главный вывод военных аналитиков состоял в том, что «в лесном бою инициатива командиров и внезапность в действиях подразделений и частей всегда решали исход боя даже на больших участках».

В ходе наступления командование уделяло большое внимание подготовке бойцов к боям в городе. 17 ноября 1945 года газета армии «За Родину» вышла с призывом «Будь мастером уличного боя».

Для рядового состава в частях распространялась «Памятка для рядового состава» под названием «Бой в городе».

Мы приведем ее полностью, поскольку в ней приведены все те многочисленные ситуации, с которыми сталкивались наши солдаты при штурме городов, особенно Гдыни и Данцига:

«Смерть фашистским оккупантам!

Пытаясь задержать стремительное наступление Красной Армии, немцы упорно обороняют города.

Бой в городе имеет свои особенности и требует особых приемов борьбы. Боец, запомни эти приемы и применяй их в уличном бою:

Во время штурма стремительно перебегай улицы (площади), чтобы противник не успел открыть огонь по тебе.

Если улица (площадь), которую тебе нужно перебежать, простреливается пулеметным или автоматным огнем, брось несколько дымовых гранат или зажги дымовые шашки, чтобы ослепить противника. Дым не позволит ему вести прицельный огонь.

Подбегая к атакуемому дому, бросай ручные гранаты в окна (двери, проломы в стенах) и немедленно после взрыва врывайся в него.

Ворвавшись в дом, уничтожай противника в нижних этажах и подвалах. Для этого «прошивай» двери и тонкие стены автоматным огнем; подойдя сбоку к двери комнаты или люку подвала, открывай их резким движением и бросай ручные гранаты.

Очистив нижние этажи и подвалы, уничтожай противника в верхних этажах. Для этого «прошивай» автоматным огнем потолки или подрывай их с помощью противотанковых гранат; продвигайся по лестнице наверх, ведя автоматный огонь и бросая на площадку лестницы ручные гранаты.

Если противник, засевший в верхних этажах, упорно сопротивляется, имитируй пожар: для этого зажги дымовую шашку. Не помогает — поджигай дом с помощью бутылок с зажигательной жидкостью.

Находясь в комнатах, будь бдителен и держи оружие и гранаты наготове, так как противник может внезапно напасть на тебя из любой двери.

Будь осторожен с вещами, находящимися в комнате: противник нередко минирует их (устраивает «сюрпризы»).

Очистив от противника дом, будь готов к отражению его контратак. Выбирай удобное место для наблюдения и стрельбы. Подготовь оружие и противопехотные и противотанковые гранаты. Внимательно наблюдай за улицами и домами, откуда можно ждать контратаки. Заметив противника, уничтожай его метким огнем и гранатами.

Станковые пулеметчики, перед штурмом хорошенько изучите расположение противника и выявите его огневые точки. Выберите себе место, откуда удобно вести огонь по ним. Подготовьте место для установки пулемета перед окном, по возможности в глубине комнаты, чтобы противник преждевременно не обнаружил вас. Сделайте из подручных материалов небольшой проем (амбразуру) и установите пулемет против него.

Во время штурма пехоты или работы саперов и химиков, подавляйте мощным и метким огнем огневые точки противника. Не давайте ему вести прицельный огонь.

Не отставайте от пехоты, вместе с ней врываются в штурмуемый дом.

Бронебойщики, помогайте пехоте штурмовать. Уничтожайте огневые точки противника.

После овладения домом, который занимал противник, немедленно изготавливайтесь на опережение его атак.

Внимательно наблюдайте за углами улиц, разрушенными зданиями и выступами домов, откуда могут появиться танки и «самоходки» противника. Заранее пристреливайтесь к этим местам и при появлении танков или «самоходов» противника немедленно открывайте по ним огонь.

Снайперы, не давайте ни одному «фрицу» показываться в окнах или амбразурах. Внимательно наблюдайте за верхними этажами домов и крышами (служебными окнами), где чаще всего располагаются немецкие снайперы и наблюдатели. «Снимите» их оттуда.

Уничтожайте расчеты орудий и пулеметов противника, его наблюдателей и офицеров.

Не давайте немцам выбегать из домов.

Артиллеристы орудий прямой наводки, сопровождайте штурмующую пехоту огнем и колесами, не отставайте от них. Помогите саперам и химикам выполнять их боевую работу. Помните, что в уличных боях меткий огонь орудий прямой наводки, находящихся в боевых порядках пехоты, имеет решающее значение.

Саперы, помогайте пехоте и артиллеристам скрытно сближаться с противником. Прodelывайте проходы в стенах домов, в прочных заборах и завалах (баррикадах) на улицах для прохода орудий и «самоходов». Перед штурмом проверьте, не минированы ли подступы к объекту атаки. Если противник сидит за прочными стенами (в крепости), которые пехота не может преодолеть, ночью или днем под прикрытием дымовой завесы прodelывайте проходы с помощью мощных зарядов взрывчатых веществ.

При упорном сопротивлении противника подрывайте взрывчаткой дома и хороните немцев под их развалинами.

Химики, широко применяйте в уличных боях маскировочные дымы. Закрывайте от противника дымовыми завесами продвижение пехоты, артиллерии и действия саперов.

Бойцы всех специальностей, тесно взаимодействуйте и помогайте друг другу в уличных боях.

Дружная (совместная работа) всех родов войск облегчает и ускоряет победу над врагом!

Отдел боевой подготовки армии».

К. К. Рокоссовский в своих мемуарах нарисовал впечатляющую картину наступления на Цоппот:

«Нанося удары на всех участках, основные усилия сосредотачиваем в направлении Цоппот-Олива. Бои тяжелые. Противник яростно дерется за каждый окоп. Наши расчеты на быстрое преодоление неприятельской обороны не оправдались... Бойцы и командир в ходе боев искали способы преодоления разнообразных препятствий. Орудийный гром не стихал ни днем, ни ночью. Войска разбились на штурмовые группы. В них входили пехотинцы, артиллеристы и саперы. В небе стоял несмолкающий гул моторов. Шаг за шагом вгрызались во вражескую оборону».

23 марта 1945 года мощный оборонительный рубеж внешнего обвода Данцигского укрепленного района, наконец, окончательно прорван. Цоппот взят совместными действиями 49-й, 70-й армий и 3-го гвардейского танкового корпуса. Наши войска вышли на побережье Данцигской бухты и заняли участок до 6 километров по фронту. Немецкая группировка была расчленена на две части – Данцигскую и Гдыньскую.

И. Т. Гришин получил приказ выдвинуть на берег бухты дальнобойную артиллерию, чтобы ее огнем преградить подход кораблей противника к Данцигу.

24 марта 559-й стрелковый полк 191-й стрелковой дивизии вместе с танковой ротой 17-й гвардейской танковой бригады с хода захватил мост через реку Глетткау, ворвался в город Оливу, примыкающему непосредственно к северной окраине Данцига, и завязал бой на улицах. Вскоре совместным ударом 191-й, 380-й и 42-й стрелковых дивизий город Олива был полностью очищен от гитлеровцев.

В ночь на 26 марта 1945 года тяжелые бомбардировщики начали наносить массированные удары по Данцигу. Бомбардировка продолжалась и днем. К. К. Рокоссовский уточнил в этот день задачи соединений фронта: 2-й ударной армии овладеть южной частью Данцига, 65-й – захватить товарную станцию и центр города, 49-й – овладеть северо-западной частью Данцига и выйти

на реку Мертвая Висла, 70-й – очистить от противника районы города.

Во всех дивизиях организовали штурмовые отряды в составе взвод – рота с 2-3 орудиями, 2-3 танками и самоходными установками, с 1-2 взводами сапер.

Накануне штурма командование фронта обратилось к бойцам и командирам с воззванием.

По словам Михаила Зюбина, И. Т. Гришин возил с собой и зачитывал частям армии листовку с воззванием командующего фронтом К. К. Рокоссовского, в котором Константин Константинович призывал бойцов и командиров устроить силы и уничтожить ненавистного врага. Наряду с этим текстом в армиях распространялись другие агитационные материалы.

Приведем содержание одной из листовок:

«Смерть немецким оккупантам!

Вперед на Данциг!

Славные воины земли Русской!

Настойчиво и неукротимо движется доблестная Красная Армия по полям сражений к своей конечной цели в нынешней войне – полному разгрому гитлеровской Германии. Эта цель уже близка. Мы должны добить немецко-фашистского зверя в его берлоге – и мы добьем его на нашем участке. Сейчас гитлеровцы очутились в Данцигском «котле» и прижаты к Балтийскому морю. Бои идут уже на окраине города.

Товарищ – перед тобой Данциг! Ты видишь зарево пожара, тучи черного дыма – это наши летчики-соколы штурмуют разбойничье гнездо немецких захватчиков.

Еще одно усилие, еще один порыв и мы будем в Данциге. Но для того, чтобы скорее добить гитлеровских бандитов в Данциге – будь готов к уличным боям.

В уличных боях действуют штурмовыми группами. В составе штурмовых групп не только стрелки, но и танкисты, артиллеристы, минометчики, саперы, и у всех цель одна – уничтожить немца там, где бы он ни сопротивлялся.

Знай: минное поле попалошь или проволочное заграждение – саперы проходы сделают.

Нужно каменную стену пробить – артиллерист и танкист помогут.

Не дает вражеский автоматчик по улице пройти – иди через заборы, через двери.

Попал под автоматно-пулеметный огонь – примени дымовую гранату.

Засели немцы в подвале – приметь, откуда огонь ведут, обойди сбоку, сзади, подкрадись к амбразуре, метай гранату в подвал. Граната тебе крепко поможет.

Нет для советского воина непреодолимых преград!

Закрепился немец в каменном здании – не смущайся. Пулеметно-автоматным огнем ослепляй окна, бойницы. Боец с гранатой вперед, гранату в окно. Ворвался в коридор, спеши на лестницу, в квартиру. Перед тем, как вбежать в комнату, брось туда гранату, а сам за стеной укройся, чтобы осколками не задело.

Встретил сопротивляющегося гитлеровца, стреляй по нему из автомата. Поднял фриц руки – бери его в плен.

Не забывай народную пословицу – «смелость города берет». Очистил от гитлеровцев квартиру – беги в другую. Очистил этаж – бегом на второй. Дом очистил – на чердак загляни. Нет в доме немцев – не задерживайся, иди во второй. Дом за домом, квартал за кварталом, а там и до моря рукой подать. Немец в воду – туда ему и дорога.

Захватил улицу – не ходи без толку. Неровен час – пулю от немцев поймаешь.

В квартире не копайся в баракле. Увлечешься бараклом – голову потеряешь.

Не соблазняйся женщинами. Их могут подослать, чтобы тебя погубить.

Встретил «цивильного» (штатского) – будь осторожен. Под штатской одеждой может скрываться матерый бандит.

Никогда не забывай, что фашистские мерзавцы всячески стараются нанести тебе ущерб.

Приметил заманчивую вещь – не притрагивайся до нее без сапера, там может быть мина – сюрприз. Без врача не бери продукты. Немцы умышленно отравляют их, чтобы погубить тебя. Не пей трофейных напитков.

Везде и во всем будь примерным и бдительным. Бдительность – это твое постоянно действующее оружие.

На наших знаменах Сталинградская слава. Мы прошли победный путь от Волги до Балтики. Никакая сила не устоит перед нашим напором.

Вперед, боевые друзья! Уничтожим немцев в Данцигском «котле» и приблизим час нашей окончательной победы над ненавистным врагом!

Враг не выдержит нашего удара, никакие ухищрения не спасут его от окончательной гибели!»

Немецкое командование своими методами стимулировало яростное сопротивление осажденных в Данциге частей. Пленный немец из гарнизонного полка свидетельствовал:

«Задача частей гарнизона Данцига по приказу Гитлера от 24.03 удерживать Гдыню и Данциг, чтобы держать здесь 10 русских армий».

Другой гитлеровец, взятый в плен 27 марта, говорил:

«Передавали приказ Гитлера, что в плен могут попасть только раненые и убитые, за остальных пленных будут отвечать их родные своей жизнью».

Гиммлер, командовавший группой армий в Восточной Померании «Висла», перед штурмом нашими войсками Данцига распространил следующий указ:

«Довожу до сведения, что бывший командующий войсками СС и начальник полиции города Бромберг фон Залиш за трусость и сдачу своего города расстрелян на месте. Полковник Хассенштайн, который без приказа и без всякого основания оставил порученный ему район обороны, был приговорен судом к расстрелу; приговор мною утвержден и приведен в исполнение».

В течение пяти дней с 26 марта 70-й и 121-й стрелковые корпуса 49-й армии вели битву за Данциг. В первые сутки они преодолели траншеи и противотанковый ров и очистили от противника северо-восточные окраины. 27 марта во всей полосе армии вышли на западный берег реки Мертвая Висла. В ночь на 28 марта начали на подручных средствах форсировать реку. Переправа происходила под сильным огнем немцев из ружей, пулеметов, минометов с острова Холм и с восточного берега реки Кайзерхафен. Части 238-й, 139-й, 199-й и 380-й стрелковых дивизий к 19.00 выбили врага из острова Холм и отбросили его на восточный берег канала Кайзерхафен. 29 марта на подручных средствах и лодках они переправились через канал. В ночь на 30 марта армия уплотнила боевые порядки, вводя в бой части вторых эшелонов и поставив 380-ю стрелковую дивизию между 238-й и 199-й стрелковыми дивизиями. Немцы тоже подбросили свежие подразделения и, используя для обороны здания из камня, железнодорожные насыпи

и постройки, вели огонь из всех видов оружия и часто переходили в контратаки. Но в середине дня после короткого огневого налета наши части пошли в атаку и 121-й стрелковый корпус овладел узлом железных дорог в районе химического завода. 31 марта войска 49-й армии уничтожали остатки Данцигской группировки у товарной станции Кайзерхафен и в ночь на 1 апреля вышли на побережье Данцигской бухты.

Судя по «Журналу боевых действий 2-го Белорусского фронта», в котором имеется записка «Краткая сводка обобщенного боевого опыта 49-й армии за март», листовки отдела боевой подготовки помогали бойцам успешнее вести уличные бои. Приведём оттуда довольно обширную выдержку:

«При штурме города бойцы и офицеры проявляли исключительные образцы отваги и смелости. По огневым точкам противника в домах вели огонь орудия и танки; впереди штурмовых групп действовали саперы, расчищавшие улицы от завалов и прокладывавшие путь пехоте, танкам и орудиям сопровождения.

После подавления огневых точек в дом, где засел гарнизон противника, врывались пехотинцы, ведя огонь из автоматов и забрасывая очаги сопротивления ручными гранатами. Штурмовые группы в упорных боях, зачастую переходивших в рукопашные схватки, последовательно очищали от гитлеровцев этаж за этажом, дом за домом, квартал за кварталом, уничтожая автоматчиков и «фаустников» противника.

В случаях, когда гарнизон противника упорно сопротивлялся, дома при помощи саперов взрывали.

В ходе боев пехотинцы и саперы научились применять «фаустпатроны» противника, оставленные им в большом количестве. Особенно эффективно они применялись в отражении контратак противника, когда наша артиллерия в условиях уличного боя не могла вести огонь».

Овладение Данцигом стоило нашим войскам немалой крови.

С. Михеенков, опубликовавший в серии «ЖЗЛ» книгу о командующем 2-й ударной армией генерал-полковнике И. И. Федюнинском, утверждает, что при штурме Данцига пало 10 тысяч бойцов и командиров.

В книге М. Зюбина «Армия генерала Гришина» говорится, что 380-я стрелковая дивизия, шедшая впереди наступающих войск, «понесла ощутимые потери».

Командование «2-го Белорусского фронта, считая битву за Данциг в основном завершённой уже 30 марта, в 15.00 этого дня послало следующее боевое донесение Верховному Главнокомандующему:

«Первое. Войска 2-го Белорусского фронта, сегодня, 30 марта 1945 года, завершили разгром Данцигской группировки противника и штурмом овладели первоклассной крепостью, крупным портом и крупнейшим промышленным и индустриальным центром – Данциг (Гданьск) – основной базой германского военного флота на побережье Балтийского моря, важнейшим железнодорожным узлом, соединяющим Кенигсберг – Варшаву – Штеттин – Берлин – узлом шоссейных коммуникаций, связывающих автострадой Кенигсберг – Данциг – Берлин.

В составе Данцигской группировки противника разгромлены девять пехотных дивизий (7-я, 23-я, 73-я, 35-я, 252-я, 337-я, 389-я, 542 пехотные дивизии). Одна танковая дивизия (4 тд), 190-я бригада штурмовых орудий, 741-я танково-истребительная бригада, 13 отдельных полков, 5 боевых групп, три отдельных арtpолка, 36 отдельных батальонов, 7 арtdивизионов резерва главнокомандующего, 21 зенитный дивизион и один танковый батальон резерва главнокомандующего.

Уничтожено – солдат и офицеров 39240, танков и самоходных орудий – 167, самолетов – 21, орудий разных калибров – 678, минометов – 284, пулеметов разных – 1510, автомашин разных – 9304, повозок – 821, судов разных – 33, паровозов и вагонов – 221. Захвачено: пленных – 32775, танков, танкеток и самоходных орудий – 201, самолетов исправных – 134, бронетранспортеров – 22, орудий разного калибра – 727, минометов – 566, пулеметов разных – 1397, автоматов и винтовок – 20371, повозок – 1700, лошадей – 1380, тягачей и тракторов – 162, мотоциклов – 616, бронепоездов – 15, судов разных – 151, подводных лодок исправных – 456, паровозов – 306, вагонов – 6675, заводов, верфей и промышленных предприятий – 110, складов разных – 214, освобождено военнопленных и граждан советских и союзных национальностей – 22126 человек.

В боях за овладение Данцигом отличились войска генерал-полковника Федюнинского – 2-я ударная армия, генерал-полковника Батова – 65-я армия, генерал-полковника Гришина – 49-я армия, генерал-полковника Попова».

Военный Совет армии И. Т. Гришина в свою очередь отчитался перед Военным Советом фронта «Об ущербе, нанесенном противнику войсками 49-й армии в боях за овладение городом Данциг и захваченных трофеях»:

«Уничтожено: солдат и офицеров – свыше 6000, танков и самоходных орудий – 19, орудий разных калибров – 126, минометов – 126, пулеметов – 380, самолетов на аэродромах – 18, автомашин – 344, тракторов – 15, тягачей – 20, бронетранспортеров – 8, бронемашин – 7, мотоциклов – 218, вагонов и платформ – 221, складов разных – 12 (сожжено).

Захвачено: солдат и офицеров – 7122, танков и самоходных орудий – 45, орудий разных калибров, в том числе исправных – 159, минометов – 399, пулеметов – 542, винтовок и автоматов – 7016, самолетов – 74, в том числе исправных – 24, бронепоездов – 15, тракторов – 22, тягачей – 83, в том числе исправных – 74, автомашин – 2008, в том числе легковых – 510, пароходов – 9, подводных лодок – 9, судов разных – 27, катеров – 23, буксиров – 3, баркасов – 42, моторных лодок – 7, мотоциклов – 196, паровозов – 55, железнодорожных вагонов и платформ – 2228, броневозов – 12, цистерн – 150, трамваев – 391, троллейбусов – 6, автобусов – 101, радиостанций – 15, лошадей – 880, складов с боеприпасами – 20, продовольственных – 12, интендантских – 9, химического имущества – 1, стройматериалов – 1, электрооборудования – 1, инженерных – 2, прочих – 38, верфей – 3, судостроительных заводов – 1, автомобильных заводов – 2, машиностроительных заводов – 1, газовых заводов – 2, спиртзаводов – 2, прочих заводов – 14, автомастерских – 18, спичечная фабрика – 1, трамвайных парков – 4, подъемных кранов – 34, элеваторов – 1, питомник черно-бурых лисиц – 2 (45+79=124 штуки).

Освобождено из плена военнослужащих Красной Армии и граждан СССР – 8538 человек.

Освобождено из плена подданных союзных государств – 5095 человек.

Данные неполные, учет и выявление продолжаютя».

Подписи: Гришин, Сычев, Киносян.

30 марта последовал приказ Верховного Главнокомандующего № 319 К. К. Рокоссовскому и А. Н. Боголюбову:

«Войска 2-го Белорусского фронта завершили разгром Данцигской группы немцев и сегодня, 30 марта, штурмом овладели

городом и крепостью Гданьск (Данциг) – важнейшим портом и первоклассной военно-морской базой немцев на Балтийском море.

Над Гданьском поднят национальный флаг Польского государства.

В боях за город Гданьск войска фронта взяли в плен 10000 немецких солдат и офицеров, а также захватили танков и самоходных орудий – 140, полевых орудий – 358, подводных лодок – 45 и много другого вооружения и военного имущества.

В боях за овладение городом и крепостью Гданьск отличились войска генерал-полковника Федюнинского, генерал-полковника Батова, генерал-полковника Гришина, генерал-полковника Попова, генерал-майора Киносяна.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, отличившиеся в боях за овладение городом и крепостью Гданьск, представить к присвоению наименования «гданьских» и к награждению орденами.

Сегодня 30 марта, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Белорусского фронта, в том числе танкистам 1-й Польской армии генерал-лейтенанта Поплавского, овладевшим городом и крепостью Гданьск – 24 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Гданьска.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Советского Союза и Польши!

Смерть немецким захватчикам!»

За мужество и отвагу, проявленные в ходе Восточно-Померанской операции И. Т. Гришин и многие его подчиненные по представлению К. К. Рокоссовского указом Президиума Верховного Совета СССР получили звание Героя Советского Союза.

Однако 49-й армии предстояло еще участие в великом эпизоде Великой Отечественной войны – Берлинской операции. 1 апреля в Ставке утвердили план будущих действий, в соответствии с которым 2-му Белорусскому фронту ставилась задача обеспечить правый фланг 1-го Белорусского фронта, наступавшего на Берлин, продвижением севернее столицы германского Рейха. Войскам К. К. Рокоссовского надо было повернуться на запад на

Одер, преодолеть форсированным маршем 300-350 километров и сменить части Г. К. Жукова на участке Кольберг-Шведт.

В первой половине дня 3 апреля И. Т. Гришин созвал совещание с командирами корпусов и дивизий, на котором дал указания о подготовке к маршу армии из Картхауза на Штаргород. Предполагалось, что передвигаться придется походным порядком, поэтому Иван Тихонович приказал придерживаться мер по соблюдению дисциплины, уже апробированных в ходе февральского марша на нижнюю Вислу. Но во второй половине дня командующий войсками 2-го Белорусского фронта приказал провести переброску войск в указанные районы в части пути на автотранспорте. Фронту выделили 700 автомашин.

Пока войска фронта двигались к назначенному месту, 6 апреля К. К. Рокоссовскому пришла директива Ставки. Приказывалось:

«Подготовить и провести наступательную операцию с целью форсировать реку Одер, разгромить Штеттинскую группировку противника и не позднее 12-15 дня операции овладеть рубежом Анклам, Мальхов, Демамин, Варен, Притцвальк, Виттенберге.

Главный удар силами трех общевойсковых армий с двумя танковыми и одним механизированным корпусом нанести из района севернее Шведт в общем направлении на Штрелиц. На участок прорыва привлечь 3 артиллерийские дивизии и создать плотность не менее 150 стволов от 76-мм и выше на 1 километр».

К. К. Жуков, принимавший непосредственное участие в утверждении плана Берлинской операции, писал в своих мемуарах:

«Мы серьезно учитывали ...те трудности, с которыми он (2-й Белорусский фронт — ред.) неизбежно встретится в процессе форсирования Одера в его нижнем течении. Там река имеет два значительных русла — Ост и Вест Одер шириной 150-250 метров и глубиной до 10 метров. По нашим расчетам, 2-й Белорусский фронт сможет достаточно быстро форсировать оба русла реки и создать необходимый плацдарм, но не раньше, как за двое-трое суток».

Исполняя директиву Ставки, К. К. Рокоссовский выделил четыре участка для форсирования Одера и прорыва вражеской обороны. Участок в направлении Фридрихсталь (район южнее Гарца) (фронт 3 километра) и вдоль дамбы Ниппервизе, Шведт (фронт до 3 километров) предназначался для 49-й армии. Слева от нее оставались войска 1-го Белорусского фронта, справа

занимали свои участки 70-й армии, а далее к северу – 65-й армии.

Решающую роль в прорыве, по замыслу К. К. Рокоссовского, должны были сыграть 49-я и 70-я армия. Армию И. Т. Гришина командующий 2-м Белорусским фронтом наделил мощными средствами усиления.

Однако события развивались не так, как планировал К. К. Рокоссовский. А И. Т. Гришин подвергся такому испытанию, которое потребовало от него проявить всю силу своего характера, своего таланта военачальника и преодолеть препятствия, грозившие завершить его боевой путь обидным поражением.

В ночь на 13 апреля 330-й и 385-й стрелковые дивизии 49-й армии заменили части 61-й армии 2-го Белорусского фронта на восточном берегу Ост Одера. Днем 13 апреля И. Т. Гришин издал приказ, в котором 12-му стрелковому корпусу на правом фланге армии ставилась задача форсировать Ост и Вест Одер в направлении Фридрихсталь, а 70-му стрелковому корпусу на левом фланге армии – в направлении Ниппервизе-Шведт. Командарм предполагал к исходу первого дня не только форсировать реку в двух ее руслах и пойме, но и овладеть на западном берегу Вест Одера рубежом на уровне городов Пиннов, Куннов и западной окраины Шведта. Для этого на левом фланге сосредоточивалась основная масса артиллерии и остальных средств усиления, все три стрелковые дивизии выстраивались в первом эшелоне, тогда как на правом фланге в первом эшелоне находились две стрелковые дивизии, а одна – во втором. 70-й стрелковый корпус имел 237 орудий на 1 километр фронта, а 121-й – 197.

Сложные задачи командарм поставил перед инженерными войсками:

а) К утру 17.04 выявить характер обороны и заграждений противника в междуречье, на западном берегу реки Вест Одер и в глубине;

б) до 18.04 произвести тщательную разведку русла рек Ост и Вест Одер и междуречий в полосе каждого корпуса, уточняя проходимость поймы по мере спада воды;

в) к исходу 18.04 разведать возможность использования огражденных дамб в качестве дорог для танков и автотранспорта и возможность паромной переправы на каналах, соединяющих реки Ост и Вест Одер.

Обеспечить дивизии первого эшелона средствами для десантной переправы из расчета не менее 100 саперных деревянных лодок или десантных складных лодок на дивизию; готовность к исходу 18.04.

До 18.04 проверить на воде все имеющиеся в армии табельные переправочные средства, весь личный состав сапер натренировать в гребле и управлению лодками, пехоту — посадке в лодку и высадки с материальной частью, и в использовании индивидуальных переправочных средств (плавательных костюмов, спасательных жилетов), артиллерию — погрузке на паромы и выгрузке».

Подписи: Гришин, Сычев, Киносян.

Производилась рекогносцировка местности командирами корпусов, стрелковых дивизий и частей усиления. Отрабатывались задачи наступления с командирами батальонов и дивизионов. Командарм постоянно выезжал в соединения и контролировал ход боевой подготовки.

18 апреля из Ставки командованию 2-го Белорусского фронта поступила директива, которая еще более повысила ответственность 49-й армии за выполнение операции: К. К. Рокоссовскому рекомендовали ускорить форсирование Одера и частью сил наступать в обход Берлина с севера.

Подвела И. Т. Гришина армейская и артиллерийская разведка. Г. К. Жуков отметил в своих мемуарах, что с выходом Красной Армии на территорию других государств сократились возможности получения необходимых для командования сведений. «Раньше, — утверждал командующий 1-м Белорусским фронтом, — мы получали хорошие разведывательные данные от наших партизанских отрядов. Здесь их у нас не было. Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск».

Как мы видели, разведка не доложила вовремя командующему 50-й армией И. В. Болдину об отходе противника от оборонительного рубежа на Августовском канале. Командующий 2-й ударной армией И. И. Федюнин не поверил ошибочным сведениям армейской разведки и таким образом смог предупредить контрудар частей Вермахта. Начальник политуправления 2-го Белорусского фронта А.Д. Окороков в книге «Слово, ведущее в бой» утверждал, что разведка неверно определила численность фашистского гарнизона в Торуне.

Армии 2-го Белорусского фронта подошли к Одеру, не имея достоверной информации об обороне противника. Командующий 65-й армией П. И. Батов вспоминал:

«Полная неясность царила в таких вопросах, как характер инженерных сооружений у немцев, расположение опорных пунктов, огневых средств, наличие резервов в глубине обороны. Времени в обрез, а мы оказались слепыми».

С 16 апреля начали действовать разведгруппы. Одновременно силами усиленных батальонов от каждой дивизии происходило форсирование реки Остер и очищение от противника дамб на ее западном берегу и в пойме, залитой водой. Но разбираться в сложной системе двух русел Одера, соединенных в междуречье множеством протоков и каналов, оказалось непростым делом. До начала общего наступления 20 апреля еще остались перед Вест Одером дамбы, занятые гитлеровцами. Более того, разведчики приняли один из каналов за основное русло Вест Одера, также о дамбе, занятой противником, доложили, как о взятой нашими частями.

Накануне наступления Военный Совет распространил среди бойцов следующую листовку:

«Смерть немецким оккупантам!

За быстрое преодоление водной преграды — реки Одер.

Славный воин!

Много водных преград преодолел ты, наступая от Волги до Одера!

Много рек и речушек, пройденные с боями тобой, остались позади.

Теперь ты видишь перед тобой Одер, которым немцы пытаются прикрыться и хотят оттянуть свою окончательную гибель.

Не страшны русскому воину и эти преграды.

Вспомни, товарищ, Десну, Сож, Днепр, Западный Буг, Нарев, Вислу. Ничего не помогло противнику задержать твоего стремительного наступления.

Так и сейчас у воина русской армии хватит мужества и находчивости.

Помимо лодок, паромов и других средств переправы, преодолеть эту реку ты сможешь на подручных средствах, никогда не изменявших тебе.

Жерди и доски ты всегда можешь встретить, а раз нашел их — значит, обеспечил себя переправой на противоположный берег.

Сделать плотик не представляет особой трудности. Если хочешь сделать его из досок, то поступай так, как указано в рис. 1. Если нет досок, а есть жерди, то делай плотик, как показано на рис. 2.

Нашел дверь, ворота, бревна, не отказывайся от них. На дверях или воротах ты сможешь преодолеть реку. Два-три бревна смогут заменить тебе переправу, только не забудь связать бревна между собой.

При форсировании реки помни, что ты не один. С тобой артиллеристы, минометчики, пулеметчики, саперы, имеющие одну и ту же задачу, помогай им переправиться, а они помогут и тебе.

Стремись быстрее переправиться на ту сторону. При переправе направляй свой плотик навстречу течению реки, иначе тебя может отнести, что заставит дольше держаться на воде, и ты не выйдешь к назначенному месту.

Переправившись через реку, старайся быстрее захватить траншею противника и огнем обеспечить переправу других подразделений: огневые точки противника, мешающие твоему продвижению, артиллеристы и минометчики своим огнем уничтожат.

Мосты для пропуска тяжелой артиллерии, танков и СО – саперы наведут.

Обеспечил переправу артиллерии и танков на противоположный берег – значит наполовину победил.

Еще один нажим, дерзость и отвага – враг будет обескровлен, а затем уничтожен.

Военный Совет».

Гитлеровское командование своими обычными средствами пыталось укрепить боеспособность своих частей. Солдаты давали подписку, что не оставят своих позиций ни при каких обстоятельствах, позади их боевых порядков ставились отряды СС, которые должны были расстреливать отступающих. Ставка делалась и на подъем национального чувства в обстоятельствах, когда противник вступил на территорию «фатерланда».

20 апреля в 7.00 на участке 49-й и 70-й армий началась артподготовка, длившаяся 60 минут. Но поскольку разведка представила неточные данные, передний край вражеской обороны, где находилась основная масса огневых точек, не была достаточно обстреляна. И когда части 385-й и 238-й стрелковых дивизий 70 стрелкового корпуса приступили к форсированию реки, на них

обрушился огонь пулеметов кинжального действия, установленных за обратной стороной дамбы канала Ниппервизе, огонь 20-мм. зенитных пушек и «фаустников». Каждому солдату врага выдали по 4 «фаустпатрона». Как только наши десантные «амфибии» выплыли на середину канала, 8 из них сразу же были подбиты.

Немцы установили пулеметы за насыпью дамбы в специальных гнездах, и эти пулеметы невозможно было уничтожить ни из орудий прямой наводки, ни навесным артиллерийским огнем. Бомбовые удары авиации нельзя было наносить по противнику на дамбах, расположенных в непосредственной близости от наших войск.

После того, как первая попытка форсирования реки не удалась, для лучшего управления боем И. Т. Гришин приказал командирам дивизий перенести свои наблюдательные пункты на пойму реки, а командирам полков иметь их за своими боевыми порядками.

В 18.40 после 40-минутного подавления огневых точек гитлеровцев и короткого огневого налета соединения армии повторили попытку форсирования реки, но особенного успеха не имели.

Лишь два стрелковых полка 380-й стрелковой дивизии 121-го стрелкового корпуса смогли форсировать канал Хохензатен южнее Фридрихсталь и захватить там небольшой плацдарм.

После неудачи второй попытки И. Т. Гришин вызвал на свой наблюдательный пункт всех командиров соединений, проанализировал причины безуспешных действий и назначил новую попытку форсирования водной преграды с 2 часов ночи 21 апреля.

Однако ночные действия частей 70 и 121 стрелковых корпусов также не увенчались успехом.

21 апреля в 11.30 после 35 минутной артиллерийской подготовки части армии опять пытались безуспешно форсировать реку и канал.

И. Т. Гришин решил использовать небольшой успех 380-й стрелковой дивизии. Уплотнив ее боевые порядки, он ввел в ночь на 22 апреля в первую линию из второго эшелона 199-ю стрелковую дивизию 121-го стрелкового корпуса.

70-й армия в первые два дня действий тоже не добилась существенных результатов. Лишь 65-я армия смогла в первый же день захватить плацдарм на западном берегу Вест Одер глубиной до 2

километров и шириной до 3 километров, который стала постепенно увеличивать.

22 апреля последовал приказ К. К. Рокоссовского «О плохой организации боя в 70 и 49 армии при форсировании реки Одер». В нем относительно последней, в частности, говорилось: «... обращаю внимание командующего 49 армией генерал-полковника Гришина и начальника штаба Киносяна на слабый контроль и требовательность к подчиненным ему войскам... в течение двух дней войска топчутся на месте».

Более жестко К. К. Рокоссовский высказался в отдельном приказе о командирах 70-го стрелкового корпуса. Приведем этот приказ полностью, поскольку в нем обрисовывается обстановка в первые дни операции по форсированию Одера.

«Приказ войскам 2-го Белорусского фронта от 22 апреля 1945 года № 0029/ОП.

Содержание: «О плохой организации боя в 70-м стрелковом корпусе 49-й армии при форсировании реки Одер.

70 стрелковый корпус, усиленный достаточным количеством артиллерии, имея до 200 стволов на 1 километр фронта прорыва, выполняя в системе операций одну из ответственных задач – форсирование реки Одер и Вест Одер с направления Нипервизе, Шведт, с целью прорвать оборону противника и овладеть рубежом Кол. Вильдбан, лес Фирраденер, Леснин восточнее Шведт с последующим овладением Шведт.

Двухдневные бои проводимой операции показали в корпусе неудовлетворительную организацию боя и незнание истинной обстановки командирами всех степеней, в первую очередь командирами стрелковых полков и строительных дивизий.

Командир корпуса и его штаб плохо организовали контроль и поверку. В результате боя в первый день операции на ряде участков соединений и частей 70 стрелковый корпус занимал не то фактическое положение, о чем докладывал командир корпуса, тем самым, по существу, обманывал командарма и штаб.

Такое положение привело к тому, что артподготовка на левом участке корпуса (районе верстового столба с отметкой 125.2 километра северо-восточнее Шведт – прошла малоэффективно, и когда 385-я и 238-я стрелковые дивизии поднялись в атаку, были встречены организованным огнем противника с тех позиций, которые считались занятыми нашими войсками (дамба в районе верстового столба 125, шлюз и южнее ее).

Артиллерийские начальники, приданные 70-му стрелковому корпусу, во главе с командующим артиллерией 70-го стрелкового полка полковником Михно, также формально отнеслись к подготовке данных для ведения прицельного огня на переднем крае обороны противника, и артподготовка была, по существу, проведена впустую.

В результате плохой организации боя войска корпуса в течение двух дней топчутся на месте и не выполняют боевую задачу.

Приказываю:

1. Командующему 70-м стрелковым корпусом генерал-лейтенанту Терентьеву — за неудовлетворительное управление и неконкретное руководство боевыми действиями корпуса, что привело к срыву выполнения боевой задачи корпуса — объявляю выговор и предупреждаю о неполном служебном соответствии.

2. Начальнику штаба корпуса полковнику Файдуну — за слабый контроль и неправильные доклады штаба — объявляю выговор.

3. Командующему артиллерией корпуса полковнику Михно за неудовлетворительное артиллерийское обеспечение операции корпуса — объявляю выговор.

4. Командиру 385-й стрелковой дивизии генерал-майору Сапрунову — за неудовлетворительное руководство боевой деятельностью подчиненных частей, плохую организацию боя и незнание истинной обстановки — объявляю выговор с предупреждением о неполном служебном соответствии.

5. Командира 1266-го стрелкового полка 385-й стрелковой дивизии полковника Коновалова — за плохую организацию боя и неиспользование благоприятной обстановки — отход противника, что привело к невыполнению боевой задачи не только полком, но и всей дивизии — от занимаемой должности отстранить и назначить с понижением.

6. Предупреждаю всех командиров частей и соединений фронта, что при повторении подобных случаев будут привлекать к более суровым мерам воздействия.

7. Приказ довести до сведения командиров полков и им соответствующие».

Подписи: Рокоссовский, Субботин, Боголюбов.

Эти приказы командующего 2-м Белорусским фронтом с предупреждениями и наказаниям не являлись главным в приня-

тых им мерах. Как следует из его мемуаров, он видел долю и своей вины в неудаче 49-й армии:

«Ошибка командования 49-й армии в определении исходного положения для своего первого эшелона послужила нам горьким уроком. Тем более было обидно, что в штабе армии были аэрофотоснимки всего участка наступления. Конечно, доля вины ложилась и на нас — командование фронта, видно, плохо мы проверили готовность армии к действиям. Нечего говорить о переживаниях Гришина. Все мы чувствовали себя неловко, и каждый задавал себе вопрос: как же это все могло получиться и в чем именно его упущение. Такая внутренняя самокритика бывает очень полезна. Я верил, что впредь товарищи не допустят подобного промаха».

К. К. Рокоссовский также учитывал, что, хотя 49-я армия не выполняет прежнюю поставленную перед ней задачу, тем не менее, она продолжает оставаться важным звеном в наступлении всего фронта, а именно, если она прекратит операцию, то враг получит возможность перебросить свои силы с этого участка туда, где у наших частей наметился успех. Поэтому он приказал И. Т. Гришину продолжать наступление, чтобы сковывать часть войск противника.

Кроме того, командующий фронтом стал согласовывать со Ставкой вопрос о перенесении главного удара с левого на правый фланг.

22 апреля введенная по приказу И. Т. Гришина из второго эшелона 199-я стрелковая дивизия должна была форсировать канал южнее Фридрихсталь. В шесть часов утра 492-й полк этой дивизии на подручных средствах одолел водную преграду, в 11 часов утра ворвался на восточную опушку леса Форст Шведт и оказался перед траншеей с двумя пулеметными площадками, двухамбразурным и трехамбразурным дзотами и проволочным заграждением. Бойцы захватили траншею, но дальнейшего продвижения не имели из-за сильного огневого сопротивления из глубины леса. В этом направлении прибыл 617-й стрелковый полк 199-й дивизии, также форсировавший канал на подручных средствах. Попытка 584-го стрелкового полка форсировать канал на амфибиях закончилась неудачей, 6 из них были подбиты.

На плацдарме 380-й стрелковой дивизии продвижения не состоялось, наши части с 11 до 16 часов дня отразили три контратаки немцев с танками и самоходными орудиями.

В ночь на 23 апреля отдельные отряды 70-го стрелкового корпуса, пытавшиеся доразведать систему обороны врага, были отброшены сильным огнем из ружей, пулеметов, артиллерийских орудий и минометов. Днем части этого корпуса не смогли очистить от противника восточный берег канала Хохензатен. Не добились успеха и части 121-го стрелкового корпуса на участке Фридрихсталь, хотя И. Т. Гришин ввел в его подчинение две резервные дивизии.

23 апреля Ставка отменила свою директиву от 18 апреля о нанесении частью сил 2-го Белорусского фронта удара в обход Берлина с севера, поскольку войска 1-го Белорусского фронта и 1-го Украинского фронта завершили окружение берлинской группировки гитлеровцев. К. К. Рокоссовский приказал в этот день передать танковый корпус, артиллерийские дивизии, понтонные бригады и другие средства усиления, находившиеся в распоряжении 49-й армии, на правый фланг — 65-й армии, где был достигнут наибольший успех.

24 апреля И. Т. Гришин приказал перенести удар 121-го корпуса с участка Фридрихсталь в район Гартц. 191-я и 42-я стрелковые дивизии по переправам 70-й армии перешли на западный берег Вест Одера и атаковали противника с фланга, свёртывая его боевые порядки в южном направлении. 199-я дивизия наступала с фронта. Сопrotивление противника перед правым флангом армии, наконец, было сломлено. 25 апреля части 42-й стрелковой дивизии овладели опорным пунктом Фридрихсталь, имевшим круговую оборону.

К. К. Рокоссовский так прокомментировал этот успех армии И. Т. Гришина:

«Развернулась в полную мощь 49-я Гришина. Воспользовавшись переправами 70-й армии, ее главные силы вышли на западный берег Вест Одера и ударом во фланг и тыл оборонявшегося на этом участке противника нанесла ему тяжелое поражение».

Так И. Т. Гришин превратил неудачу в победу, правда, за это время у него поседели виски.

26 апреля 49-я армия наступала по всему фронту и продвинулась в глубину на 10-12 километров и овладела городами Пиннов, Куннов, Шведт, Ферраден.

В этот же день в 13.00 Верховному Главнокомандующему от командования 2-го Белорусского фронта отправилось следующее боевое донесение:

«Первое. Войска 2-го Белорусского фронта 20 апреля 1945 года перешли в наступление южнее Штеттин с восточного берега нижнего течения реки Одер.

Преодолевая ожесточенное сопротивление противника на оборонительном рубеже, насыщенном мощными долговременными сооружениями и прикрытые широкой водной преградой, форсировали при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, Ост Одер и Вест Одер и затопленную пойму реки, общей сложностью свыше 5 километров, прорвали оборону противника на фронте 550 километров, в результате шестидневных боев расширили фронт прорыва до 100 километров и в глубину до 50 километров.

Овладели столицей Померании Штеттин, мощным опорным пунктом обороны немцев на реке Одер, узлом стратегических коммуникаций и городами Немитц, Раунсфельде, Анлаген, Помегендорф, Ластади, Пенкун, Гартц, Фирраден, Шведт.

Всего занято свыше 200 населенных пунктов. Захвачены большие трофеи и много пленных.

Второе. В боях при прорыве сильно укрепленной обороны немцев по реке Одер и овладении столицей Померании Штеттин и перечисленных городов отличились войска генерал-полковника Батова – 65-я армия, генерал-полковника Попова – 70-я армия, генерал-полковника Гришина – 49-я армия...»

Дальше мы можем проследить победное шествие 49-й армии вместе с 70-й, 65-й и 2-й ударной армиями 2-го Белорусского фронта по приказам Верховного Главнокомандующего, которые после 26 апреля следовали один за другим и сопровождались салютами в столице нашей Родины Москве.

В приказе № 348 от 27 апреля отмечено овладение армией И. Т. Гришина города Ангермюнде.

В приказе № 350 от 28 апреля – города Темплин.

В приказе № 351 от 29 апреля – города Лихен.

В приказе № 352 от 30 апреля – городов Гранзее, Нойштрелиц, Фюрстенберг.

В приказе № 354 от 1 мая – города Везенберг.

В приказе № 360 от 3 мая – города Витенберге.

Таким образом, войска 49 армии взяли последний город на день раньше, чем намечал К. К. Рокоссовский в своей директиве от 12 апреля 1945 года.

С 20 апреля по 3 мая армия И. Т. Гришина продвинулась с боями на 206 километров, разгромила среди прочих соединений войск Вермахта 547-ю народно-гренадерскую дивизию, одну морскую пехотную дивизию, одну парашютно-егерскую дивизию, 49-й пехотный полк 23-й пехотной дивизии СС «Нидерланды», 7-й отдельный авиаучебный полк, 10-й пехотный полк третьей морской пехотной дивизии, 611-й зенитный дивизион, 115-й танковый разведотряд и ряд спецподразделений группы «Ост» и другие.

В донесении командования 2-го Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему от 3 мая в 23 часа 50 минут сказано, что 49-я армия в районах Шлеммин, Грабов встретилась с передовыми частями союзных армий.

Вошла она в соприкосновение со 2-й английской армией, в ответственность которой входила 40-мильная зона на реке Эльбе от Виттенберге до Дархау. Судя по заметке М. Гольберга и капитана Кузнецова, напечатанной в армейской газете «За Родину» в номере за 5 мая, состоялась встреча И. Т. Гришина с командующим английской армией генерал-лейтенантом Демси. Фельдмаршал Монтгомери писал о последнем в своих мемуарах:

«Я восхищался Демси, которого знал много лет. Он принял командование 2-й армией к концу войны и полностью оправдал мое доверие своим умением и смелостью».

Заметка в армейской газете была написана в соответствии с правилами военной цензуры. Фамилия командующего 49-й армией не называлась, а ее предлагалось читателю угадать по следующему намеку: его имя «многokrатно упоминалось в победных приказах товарища Сталина». Место встречи тоже зашифровано, но человеку, знакомому с местностью, ясно, что это дворец герцога Мекленбургского под названием «Людвигслуст». В этом старинном здании, построенном в стиле позднего барокко, Демси вручил И. Т. Гришину эмблему 2-й английской армии.

О Демси известен такой факт: именно к нему 3 мая в 11.00 явилась делегация высших офицеров Вермахта во главе с адмиралом Фридебергом, которые от имени генерал-фельдмаршала Кейтеля и адмирала Деница заявили о желании сдаться западным союзникам. Демси направил их к Монтгомери, после чего началась процедура оформления безоговорочной капитуляции немцев перед западными державами.

5 мая К. К. Рокоссовский направил командармам 65-й, 70-й, 49-й армий и командующему 3-м гвардейским кавалерийским корпусом следующее распоряжение:

«Войскам 65-й, 70-й и 49-й армий и 3-му гвардейскому кавалерийскому корпусу закрепиться на достигнутом рубеже, создав прочную, эшелонированную в глубину оборону, приняв меры скрытности и маскировки боевого расположения войск.

Организовать службу боевого обеспечения, особенно непосредственно и боевого охранения частей и соединений.

Организовать боевую подготовку войск, офицерского состава и штабов всех степеней.

С офицерским составом произвести разбор последних операций в Восточной Пруссии, Восточной и Западной Померании.

Соединения и части привести в порядок, весь личный состав обмундировать по летнему плану и пропустить через санобработку.

Установить строжайший порядок в зоне соприкосновения наших войск с союзниками».

Исполнять этот главный приказ приходилось наряду с решением других попутных задач, которые оставались после победы над фашистскими войсками. Очищали лесные массивы и отдельные районы от мелких групп противника. В полосе армии задержали большое количество немецких солдат и офицеров. Одновременно собиралось трофейное оружие и боеприпасы.

Кроме того, на войска возложили задачи по передаче союзникам военнопленных и граждан союзных держав, освобожденных Красной Армией, и приема советских военнопленных и советских граждан, оказавшихся в зоне оккупации западных держав. 17 мая 1945 года вышел следующий приказ войскам 49-й армии:

«О формировании на территории армии лагерей для содержания освобожденных советских военнопленных и советских граждан.

Во исполнение приказа войскам 2-го Белорусского фронта 0266 от 15 мая 1945 года в целях организованного приема и содержания освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии бывших советских военнопленных и граждан советского подданства, а также для передачи освобожденных Красной Армией бывших военнопленных и граждан союзных нам стран

Приказываю:

1. Созданные ранее корпусные пункты обмена военнопленных использовать

а) в Грабове — для передачи союзных военнопленных и граждан, приема людей советского подданства от Союзного командования, получаемых на территории Германии из лагерей союзников, приемный пункт иметь в составе 8-10 офицеров;

б) в Нойштадт и Эльдене — для передачи Союзному командованию всех бывших союзных военнопленных.

2. Начальнику Отдела оргучета и комплектования сформировать два лагеря №№ 212 и 213 (п.п. 52681 и 52684), по штату № 03/508 и при них 2 отдельные стрелковые роты №№ 366 и 367 по штату № 23/911-Б для охраны лагеря. Сформированные лагеря и роты направить в Плау и Меенбург для развертывания к 23.03.45, передав их начальнику тыла армии.

3. Моему заместителю по тылу:

а) прием всех людей Советского подданства производить от Союзного командования на территории Западной Германии в лагерях союзников;

б) командировать в союзные лагеря для приема бывших советских военнослужащих и граждан советского подданства, ответственных офицеров и необходимое количество сопровождающих;

в) принятых от Союзного командования бывших советских военнопленных и советских граждан направлять на приемные пункты, а затем в советские лагеря;

г) транспортировку проводить: людей советского подданства, принимаемых в лагерях союзников, до приемного пункта в Грабово — автотранспортом союзников, по предварительной договоренности с Союзным командованием; от приемного пункта Грабово до советских лагерей — походным порядком и автотранспортом армии; из лагерей до станции погрузки для эвакуации в тыл, распоряжением и транспортом фронта. Людей, освобожденных Красной Армией, бывших военнопленных и граждан союзных нам стран — армейским транспортом до пунктов передачи Союзному командованию;

д) к 23.05.45 в районе Плау и Меенбург развернуть для размещения и содержания бывших советских военнопленных и репатрируемых советских граждан два лагеря с пропускной способностью 10000 человек каждый, обеспечив охрану лагерей средствами двух местных стрелковых рот;

е) развернуть по одному госпиталю в районе дислокации каждого лагеря для медико-санитарного обслуживания бывших союзных военнопленных и граждан советского подданства;

ж) обеспечить созданные лагеря к 25.05.45 месячным запасом обмундирования б/у по 500 комплектов на лагерь, за счет трофейного; расквартированием, оборудованием и имуществом.

4. Проверку бывших советских военнопленных и освобожденных граждан советского подданства возложить:

а) бывших военнослужащих Красной Армии – на органы контрразведки и «СМЕРШ» армии;

б) гражданских лиц – на проверочные комиссии, представителей НКВД, НКГБ, и «СМЕРШ» армии под председательством представителей НКВД.

5. Начальнику политотдела армии организовать в лагерях полит-массовую работу.

Командующий войсками 49-й армии генерал-полковник Гришин, член Военного Совета 49 армии генерал-лейтенант Сычев, начальник штаба 49 армии Киносян, зам. комвойсками начальник тыла армии генерал-майор Дементьев.

Войска проводили активную работу с местным населением: помогали организовывать бывшим антифашистам и коммунистам митинги, на которых выступали офицеры армии – начальники гарнизонов, коменданты населенных пунктов. Они разъясняли местному населению политику военной администрации. К 20 мая во всех городах и районах нахождения 49-й армии были сформированы органы местного самоуправления.

Наконец, с 20 мая в частях армии стали регулярно проводиться плановые занятия по боевой подготовке. 22 мая армейская газета «За Родину» поместила лозунг: «Кропотливой учебой еще больше укрепим нашу военную мощь». На офицерской учебе происходил разбор таких операций, как прорыв обороны немцев на реке Проня и наступление в Белоруссии в июне-августе 1944 года, наступление в Восточной Пруссии в январе 1945 года, в Восточной Померании в феврале-марте 1945 года и в Западной Померании в апреле-мае 1945 года.

24 мая И. Т. Гришин утвердил план партийно-политической работы в армии, рассчитанный на перспективу. Намечалось провести серию партийных и комсомольских собраний во всех соединениях и подразделениях армии. В сети политпросвещения

планировались занятия по темам: «Обращение т. Сталина к народу 9 мая», «Победа советского народа над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне», «Красная армия с честью выполнила свой долг перед народом», «Победа славянских народов в великой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании», «Источники силы и могущества Советского государства» (для офицеров)».

В части армии направлялись агитбригады дома культуры для прочтения лекций на тему «Героический подвиг советского народа в тылу» и показа фильмов «Малахов курган», «Нашествие», «Сердца четырех».

Не забывалась работа и с местным населением. Так имелись такие пункты плана: «Проверить работу бургомистров и городских магистратов в городах Перлеберг, Гранзее, Фюрстенберг, Ангермюнде, Темплин по вопросам: а) организация и снабжение продовольствием населения; б) восстановление городов, пуск в ход хозпредприятий и учреждений; в) выявление фашистских элементов», также «Провести на площадях в 15 городах общественные собрания жителей с докладом «Разгром немецкого фашизма и современные задачи местного населения». Организовать на этих собраниях выступления антифашистов из местных жителей».

Но согласно Директиве Ставки Верховного Главнокомандующего от 29 мая и распоряжения командующего войсками 2-го Белорусского фронта от 30 мая 1945 года 49-я армия в составе двух управлений стрелковых корпусов, десяти стрелковых дивизий и всеми армейскими средствами усиления, тыловыми частями и учреждениями и наличными запасами передавалась в состав войск 1-го Белорусского фронта и к 7 июня 1945 года сдала занимаемый рубеж частям 2-й ударной армии. С 7 июня, когда армия еще совершала свой последний марш в район Нойештрелитц, Райнесберг, управления корпусов, соединения, части и учреждения стали расформировываться, и к 20 июня этот процесс завершился.

За время командования 49-й армией с 1943 по 1945 год И. Т. Гришин получил три полководческих награды – два ордена Суворова 1-й степени и орден Кутузова 1-й степени. Для сравнения: у Г. К. Жукова имелось два ордена Суворова 1-й степени, у К. К. Рокоссовского – один орден Суворова 1-й степени и один орден Кутузова 1-й степени.

Глава VII

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БОЕВОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Иван Тихонович Гришин прожил после Дня Победы 1945 года шесть лет, продолжая служить Родине. Он успешно продвигался по службе, несмотря на некоторые неблагоприятные обстоятельства.

В июне-июле 1945 года командующий 2-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский дал ему две характеристики, открывающие неординарные перспективы для служебного роста. 6 июня краткий боевой отзыв маршала о командующем войсками 49-й армии звучал так:

«Молодой командарм, но с достаточным знанием дела и боевым опытом. Смелый и предприимчивый. Армией командует уверенно. Занимаемой должности соответствует.

Может быть назначен командующим войсками военного округа».

Аттестация И. Т. Гришина, данная К. К. Рокоссовским 16 июля того же года, обширна и содержит некоторые оценки, ограничивающие продвижение аттестуемого по службе:

«Активный участник Отечественной войны с 22 июня 1941 г. до 9 мая 1945 г. За время войны около года командовал 137 стрелковой дивизией на Брянском фронте, один год и восемь месяцев был начальником штаба армии на Западном фронте и с 11 июня 1943 года до конца войны командовал 49 армией.

За время войны приобрел большой боевой опыт и умело применял его в различных операциях.

Войска 49 армии под руководством тов. Гришина особенно успешно выполнили боевые задачи в Белоруссии в операции 1944 г., в Млавской операции – январь 1945 г., Восточно-Померанской операции – февраль–март 1945 и в преследовании разбитой немецкой армии в завершающей Одерской операции – апрель–май 1945 г.

Тов. Гришин имеет сравнительно широкий оперативный кругозор. Хорошо знает военное дело.

По своему характеру тихий, спокойный человек, в боевой обстановке храбрый и решительный генерал.

Политическое и общее развитие хорошее. К недостаткам тов. Гришина относятся: а) недостаточный контроль за действиями своих войск, в результате чего неоднократно вводился в заблуждение о действительной обстановке (район Бишофсбург, при форсировании реки Одер) и этим усложнял бой; б) недостаточная требовательность к подчиненным командирам соединений и излишняя доверчивость.

Вывод: генерал-полковник Гришин соответствует командующему войсками армии или войсками небольшого военного округа».

Здесь обращают на себя внимание расплывчатые формулировки. Прежде всего, «имеет сравнительно широкий оперативный кругозор». Ведь можно субъективно толковать «сравнительно широкий» как «недостаточно широкий» для занятия определенных должностей. То же самое можно сказать о выражении «неоднократно вводился в заблуждение о действительной обстановке». Можно подумать, что «вводился в заблуждение» не два, как конкретно указывает К. К. Рокоссовский, а больше в силу «излишней доверчивости». Тем более, что во второй характеристике речь идет уже о том, что И. Т. Гришин в лучшем случае соответствует должности командующего войсками лишь небольшого округа.

Чем объяснить такое различие двух характеристик? То, что мы знаем об отношениях И. Т. Гришина и К. К. Рокоссовского после 9 мая 1945 года, не дает оснований для каких-либо определенных выводов.

Они вместе участвовали в параде Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года и на приеме в честь его участников, на котором Председатель Совета Министров СССР В. М. Молотов провозгласил тост «за прославленных маршалов и генералов, ру-

ководивших боями с гитлеровскими армиями и войсками союзников Гитлера», в том числе за командующего 2-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Рокоссовского и генералов Попова, Батова, Гришина, Федюнинского и Вершинина.

Известно и то, что в 1946 году К. К. Рокоссовский, будучи командующим Северной группы войск, передал Ивану Тихоновичу польские награды. Вот его краткое послание от 11 июня 1946 года:

«Постановлением Президиума Краевой Рады Народной Польской Республики от 6 апреля 1946 года Вы награждены орденом Крест Грюнвальда 2 класса и медалью за Одер, Ниссу, Балтику.

Не имея возможности лично вручить Вам эти награды, посылаю их и желаю успехов в Вашей дальнейшей работе».

Под некрологом И. Т. Гришина в 1951 году подписи К. К. Рокоссовского нет, возможно потому, что ему по статусу не полагалось это делать как министру обороны и заместителю Председателя Совета Министров Польской Народной Республики.

О своем новом назначении в 1945 году И. Т. Гришин сообщил в автобиографии следующее:

«После проведенного 24 мая парада Победы в Москве Директивой командующего войсками 1-го Белорусского фронта 49 армия была расформирована, а я вместе с полевым армейским управлением был отправлен своим ходом в город Горький. В пути около города Быдгощ мною получен приказ Верховного Главнокомандующего, которым я был назначен командующим 6-й гвардейской армией Прибалтийского Военного Округа».

Можно предположить, что этому назначению поспособствовал командующий войсками этого округа Иван Христофорович Баграмян. Ординарец И. Т. Гришина Михаил Зюбин в книге «Армия генерала Гришина» рассказывает, опираясь на личные впечатления, об одной из встреч командарма и командующего округом в городе Шяуляй. Иван Тихонович встречал Ивана Христофоровича не по чину, а как друга — с банькой, с непринужденной беседой о жизни.

Прибалтийский военный округ считался элитным местом службы. Но в 1945–46 годах проблем там хватало. В лесах прятались вооруженные отряды националистов, которые совершали нападения на представителей власти. В сохранившемся в ЦАМО черновике донесения Военного Совета 6-й гвардейской армии от 31 декабря 1945 года И. Х. Баграмяну содержатся конкретные

данные о числе этих отрядов, в том числе на территории Литовской ССР, где была расквартирована 6-я гвардейская армия:

«Действия бандитских групп отмечены в 13 уездах Литвы из 24 и в 8 уездах Латвии из 19.

Наибольшую активность бандитские группы проявляют в данное время в уездах Литвы: Укмергенский (до 19 бандитско-диверсионных групп); Каунасский (большие группы в лесах южнее Каунаса); Мариампольский (в лесах севернее и северо-восточнее города Мариамполь до 11 групп); Мяжесклейский; Тяльшяйский (до 12 групп); Шяуляйский (до 7 групп); Госсиенский (до 200 человек); Ионишкисский; Биржайский и Паневежский (банда до 200 человек, действующая группами в 4 уездах).

Этими бандитско-диверсионными группами в октябре месяце 1945 года совершено террористических актов и ограблений по Латвийской республике — 36, по Литовской — 149. Все они направлены главным образом против военнослужащих, работников местных партийных, советских организаций и советского актива».

Об остроте борьбы с националистами свидетельствует статья писателя, депутата Верховного Совета Литовской ССР Петраса Цвирки под заглавием «Враги литовского народа», напечатанная в газете «Советская Литва» в номере от 8 июля 1945 года:

«Черная душа у этих зверей. Даже название зоологических националистов звучит для них слишком лестно. Это разбойники, бандиты, людоеды.

Они именуют себя армией. Эта «армия» ползает по рвам, обвешавшись немецким оружием, налетает из-за угла на мирных людей, убивает женщин, стариков, детей».

В ЦАМО есть также документ о том, что органы МВД Литвы обращались к командованию 6-й гвардейской армии с просьбой о помощи в борьбе с националистами. В частности, народный комиссар МВД Литовской ССР Барташунас 15 ноября 1945 года отправил следующее донесение И. Т. Гришину:

«Нами установлено, что на территории Таурагского уезда крупная банда. Операцию по ликвидации этой банды намечено провести 18 ноября 1945 г.

Прошу Вашего распоряжения командиру 119 дивизии генерал-майору Макарову о выделении в распоряжение оперативно-го сектора полковника Медведева минометного подразделения с пятью минометами».

Конечно, такое поручение генерал-майору Макарову было дано.

В самой армии приходилось решать сложные проблемы одну за другой. Надо было изживать психологию военного времени, которая в условиях мирного времени проявлялась в неадекватных поступках солдат и офицеров, в прошлом заслуженно получивших название гвардейцев. 3 октября 1945 года И. Т. Гришин издал приказ «О борьбе с чрезвычайными происшествиями и аморальными явлениями в частях и соединениях армии». В нем, в частности, утверждалось:

«В отдельных частях и соединениях до сих пор еще продолжают иметь место позорные явления со стороны некоторых военнослужащих. Не изжиты случаи мародерства, грабежа, насилия, дезертирства, самовольных отлучек, пьянок и дебошей.

Отдельные разложившиеся элементы из числа бойцов и офицеров, совершая тягчайшие преступления, позорят Красную Армию, забыв, что военнослужащие всегда должны хранить честь и достоинство воина-победителя.

Наличие имеющихся случаев нарушения воинской дисциплины и преступлений объясняется прежде всего тем, что командиры этих частей и соединений не приняли жестких мер к насаждению воинской дисциплины и порядка в подразделениях, не поняли, что мы находимся на территории Прибалтийских Советских республик, где требуется наибольшая организованность, бдительность и правильные взаимоотношения с местным населением».

И. Т. Гришин приказом командования Прибалтийского военного округа № 62 назначался военным комендантом Шяуляйского уезда Литвы. В этом качестве он отдал распоряжение командирам соединений и частей выполнять функции военных комендантов в расположении своих частей. В их задачу входило выявление и задержание военнослужащих, не имеющих документов на пребывание в данном месте, и подозрительных гражданских лиц. Коменданты должны были совместно с работниками «СМЕРШ» и частями НКВД проводить не менее двух раз в месяц облавы в районах и крупных населенных пунктах. А также периодически посылать в наиболее крупные населенные пункты и в места, наиболее удаленные от воинских частей, специальные команды в составе не менее 15 человек под командой опытных и политически грамотных офицеров для наведения порядка.

Вводился запрет до особого распоряжения на увольнение из расположения частей всего рядового, сержантского и старшинского состава. Посещение кинотеатров и концертов разрешалось только командами во главе с наиболее дисциплинированными офицерами.

И. Т. Гришин потребовал свести до минимума все виды командировок военнослужащих из расположения частей, а командировку в город Шяуляй согласовывать с ним лично.

В самом городе Шяуляе приказывалось гарнизону совместно с органами «СМЕРШ», военной прокуратурой и городской милицией «в кратчайший срок выявить и ликвидировать притоны и публичные квартиры».

Наконец, ставилась задача нашим частям «установить правильные и деловые взаимоотношения с местными советскими и партийными организациями и оказывать всевозможную помощь в проведении всех государственных мероприятий. Продолжать вести широкую партийно-воспитательную работу среди гражданского населения своих районов.

Приказ довести до командиров батальонов, дивизионов и им соответствующих».

Конкретный пример деловых отношений армии с местными органами содержится в отчете артиллерийской бригады от 12 октября 1945 года. В нем сказано, что в помощь тресту совхозов Шяуляйского уезда выделено 195 человек, которые обмолотили урожай с 10 гектаров, убрали урожай с 15 гектаров, скошили и убрали сена с 10 гектаров и заскирдовали урожая и сена 65 тонн.

После того, как И. Т. Гришин 15 августа прибыл в город Шяуляй и вступил в командование 6 гвардейской армией, он произвел, согласно приказу Верховного Главнокомандующего, демобилизацию части рядового и сержантского состава. Но комплектование армии новым составом шло медленно и не должным образом. И. Т. Гришин доносил командованию Прибалтийского Военного округа 31 октября 1945 года, что «принятый состав низкорослый — 140-150 сантиметров и недостаточно подготовленный. Постоянный состав войск армии по уровню боевой подготовки стоит гораздо выше полученных сержантов». Он просил И. Х. Баграмяна прислать 1500 человек рядового и сержантского состава, подходящих для пополнения гвардейских частей.

Еще И. Т. Гришин считал необходимым произвести изменения в офицерском составе. Он писал И. Х. Баграмяну:

«Большинство стрелковых полков имеют неполноценных начальников штабов, работают офицеры, выросшие в период войны и не имеющие опыта и навыка в организации боевой подготовки войск в мирное время. Большинство начальников штабов необходимо заменить».

О боевой подготовке командующий войсками 6-й гвардейской армии озаботился с самого начала. В сентябре он провел проверку подчиненных ему соединений и обнаружил ряд недостатков, о которых он уведомил командиров 2-го, 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов, а также командующих артиллерийскими, бронетанковыми и механизированными родами войск:

«Проверкой, проведенной в сентябре сего года, установлено, что боевая и политическая подготовка в ряде частей и соединений армии организована неудовлетворительно, и качество занятий, особенно по огневой подготовке, низкое.

Занятия по тактической подготовке проводились без должной последовательности для каждого подразделения и поверхностно (67-я гвардейская стрелковая дивизия). Учебные поля оборудованы плохо (71-я и 119-я гвардейские стрелковые дивизии). На занятиях преобладает метод рассказа, а не показа, как надо делать.

Огневая подготовка в ряде частей и соединений на низком уровне. Офицеры, сержанты и бойцы материальную часть оружия и приемы стрельбы знают слабо (21-я и 51-я гвардейские стрелковые дивизии). Учебными приборами и пособиями чести не обеспечены.

Строевая и физическая подготовка слабая. Внешний вид у ряда бойцов, сержантов и офицеров неудовлетворительный (46-я и 21 гвардейские стрелковые дивизии). Обмундирование и обувь не ремонтируются, не чистятся и не подогаданы.

Оружие и боеприпасы в частях содержатся плохо.

Дисциплина среди личного состава не на высоком уровне. Учебным временем в частях и соединениях не дорожат.

Все эти факты являются следствием того, что в частях и соединениях очень плохо организована подготовка офицеров к занятиям».

В октябре-ноябре 1945 года И. Т. Гришин приказал провести учебно-методические сборы командиров батальонов, дивизио-

нов, рот, батарей и взводов всех родов войск, инструкторов физической подготовки стрелковых полков и дивизий с целью устранения отмеченных недостатков.

25 сентября он издал приказ, в котором указывал командирам корпусов и дивизий на то, что они не выполняют Директиву командующего Прибалтийского Военного округа от 29 июля о двухсторонних отрядных учениях, так как не представили командарму до сих пор на утверждение планы и разработки этих учений. И. Т. Гришин выдвинул правило, которому должны подчиняться организаторы этого мероприятия: «Отрядные учения могут быть проведены на высоком уровне только при условии всесторонней, тщательной и своевременной подготовки к ним командиров корпусов, дивизий и их штабов».

Он приказывал немедленно приступить к подготовке отрядных учений, которые должны быть проведены 18-20 октября 1945 года на тему «Форсированный марш усиленного стрелкового полка в район сосредоточения, подготовка и прорыв сильно укрепленной полевой обороны противника и бой в тактической глубине» и 22-24 октября – на тему «Прорыв сильно укрепленной обороны с форсированием водной преграды, бой в тактической глубине и организация преследования отходящего противника».

С 29 по 31 октября 1945 года в городе Шяуляй прошло инструктивно-методическое совещание, на котором присутствовали командиры стрелковых и артиллерийских полков, артиллерийских бригад, стрелковых корпусов и дивизий, командиры укрепленных районов и дивизионных инженеров. На нем И. Т. Гришин подвел итоги инструкторских проверок частей армии за предыдущий период. Он указал, во-первых, на то, что еще многие командиры не перестроились на мирное положение и продолжают прибегать к методам военного времени. Во время боевых действий ряд командиров полков хорошо проявили себя, но организовать боевую подготовку красноармейцев и офицеров не могут. Поэтому такие были отстранены от должности. Командарм обратил внимание присутствующих на то, что полковая дисциплина остается на низком уровне, и до сих пор продолжают иметь место случаи грабежей, насилия, убийств и вымогательств со стороны красноармейцев, что дает повод националистическим элементам клеветать на Красную Армию.

После выступления командарма для командиров полков были проведены показательные уроки физической подготовки, показательные занятия по методике строевой подготовки одиночного бойца в составе роты, показательное наступление стрелкового взвода, подготовка бойца в составе роты.

Личный состав взводов, проводивших показательные занятия, получил от И. Т. Гришина благодарности и был награжден денежными премиями.

Еще командарм заботился о бытовых условиях войск. В своей автобиографии он отмечал, что при нем восстановили военные городки на территории армии и построили дивизионные лагеря барачного типа. В донесении командующему Прибалтийским военным округом от 31 октября 1945 года И. Т. Гришин поставил вопрос об улучшении материального обеспечения войск. В частности, он сообщал, что «внешний вид бойцов плохой, обмундирование и обувь в большинстве своем требуют замены», «постельных принадлежностей в войсках нет (бойцы спят на матрацах, сделанных из трофейных мешков, на матах, а укрываются часть трофейными одеялами, часть шинелями или плащпалатками», «для выдачи демобилизованным второй очереди отсутствуют консервы и заменители их», «снабжение крупами однообразное... в суточном рационе дня в большинстве своем преобладают крупа овсяная и перловая», «особенно остро стоит вопрос с организацией питания офицерского состава как по качеству, так и количеству», «обеспечение семей офицерского состава, за исключением выдачи основного пайка, отсутствует, фондов промтоварного обеспечения нет, при исключительно большой нуждаемости».

В этом он находил поддержку И. Х. Баграмяна. Бывший разведчик, ставший писателем, В. В. Карпов в своей книге о командующем Прибалтийском военном округе подчеркивает, что в своем первом же выступлении на заседании Военного совета округа Иван Христофорович поставил «улучшение питания, жилищно-бытовых условий офицеров, вольнонаемных служащих и рабочих» одной из главных задач, стоящих перед командованием округа.

В январе 1946 года в Литовской ССР проходило выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. В газете «Советская Литва» от 6 января появилась заметка «Работники Клайпедского порта наметили кандидатами в депутаты Совета Союза

ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА и МЕЧИСЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГЕДВИЛАСА и кандидатом в депутаты Совета Национальностей ИВАНА ТИХОНОВИЧА ГРИШИНА

В праздничном убранном зале управления порта собралось более 200 рабочих и служащих Клайпедского порта. Выступивший первым, парторг тов. Хрузин, предложил выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР великого вождя народов, освободителя трудящихся от фашистской нечисти, друга и учителя, дорогого товарища Сталина.

Бурными аплодисментами встретили портовики предложение тов. Хрузина и единогласно выдвинули тов. Сталина Иосифа Виссарионовича кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Коллектив Клайпедского порта кандидатом в депутаты Совета Союза по 637 избирательному округу выдвигает председателя Совета Народных комиссаров Литовской ССР тов. Гедвиласа.

Заместитель начальника порта тов. Васильев выдвинул кандидатом в депутаты Совета Национальностей командующего Н-ским гвардейским соединением Героя Советского Союза генерал-полковника Гришина Ивана Тихоновича. Выступивший работник порта тов. Колесников рассказал собравшимся о боевых подвигах тов. Гришина, его организаторских способностях и военном мастерстве.

«Товарищ Гришин очень много сделал для народов Прибалтики, — говорит тов. Колесников, — Соединения, которыми он командует, освободили от немецких захватчиков города Двинск, Шяуляй, Тельшай, Палангу и Паневежис. Также вместе с бойцами Красной Армии он штурмовал центр фашистского логова — Берлин. За боевые заслуги перед Родиной правительство наградило его двумя орденами Ленина и медалью «Золотая Звезда», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, орденом «Красная Звезда», медалью «XX лет РККА», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Мы можем быть уверены, — продолжает тов. Колесников, — что тов. Гришин и впредь будет отдавать свои силы беззаветному служению советскому народу. Я призываю всех портовиков поддерживать кандидатуру тов. Гришина в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР».

Участники собрания единогласно выдвинули кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по 326 избирательному округу генерал-полковника Героя Советского Союза тов. Гришина Ивана Тихоновича.

С большим воодушевлением прошли также предвыборные собрания избирателей на железнодорожном узле, на электростанции и целлюлозно-бумажном комбинате Клайпеды. Всюду избиратели горячо поддержали кандидатуру тов. Сталина И.В., т.т. Гедвиласа М. А., Гришина И.Т., выдвинув их кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР».

Кандидата в депутаты Верховного Совета СССР № 1 И. С. Сталина символически выдвигали на всех предвыборных собраниях страны. Идеологи того времени считали, что они таким образом повышают авторитет власти и остальных кандидатов.

15 января Окружная избирательная комиссия Клайпедского избирательного округа № 326 по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР зарегистрировала кандидатом в депутаты И. Т. Гришина, выставленного от общих собраний коллективов целлюлозно-бумажного комбината, Клайпедского морского торгового порта, Клайпедского железнодорожного узла, крестьян Салантайской, Картенской, Прекульской волостей и других.

В газете «Советская Литва» появились материалы об Иване Тихоновиче Гришине. Наибольший интерес с точки зрения создания имиджа боевого генерала, вышедшего из народа и близкого народу, представляет статья гвардии майора В. А. Чухланцева, литсотрудника газеты 6-й гвардейской армии «Боевой натиск», напечатанная в «Советской Литве» от 21 января 1945 года. Мы приводим ее полностью, поскольку в ней содержатся некоторые подробности, которые нам не удалось удостоверить. Лично ли он слышал нечто подобное от командарма, или руководствовался молвой, или сам придумал как художественную деталь, но во всяком случае посчитал, что таким образом он сделает образ И. Т. Гришина более привлекательным для литовского избирателя:

«ГЕНЕРАЛ ГРИШИН.

Очерки о военных, а тем более о генералах, обычно начинаются с описания поля боя, окутанного пороховым дымом и наполненного звуками разрывов и стонами раненых. Героев этих очерков принято с первых строк ставить в опасное положение,

из которого они затем выходят, покрытые все тем же пороховым дымом и опаленные пламенем разрывов... Всё это можно написать и о генерале Иване Тихоновиче Гришине, кандидате в депутаты Верховного Совета СССР по Клайпедскому избирательному округу. Опасностей он пережил множество. Но рассказ о нем хочется начать по-другому. Мне видится деревня Внуковичи на Смоленщине — родине Гришина в августе 1914 года и сцена в бедной крестьянской избе.

Тихон Гришин — шахтер-отходник с солдатской котомкой за плечами, обнимает своего старшего сына.

— Ну, Иван, хозяйствуй хорошо. Ведь ты старший у меня...

Так в жизнь Ивана Гришина вошла война. Проводив на фронт отца, 13-летний паренек вдруг стал старшим мужчиной в доме.

Навсегда Иван Тихонович запомнил рассказы отца, вернувшегося с фронта. От отца наследовал уважение к героизму русского солдата, жгучую ненависть к оккупантам, любовь к Родине.

А когда в 1920 году стал красноармейцем и принял боевое крещение, то твердо решил посвятить свою жизнь военному делу, стать умелым защитником Родины.

Нелегко было овладевать искусством побеждать. Часто вспоминал, как в Академии имени Фрунзе, он заучивал две с половиной тысячи японских иероглифов и просиживал ночи над картами генштаба и английской грамматикой. Иван Тихонович говорит:

— От бессонницы глаза были красными, а спать было некогда. Изучить нужно было много, а времени было мало.

Упорство в достижение поставленной цели, жажда к знаниям помогли красноармейцу Гришину стать высокообразованным офицером, командиром дивизии.

С великой верой в русского солдата, в могущество своего Отечества вступил полковник Гришин в Отечественную войну против гитлеровской Германии. Его дивизия погрузилась в эшелоны, чтобы следовать на запад, где уже гремела война.

Эшелоны дивизии шли на фронт через Рославль. Ивану Тихоновичу представилась возможность увидеть своих родителей.

Тепло встретили земляки Ивана Тихоновича, долго его держал в объятиях старик отец.

— Ну вот, Иван, и я тебя провожаю на войну... Не забывай, что у нас шахтерский закал. Гришины никогда не роняли честь рус-

ского солдата, отстаивая Россию, – говорил на прощание Тихон Евстафьевич.

Больше Ивану не суждено было увидеть своих родных. В мрачные дни оккупации отец, мать, брат, невестка и племянница Гришина были брошены в тюрьму. А когда фронт в 1943 году продвинулся к Рославлю, немцы взорвали тюрьму и погребли под ее руинами всех заключенных.

Как ни быстро шла тогда армия Гришина в Рославль, но предупредить это злодеяние ей не удалось. Сын-командарм спешил к своему отцу, но ему только показали его последнюю записку, тайно посланную из каземата. В ней говорилось: «Умираю с голоду. Прощай, Россия, прощайте сыновья мои любимые!» Это было написано за несколько дней до взрыва тюрьмы...

...По-настоящему талант Гришина-полковника развернулся к 1943 году, когда началось великое наступление Красной Армии. Тогда он уже был командующим армии. Первую свою наступательную операцию он готовил в упоении от сбывшихся надежд. Вот когда, наконец, он поведет своих богатырей так, чтобы победит наверняка. Пришло время, которое он ждал, в которое верил.

Взятие Спас-Деменска, а затем Рославля, где он узнал о гибели родных, было экзаменом командарма, который он выдержал отлично. Уже в тот момент можно было заметить особый стиль его операций. Этот стиль потом стал совершенно четким, законченным. Все операции генерала Гришина проникнуты духом стремительности. Он всегда видит конечную цель и идет к ней уверенно.

В биографии генерал-полковника Гришина целый ряд оригинальных операций, разработанных им и проведенным в жизнь. Последние два с половиной года войны – это годы побед Красной Армии. Отличились и войска Гришина. Форсирование Днепра и взятие Могилева, форсирование Березины и разгром Минского котла, прорыв на Свислочи и взятие крепости Осовец, Ломжа, Алленштайн, Висла, Данциг, Одер, Эльба. Это победы армии Гришина, которыми мы гордимся. Они украсили грудь генерала Гришина многими наградами, в том числе двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова, орденом Кутузова и звездой Героя Советского Союза. За штурм крепости Осовец и выход на реку Бобр Гришин получил персональные часы от маршала Жукова. Маршал прибыл тогда в штаб армии и тепло приветствовал ее боевого командарма.

Потом был поход в Восточную Пруссию, форсирование Вислы у Торна и, наконец, был Данциг. Все говорили, что с Данцигом будет задержка. Авангардную армию генерал-полковника Гришина посетила большая группа корреспондентов.

— Не будет ли здесь сидение, как под Кенигсбергом? — спрашивали они, имея в виду, прежде всего, сильнейшую оборону немцев, и, наконец, распутицу и растянутасть наших сил.

— Нет, этого здесь не будет, — ответил уверенно командарм.

И этого здесь не было. Данциг был взят ночной атакой даже на два дня раньше намеченного срока. И снова мы видим в этой операции генеральский «почерк» Гришина. Стремительно подойдя к укреплениям Данцига, он пробил в них, как он сам выражается, небольшую «дырку». В «дырку» немедленно были брошены две стрелковые дивизии и танковый корпус. Это все делалось ночью, чтобы еще больше ошеломить немцев. Пленные потом говорили, что они ждали ночной передышки сторон, как обычно это бывало на войне. Но Гришин был против обычного — и в этой творческой смелости его сила.

Одер! Форсирование этой реки судеб Германии увенчало славный боевой путь Ивана Тихоновича Гришина. В разлив Одер в низовьях — это море шириной в три с половиной километра. Преодоление такой преграды в условиях ожесточенного сопротивления врага — факт, почти не имеющий себе равных. Но полки Гришина перешли...

— Это — чудо! Вы решились на невозможное. Мы не могли даже подумать об этом. Скажите, как вы это сделали? — такими возгласами встретили героев Одера союзные офицеры и генералы на Эльбе.

Генерал Гришин ответил генерал-лейтенанту Демпсей — командующему второй английской армией, который привез ему рыцарский знак:

— Вы не ожидали, а мы это сделали. Чуда здесь нет и нет ничего невозможного. Это достижение нашей советской техники и наших советских солдат. Солдат, храбрость которых я испытал за четыре года войны и скажу, что она беспредельна, а их любовь к Родине — священна».

17 февраля в газете «Советская Литва» появились списки депутатов, избранных в Верховный Совет СССР, в их числе фигурировал И. Т. Гришин.

Как депутат Верховного Совета СССР Иван Тихонович выполнял в республике идеологические функции. 9 мая 1946 года в газете «Советская Литва» напечатана его статья, отражавшая главное направление идеологической работы советского государства в то время. Мы приводим ее полностью, поскольку смогли найти всего две его публикации. Статья называлась «Великий Сталин – творец нашей победы». Вот ее содержание:

«Сегодня советский народ и все народы празднуют День Победы – первую годовщину полного разгрома гитлеровской Германии. В историю человечества этот день вошел как день великого торжества справедливости над темными силами фашизма.

Труден был путь к победе. Много чудесных советских людей пало в борьбе с заклятым фашизмом. Но победа осталась за нами!

Первым грандиозным сражением Отечественной войны была битва под Москвой осенью 1941 года. На подступах к столице нашей Родины скопились немецко-фашистские полчища. Они были тогда сильны, прекрасно вооружены и неимоверно спесивы. Пройдя по полям и дорогам Европы, фашисты верили в свою непобедимость. Они хвастались на весь мир, что возьмут Москву в течение нескольких дней. А в это время в Кремле великий Сталин разрабатывал план разгрома врага под Москвой. Этот план, основанный на ясном и точном расчете, на умелом выборе направления главного удара и блестящей расстановке сил, был претворен в действие полководцами сталинской школы. Воинов-защитников столицы вдохновлял образ великого Сталина и пример его величайшего личного мужества. Навеки войдет в историю бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, своей железной стойкостью преградивших немецким танкам путь к Москве. Под Москвой был окончательно развеян миф о непобедимости немецко-фашистских войск, навсегда похоронены гитлеровские планы молниеносной войны.

Грандиозное, невиданное в истории сражение под Сталинградом, проведенное по гениальному замыслу и под непосредственным руководством товарища Сталина, вошло в историю Красной Армии как одна из славных ее страниц, как классический образец сталинского военного искусства. «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться». (И. Сталин).

Красная Армия, развивая успех сталинградской битвы, развернула зимнее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа.

Летом 1943 года немцы, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, попытались перейти в наступление на Курской дуге. Здесь они сосредоточили несколько тысяч танков, до десятка тысяч орудий, несколько тысяч самолетов, сотни отборных дивизий. Немцы проиграли и это сражение. Красная Армия разгромила основные наступающие группировки немцев. Затем наши войска перешли в мощное наступление на широком фронте и отбросили немецко-фашистские войска за Днепр. Это был год коренного перелома в ходе войны в нашу пользу. Гитлеровская Германия, по определению товарища Сталина, оказалась перед катастрофой.

В течение 1944 года Красная Армия развернула наступление на всем советско-германском фронте. Десять знаменитых сталинских ударов до основания потрясли гитлеровскую военную машину.

Сражение за Берлин явилось новым триумфом и венцом сталинской военной науки. Стремительное наступление Красной Армии на германскую столицу, осуществленное по сталинскому плану войсками одного из выдающихся сталинских полководцев маршала Жукова, закончилось разгромом и капитуляцией берлинской группировки немецких войск и завершило собой борьбу за окончательный разгром гитлеровской Германии.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией является результатом нерушимого морально-политического единства советского народа, сплоченного вокруг Коммунистической партии и товарища Сталина. В дни войны, как и в период мирного строительства, партия большевиков была вдохновителем и организатором борьбы советских людей в тылу и воинов Красной Армии на фронте. Партия и товарищ Сталин воспитывали советских воинов в духе беззаветной преданности Родине, в духе самой передовой, советской идеологии. Бойцы Красной Армии, вдохновляемые лозунгами большевистской партии и мудрым словом великого Сталина, шли в бой и побеждали врага. Имя родного Сталина, как боевой клич, звучало над полем боя, поднимало наступательный порыв войск, звало на героические подвиги.

Во время боев за освобождение Советской Литвы наши войска на одном из участков прорвали сильную немецкую оборону. Батальон занял первые траншеи, но был остановлен огнем

противника. Надо было продолжать продвижение, чтобы не дать противнику опомниться. И тут бойцы услышали голос Героя Советского Союза гвардии сержанта Аркадия Лобачева.

– Гвардейцы, за Родину, за Сталина – вперед!

Клич подхватил коммунист красноармеец Антонов. «За родного Сталина, вперед, товарищи, бейте немецких мерзавцев!» – воскликнул он и первым поднялся в атаку. Увлекаемый примером коммуниста, батальон обрушил на гитлеровцев всю силу своего огня. Бойцы пошли вперед и овладели укрепленными позициями противника.

За освобождение Родины плечом к плечу дрались воины всех национальностей Советского Союза. Отважные сыны литовского народа рука об руку с русскими и украинцами, с белорусами и казахами громили немецких оккупантов. Всей стране известны имена сынов и дочерей Советской Литвы – героев Отечественной войны. Среди них – депутат Верховного Совета СССР, кавалер ордена «Слава» трех степеней Дануте Станелене – бесстрашная пулеметчица, которая уничтожила сотни гитлеровских оккупантов. Славными подвигами отличились на фронте бойцы Карнаускас, Киршас, Генайтис и многие другие. Имя великого Сталина звало их на бой за освобождение родной земли.

Литовский народ, освобожденный от угрозы рабства и физического уничтожения, теперь в братской семье народов Советского Союза, под руководством партии Ленина-Сталина с небывалым подъемом взялся за выполнение сталинской пятилетки. В годовщину победы трудящиеся Советской Литвы шлют родной Красной Армии и великому вождю, учителю и другу народов товарищу Сталину свою глубочайшую благодарность за освобождение от немецко-фашистского ига. И солдаты Красной Армии говорят спасибо рабочим, крестьянам, интеллигенции за их героический труд во имя победы.

С именем Сталина на устах, под его гениальным руководством советский народ и Красная Армия добились всемирно-исторической победы в Великой Отечественной войне. Под водительством великого Сталина народы Советского Союза пойдут к новым победам в социалистическом строительстве, в укреплении мощи нашего государства, к полной победе коммунизма в нашей стране».

Подпись: Герой Советского Союза, гвардии генерал-полковник И. Гришин.

В июле 1946 года И. Т. Гришина назначили начальником управления боевой подготовки стрелковых войск всей страны. И. Х. Баграмян в аттестации дал высокую оценку его деятельности в Прибалтийском военном округе:

«С лета 1945 года на протяжении целого года тов. Гришин командовал войсками 6-й гвардейской армии. За этот период провел большую работу по реорганизации и расквартированию армии, по ее переходу на пути развития в мирных условиях.

Под его непосредственным руководством войска армии в весьма короткий срок организовано и своевременно построили капитальные лагеря барачного типа и создали весьма благоприятные условия для развертывания боевой и политической подготовки.

Тов. Гришин показал полную способность хорошо учить и воспитывать войска и штабы в условиях мирного времени на основе богатого опыта Отечественной войны».

В Москве Ивана Тихоновича ожидали неприятности. Его попытались скомпрометировать в связи с так называемым «трофейным делом». Об этом явлении имеется очень мало сведений в открытой печати, поэтому выскажем наши предположения на основе имеющихся скудных источников.

По неофициальным воспоминаниям участников Великой Отечественной войны, командующий войсками 1-го Белорусского фронта, бравшего Берлин, маршал Г. К. Жуков издал распоряжение, согласно которому демобилизованные воины, возвращавшиеся в разоренную страну, получали в установленном порядке долю трофейного имущества: рядовые и сержанты по мотоциклу, а офицеры – по легковой машине.

Иное дело – у высших офицеров. Здесь норма взятого трофейного имущества определялась степенью сознательности. И, как писал в своих «Записках из чемодана» заместитель министра МВД И. Серов, часть из генералов, «потеряли моральный облик, когда нахватили целые грузовики разного имущества не только себе, но и знакомым».

Как трудно было удержаться от алчности, рассказал на допросе начальник оперативного сектора НКВД-МВД в Берлине А. М. Сиднев:

«Как известно, частями Советской армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города

то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разного сорта материалы, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовое серебро и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и материалы различными личностями разворовывались».

Министр МГБ В. Н. Абакумов, по утверждению В. Серова, «по окончании войны дал команду своим подчиненным, чтобы почистить генералов, которые привезли с фронта трофеи».

Но у В. Н. Абакумова у самого было «рыльце в пушку». В письме к И. В. Сталину от 8 февраля 1948 года И. Серов утверждал, что в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом и «ретивые подхалимы Абакумова из «СМЕРШ» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью Абакумову».

Чекисты арестовали, как сообщает В. Серов, 70-80 генералов. Но, как следует из документов, В. Н. Абакумов превратил «трофейное дело» в средство сведения счетов и борьбы за власть. Для этого обвиняемым приписывали больше, чем на самом деле, взятых самовольно трофеев и враждебные настроения по отношению к советской власти и Сталину.

В письме в ЦК ВКП(б) А. А. Жданову 12 января 1948 года, озаглавленном «О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей», маршал Г. К. Жуков заявлял, в частности, «мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более четырех тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактическому состоянию».

«Я признаю, — писал Георгий Константинович, — серьезной ошибкой то, что много накопил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною за зарплату».

Маршал указывал, что в «награбленное трофейное имущество» чекисты записали подарки от различных организаций, серебряные ложки, ножи и вилки, врученные ему поляками в честь освобождения Варшавы, подарки дочери Жукова от дочери В. М. Молотова Светланы, сервизы, которые он купил за 9.200 марок каждой дочери и т.д.

Генерал-лейтенант В. В. Крюков, муж знаменитой исполнительницы русских песен Руслановой Л. А., из которого чекисты выбивали признания против Г. К. Жукова, обвиненный и в «присвоении трофейного имущества», также говорил:

«Да, виновен, но не такого количества, как это фигурирует в деле» и «которое мне приписали».

По его словам, имущество, описанное на квартире Л. А. Руслановой, являлось ее собственностью.

Похоже, кто-то решил воспользоваться этой «антитрофейной» кампанией и скомпрометировать И. Т. Гришина. Из имеющихся источников неясно, имело ли место анонимка или кто-то из Прибалтики прислал официальную бумагу в ЦК ВКП(б), но Ивана Тихоновича обвинили, первое, в том, что он, «будучи командующим армией в 1945 году, самостоятельно передал различным организациям на территории Латвийской ССР свыше 100 трофейных автомашин; в результате того, что передача имущества велась без наличия соответствующих нарядов, 54 автомашины до сих пор на баланс республики не приняты», и второе, «убывая в Москву, пользуясь своим положением, взял с собой без оплаты трофейное имущество: пианино, мотоцикл, мебель, ковры».

В этом обвинении не стыковалось то, что штаб 6-й гвардейской армии находился в Литве в городе Шяуляе, а автомашины передавались в Латышскую Республику. Поэтому, поскольку часть материалов по 6-й гвардейской армии до сих пор в ЦАМО засекречена, автор этих строк обратился с официальным запросом к работникам Архива и получил следующий ответ:

«Федеральное государственное казенное учреждение «Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации», 23 октября 2017 г.

Ваше обращение по вопросу выявления сведений об оказании помощи литовскому и латышскому народу в восстановлении народного хозяйства в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации рассмотрено.

Согласно Вашему запросу проверено дело № 523, опись 5113, фонд 335 (6-я гвардейская армия).

Были исследованы все листы дела № 523 «Приказы от соединений и частей 6-й гвардейской армии (19.11. — 28. 12. 1945 г.)».

В деле имеются два приказа командиров 116-й и 119-й гвардейской стрелковой дивизии о передаче автомашин Брянскому облисполкому и в г. Саратов.

Автомашины передавались в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров № 2474-665/сом от 28 сентября 1945 г. «Об оказании помощи совхозам и колхозам в своевременном вывозе хлеба на заготовительные пункты «Заготзерно» и во исполнение приказа войскам Прибалтийского военного округа № 063 от 01 октября 1945 года и приказа войскам 6-й гвардейской армии № 0127 от 02 октября 1945 г.

Сведений об оказании помощи войсками 6-й гвардейской армии литовскому и латышскому народу в восстановлении народного хозяйства в указанном Вами деле не имеется.

Начальник 1 отдела А. Тихонов».

В выписке из заседания партийной комиссии Главного политического управления от 11 февраля 1947 года не содержится сведений, проверялась ли вообще информация о передаче из 6-й гвардейской армии в 1945 году более 100 трофейных автомашин в Латышскую Республику. В Риге находился штаб Прибалтийского военного округа, и представляется неправдоподобным, чтобы такая операция прошла незамеченной и без санкции этой инстанции.

Что касается трофейного имущества, увезенного И. Т. Гришиным в Москву, то оно было скромным для генерала. Поэтому на заседании партийной комиссии при Главном Политическом Управлении Вооруженных сил СССР 11 февраля ограничились ритуальной беседой. Постановление комиссии гласило:

«Учитывая, что т. Гришин осознал свою вину, своим поступкам дал правильную оценку, излишнее трофейное имущество сдал, а часть оплатил, ограничиться указаниями, данными ему на заседании парткомиссии».

Эта неприятность не повлияла на служебные успехи И. Т. Гришина. В октябре 1947 года, до того, как В. Ф. Маргелов начал создавать стройную систему военно-воздушных войск, происходили учения по десантированию Сухопутных войск. Заместителем руководителя учения являлся Иван Тихонович, и ему министр Вооруженных сил Союза СССР маршал Н. А. Булганин объявил благодарность.

Но кому-то не хотелось так закрывать свою аферу. В личном деле Ивана Тихоновича имеется Приложение к справке Министерства вооруженных сил о генерал-полковнике Гришине от 24 ноября 1948 года. В нем капитан Стогов (вероятнее всего из

МГБ) собрал все возможные «улики» против заслуженного военачальника: помимо уже упомянутых, там присутствует информация, что его отец «в боях под Гродно в Первую империалистическую войну попал в плен к немцам, откуда возвратился в 1920/21 гг.», «отец жены при чистке партии в 1933 году был исключен из ВКП(б) за пассивность и систематическую пьянку», «брат жены в 1932–33 гг. был осужден за хулиганство на 3 года».

Однако это не подействовало на здравомыслящее командование Советской Армии. Как ни корпел капитан Стогов над своими «замечаниями», делу не был дан дальнейший ход.

И. Т. Гришин работал в Управлении Главного командующего Сухопутных войск вместе с генералами и офицерами, прошедшими, как и он, всю войну. Его непосредственным начальником, делившим с ним трудности и горести 1941 года, являлся генерал-полковник А. С. Жадов. Последний писал в своей книге «Четыре года войны»:

«Вместе со мной... плодотворно трудилась большая группа генералов и офицеров, за плечами которых был огромный боевой опыт, большие военные знания. Они обладали превосходными организаторскими способностями в обучении и воспитании войск, командных кадров и штабов. С большой теплотой вспоминаю совместную работу с генералами Г. К. Маландиным – первым начальником Генерального штаба Сухопутных войск и И. Т. Гришиным, возглавлявшим Главное Управление боевой подготовки».

Стоит заметить, что А. С. Жадов, как и в свое время И. В. Болдин, по-дружески понимал, что канцелярская работа не по душе Ивану Тихоновичу. С этой точки зрения интересна его аттестация своему подчиненному от 17 декабря 1947 года:

«Как начальник Управления свою работу знает. Задания по работе и проверку войск выполняет добросовестно и умело. Работа внутри Управления не на полном ходу. Разработка учебно-методических пособий и документов не на должном уровне. Тов. Гришин недостаточно вникает в это дело, с полной энергией не отдается работе, тяготеет службой начальника Управления, хочет уйти на командную работу. Лично дисциплинирован и добросовестен.

Вывод: 1. Занимаемой должности соответствует. 2. Для пользы службы целесообразно в следующем году послать на ВАК и

после чего назначить на должность командующим внутреннего округа».

Однако командующий Сухопутными войсками маршал И. С. Конев хотел сделать И. Т. Гришина своим заместителем по боевой учебе. 16 ноября 1949 года тогда генерал-полковник, а с 1961 года маршал Советского Союза, Ф.И. Голиков направил в ЦК ВКП(б) характеристику на И. Т. Гришина с целью назначения Ивана Тихоновича на должность заместителя Главного командующего Сухопутными войсками по боевой подготовке. В характеристике, в частности, говорилось:

«С июля 1946 года работает Начальником управления боевой подготовки Сухопутных войск. Как начальник управления свою работу знает. Задания по работе и проверке войск выполняет добросовестно и умело. С мая 1949 года по совместительству исполняет должность зам. командующего Сухопутными войсками по боевой подготовке.

Тов. Гришин имеет большой опыт в деле боевой подготовки войск и пользуется должным авторитетом у командования округов.

Главного командующий Сухопутными войсками Маршал Советского Союза тов. И. С. Конев ходатайствует о назначении генерал-полковника Гришина И. Т. зам. Главного командующего Сухопутными войсками по боевой подготовке».

Однако 26 марта 1950 года должность Главного командующего Сухопутными войсками была устранена с целью ликвидировать параллелизм в работе с Генеральным штабом и другими учреждениями центрального аппарата по руководству Сухопутными войсками.

Высшая аттестационная комиссия в составе Председателя маршала Соколовского В. Д. и членов Штеменко С. М. и Голикова Ф. И. 30 марта 1950 года нашла «соломоново» решение: она рекомендовала назначить Гришина И. Т. на должность начальника Главного управления боевой и физической подготовки Сухопутных войск. Видимо, комиссия поступила по примеру Военно-Воздушных Сил, где функции зам. Главного командующего ВВС выполнял начальник Главного управления боевой подготовки ВВС.

Это решение ВАК Военный министр маршал А. М. Василевский утвердил 22 июня 1950 года.

Боевая подготовка Сухопутных войск после нового назначения И. Т. Гришина получила отражение на страницах газеты «Красная Звезда» в связи с проходившей в Киеве летней спартакиадой Советской армии в июле-августе этого года. «Красная Звезда» в передовице под названием «К новым успехам, товарищи физкультурники» от 6 августа отмечала:

«На всероссийской спартакиаде появляются новые и новые имена, вчера еще неизвестные, а сегодня уже удостоенные звания чемпионов. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что физкультура в Советской армии становится подлинно массовой, что в результате упорной, систематической работы выдвигаются новые разносторонне подготовленные спортсмены, умелые, закаленные воины. Армейская молодежь занимается спортом не ради спорта, а использует его для достижения отличных успехов в совершенствовании военного мастерства, для укрепления боеспособности наших войск».

Еще одна интересная информация о боевой подготовке войск появилась в «Красной Звезде» от 21 февраля 1951 года. В передовице под заглавием «Творческую мысль новатора на службу боевой подготовки» содержался призыв:

«Как командиры, так и политорганы должны повседневно интересоваться деятельностью комиссий по изобретательству в частях и соединениях».

Это должно было повысить эффективность оснащения войск новыми образцами автоматического оружия, танков, артиллерии, средств войсковых ПВО.

К сожалению, дальнейшей работе И. Т. Гришина на благо Вооруженных сил Советского Союза помешала тяжёлая болезнь — язва желудка. 31 мая консилиум специалистов с участием главного терапевта Советской Армии генерал-майора, профессора С. А. Пospelова, главного хирурга Советской Армии генерал-лейтенанта медицинской службы, профессора Н. Н. Еланского и главного онколога Кремля профессора А. Д. Очкина пришел к выводу, что необходима операция. Иван Тихонович дважды не соглашался лечь на операционный стол. У нас нет документов, при каких обстоятельствах и кто делал операцию, которая оказалась неудачной и привела к смертельному исходу.

22 июня 1951 года в «Красной Звезде» появился некролог, в котором, в частности, говорилось:

«В лице генерал-полковника И. Т. Гришина Советская Армия потеряла видного военачальника, патриота социалистической Родины, верного сына партии Ленина-Сталина».

Под некрологом поставили подписи министр обороны маршал А. М. Василевский, маршал В. Д. Соколовский, маршал Г. К. Жуков, маршал С. М. Буденный, маршал К. Е. Ворошилов, маршал И. С. Конев, боевые соратники Ивана Тихоновича – И. Х. Баграмян, Г. Ф. Захаров, И. В. Болдин, А. С. Жадов, В. А. Сычев, С. И. Киносян, Д. М. Смирнов, П. И. Батов, А. В. Горбачев и другие.

Гроб с телом И. Т. Гришина установили в Краснознаменном зале Советской Армии, и доступ к нему был открыт с 6 часов дня до 10 часов вечера 22 июня и с 10 часов утра до 14. 00 23 июня.

Как сообщала газета «Красная Звезда», мимо гроба в скорбном молчании прошли офицеры и генералы Управления Военного Министерства Союза СССР, частей Московского гарнизона, личный состав Академии имени М. В. Фрунзе, Артиллерийской Академии имени Ф. Э. Дзержинского, солдаты, сержанты, старшины, рабочие и служащие московских предприятий и учреждений Москвы, многие из которых знали Ивана Тихоновича.

Последний почетный караул у гроба несли маршал В. Д. Соколовский, маршал С. М. Буденный, маршал Л. А. Говоров, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, генерал С. М. Штеменко, генерал-полковник начальник Главного политического управления А. С. Желтов, генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов и генерал А. В. Горбачев.

На Новодевичьем кладбище, где обрел свой покой И. Т. Гришин, перед погребением выступили начальник Главпура А. С. Желтов, от управления Военного Министерства Д. Ф. Алексеев, от имени боевых товарищей и соратников – Д. И. Смирнов. Он сказал:

«Нам, офицерам и генералам, хорошо знавшим Ивана Тихоновича в годы Великой Отечественной войны очень тяжело переживать его утрату. Генерал-полковник Гришин все свои силы, недюжинные организаторские способности, свой талант замечательного военачальника отдавал для победы над врагом. Генералы, офицеры и солдаты любили генерал-полковника Гришина за его чуткость, требовательность, решительность.

Прощай, наш дорогой боевой товарищ. Мы, твои друзья по фронту, сохраним память о тебе на долгие годы».

При жизни Иван Тихонович Гришин был награжден двумя орденами Ленина, званием Героя Советского Союза и медалью «Золотая звезда», пятью орденами Красного Знамени, орденом Красная Звезда, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, польским Крестом Грюнвальда II класса, медалями «XX лет РККА», «За Одер, Ниссу и Балтику», «За Кенигсберг», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «XXX лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы».

После его смерти именем военачальника, Героя Советского Союза генерал-полковника Гришина названы улицы в Москве, Могилёве и Рославле, а на его родине, в Рославле, на аллее Славы установлен бюст героя.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕМЬЕ И. Т. ГРИШИНА

Иван Тихонович Гришин имел четверых братьев. Два брата — Петр и Тимофей избрали военную карьеру. Павел стал учителем. Степан окончил Ленинградский институт советского строительства.

Во время учебы на Иваново-Вознесенских пехотных курсах в Орле Иван Гришин женился на девушке из рабочей семьи Вере Сырцовой. С тех пор она разделяла с мужем все перипетии его непростой жизни. Во время учебы Ивана Тихоновича в Военной академии имени М. В. Фрунзе даже участвовала вместе с ним в военно-спортивных состязаниях. В источниках академии зафиксированы ее достижения в лазании по канату, беге на 100 метров, плавании, метании гранаты, прыжкам в длину, стрельбе.

Во время Великой Отечественной войны Вера Глебовна выезжала к мужу на фронт.

В 1930-м году в семье родился сын Леонард, а в 1938 году - сын Анатолий.

Вера Глебовна умерла в 1980 году и похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с мужем. Там же нашел упокоение ее рано умерший сын Анатолий.

Сын Анатолия Ивановича Глеб работал в институте авиационных технологий (НИАТ) начальником научно-исследовательской лаборатории (НИЛ) - скоропостижно скончался в 2023 году.

Старший сын Ивана Тихоновича Леонард учился в Военно-воздушной академии имени Жуковского, но после неожиданной, и как ему казалось, подозрительной смерти отца оставил военную службу. Работал инженером в ракетно-космической отрасли.

Его сын и внук генерал-полковника Иван Леонарович Гришин посвятил свою жизнь творчеству в Комбинате монументально-декоративного искусства Художественного фонда СССР. После закрытия фонда в 1992 году поменял сферу деятельности и работал заместителем главного редактора газеты «Русский Вест-

ник» и директором одноименного издательства. Принимал активное участие в создании книги.

Его старший сын Марк — архитектор. Младший сын Тимофей занимается информационными технологиями, также участвовал в подготовке материалов и финансировании данного издания.

Источники

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)

Фонд 48, оп. 4, д. 208, ч. 1

Фонд 48, оп. 4, д. 782

Фонд 172, оп. 1, д. 1264

Фонд 172, оп. 1, д. 1271

Фонд 172, оп. 7, д. 172

Фонд 172, связка 20, № 237

Фонд 391, оп. 1, д. 4

Фонд Р– 653, оп. 6, д. 824

Фонд 757, оп. 1, д. 53

Фонд 757, связка 3, д. 49

Фонд 850, оп. 1, д. 192

Фонд 850, оп. 1, д. 215

Перепись 1811 года, августа

Ревизская сказка 1834 года

Ревизская сказка 1850 г.

Российский государственный исторический архив (РГИИ)

Фонд 577, оп. 37 – 1875, д. 2768

Фонд 577, оп. 37 – 1881, д. 2769

Российский государственный военный архив (РГВА)

Фонд 7, оп. 2, д. 480

Фонд 7, оп. 2, д. 488

Фонд 9, оп. 28, д. 134 (1)

Фонд 9, оп. 28, д. 134 (2)

Фонд 9, оп. 28с, д. 155(1)

Фонд 9, оп. 28с, д. 155(2)

Фонд 62, оп. 2, д. 88

Фонд 62, оп. 2, д. 99

Фонд 62, оп. 2, д. 670

Фонд 62, оп. 2, д. 723

Фонд 62, оп. 3, д. 145

Фонд 1260, оп. 2, д. 9

Фонд 1260, оп. 3, д. 273
Фонд 1260, оп. 2, д. 308
Фонд 1360, оп. 1, кор. 6081
Фонд 1417, оп. 1, д. 157
Фонд 1417, оп. 1, д. 279
Фонд 4382, оп. 16, д. 1-6
Фонд 24696, оп. 1, д. 25
Фонд 24696, оп. 1, д. 108
Фонд 24696, оп. 1, д. 113
Фонд 24696, оп. 1, д. 116
Фонд 24696, оп. 1, д. 247
Фонд 24696, оп. 1, д. 248
Фонд 24696, оп. 1, д. 254
Фонд 24696, оп. 1, д. 255
Фонд 24696, оп. 1, д. 258
Фонд 24696, оп. 1, д. 263
Фонд 24696, оп. 1, д. 269
Фонд 24696, оп. 1, д. 270
Фонд 24696, оп. 1, д. 273
Фонд 24696, оп. 1, д. 276
Фонд 24696, оп. 1, д. 278
Фонд 24696, оп. 1, д. 279
Фонд 24696, оп. 1, д. 280
Фонд 24696, оп. 1, д. 288
Фонд 25104, оп. 1, д. 89
Фонд 25104, оп. 1, д. 100
Фонд 25104, оп. 1, д. 102
Фонд 25104, оп. 1, д. 165
Фонд 25104, оп. 1, д. 166
Фонд 25104, оп. 1, д. 170
Фонд 25104, оп. 1, д. 177
Фонд 25169, оп. 1, д. 5а
Фонд 25169, оп. 1, д. 13
Фонд 25169, оп. 1, д. 20
Фонд 25169, оп. 1, д. 26а
Фонд 25874, оп. 1, д. 203
Фонд 25874, оп. 1, д. 204
Фонд 25874, оп. 2, д. 192
Фонд 25874, оп. 2, д. 197
Фонд 25883, оп. 1, д. 260
Фонд 25883, оп. 1, д. 261
Фонд 25883, оп. 1, д. 262

Фонд 25883, оп. 1, д. 266
Фонд 25896, оп. 9, д. 13
Фонд 31983, оп. 2, д. 517
Фонд 33168, оп. 1, д. 21
Фонд 33846, оп. 1, д. 3
Фонд 33987, оп. 3, д. 915
Фонд 33987а, оп. 3с, д.900
Фонд 34228, оп. 1, д. 1-2
Фонд 34228, оп. 1, д. 14
Фонд 34228, оп. 1, д. 24
Фонд 34228, оп. 1, д. 54
Фонд 34228, оп. 1, д. 61
Фонд 34228, оп. 1, д. 72,
Фонд 34228, оп. 1, д. 78
Фонд 34228, оп. 1, д. 84
Фонд 34228, оп. 1, д. 139
Фонд 34228, оп. 1, д. 146
Фонд 34228, оп. 1, д. 147
Фонд 34228, оп. 1, д. 151
Фонд 34228, оп. 1, д. 153
Фонд 34228, оп. 1, д. 160
Фонд 34228, оп. 1, д. 204
Фонд 34228, оп. 1, д. 206
Фонд 34228, оп. 1, д. 228
Фонд 34228, оп. 1, д. 245
Фонд 34228, оп. 1, д. 284
Фонд 34228, оп. 1, д. 285
Фонд 36866, оп. 1, д. 3
Фонд 36866, оп. 1, д. 4д
Фонд 36866, оп. 1, д. 5
Фонд 36866, оп. 1, д. 7
Фонд 36866, оп. 1, д. 9
Фонд 36866, оп. 1, д. 15
Фонд 37976 оп. 1, д. 6
Фонд 37976, оп. 2, д. 7
Фонд 37976, оп. 2, д. 9
Фонд 37976, оп. 2, д. 34
Фонд 37976, оп. 2, д. 55
Фонд 37976, оп. 2, д. 61
Фонд 37976, оп. 2, д. 78
Фонд 37976, оп. 2, д. 126
Фонд 37976, оп. 2, д. 138

Фонд 37976, оп. 2, д. 158

Фонд 37976, оп. 2, д. 158

Фонд 40668, оп. 1, д. 1

Фонд 40668, оп. 1, д. 3

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО)

Фонд 2, оп. 920266, д. 8

Фонд 46, оп. 2394, д. 224

Фонд 46, оп. 2394, д. 231

Фонд 46, оп. 2394, д. 232

Фонд 46, оп. 2394, д. 233

Фонд 46, оп. 2394, д. 234

Фонд 46, оп. 2394, д. 236

Фонд 46, оп. 2394, д. 237

Фонд 46, оп. 2394, д. 265

Фонд 46, оп. 2394, д. 291

Фонд 46, оп. 2394, д. 296

Фонд 46, оп. 2394, д. 325

Фонд 46, оп. 2394, д. 412

Фонд 46, оп. 2394, д. 443

Фонд 46, оп. 2394, д. 458

Фонд 46, оп. 2394, д. 474

Фонд 46, оп. 2394, д. 554

Фонд 46, оп. 2394, д. 561

Фонд 46, оп. 2394, д. 573

Фонд 46, оп. 2394, д. 608

Фонд 46, оп. 2394, д. 620

Фонд 46, оп. 2394, д. 627

Фонд 46, оп. 2394, д. 690

Фонд 46, оп. 2394, д. 755

Фонд 46, оп. 2394, д. 759

Фонд 46, оп. 2394, д. 798

Фонд 46, оп. 2394, д. 1067

Фонд 46, оп. 2394, д. 1069

Фонд 46, оп. 2394, д. 1123

Фонд 46, оп. 2394, д. 1138

Фонд 46, оп. 2394, д. 1188

Фонд 46, оп. 2394, д. 1193

Фонд 46, оп. 2394, д. 1197

Фонд 46, оп. 2394, д. 1205

Фонд 46, оп. 2394, д. 1218

Фонд 46, оп. 2394, д. 1327

Фонд 46, оп. 2394, д. 1369
Фонд 46, оп. 2394, д. 1370
Фонд 46, оп. 2394, д. 1372
Фонд 46, оп. 2394, д. 1373
Фонд 46, оп. 2394, д. 1408
Фонд 46, оп. 2394, д. 1424
Фонд 46, оп. 2394, д. 1609
Фонд 46, оп. 2394, д. 1623
Фонд 202, оп. 5, д. 17
Фонд 202, оп. 5, д. 40
Фонд 202, оп. 5, д. 51
Фонд 202, оп. 5, д. 65
Фонд 202, оп. 5, д. 81
Фонд 202, оп. 5, д. 83
Фонд 202, оп. 5, д. 84
Фонд 202, оп. 5, д. 186
Фонд 202, оп. 5, д. 190
Фонд 208, оп. 2511, д. 1076
Фонд 208, оп. 2511, д. 1079a
Фонд 208, оп. 2511, д. 1080
Фонд 208, оп. 2511, д. 1091
Фонд 208, оп. 2511, д. 1131
Фонд 208, оп. 2511, д. 1132
Фонд 208, оп. 2511, д. 1155
Фонд 208, оп. 2511, д. 1156
Фонд 208, оп. 2511, д. 1160
Фонд 208, оп. 2511, д. 1364
Фонд 208, оп. 2511, д. 1365
Фонд 208, оп. 2511, д. 1368
Фонд 208, оп. 2511, д. 1372
Фонд 208, оп. 2511, д. 1374
Фонд 208, оп. 2511, д. 1375
Фонд 208, оп. 2511, д. 1376
Фонд 208, оп. 2511, д. 1377
Фонд 208, оп. 2511, д. 1378
Фонд 208, оп. 2511, д. 1379
Фонд 208, оп. 2511, д. 1380
Фонд 208, оп. 2511, д. 2304
Фонд 208, оп. 2511, д. 2337
Фонд 208, оп. 2511, д. 2338
Фонд 208, оп. 2511, д. 2340
Фонд 208, оп. 2551, д. 2341

Фонд 208, оп. 2511, д. 2462
Фонд 208, оп. 2511, д. 2511
Фонд 208, оп. 2511, д. 2516
Фонд 208, оп. 2511, д. 2517
Фонд 208, оп. 2511, д. 2519
Фонд 208, оп. 2511, д. 2521
Фонд 208, оп. 2511, д. 2522
Фонд 208, оп. 2511, д. 2523
Фонд 208, оп. 2511, д. 2525
Фонд 208, оп. 2511, д. 2526
Фонд 208, оп. 2511, д. 2610, т. 5
Фонд 208, оп. 2511, д. 3038
Фонд 208, оп. 2511, д. 3047
Фонд 208, оп. 2511, д. 3065
Фонд 208, оп. 2511, д. 3090
Фонд 208, оп. 2511, д. 3095
Фонд 208, оп. 2511, д. 3103
Фонд 208, оп. 2511, д. 3105
Фонд 208, оп. 2511, д. 3106
Фонд 208, оп. 2511, д. 3109
Фонд 208, оп. 2511, д. 3138
Фонд 335, оп. 5113, д. 517
Фонд 335, оп. 5113, д. 521
Фонд 335, оп. 5113, д. 522
Фонд 335, оп. 5113, д. 536
Фонд 335, оп. 5113, д. 538
Фонд 335, оп. 5113, д. 552
Фонд 404, оп. 9711, д. 163
Фонд 404, оп. 9711, д. 166
Фонд 404, оп. 9711, д. 167
Фонд 404, оп. 9711, д. 170
Фонд 404, оп. 9711, д. 185
Фонд 404, оп. 9711, д. 186
Фонд 404, оп. 9711, 194
Фонд 404, оп. 9711, д. 208
Фонд 404, оп. 9711, д. 214
Фонд 404, оп. 9711, д. 241
Фонд 404, оп. 9711, д. 268
Фонд 404, оп. 9711, д. 278
Фонд 404, оп. 9711, д. 425
Фонд 404, оп. 9711, д. 438
Фонд 404, оп. 9711, д. 440

-
- Фонд 404, оп. 9711, д. 444
Фонд 404, оп. 9711, д. 452
Фонд 404, оп. 9711, д. 466
Фонд 404, оп. 9711, д. 467
Фонд 404, оп. 9711, д. 468
Фонд 404, оп. 9733, д. 92
Фонд 404, оп. 9733, д. 93
Фонд 404, оп. 9733, д. 129
Фонд 404, оп. 9733, д. 132
Фонд 404, оп. 9733, д. 171
Фонд 404, оп. 9733, д. 175
Фонд 404, оп. 9733, д. 176
Фонд 404, оп. 9733, д. 198
Фонд 404, оп. 9733, д. 200, кор. 8710
Фонд 404, оп. 9733, д. 201
Фонд 404, оп. 9733, д. 205
Фонд 404, оп. 9733, д. 206, кор. 8711
Фонд 404, оп. 9733, д. 207
Фонд 404, оп. 9734, д. 10, кор. 472
Фонд 404, оп. 9749, д. 3
Фонд 404, оп. 9749, д. 4
Фонд 404, оп. 9749, д. 7
Фонд 404, оп. 9749, д. 8
Фонд 405, оп. 9769, д. 29
Фонд 405, оп. 9769, д. 32
Фонд 405, оп. 9769, д. 38

Литература

- Адрес-календарь 1779 года, ч. 1
Антоновщина. Тамбовский губком РКП, 1923
Баграмян И. Х., Так мы шли к победе, М., 1972
Баграмян И. Х., Мои воспоминания, Ереван, 1979
Баранов А., Добрые семена. Книга для классного и внеклассного чтения в начальных училищах, ч. 1, выпуск 1, Спб, 1903
Батов П. И., В походах и боях, М., 1962
Бивор Энтони, Вторая Мировая война, М., 2016
Бирюзов С. С., Суровые годы, М., 1966
Фон Бокк, Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941-1945, М., 2006
Болдин И. В., Страницы жизни, М., 1961
Борисенко Н., 1941-й: пылающие рубежи Днепра и Сожа, Могилев, 2012
Бородинский В., Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке, М., 2011
В пламени сражений. Боевой путь 13 армии, М., 1973
Василевский А. М., Дело всей жизни, М., 2015
Васильев Борис, В окружении. Страшное лето 1941 года, М., 2008
Вахтеров В. П., Вахтерова Э. О, Мир в рассказах для детей, М., 1902
Вахтеров В. П., Основы новой педагогики, М., 1916
Вахтеров В. П., Предметный метод обучения, М., 1918
Великанов Н., Ворошилов, М., 2017
Великая Отечественная война 1941-1945. Документы и материалы, т. VIII, М., 2015
Великая Отечественная война. Книга 1. Суровые испытания, М., 1998
Великая Отечественная. Командармы. К 60-летию Победы. Военно-биографический словарь, М., 2005
Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия, М., 1985
Внутренний Устав внутренней службы РККА, М., 1925
Военные разведчики в операции «Багратион» (в документах и лицах), Минск, 2014
Ганин А. В., Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком, М., 2017

- Генерал армии А. С. Жадов, М., 2015
- Генштаб в годы войны. Документы и материалы, 1941, т. 23 (12-1), М., 1998
- Горбатов А. В., Годы и войны, М., 1965, второе издание, М., 2008
- ГУВУЗ. Советские военно-учебные заведения, М., 1920
- Гудериан Г., Воспоминания солдата, М., 1954
- Дайнес В. О., Маршал Конев, М., 2014
- Дирин П. П., История лейб-гвардии Семеновского полка, Спб., 1883
- Еременко А. И., На западном направлении, М., 1959
- Еременко А. И., В начале войны, М., 2006
- Ермоленко В., Военный дневник старшего сержанта, Белгород, 2000
- Жадов А. С., Четыре года войны, М., 2015
- Жуков Г. К., Воспоминания и размышления, М., 1970
- Зюбин М., Зюбин В., Армия генерала Гришина, М., 2009
- Иванов С. П., Штаб армейский, штаб фронтовой, М., 1990
- Илющечкин А., Мосягин М., Варшавское шоссе – любой ценой. Трагедия Зайцевой горы 1942-1943, М., 2014
- Иноземцев П. Н., Фронтовой дневник, М., 2005
- Исаев Алексей, Пять кругов ада. Красная армия в «котлах», М., 2017
- Исаковский М., Собрание сочинений, т. 3
- Калядин Т. Е., Восточно-Померанская операция, М., 1960
- Карпов В., Маршал Баграмян, М., 1977
- Киселев Валерий, Заплачено кровью, Нижний Новгород, 1999
- Клаузевиц, О войне, т. 1, М., 1937
- Коммунистам Красной Армии, Тамбов, 1921
- Королева Н. А., Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем, Смоленск, 1999
- Королева Н. А., Смоленское дворянство в фамилиях и родословных, Смоленск, 2007
- Красильников И., Неизвестный Центральный фронт, М., 2015
- Кто есть кто во Второй Мировой войне, М., 2000
- Лесин А., Была война. Книга-дневник, М., 1976
- Лопуховский Лев, Вяземская катастрофа, М., 2008
- Лубченков Ю. Н., 100 великих полководцев Второй Мировой войны, М., 2006
- Лубянка, Сталин и МГБ СССР: март 1946-май 1953. Документы, М., 2007
- Малашенко Е. И., Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны, М., 2010
- Михеенков С., Федюнинский, М., 2020
- Назаров О. Н., Генерал армии П. И. Батов, М., 1987
- Немирович-Данченко В., Скобелев, М., 1993

- Никулин Н. Н., Воспоминания о войне, Спб., 2008
- Оороков А. Д., Слово, ведущее в бой, М., 1980
- Орловский Ив. Ив., Краткая география Смоленской губернии, Смоленск, 1907
- Освобождение Белоруси, Минск, 2014
- Освобождение городов, М., 1985
- Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год, Смоленск, 1858
- Панков Ф. Д., Огненные рубежи. Боевой путь 50-й армии в Великую Отечественную войну, М., 1984
- Первая всеобщая перепись населения Смоленской губернии. Смоленская губерния, т. 40, Спб., 1904
- Петров Н., Первый председатель КГБ Иван Серов, М., 2005
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945-1953, М., 2002
- Португальский Р., Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок, М., 2007
- Пыльцев А., Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина, М., 2007
- XV лет Краснознаменной военной Академии РККА 1918 – 1933. Для служебного пользования, М., 1934
- Реформа Красной Армии. Документы и материалы 1923-31 гг, книга 1, М. – СПб, 2006
- Рожков А., В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 20-х годов, М., 2016
- Рокоссовский К. К., Солдатский долг, М., 1980
- Рокоссовский К. К., Воспоминания без цензуры, М., 2020
- Русский архив. Великая Отечественная война. Приказы Народного комиссара обороны, М., 1994
- Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941, т. 16 (5-1), М., Terra, 1996
- Русский архив. Великая Отечественная, 13, 2(2), М., Terra, 1997
- Самошкин В. В., Антоновское восстание, М., 2005
- Сандалов Л. М., «Пережитое», М., 1966
- Сандалов Л. М., На Московском направлении, М., 1970
- Сандалов Л. М., Первые дни войны, М., 1989
- Серов И., Записки из чемодана, М., 2016
- Сидоренко А. А., На Могилевском направлении, М., 1959
- Симонов К., Дневник писателя, Собрание сочинений, т. 8, М., 1982
- Славгородский Г. В., Фронтовой дневник, 1941-1945, М., 2017
- «Совершенно секретно». Только для командования, М., 1967

Степанов П. С., Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии в 1917-1920-х годах, Смоленск, 1920

Стрэчен Хью, Карл фон Клаузевиц, М., 2009

Твардовский А. Т., Собрание сочинений в 6 томах, т. 4, М. 1978

Твардовский И. Т., Родина и чужбина, Смоленск, 1996

Семен Константинович Тимошенко, Народный комиссар обороны, Герой и Маршал Советского Союза. Краткая биография, Воениздат НКО СССР, 1941

Тинченко Я., Голгофа русского офицерства в СССР 1930-31 годы, М., 2000

Толстой Л. Н., Война и мир, Собрание сочинений в 22-х томах, тт. IV-VII, М., 1979-1981

Третья армия. История. Люди. Подвиги, М., 1995

Фортунатов А. Ф., Сельскохозяйственная статистика Европейской России, М., 1893

М. В. Фрунзе о будущей войне, М., 1930

Фрунзевец-выпускник. XIII выпуск Военной Академии 1930-1933, М., 1933

Хаупт Вернер, Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера Вермахта, М., 2006

Хомуло М. Г., Полк к бою! М., 1980

Хроника освобождения Спас-Деменского района в августе 1943, М., 2014

Чичагов В. К., Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1969

Чтения в Обществе истории древностей российских, 1916, кн. 3

Школа боевой учебы. Народный комиссар обороны СССР, герой и маршал Советского Союза С. К. Тимошенко на тактических занятиях, М., Воениздат, 1940

Шпиленко Д. П., Материалы к родословию Смоленского дворянства, выпуск 3, М., 2014

Штеменко С. М., Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед, М., 2014

Энгельгардт А. Н., Из деревни. 12 писем 1872-1887, М., 1956

Anne Appelbaum, Red Famine Stalin's War on Ukraine, 2017

Croce Benedetto, La historia como hazana de la Libertad, Mexico, 1942

Kenneth Macksey, Guderian, Panzer General, Lnd, 1945

Montgomery B. L., A concise history of Warfare, Lnd., 1972

The Memoirs of field-marshal the wiscount Montgomery of Alemain, Clev.-N. Y. 1958